

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ТРАНСФОРМАЦИИ И ВЫЗОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ТРАНСФОРМАЦИИ
И ВЫЗОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

XXIV Международная научно-практическая конференция,
посвященная 30-летию Ассамблеи народа Казахстана
(20-21 октября 2025 г.)

КГУ «Дом дружбы – центр общественного согласия» управления
внутренней политики Восточно-Казахстанской области
Международный научно-исследовательский центр «DIGITAL SOCIAL
RESEARCH» Восточно-Казахстанского технического университета
имени Д. Серикбаева
Филиал Академии государственного управления
при Президенте РК по ВКО
Научно-экспертная группа Ассамблеи народа Казахстана ВКО
НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»
Алтайского государственного университета
Байкальский региональный центр развития кадрового потенциала
в области демографии Иркутского государственного университета
Кафедра всеобщей истории УНИЛ «Россия и Восток»
Алтайского государственного педагогического университета

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ТРАНСФОРМАЦИИ
И ВЫЗОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

XXIV Международная научно-практическая конференция,

посвященная 30-летию Ассамблеи народа Казахстана

20–21 октября 2025 г.

Сборник научных трудов

Усть-Каменогорск, 2025

УДК 314
ББК 60.7
Э 91

Адильбаева А.С.

Под редакцией:

Н.Л.Краснобаевой, А. Н. Алексеенко, Ж. С. Аубакировой

Э 91 Этнодемографические процессы в Евразийском пространстве: трансформации и вызовы устойчивого развития. Сб. науч. трудов XXIV Междунар. науч.- практ. конф., 20–21 октября 2025 г., Усть-Каменогорск. – Усть-Каменогорск, 2025. –564 с.

ISBN: 978-601-7887-47-6

В настоящем сборнике опубликованы научные статьи, включенные в программу XXIV Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Евразийском пространстве: трансформации и вызовы устойчивого развития». Представленные материалы отражают актуальные дискуссионные проблемы демографических, этнических, исторических процессов в длительной ретроспективе, затрагивают вопросы географии населения.

Авторы анализируют различные аспекты численности и территориального расселения населения, трансформацию репродуктивных и миграционных установок, а также выявляют и интерпретируют ключевые социально-демографические риски в контексте устойчивого развития.

Издание адресовано специалистам уполномоченных государственных органов, представителям общественных организаций, научно-педагогическому сообществу, а также широкому кругу исследователей и читателей, заинтересованных в проблематике этнодемографического развития.

ISBN: 978-601-7887-47-6

УДК 314
ББК 60.7

© **Краснобаева Н. Л., Алексеенко А. Н.,
Аубакирова Ж. С.**
©Издательство, 2025

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА И ЕГО ОБЛАСТЕЙ (1989-НАЧАЛО 2025 гг.)

Аннотация

В статье изучаются отличительные характеристики, свойственные областям Республики Казахстан в отношении этнической структуры населения в период независимости. По данным последней советской переписи в Казахстане имела серьезная дифференциация представительства этносов в составе населения областей. Между областями имелись существенные различия, в одних преобладало казахское население, в других – русское. Такое же положение сохранялось и в год провозглашения независимости РК. Затем, в результате масштабных волн эмиграции, в которых участвовали, прежде всего, русские, украинцы, белорусы, немцы и другие европейские этносы, ситуация стала меняться. Иммиграционная политика Казахстана, направленная на возвращение на историческую родину этнических казахов, также серьезно повлияла на рост численности казахов в стране и на изменение этнической структуры населения в целом.

В 2024 году в целом по стране национальный состав населения показывает тенденцию движения к моноэтничности, доля казахов превысила 70 %, удельный вес русских снизился до менее чем 15 %, только пять этносов занимают более 1 % в общей численности страны. Особенно ярко проявилась тенденция роста численности и удельного веса казахов среди горожан.

Между тем, в областях Казахстана, число которых на сегодняшний день составляет семнадцать, по-прежнему имеются серьезные различия в этноструктуре населения, сохраняется деление на регионы с преобладанием казахов, высокой долей тюркских этносов и территорий, где имеется большой процент

русского и славянского населения. Исследованию региональных различий в этнической структуре населения страны и посвящена эта статья.

Ключевые слова: Республика Казахстан, этническая структура, этнос, моноэтничность, этноконтактные зоны, население, городское население.

Abstract

This article examines the distinctive characteristics of the regions of the Republic of Kazakhstan in relation to the ethnic composition of the population during the period of independence. According to the last Soviet census, Kazakhstan exhibited significant differences in the ethnic composition of its populations within its regions. The country was considered multiethnic, with two main ethnic groups predominating—Kazakhs and Russians. Even in 1989, the number of Russians slightly exceeded that of Kazakhs, both in absolute numbers and as a percentage. However, there were significant differences between the regions; in some, the population was completely Kazakh, while in others, it was Russian. This situation persisted until the year of Kazakhstan's declaration of independence. Subsequently, as a result of large waves of emigration, primarily involving Russians, Ukrainians, Belarusians, Germans, and other European ethnic groups, the situation began to change. Kazakhstan's immigration policy, aimed at repatriating ethnic Kazakhs to their historical homeland, has also significantly impacted the growth of the Kazakh population in the country and the overall ethnic structure of the population.

In 2024, the national population showed a trend toward monoethnicity. Kazakhs accounted for over 70% of the population, while the proportion of Russians had dropped to less than 15%. Only five ethnic groups accounted for more than 1% of the country's total population. The trend toward an increase in the number and proportion of Kazakhs among urban residents was particularly pronounced.

Meanwhile, significant differences in the ethnic structure of the population persist in Kazakhstan's 17 regions, which are currently divided into regions with a predominance of Kazakhs, a high proportion of Turkic ethnic groups, and areas with a large Russian and Slavic population. This article examines regional differences in the ethnic structure of the country's population.

Keywords: Republic of Kazakhstan, ethnic structure, ethnic group, monoethnicity, ethnocontact zones, population, urban population.

Республика Казахстан сегодня является государством, занимающим 9-ю по размеру площадь в мире и обладающую малочисленным населением, неравномерно распределенным по территории. За годы независимости административно-территориальное устройство РК подвергалось неоднократному реформированию. Области то ликвидировались и объединялись, то вновь образовывались. На 01.01.2025 года в Казахстане имелось 17 областей, 90 городов, три из которых имеют республиканский статус – Астана, Алматы и Шымкент.

Существует значительная дифференциация по численности населения в различных областях. Наиболее многонаселенными являются Туркестанская и Алматинская области, к менее населенным относится Северо-Казахстанская и Костанайская области.

Этнический состав населения Казахстана согласно последней советской переписи 1989 года, данные которой вполне коррелируются с 1991 г., был представлен 130 национальностями, среди 10 крупнейших – казахи, русские, украинцы, немцы, белорусы, немцы, узбеки, уйгуры, татары и корейцы.

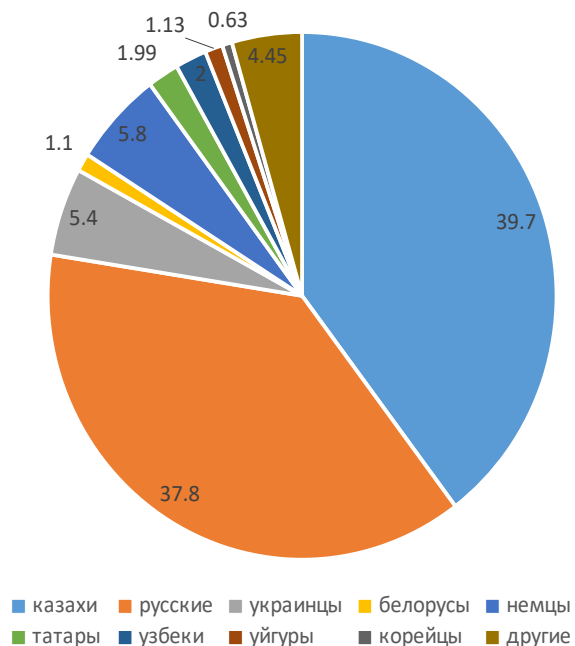

Рисунок 1 – Этническая структура населения Казахстана по переписи 1989 года в % [1].

Удельный вес русских в 1991 году составлял 37,8% и лишь немного уступал казахам, доля которых достигла 39,7%. Третье место принадлежало немцам – 5,8%, на четвертом находились украинцы – 5,4%, на пятом узбеки – 2,0%. Следом расположились уйгуры, белорусы, татары, корейцы. Совокупная доля казахов и русских достигала 77,5%, а все вместе 10 крупнейших этносов составляла 95,55% от общей численности населения Казахстана.

На долю всех остальных 120 этносов приходилось всего 4,45%. Другими этносами, численность которых превышала 30 тысяч, являлись азербайджанцы (90083 чел.), поляки (59956 чел.), турки (49567 чел.), чеченцы (49507 чел.), греки (46746 чел.), башкиры (41847 чел.), молдаване (33098 чел.), дунгане

(30165 чел.), мордва (30036 чел.).

Столь значительное преобладание казахов и русских дало повод некоторым исследователям говорить о биполярной структуре населения Казахстана. Р.К. Кадыржанов считает, что «Под биполярным в этнодемографическом смысле понимается полиэтничное общество, в структуре которого выделяются две этнические группы, преобладающие по численности над другими этносами страны, при этом близкие между собой по численности и в совокупности, составляющие подавляющее большинство населения страны» [2].

С этим утверждением можно было бы согласиться, но, поскольку на долю всех 128 этносов приходилось 22,5%, то, согласно международным критериям, казахстанское общество в начале независимости скорее можно отнести к полиэтничному с доминированием двух ведущих этносов.

На протяжении 30 с лишним лет происходило постепенное изменение этнической структуры населения страны. Росла численность и удельный вес казахов, сокращалась численность русских, украинцев, немцев, белорусов, поляков, татар. Зато увеличивалось количество тюркских этносов – азербайджанцев, турков, уйгуров. Узбеки вообще стали третьим по численности этносом в Казахстане. Полиэтническая структура населения страны показывала растущую тенденцию к моноэтничности, с постоянно растущим тюркским компонентом.

На начало 2025 года данные по численности этносов даны лишь по 72 национальностям. Наиболее многочисленными среди них являются казахи, второе место сохранили русские, на третье переместились узбеки, за ними следуют украинцы, немцы, уйгуры, татары, азербайджанцы и корейцы. В стране имеется девять крупных этносов. По сравнению с 1989 годом произошло сокращение на один этнос, белорусы резко сократили свою долю в составе населения РК.

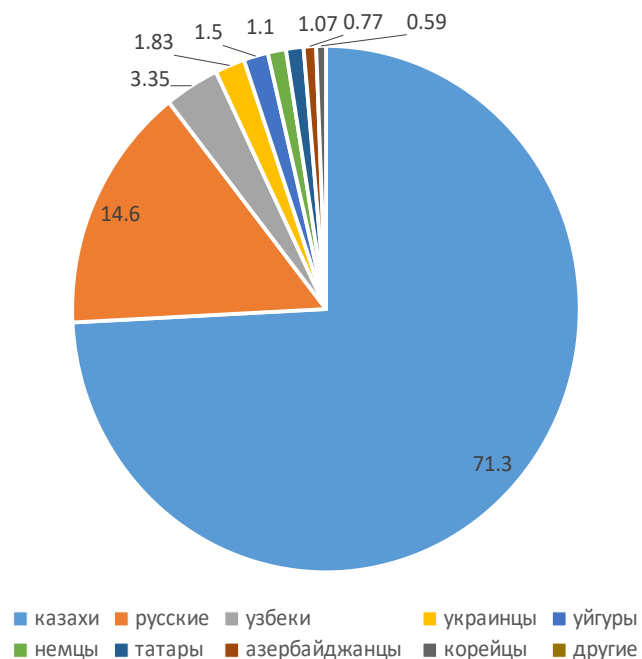

Рисунок 2 – Этническая структура населения Казахстана на начало 2025 года в % [3].

По сравнению с 1991 годом доля казахов увеличилась в 1.8 раза, достигнув численности в 14,5 млн. чел. Удельный вес русских снизился в 2,6 раза – с 37,8 % до 14,6 %. В настоящее время их численность в 4,9 раза меньше количества казахов – 2,96 млн. против 14,5 млн. Немцы уступили третью позицию узбекам, их удельный вес сократился с 5,8 % до 1,1 %. Это наибольшие показатели падения доли этноса в общем составе населения. Узбеки увеличили свой удельный вес с 2,00 % до 3,35 %. Снизилась и доля украинцев, которых стало меньше в 2,9 раза. Произошло также уменьшение доли татар и корейцев. Азербайджанцы вошли в число 9 крупнейших этносов Казахстана, увеличив свою численность более чем на 65 тыс.

человек.

Доля других этносов упала до 3 с небольшим процентов, при утрате многих национальностей, которые теперь не учитываются статистикой.

Утверждение Р.К.Кадыржанова о биполярной структуре населения Казахстана утратило свою актуальность, поскольку сегодня абсолютно доминируют казахи, чья доля почти приблизилась к совокупному удельному весу русских и казахов, зафиксированных в переписи 1989 года. Вполне уместно говорить о движении к моноэтнической структуре населения страны, которая будет расти с каждым годом. При этом прогнозируется продолжение уменьшения численности русских и других европейских этносов, сопровождающемся увеличением количества тюркоязычного населения.

Тренд на моноэтничность проявляется и в росте численности казахов среди городского населения. В советский период Казахстан заметно отставал по уровню урбанизации, даже в 1989 году эта разница была серьезной. С.А. Панарин говорит об отставании «от РСФСР, прибалтийских и западных республик (кроме Молдавии), находился примерно на том же уровне, что и Закавказье в целом, и заметно опережал среднеазиатские республики» [4]. При общем уровне урбанизации в стране в 57,2 %, среди городского населения казахов насчитывалось лишь 26 %. Наибольшими показателями в составе горожан обладали русские, татары и корейцы. Спустя 36 лет, в 2025 году этническая структура городского населения изменилась полностью.

Уровень урбанизации на начало 2025 года составил в РК почти 63 %, показав рост по сравнению с 1989 г. на 5,7 пунктов. Рост небольшой, но, тем не менее, когда в 1990-х годах начались дискуссии о том, что в стране идет дезурбанизация, вполне ощутимый.

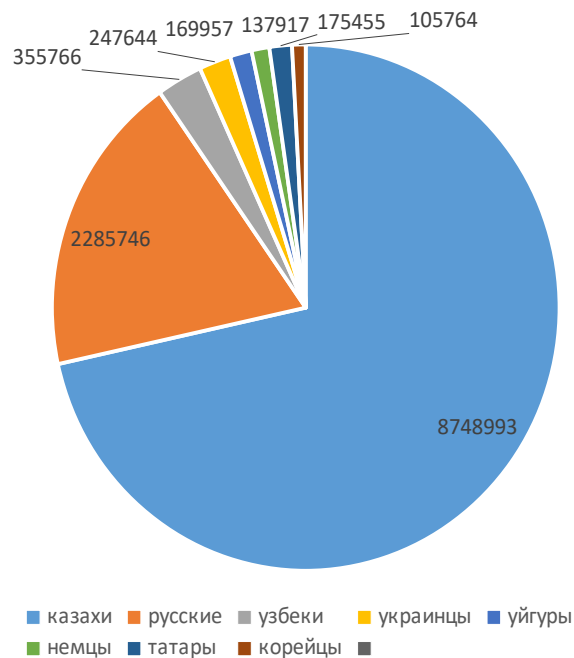

Рисунок 3 – Этнический состав городского населения Казахстана на начало 2025 года (чел.) [5].

Особо впечатляющим выглядит рост численности казахов до 8 748 993 чел., что составляет 66,5% по отношению ко всем горожанам. Если сравнить с 1989 г., то количество городских казахов выросло в 2,6 раза. Однако, в процентном отношении ко всему казахскому населению, их доля составляет 60,5%.

По структуре города Казахстана остаются многоэтническими, их население состоит не только из представителей коренного этноса, но и значительного числа русских, украинцев, немцев, татар, узбеков, уйгуров, корейцев и многих других. При этом русские в большинстве своем являются горожанами – 77,1% из всех русских проживающих в республике. Среди городского населения страны русские составляют 17,9%.

На третьем месте в этнической структуре городов Казахстана находятся узбеки, их численность составляет 355 766 чел. (2,8 %). Удельный вес горожан среди узбеков составляет 52,4 %.

Самым высоким уровнем урбанизации обладают корейцы – 87,6 % и татары – 80,1 %. При этом их доля среди горожан составляет всего 0,82 % и 1,37 %.

Этническая структура городского населения также тяготеет к моноэтничности, казахи все больше укрепляют свои позиции, русско-казахская дуальность демонстрирует уход в прошлое. Уровень урбанизации среди казахского населения превосходит общий показатель по стране.

Региональная этническая структура на протяжении всего XX века отличалась большим разнообразием. Существовали области, в которых доминировали как казахи (юг и запад), так и русские (север и восток).

Так, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 года во всех областях Казахстана численным преимуществом обладали казахи, русские и узбеки. Русские доминировали в Восточно-Казахстанской (64,9 %), Северо-Казахстанской (64,9 %), Карагандинской (61,9 %) областях. В Костанайской области удельный вес русских составлял 45,2 % населения, в Павлодарской – 42,4 %. Даже на юге – Южно-Казахстанской и Алматинской областях доля казахов была ниже 50 % населения. Другим отличием в этническом составе являлось присутствие значительного количества украинцев в Кустанайской области, узбеков в Южно-Казахстанской и уйгуров в Алматинской областях.

С обретением независимости ситуация начала меняться. Динамика изменения этнической структуры Акмолинской области в 1989, 1999, 2009, 2021 годах:

- Казахи – 25,7 %, 39,40 %, 47,33 %, 51,36 %.
- Русские – 43,16 %, 29,4 %, 35,8 %, 32,86 %.
- Немцы – 13,06 %, 6,26 %, 3,54 %, 3,52 %.

Украинцы – 8,57 %, 7,44 %, 5,2 %, 4,31 %.
Татары – 2,1 %, 2,07 %, 1,87 %, 1,78 %.
Белорусы – 2,66 %, 2,3 %, 1,62 %, 1,33 %.
Поляки – 1,32 %, 1,36 %, 1,12 %, 1,05 %.

В области присутствует 7 этносов, доля которых в составе населения превышает 1%. В период с 1989 по 2021 годы только казахи показали прирост, их доля в 2021 году составила 51,36%. Русские, которые в 1989 году составляли 43,16 %, снизили свой удельный вес до 32,86%. Наибольшему сокращению подверглись немцы, доля которых упала с 13,06% до 3,52%, то есть в 3,7 раза.

Можно говорить о том, что казахи вновь стали большинством в Акмолинской области, увеличив свое присутствие почти в два раза.

В Восточно-Казахстанской области в 1989 году русские численно и в долевым выражении преобладали над казахами. Положение серьезно изменилось, в последующие годы казахское население стало доминировать.

Изменение этнического состава ВКО происходило следующим образом:

1989 год

Казахи – 38,92 %,
Русские – 51,74 %,
Немцы – 3,79 %,
Украинцы – 2,02 %,
Татары – 1,58 %.

1999 год

Казахи – 48,54 %,
Русские – 45,38 %,
Немцы – 2,10 %,
Украинцы – 1,04 %,
Татары – 1,60 %.

2009 год

Казахи – 55,97 %,

Русские – 40,18 %,
Немцы – 1,0 %,
Украинцы – 0,51 %,
Татары – 1,27 %.

2021 год

Казахи – 60,56%,
Русские – 36,02 %,
Немцы – 0,93 %,
Украинцы – 0,28 %,
Татары – 1,18 %.

Доля казахов в Восточно-Казахстанской области в период с 1989 по 2021 год выросла с 38,92 % до 60,56 % - почти в 1,6 раза.

Удельный вес русских сократился за это же время с 51,74 % до 36,92 % - в 1,4 раза.

Украинцы и немцы вышли из числа этносов, чье количество в области превышает 1%. Основное население ВКО в 2021 году было представлено казахами, русскими и татарами.

Карагандинская область считалась одной из областей, в которых концентрировалось русское и славянское население. Динамика изменения этнической структуры области по данным 1989, 1999, 2009 и 2021 гг. представлена дальше.

Казахи – 25,77 %, 37,55 %, 46,38 %, 51,8 %.
Русские – 46,86 %, 43,57 %, 39,5 %, 35,47 %.
Немцы – 9,12 %, 4,06 %, 2,44 %, 2,23 %.
Украинцы – 7,36 %, 5,58 %, 3,72 %, 2,91 %.
Татары – 3,02 %, 2,79 %, 2,44 %, 2,23 %.
Белорусы – 2,05 %, 1,53 %, 1,0 %, 0,78 %.
Корейцы – 0,84 %, 1,0 %, 1,0 %, 0,95 %.

В Карагандинской области из года в год казахское население увеличивало свою численность и удельный вес, который в 2021 году достиг 51,8 %. Рост в почти в два раза.

Русские, которые доминировали в период 1989-1999 гг., к 2021 г. снизили свою долю до 35,47 %, что на 11,41 % меньше,

чем в 1989 году.

Серьезно сократилась доля немцев, украинцев и белорусов. В меньшей степени снижение удельного веса коснулось татар. Корейцы, нарастив в 2009 г. свою долю до 1,0%, в 2021 немного сдали позиции до 0,95%.

Мангышлакская (ныне Мангистауская) область отличалась своим менее разнообразным национальным составом, в ней основной контингент жителей составляют казахи, русские и азербайджанцы. Более 3% составляли лезгины, украинцы, свыше 1% приходилось на долю татар и чеченцев. Эта область всегда считалась более казахской, нежели остальные в регионе Западного Казахстана. В 1989 г. доля казахов составляла менее половины – 49,65%, но тем более впечатляющими стали темпы роста казахского населения. В 2021 году оно составило 90,99%, регион превратился практически в моноэтнический. Удельный вес русских снизился почти в 6 раз, с 32,13% до 5,4%.

Удельный вес азербайджанцев упал до 0,90%, лезгин – до 0,30%, украинцев – до 0,27%, татар – до 0,24%, чеченцев – до 0,10%.

Самой многочисленной и разнообразной по этнической структуре является Южно-Казахстанская (с 2018 года Туркестанская) область, в которой присутствуют как тюркские и азиатские, так и славянские, и европейские этносы. Несмотря на то, что в области всегда большинством являлись казахи, тем не менее, в 1989 году их доля составляла немногим больше половины населения – 55,8%. В 1999 г. она выросла до 67,8%, в 2009 – до 72,3%, в 2021 г. – до 76,02%.

Второй по численности этнической группой в области были узбеки, которые нарастили свой удельный вес с 15,63% в 1989 г. до 16,97% в 2021 году.

На третьем месте находятся русские, доля которых в 1989 г. составляла 15,27%, а в 2021 г. она снизилась в 8,5 раза, составив всего 1,79%.

В 2021 г. место русских заняли таджики, удельный вес кото-

рых равен 1,86%.

Произошло значительное снижение всех этносов в регионе, доля которых сегодня составляет менее 1%, а некоторых, таких, как украинцы упала до 0,05%.

Е.Д. Николаева и И.А. Иванов, применив индекс этнической мозаичности (ИЭМ) пришли к выводу о том, что большинство областей Казахстана в конце советского периода относились к зонам наибольшей полиэтничности.

Российские авторы, сравнивая степень выраженности этноконтактных зон в Центральной Азии пришли к выводу, что «В начале третьего десятилетия XXI века в Центральной Азии сохранились только четыре региона с ИЭМ свыше 0,6, то есть наиболее полиэтничных. Три из них находятся на севере Казахстана» [6]. В настоящее время к таким зонам можно отнести только одну область – Северо-Казахстанскую.

В 2025 году этническая структура населения областей Казахстана показывает почти повсеместное доминирование казахского этноса (таблица 1).

Анализ различий в этнической структуре населения областей Казахстана позволяет выделить несколько групп, в которых высокий процент казахского населения, средний и низкий. В первую группу можно включить области, в которых население можно считать практически моноэтническим. В них доля казахов превышает 85%. К ним относятся области: Кызылординская (96,3%), Атырауская (93%), Мангистауская (91,5%), Актюбинская (85,7%). Астана немного не дотянула до установленного нами порога, удельный вес казахов в столице составляет 82,3%.

Таблица 1 – Этническая структура населения Казахстана на 2025 год [6].

Области	Этносы										
	казахи	русские	украинцы	Немцы	татары	узбеки	уйгуры	корейцы	азербайджанцы		
Абайская	477216	94652	3093	8307	11004	721	1101	530	526		
Акмолинская	446901	207130	38833	29754	13533	1852	375	1607	2327		
Актюбинская	813582	68155	30998	7018	9934	1629	244	1566	1578		
Алматинская	1143548	149412	7545	9772	8311	5915	121551	7496	32150		
Атырауская	661088	29870	1660	764	3234	1559	184	3772	873		
Восточно-Казахстанская	368952	320177	5616	10023	6137	966	518	941	1354		
Жамбылская	912779	86060	9202	6893	9401	30205	3894	9395	18775		
Жетысуская	529726	81310	2978	4800	6845	1380	44849	9317	1841		
Западно-Казахстанская	548542	109651	12780	1672	9361	907	148	1011	1962		
Карагандинская	601136	352670	44063	34912	27148	3058	807	11474	4395		
Костанайская	367908	276676	84394	30346	14167	1645	271	4078	4215		
Кызылординская	814475	12246	845	323	2063	2275	276	7943	408		
Мангистауская	736687	31249	3087	508	2511	3168	308	1128	6293		
Павлодарская	427170	217392	309466	23591	14111	1751	-	-	2327		
Северо-Казахстанская	197131	231804	28035	21581	11520	1000	186	526	1864		
Туркестанская	1612403	28697	3312	1984	8556	396678	3123	2728	23429		
Улытауская	170143	30512	6229	2683	2582	1098	84	1024	837		
Астана	1258208	131620	21516	13474	15696	9477	2469	8737	5007		
Алматы	1471793	429898	21184	12775	31435	14684	122390	39211	22002		
Шымкент	897721	74757	7071	2092	11377	198512	2602	7148	23201		
Всего	14456709	2963938	371807	223272	218926	678487	305648	120686	155364		

Средний уровень с показателем выше 51%. Среди них Абайская область, в которой доля казахов составляет 79,2 %, в Западно-Казахстанской области этот показатель равен 78,8 %, в Улытауской – 76,9 %, в Жетысуской – 76,3 %, в Туркестанской – 74,9 %, в Жамбылской – 74,7%, в Алматинской - 73,3%, в Павлодарской – 56,9%, в Акмолинской – 56,8%, в Карагандинской -53%, в Восточно-Казахстанской - 51 %. В Шымкенте казахское население составляет 71,5%, в Алматы - 64,2%.

Низкий уровень – меньше 50 %. Казахи в Костанайской области составляют 44,6%, в Северо-Казахстанской – 37,8 %.

Атырауская, Актюбинская, Мангистауская области на начало 2025 года относятся к моноэтническим. Доля русского, украинского, немецкого и иного европейского населения невелика. Самой моноэтнической является Кызылординская область, в которой казахи составляют 96,3 %. На долю других приходится всего 3,7%. Русских в области 12246, а корейцев 7943 человек.

Казахское население концентрируется и преобладает на западе и юго-западе Казахстана.

11 областей относятся к группе со средней долей казахов в составе населения. Наименьший показатель в Восточно-Казахстанской области – 51%, наивысший в Абайской – 79,2%. Среди этих областей имеются расположенные как на востоке, центре, севере и конечно на юге Казахстана.

При этом в Туркестанской области второе место по численности занимают узбеки, которых почти в 14 раз больше, чем русских.

Только две области – Северо-Казахстанская и Костанайская относятся к группе, в которых низкая доля казахов. В СКО численность русских превышает количество казахов на 34703 человека, а их доля составляет 44,4%.

В Костанайской области число казахов превышает численность русских, но за счет высокого количества украинцев и немцев доля казахов меньше. Удельный вес русских составляет всего 33,5%, что ниже доли казахов более чем на 10%.

В связи с этим обстоятельством Костанайскую область нельзя отнести к области с доминированием русского населения.

Среди городов республиканского значения Астана обладает самым высоким процентом коренного населения. В Алматы второе место по численности занимают русские – 429898 чел., на третье вышли уйгуры – 122390 человек.

В Шымкенте второе место по численности занимают узбеки, их в городе насчитывается 198 519 чел. На третьем месте с большим отставанием расположились русские.

Области в Казахстане остаются в большинстве полиэтничными, но каждая из них обладает своеобразием в национальном составе. Северные, восточные, центральные области увеличивают долю казахского населения, которое становится преобладающим. Западные области фактически стали моноэтническими, доля других этносов в их составе становится все меньше. Южные области развивают свой восточный колорит, их портрет все больше обретает тюркское лицо.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав по республикам СССР. Казахская ССР. / Рабочий архив Госкомстата России. Таблица 9 с. Распределение населения по национальности и родному языку.
2. Кадыржанов Р.К. Концепция коренного народа в советском и постсоветском национальном строительстве. // Этносоциальные процессы в Республике Казахстан. Сб. науч. труд. Алматы. 2022. Ч.3. 252 с. С.145.
3. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2025 года. 18 серия. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.
4. Панарин С. А. Казахстан: города и урбанизация в межпереписной период (1989–1999) // Вестник Евразии. 2005. №3.

С.69.

5. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2025 года. 18 серия. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан
6. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2025 года. 18 серия. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан
7. Николаева Е.Д., Иванов И.А. Региональные различия в динамике этнической структуры населения стран Центральной Азии в постсоветский период. <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-struktura-naseleniya-yuzhnogo-kazahstana-v-1991-2020-gg>
8. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2025 года. 18 серия. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

Альжанова А.К.

ВЛАСТЬ И ГЕНДЕР: ПОЧЕМУ ДЕМОГРАФИЯ ПАРЛАМЕНТА ЯВЛЯЕТСЯ ЗНАЧИМЫМ ЭЛЕМЕНТОМ АНАЛИЗА УСТОЙЧИВОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Аннотация

Статья представляет собой аналитическое исследование взаимосвязи гендерного состава законодательных органов, демографической структуры парламента и устойчивости политических институтов. В работе аргументируется, что степень представленности женщин и молодых групп населения во власти является индикатором не только социального развития, но

и институциональной зрелости государства. Особое внимание уделяется снижению женского представительства в парламенте Казахстана после выборов 2023 года, что рассматривается как фактор, оказывающий системное влияние на качество публичной политики и международные позиции страны, включая показатели Глобального индекса гендерного разрыва. В статье анализируются структурные ограничения, присущие ресурсозависимым экономикам, усиливающие гендерное неравенство и препятствующие реализации женского человеческого капитала. Демографические процессы — «молодежный бугор», внутренняя миграция и растущие социальные ожидания молодых групп — интерпретируются как возможные драйверы развития и потенциальные источники социальной напряженности. На основе анализа событий января 2022 года выявляется связь между демографическим давлением, ограниченной экономической мобильностью и снижением доверия к институтам. Сделан вывод о необходимости интеграции политической демографии и гендерного анализа в стратегическое планирование государства для повышения устойчивости и качества управления.

Ключевые слова: гендер, демография, политическая демография, парламент, публичная политика, устойчивость институтов, человеческий капитал, миграция.

Abstract

The article provides an analytical examination of the relationship between the gender composition of legislative bodies, the demographic structure of parliament, and the resilience of political institutions. The study argues that the representation of women and younger population groups in political decision-making is not merely a social indicator but a structural determinant of institutional maturity. Particular attention is given to the decline in women's representation in Kazakhstan's parliament following the 2023 elections, which is interpreted as a factor shaping the quality of

public policy and the country's standing in international indices, including the Global Gender Gap Index. The article explores structural constraints characteristic of resource-based economies that reinforce gender inequality and impede the realization of women's human capital. Demographic processes—such as the youth bulge, internal migration, and heightened social expectations—are analyzed both as potential drivers of development and sources of instability. Using the events of January 2022 as a case, the study highlights the interaction between demographic pressures, limited economic mobility, and declining trust in institutions. The article concludes that integrating political demography and gender analysis into state-level strategic planning is essential for enhancing institutional resilience and improving governance quality.

Keywords: gender, demography, political demography, parliament, public policy, institutional resilience, human capital, migration.

Гендерный состав власти и демографическая структура парламента – это не формальные показатели и не вопрос политической символики. Они являются фундаментальными индикаторами качества государственных институтов, устойчивости политической системы и способности государства принимать решения в интересах всего общества [9, с.129]. Тема представленности женщин во власти тесно связана с политической демографией, которая изучает как структуру населения (пол, возраст), а также демографические факторы, такие как миграция и образование, влияющие на государственную политику и стабильность государства.

Политическая демография рассматривает парламент как зеркало общества. Если в органах власти представлены только определенные группы населения, а другие – системно исключены, это приводит к снижению легитимности институтов [1, с.80-81], ослаблению социальной сплоченности и росту политических рисков. Напротив, когда структура парламента отра-

жает реальную демографическую картину страны – по полу, возрасту, социальному опыту – растет доверие граждан и качество принимаемых решений.

В этом контексте участие женщин в политике – это не только вопрос равенства. Это стратегически значимый ресурс государственного управления [8, с.73]. Международный опыт убедительно демонстрирует, что государства, где женщины активно представлены в парламенте и на руководящих позициях, демонстрируют более устойчивую экономику, эффективную социальную политику, более высокий уровень доверия к власти и большую привлекательность для инвестиций [19, с.59].

Методологическая основа данного исследования опирается на междисциплинарный подход, сочетающий инструменты политической демографии, гендерного анализа, институциональной теории и сравнительной политологии. Такой подход позволяет оценить влияние демографической структуры общества и степени политического участия женщин на устойчивость политических институтов и качество публичной политики [2, с.213; 6, с.7-23].

В исследовании используется теоретическая рамка политической демографии, согласно которой возрастная, гендерная и социальная структура населения оказывают прямое воздействие на характер политических институтов, процессы принятия решений и уровень политической стабильности [11, с.12].

Дополнительно применяется гендерно-институциональный анализ, в рамках которого представленность женщин во власти рассматривается как индикатор институциональной открытости, инклюзивности политических процедур и способности государства использовать человеческий капитал в полном объеме.

Метод компаративного анализа используется для сопоставления казахстанских показателей с международной практикой, включая данные Межпарламентского союза (IPU), Всемирного экономического форума, ООН и ОЭСР.

Также применяется структурно-функциональный анализ, направленный на выявление взаимосвязей между экономической моделью страны, политической представленностью различных социальных групп и уровнем общественного доверия к государственным институтам.

Элементы ретроспективного социально-демографического анализа используются для интерпретации событий, связанных с феноменом «молодежного бугра» как проявления накопленного демографического давления и институциональных дисбалансов [5, с.36].

Таким образом, методология исследования представляет собой комплексную аналитическую модель, обеспечивающую обоснованность выводов и применимость результатов для оценки устойчивости государственных институтов.

Казахстан обладает высоким образовательным и профессиональным потенциалом женщин, а также уникальной демографической структурой – молодым населением, активной миграцией и высокой урбанизацией. Однако этот потенциал пока не в полной мере отражен в составе органов власти и государственных решений. Именно поэтому анализ соотношения гендера, демографии и власти становится ключом к пониманию того, как укрепить устойчивость государства, улучшить качество институтов и обеспечить долгосрочное развитие.

Уровень политического участия женщин является одним из ключевых показателей зрелости политической системы. Он демонстрирует, насколько государство способно использовать весь потенциал общества и насколько его институты открыты для разных социальных групп. В Казахстане на протяжении последних лет наблюдалась положительная динамика в этом направлении: доля женщин в Мажилисе достигала 27–29%, приближаясь к так называемой «критической массе» в 30% [7, с. 2], при которой женщины начинают оказывать реальное институциональное воздействие на формирование политической повестки.

Однако после парламентских выборов 2023 года произошел заметный откат. По состоянию на 2025 год женщины занимают лишь 18,4% мест в Мажилисе и 20% в Сенате. Это означает, что почти половина населения страны представлена во власти менее чем одной пятой депутатов. Следовательно, парламент перестал отражать социальную структуру общества, особенно по гендерному признаку.

Важно подчеркнуть, что снижение женского представительства – это не просто статистическое изменение. Оно влияет на содержание и качество государственной политики. Когда в парламенте преобладают мужчины, усиливаются приоритеты, связанные с «жесткими» секторами (безопасность, инфраструктура, сырьевые отрасли), в то время как социальные вопросы, образование, здравоохранение, предпринимательство, поддержка семей и развитие человеческого капитала оказываются на периферии внимания. Женщины, как правило, чаще поднимают эти темы, поскольку они тесно связаны с реальными потребностями населения.

Следовательно, речь идет не только о справедливости, но и об эффективности. Низкое участие женщин в парламенте приводит к сужению перспектив при принятии решений, ослабляет социальную чувствительность политики и уменьшает способность государства отвечать на долгосрочные вызовы. В результате парламент теряет репрезентативность, а вместе с этим – и часть своей легитимности в глазах общества.

Снижение доли женщин в парламенте сразу отразилось на позиции Казахстана в Глобальном индексе гендерного разрыва, который ежегодно оценивает страны по четырем направлениям: образование, здравоохранение, экономическое участие и политическое представительство. Именно политический компонент имеет наибольший вес, поскольку демонстрирует, насколько женщины участвуют в принятии ключевых решений. После выборов 2023 года политический субиндекс Казахстана снизился почти на четверть, и страна опустилась с 62-го на

92-е место. Это стало самым низким результатом за последние годы [20, с.231-232].

GGGI Казахстан

Динамика рейтинга с 2020 года

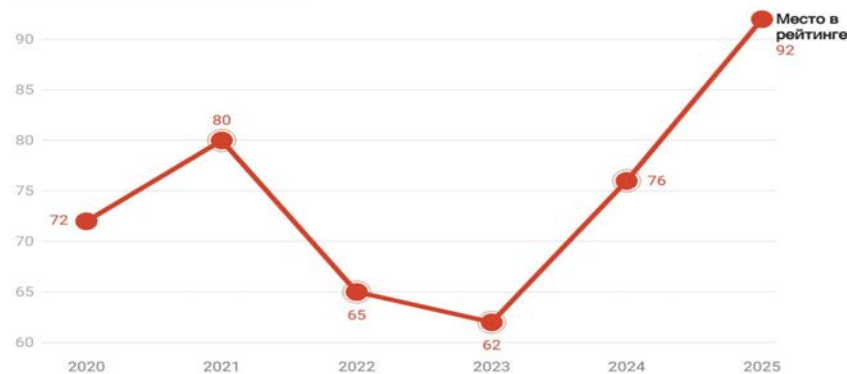

Chart: Aida Alzhanova • Created with Datarwrapper

График 1 – Динамика Глобального индекса гендерного разрыва (Казахстан) с 2020 по 2025 годы.

Особенно показательно, что по образованию и здравоохранению Казахстан почти достиг гендерного паритета, а значит, проблема не в человеческом потенциале, а в том, что этот потенциал не используется. Женщины получают образование, имеют квалификацию, но не получают равного доступа к власти и экономическим возможностям.

Контраст с лидерами индекса еще более убедителен. Все первые десять стран – Исландия, Норвегия, Финляндия, Новая Зеландия, Швеция, Руанда и другие – демонстрируют не только высокие социальные показатели, но и значительное участие женщин в парламенте и правительстве (от 40% до более 60%). Именно этот фактор обеспечивает им высокое доверие граждан, устойчивость институтов, эффективную социальную политику и долгосрочную инвестиционную привлекательность.

Следовательно, индекс гендерного разрыва является не про-

сто международным рейтингом, а зеркалом качества государственной системы. Он демонстрирует, насколько страна способна превращать человеческий капитал в политическое институциональное воздействие и устойчивое развитие. И если Казахстан стремится укреплять свои позиции, важно сохранять достижения в образовании и здравоохранении и обеспечивать участие женщин во власти – как необходимое структурное условие институциональной зрелости.

В контексте современных политологических исследований политическое участие женщин анализируется в научной литературе не только как элемент равенства, но и как фактор экономической конкурентоспособности государства. Кроме макроэкономических показателей инвесторы все чаще ориентируются и на качество институтов, прозрачность управления и социальную устойчивость. Именно поэтому гендерные индикаторы все чаще включаются в международные рейтинги инвестиционной привлекательности и ESG-оценки (Environmental, Social, Governance).

Когда уровень участия женщин во власти снижается, это воспринимается как сигнал о потенциальной уязвимости государственных институтов, ограниченности перспектив для развития человеческого капитала и риске социальной напряженности. Напротив, высокая вовлеченность женщин в принятие решений ассоциируется с диверсифицированной экономикой, качественной социальной политикой и более устойчивой моделью роста.

Для Казахстана вопрос гендерного участия напрямую связан с экономической стабильностью. На протяжении многих лет значительная часть экономического роста обеспечивалась за счет прямых иностранных инвестиций. Однако инвесторы сегодня уделяют внимание не только ресурсному потенциалу, но и тому, насколько государство способно управлять рисками, поддерживать уровень доверия общества и обеспечивать долгосрочную предсказуемость. Когда участие женщин в по-

литике сокращается, это может восприниматься как признак снижения открытости институтов, а значит – роста неопределенности.

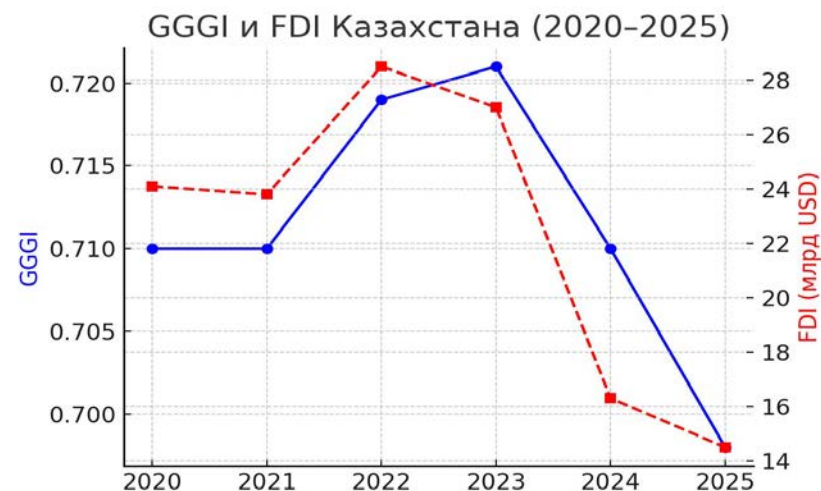

График 2 – Корреляция между динамикой Индекса гендерного разрыва и Индекса прямых иностранных инвестиций.

Кроме того, участие женщин в разработке государственной политики усиливает внимание к человеческому капиталу, образованию, здравоохранению, поддержке малого и среднего бизнеса, социальной защите. Эти сферы являются основой устойчивого роста и экономической диверсификации. Если они остаются в тени, экономика становится более уязвимой к внешним шокам и внутренним дисбалансам [7, с.35].

Следовательно, гендерное равенство в политическом представительстве – это не только вопрос справедливости. Это элемент стратегии экономической устойчивости. Страны, где женщины участвуют в принятии решений наравне с мужчинами, демонстрируют более высокую способность привлекать инвестиции, развивать инновации, управлять кризисами и

обеспечивать долгосрочный рост. Казахстан обладает значительным человеческим потенциалом, и его преобразование в экономическую и институциональную силу во многом зависит от того, насколько полно этот потенциал будет представлен во власти.

Экономическая структура страны напрямую влияет на гендерное равенство и возможности участия женщин в развитии государства. В ресурсозависимых экономиках, к числу которых относится и Казахстан, существует особенность: сырьевые отрасли формируют значительную часть ВВП и государственных доходов, но создают относительно мало рабочих мест. Более того, эти рабочие места преимущественно заняты мужчинами, поскольку связаны с физическим трудом, промышленным производством и полевыми условиями [14, с.108].

В результате формируется парадокс: государство обладает высокими доходами от природных ресурсов, но не создает достаточного количества качественных рабочих мест, особенно в секторах, где могли бы работать женщины. Даже при том, что женщины в Казахстане имеют высокий уровень образования и профессиональной подготовки, структура экономики не предоставляет им равного доступа к занятости и карьерному росту. Это приводит к тому, что значительная часть женского человеческого капитала остается недоиспользованной [21, с.167].

Когда женщины не интегрированы в экономику, государство теряет потенциал роста, а семьи – устойчивость доходов. При этом социальные ожидания часто возлагают на женщин основную ответственность за уход за детьми и домашнее хозяйство. В сочетании с ограниченными возможностями трудоустройства это приводит к тому, что женщины вынуждены покидать рынок труда и возвращаться к традиционным репродуктивным функциям [15, с.152-185].

Дополнительно на это накладывается политика социальных выплат. Государство, стремясь поддержать семьи и снизить

бедность, расширяет систему пособий. Однако при отсутствии параллельных мер по созданию рабочих мест и поддержке женского предпринимательства такие выплаты могут непреднамеренно закреплять зависимость и снижать экономическую активность женщин.

Следовательно, ресурсозависимая модель экономики, основанная на ограниченном числе отраслей, сдерживает диверсификацию, а также усиливает гендерное неравенство. Она препятствует полноценному участию женщин в создании добавленной стоимости, сужает налоговую базу и делает экономику менее гибкой. В долгосрочной перспективе это влияет на устойчивость развития и требует пересмотра подходов к занятости, поддержке предпринимательства и развитию новых секторов экономики, ориентированных на человеческий капитал.

Помимо гендерных факторов, на устойчивость государства значительное институциональное воздействие оказывает возрастная структура населения. Казахстан сегодня находится в стадии активного демографического роста среди молодежи: формируется так называемый «молодежный бугор», при котором доля населения в возрасте до 35 лет превышает половину общества. Такой демографический профиль может стать мощным ресурсом развития, если молодые люди будут обеспечены образованием, занятостью и возможностями самореализации. Однако при отсутствии таких условий молодежь превращается в источник социального напряжения [5, с. 39-40].

Первым сигналом этого напряжения стала перегрузка системы образования. Во многих регионах страны школы работают в две и даже три смены. Количество первоклассников растет, но количество новых школ и квалифицированных педагогов не успевает за демографическими изменениями. Переполненные классы, устаревшая инфраструктура и нехватка кадров ведут к снижению качества образования, что ослабляет человеческий капитал и ограничивает перспективы экономического роста.

Параллельно усиливается внутренняя миграция. Молодые

люди из регионов переезжают в крупные города – прежде всего Алматы, Астану и Шымкент – в поисках работы и лучших условий жизни. Однако урбанизация проходит быстрее, чем развивается городская инфраструктура. Это приводит к перенаселению, росту стоимости жилья, конкуренции за рабочие места и усилению социального неравенства. В результате в мегаполисах формируются группы населения, которые одновременно обладают высокими ожиданиями и низкими возможностями для их реализации.

Следовательно, демографическая структура страны создает одновременно возможности и риски. Молодое население может стать драйвером развития, но для этого требуется стратегическое планирование и интеграция демографических данных в государственную политику. Если же эти процессы игнорируются, демография превращается из преимущества в вызов, усиливая дисбалансы в образовании, рынке труда, социальной политике и распределении ресурсов между регионами [21, с. 168].

События января 2022 года в Казахстане нельзя рассматривать как случайность или исключительно внешнее институциональное воздействие. Это был структурный социально-демографический взрыв, сформированный задолго до начала протестов. В этот период в стране уже проявлялись ключевые признаки демографического давления: рост молодежной доли населения, внутренний отток молодых людей из регионов в крупные города, ограниченность рабочих мест и слабая социальная мобильность [17, с.117].

Особенно ярко эти процессы проявились в Алматы. Хотя в целом по стране демографический «бугор» только формировался, именно в Алматы он был выражен особенно сильно. Город стал центром притяжения внутренних мигрантов, прежде всего молодых мужчин трудоспособного возраста, которые приезжали в поисках экономических возможностей и лучшего качества жизни. Однако городская инфраструктура и рынок

труда не успевали адаптироваться к такому притоку населения.

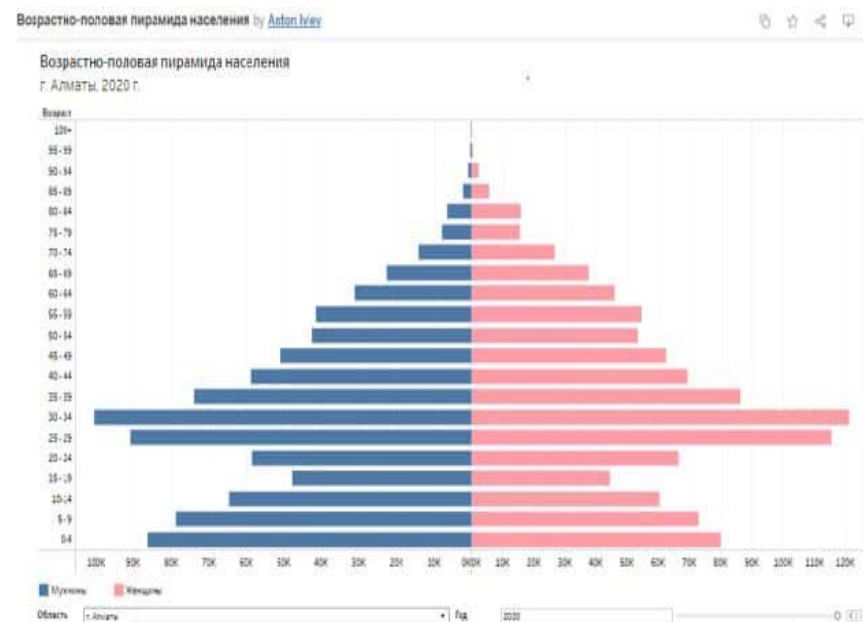

График 3 – Возрастно-половая пирамида г. Алматы, демонстрирующая «молодежный бугор».

Социальный анализ участников протестов показал, что большинство из них – молодые мужчины, не имеющие стабильной работы или перспектив карьерного роста. Они сталкивались с безработицей, низкими доходами и отсутствием социальных лифтов. Важнейший фактор – чувство политической исключенности: они не видели себя представленными в системе принятия решений и не верили, что их интересы могут быть услышаны.

Важно понимать, что их протест был направлен не столько против роста цен, а прежде всего против социальной несправедливости и ощущения невидимости. Это классическая мо-

дель демографической напряженности: молодежный пик, отсутствие экономических возможностей и институциональной интеграции приводят к росту радикальных настроений.

Если бы демографические данные использовались как инструмент стратегического прогнозирования, государство могло бы заранее увидеть риски, связанные с концентрацией молодых внутренне мигрировавших мужчин в городах, перегрузкой социальной инфраструктуры и недостатком рабочих мест. Январь 2022 года стал уроком: демография – не фоновый фактор, а ключ к пониманию политической стабильности [5, 45; 21, с. 168].

Политическая демография – это область, которая изучает, как структура населения влияет на власть, политику и устойчивость государства. Она рассматривает численность населения, его возраст, пол, уровень образования, миграционные потоки, распределение по регионам и социальным группам. В отличие от традиционной статистики, политическая демография анализирует, как именно эти характеристики преобразуются в политические интересы, экономическое поведение и общественные ожидания [5, с.41].

Главный вопрос политической демографии – не «сколько людей», а «кто именно составляет общество и как это влияет на принятие решений». [10, с. 254, 265].

Возникают вопросы, на которые политикам необходимо искать ответы, чтобы разрабатывать стратегии устойчивого развития страны:

- Кто будет избирателем через 10–20 лет?
- Сколько женщин и молодых людей готовы участвовать в политике или бизнесе?
- Где возникнет давление на рынок труда, образование, медицину?
- Какие социальные группы чувствуют себя исключенными?
- В каком регионе может возникнуть напряжение?

- Какие демографические изменения приведут к реформам, а какие – к кризисам?

Политическая демография демонстрирует, что парламент и правительство должны отражать структуру населения, иначе власть теряет связь с обществом. Если население молодое, а элита – возрастная, если женщины доминируют в социальной сфере, но отсутствуют во власти, если мигранты и региональная молодежь не представлены в политике – формируется «демографический разрыв» между обществом и государством [4, с.105].

Такой разрыв ослабляет легитимность институтов, снижает доверие граждан и делает систему более уязвимой к внутренним конфликтам. Напротив, когда власть понимает демографию и учитывает ее при формировании политики, она становится более устойчивой, гибкой и ориентированной на будущее.

Именно поэтому во многих странах политическая демография стала частью стратегического планирования [21, с.164], государственного прогнозирования и подготовки государственных служащих. Она используется для разработки долгосрочных национальных стратегий, реформ в образовании и рынке труда, регионального развития, миграционной политики и повышения качества институтов.

Следовательно, политическая демография – это не узкая академическая дисциплина, а интеллектуальный инструмент, который позволяет государству принимать более точные, дальновидные и устойчивые решения.

Несмотря на существующие вызовы, Казахстан уже начал переход к более осознанному и научно обоснованному управлению демографическими процессами. Одним из первых шагов стало развитие экспертного сообщества: в стране действует Ассоциация демографов, которая на протяжении многих лет аккумулирует научные данные, проводит исследования и формирует профессиональную дискуссию о демографической

политике. Это сообщество стало важной платформой, соединяющей науку, практику и государственные структуры.

Следующим значимым шагом стало создание в 2025 году Центра демографического анализа при Академии государственного управления. Это событие можно считать важной вехой, поскольку оно отражает институциональное признание демографии как стратегического фактора государственного развития. Центр способен стать интеллектуальным ядром, которое будет собирать данные и формировать прогнозы, сценарии и рекомендации для государственной политики.

Появление таких институтов свидетельствует о переходе к новому уровню управления, в котором решения должны основываться на анализе демографических и социальных тенденций, а не только на текущих экономических показателях. Этот подход открывает возможности для более точного планирования рынка труда, развития образования, распределения инфраструктуры и поддержки семейной политики.

Однако наибольший потенциал заключается в том, чтобы демографический анализ стал не отдельным направлением, а неотъемлемой частью стратегических решений на государственном уровне. Демография может стать связующим звеном между экономикой, социальной политикой, гендерным равенством и управлением территориями. В этом случае государство получает возможность реагировать на вызовы, а также предвидеть их, управлять рисками и формировать устойчивую модель развития [18 с.4].

Следовательно, Казахстан уже создает основу для интеграции политической демографии в систему государственного управления. Следующий этап – превратить существующие инициативы в комплексный подход, в котором гендер, возрастная структура населения, миграция и человеческий капитал станут центральными элементами национальной стратегии. Это позволит стране использовать свои демографические преимущества, усилить институциональную устойчивость и

двигаться к более сбалансированному, инклюзивному и сильному государству [21, с.165].

Опыт многих стран демонстрирует, что устойчивость государства в XXI веке определяется не только экономическими ресурсами, но и способностью власти учитывать реальную социально-демографическую структуру общества. В этом контексте гендер и демография перестают быть дополнительными темами – они становятся стратегическими инструментами государственного управления [12, с.43].

Политическое участие женщин – это не символ и не жест социальной справедливости. Это источник более качественных решений, экономической диверсификации, социальной устойчивости и доверия к институтам. Там, где женщины равноправно участвуют в политике и управлении, государственные системы становятся более гибкими, ориентированными на человеческий капитал и менее подверженными кризисам. Именно поэтому страны, входящие в топ мировых рейтингов по устойчивости и развитию, демонстрируют высокий уровень женского представительства во власти [16, с.1,2].

Политическая демография, в свою очередь, позволяет понимать, кто именно составляет общество, как меняется его структура и какие группы требуют внимания, поддержки или включения в процесс принятия решений. Она помогает прогнозировать потребность в школах и рабочих местах, предотвращать социальную напряженность, выстраивать сбалансированную региональную политику и формировать долгосрочные стратегии развития. Это не теория, а практический инструмент, позволяющий государству не реагировать на кризисы, а управлять будущим [3, с.89-113].

Казахстан уже начал движение в этом направлении. Создание Ассоциации демографов и Центра демографического анализа при Академии государственного управления свидетельствует о формировании экспертной и институциональной основы для новой модели управления. Это важный шаг к тому,

чтобы демография и гендер стали не отдельными темами, а частью системы стратегического планирования.

Следующий этап – превратить этот подход в целостную государственную политику. Для этого необходимо:

- учитывать демографические данные при разработке законов и бюджетов,
- обеспечивать пропорциональное участие женщин и мужчин во власти,
- интегрировать политическую демографию в процесс подготовки управленцев,
- разрабатывать долгосрочную гендерно-демографическую стратегию как основу национального развития.

Такой подход позволит Казахстану использовать свой человеческий капитал максимально эффективно, укрепить доверие между обществом и государством, привлекать инвестиции и обеспечивать устойчивость на десятилетия вперед.

Гендер и демография — это не ограничение, а конкурентное преимущество. Они не ослабляют власть, а делают ее более легитимной, гибкой и сильной. Они не усложняют управление, а позволяют принимать более точные и дальновидные решения [13, с.6].

Если государство видит общество таким, какое оно есть, и включает всех в процесс развития – оно становится действительно устойчивым.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. Crown Business.
2. Dyson, T. (2010). *Population and development: The demographic transition*. Zed Books, 261.
3. Fukuyama, F. (2014). *Political order and political decay*. Farrar, Straus and Giroux.
4. Herek, G. M. (1987). *The instrumentality of attitudes: Toward a neo functional theory* //Journal of Social Issues, 42, 99–114.
5. Goldstone, J. A. (2012). *Population and security: How demographic change can lead to conflict*. Journal of International Affairs, 66(2), 31–52.
6. Inglehart, R., & Norris, P. (2003). *Rising tide: Gender equality and cultural change around the world*. Cambridge University Press, 239.
7. Inter-Parliamentary Union. (2024). *Women in parliament report 2024*. IPU, 28.
8. McKinsey Global Institute. (2015). *The power of parity: How advancing gender equality can add \$12 trillion to global growth*. McKinsey & Company, 168.
9. Norris, P., & Inglehart, R. (2001). *Cultural Obstacles to Equal Representation* //Journal of Democracy, 12(3), 126–140.
10. Norris, P. (2004). *Electoral engineering: Voting rules and political behavior*. Cambridge University Press, 291.
11. Norris, P. (2011). *Democratic deficit: Critical citizens revisited*. Cambridge University Press, 327.
12. Organization for Economic Co-operation and Development. (2025). *Gender equality in A Changing World*. OECD Publishing, 314.
13. Organization for Security and Co-operation in Europe. (2022). *Gender equality in public administration*. OSCE, 83.
14. Ross, M. L. (2008). *Oil, Islam, and Women*. American Political Science Review, 102(1), 107–123.
15. Ross, M. L. (2012). *The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations*. Princeton University Press, 304.
16. United Nations 2019b Report of the Secretary General: *Review and Appraisal of the Implementation of the Beijing Declaration and Platform for Action*. E_CN.6_2020_3.
17. United Nations Development Programme. (2023). *Human development report 2023*. UNDP, 324.
18. United Nations. (2024). *World population prospects 2024*. UN

Department of Economic and Social Affairs, 80.

19. World Bank. (2023). Gender Equality, Poverty Reduction, and Inclusive Growth. World Bank Group, 98.

20. World Economic Forum. (2024). Global gender gap report 2025. WEF, 395.

21. Альжанова А. К. (2022). Учет демографических факторов в стратегическом планировании. Экономика Казахстана за 30 лет: этапы развития и созидания. Материалы Международной научно-практической конференции, 5 октября 2021 г. – Алматы: Университет «Туран», 2022. – 164–169.

*Аубакирова Ж.С., Краснобаева Н.Л.,
Алексеев А.Н., Столярова Э.О.*

НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI века (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

(Статья выполнена в рамках реализации грантового научно-го проекта AP26198933 «Восток Казахстана: траектории социально-демографической и социокультурной трансформации городского пространства Семей и Усть-Каменогорска», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан)

Аннотация

В статье анализируется демографическая ситуация, сложившаяся во втором десятилетии XXI в. в Северо-Казакстанской области, являющейся составной частью северо-восточного региона Республики Казакстан. Анализ проведен на основе таких показателей, как миграции (межгосударственные и межобластные), воспроизводство населения (рождаемость, смертность, естественный прирост), возрастно-половая структура,

демографическая нагрузка на трудоспособное население и т.д. Фиксируются негативные тенденции по основным демографическим параметрам: отрицательное сальдо как межгосударственной, так и межобластной миграции; депопуляционные процессы – рождаемость в последние годы ниже уровня смертности; высокий уровень старения населения и т.д. В результате численность населения Северо-Казакстанской области, в том числе и казахского, сокращается. Представлен вывод о кризисном варианте демографического развития области.

Ключевые слова: Северо-Восточный Казакстан, Северо-Казакстанская область, демография, миграции, воспроизводство, возрастно-половая структура.

Abstract

The article analyzes the demographic situation that has developed in the second decade of the XXI century. in the North Kazakhstan region, which is an integral part of the north-eastern region of the Republic of Kazakhstan. The analysis was carried out on the basis of such indicators as migration (interstate and interregional), population reproduction (fertility, mortality, natural growth), age-sex structure, demographic burden on the able-bodied population, etc. Negative trends are recorded in the main demographic parameters: a negative balance of both interstate and interregional migration; depopulation processes – the birth rate in recent years is lower than the death rate; a high level of population aging, etc. As a result, the population of the North Kazakhstan region, including the Kazakh one, is declining. A conclusion is presented about the crisis version of the demographic development of the region.

Keywords: North-East Kazakhstan, North-Kazakhstan region, demography, migration, reproduction, age-sex structure.

Демографические процессы, наблюдающиеся в северо-восточных областях государства, существенно отличаются от общеказакстанских тенденций. Высокая смертность и низкая

рождаемость, перманентный миграционный отток, низкие темпы роста численности населения или даже его сокращение позволяют говорить о демографическом кризисе в регионе (таблица 1). Вышеперечисленные проблемы рассматриваются на примере Северо-Казахстанской области (далее – СКО).

Таблица 1 – Численность населения областей северо-восточного Казахстана в 2020–2024 гг. (тыс. человек).

Области	2020	2024	2024 к 2020 (%)
Казахстан	18755,0	20158,6	107,5
Акмолинская	734,8	787,6	107,2
Павлодарская	751,2	752,5	100,2
Костанайская	865,9	827,8	95,6
Северо-Казахстанская	545,6	526,1	96,4
Восточно-Казахстанская	724,8	725,5	100,1
область Абай	641,0	605,2	94,4

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. – Астана, 2025. – С. 8.

Этнодемографическое развитие СКО отличается даже от явлений, присущих северо-восточному Казахстану. Особенно четко это видно на примере казахского населения. СКО – единственный регион в Казахстане, численность титульного населения в котором сокращается. Так, в 1999–2025 гг. численность этноса увеличилась в РК на 81,0%, в СКО за этот же период казахов стало меньше на 8,2% (таблица №3). Причем происходит это на фоне инициированного государством миграционного притока из «трудоизбыточных» областей южного, прежде всего, Казахстана.

В статье использованы демографические и статистические методы исследования. Источниковой основой явились материалы Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг., Национальных переписей Казахстана 1999, 2009, 2021

гг., данных текущей статистики, содержащихся в Демографическом ежегодниках 2017, 2019, 2024 и 2025 гг.

Большинство работ по проблемам демографического развития Северного Казахстана посвящены численности и этническому составу населения региона: статьи Жаркенова А.М., Ильясова Г.С., Садыкова Т.С., Жеребцова И.Л., Самаркина С.В., Никифорова И.Д., Кальш А.Б., Темирбаевой Р.К., Оразбековой К.С., Ажирова Н.А. [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Особенности развития городского населения области в разные исторические периоды раскрывают труды Касымбаева Ж.К., Гладышевой Е.Н., Дагаевой Т.К., Черникова [7, 8, 9]. Миграционные процессы и их влияние на социально-экономическое развитие рассматриваются в трудах Есетова С.К., Мрачковского А.Е. [10,11]. Отдельного внимания заслуживает монография Шатных А.В., Лебедевой Т.В., посвященная истории населения Северного Казахстана в длительной ретроспективе [12].

Численность и этнический состав населения (1939–2025 гг.)

Северо-Казахстанская область (СКО) образована в 1936 г. из северных районов Карагандинской области и Каркаралинского округа. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. большинством населения в СКО были русские – 51,2%, удельный вес казахов составлял 19,7%. После переписи, в октябре 1939 г. часть территории СКО (один город и 11 районов) отошли к вновь образованной Акмолинской области. В результате административно-территориальных преобразований численность населения по данным переписи населения 1959 г. уменьшилась на 13,4%. Более всего изменения коснулись казахов – в 1959 г. в сравнении с 1939 г. их число сократилось на 45,2%. Русских, вследствие освоения целинных и залежных земель, стало больше на 8,8%. В итоге в конце 1950-х гг. удельный вес казахов в составе населения СКО снизился до 12,5%, русских – увеличился до 64,2% (таблица 2).

Таблица 2 – Численность и этнический состав населения Северо-Казахстанской области по данным Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. (тыс. человек).

Годы	Все население		в том числе									
			казахи		Русские		украинцы		немцы		др. этносы	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
1939	541,5	100	106,7	19,7	277,3	51,2	73,9	13,7	23,0	4,2	60,6	11,2
1959	469,2	100	58,5	12,5	301,8	64,3	44,6	9,5	35,3	7,6	29,0	6,2
1970	555,8	100	83,1	14,9	352,7	63,5	44,9	8,1	37,6	6,8	37,5	6,7
1979	572,7	100	95,3	16,6	363,1	63,4	39,9	7,0	37,6	6,6	36,8	6,4
1989	599,7	100	111,6	18,6	372,3	62,1	38,1	6,3	39,3	6,5	38,4	6,4

Источник: Всесоюзная перепись населения 1939 г. ГА РФ. Ф. 1562, оп. 336, Д. 338–402; Всесоюзная перепись населения 1959 г. ЦГАРК, ф. 1568, оп. 21, д. 4; Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Алма-Ата, 1991. – С. 7–9.

В 1960–1980-е гг., несмотря на небольшую представленность в русскоязычной среде, темпы роста численности казахского населения были высоки. Так, в тридцатилетие между переписями населения 1959 и 1989 гг. число казахов в СКО увеличилось на 90,8%, русских стало больше на 23,3% (таблица 2). Ситуация второй половины XX века, в первую очередь в 1950–1960-е гг., во многом объясняется демографическим взрывом казахов, увеличившим численность этноса во всех областях Казахстана. Помимо этого, вследствие освоения целинных и залежных земель Северный Казахстан пользовался повышенным вниманием советского правительства к процессам социально-экономического развития. Так, объем капитальных вложений в 1955 г. в сравнении с 1953 г. увеличился со 106 млн рублей до 515 млн (на 485,8%), общая жилая площадь в 1955 г. в сравнении с 1953 г. увеличилась с 18,5 тыс. кв. ме-

тров до 80,3 тыс. кв. метров (на 434,0%) [13]. В 1960–80-е гг. темпы роста социально-экономических показателей в целинном регионе были не такими высокими, но, тем не менее, привлекательными для населения. Во всяком случае, численность представителей доминирующих этнических групп – казахов и русских, увеличивалась.

Динамика численности и этнического состава населения СКО в суверенный период во многом зависела от административно-территориальных изменений. В 1997 г. из упраздненной Кокчетавской области в состав СКО были включены пять районов с преимущественно казахским населением. В результате преобразований численность всего населения области в период между переписями 1989 и 1999 гг. увеличилась на 21,1%, казахов стало больше на 92,4%, русских – меньше на 2,9%, самые низкие потери русского населения среди областей Казахстана (таблица 3). Эти данные кардинально отличаются от тенденций демографического развития Республики Казахстана в этот период. Так, в 1989–1999 гг. общая численность населения в государстве сократилась на 9,2%, при этом русских стало меньше на 27,6%, украинцев – на 42,8%, немцев – на 63,1%. Увеличилась лишь численность казахов (на 22,2%), но далеко не такими темпами, как в СКО [14].

Таблица 3 – Численность и этнический состав населения Северо-Казахстанской области по данным переписей населения 1989, 1999, 2009, 2021 гг. и материалам текущей статистики 2025 г. (тыс. человек)

Годы	Все население		В том числе									
			казахи		Русские		украинцы		немцы		др. этносы	
	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%	ч-ть	%
1989	599,7	100	111,6	18,6	372,3	62,1	38,1	6,3	39,3	6,5	38,4	6,4
1999	726,0	100	214,7	29,6	361,5	49,8	47,0	6,5	41,2	5,7	61,6	8,4
2009	596,5	100	198,6	33,3	300,8	50,4	29,8	5,0	20,8	3,5	46,5	7,8

Продолжение таблицы №3												
2021	540,8	100	203,2	37,6	240,6	44,5	29,9	5,5	22,3	4,1	44,9	8,3
2025	522,2	100	197,1	37,7	231,8	44,4	28,0	5,4	21,6	4,1	43,7	8,4

Источник: Статистический сборник по отдельным показателям Всеобщих переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. – С. 7–9; Национальный состав РК. Том 4, часть 1. Население РК по национальностям, полу и возрасту. Итоги переписи населения 1999 года в РК. Статистический сборник. /Под ред. А.Смаилова/. – Алматы, 2000. С. 6–237; Перепись населения РК 2009 г. Краткие итоги. Статистический сборник /под ред. А.А.Смаилова /Астана, 2010. – С. 11; Краткие итоги Национальной переписи населения 2021 г. в РК /под ред. Шайморданова Ж.Н./ Нур-Султан, 2022. – С. 12; Численность населения по отдельным этносам РК на начало 2025 г. Бюро Национальной статистики по стратегическому планированию и реформам РК. Астана, 2025.

Тенденции социально-демографического развития в суверенный период более точно показывает сравнительный анализ численности населения по данным переписей населения 1999 и 2021 гг., проводившихся на сопоставимой территории. Материалы переписей свидетельствуют о том, что численность населения СКО за этот период сократилась на 25,5%. При этом русских стало меньше на 33,5%, украинцев – на 36,4%, немцев – на 45,9%, представителей других этносов – на 27,1% (таблица 3). Аналогичные процессы происходили и в других регионах Казахстана. Обращает на себя внимание другое – в период между переписями 1999 и 2021 гг. в СКО на 5,4% сократилась численность казахского этноса. В 2025 г. в сравнении с 2021 г. число казахов уменьшилось еще на 3,0%. Происходит это на фоне увеличения численности этноса в Казахстане на 69,0% в 1999–2021 гг. Рост наблюдается во всех регионах республики, в том числе и в северо-восточных областях с высокой долей русско-славянского населения (таблица 4).

Таблица 4 – Численность казахов в областях РК по данным переписей населения 1999 и 2021 гг. (тыс. человек)

Области	1999	2021	2021 к 1999 (%)
Казахстан	7985,0	13497,9	169,0
Акмолинская	313,5	437,0	139,4
Актюбинская	482,3	770,6	159,8
Алматинская	926,1	1577,3	170,3
Атырауская	391,3	625,9	160,0
Восточно-Казахстанская	743,1	842,4	113,4
Западно-Казахстанская	399,0	529,1	132,6
Жамбылская	640,3	891,3	139,2
Карагандинская	529,5	751,9	142,0
Костанайская	314,8	368,3	117,0
Кызылординская	561,6	782,8	139,4
Мангыстауская	247,6	670,5	270,8
Павлодарская	311,9	423,3	135,7
Северо-Казахстанская	214,7	203,2	94,6
Туркестанская*	1340,9	2333,8	174,0
Астана	133,6	1004,4	751,8
Алматы	434,4	1286,2	296,1

*для сопоставимости численности населения в 1999 и 2021 гг. население г. Шымкент в 2021 г. включено в состав Туркестанской области.

Источник: Национальный состав РК. Т. 4, часть 1. Население РК по национальностям, полу и возрасту / Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Стат. сб. /Под ред. А.Смаилова. Алматы, 2000. – С. 6–257; Итоги национальной переписи населения 2021 г. в РК. Нур-Султан, 2022. – С. 12.

Для выяснения ситуации в СКО необходим анализ основных демографических показателей, определяющих динамику численности населения в последние годы.

Миграции населения

Динамику демографических явлений определяют два показателя – воспроизводство населения и миграционные процессы. Компоненты изменения численности населения СКО представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Компоненты изменения численности населения СКО в 2019–2023 гг.

Годы	изменение численности		в том числе			
			естественный прирост		миграционное сальдо	
	числ-ть	%	числ-ть	%	числ-ть	%
2019	-5751	100	+182	-	-5943	-
2020	-5372	100	-617	11,5	-4755	88,5
2021	-6532	100	-1891	28,9	-4641	71,1
2022	-5072	100	-366	7,2	-4706	92,8
2023	-4014	100	-359	8,9	-3655	91,1
2019–2023	-26751	100	-3051	11,4	-23700	88,6

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 72, 269.

Как видно из данных таблицы 5, численность населения СКО сокращается под влиянием как отрицательного сальдо миграции, так и превышения смертности над рождаемостью (депопуляция). При этом потери от миграции в 7,8 раза превышают потери депопуляционные.

Важно то, что несмотря на приграничное состояние с Российской Федерацией и большим удельным весом русского населения, суть проблемы определяет внутренняя миграция (межобластная). В 2019–2023 гг. 63,5% потерь приходилось именно на внутреннюю миграцию, на внешнюю – 36,5%. В 2023 г. в сравнении с 2019 г. отрицательное сальдо межобластной миграции увеличилось на 52,1% (с 2283 человек в 2019 г. до

3472 человек в 2023 г.) (таблица 6).

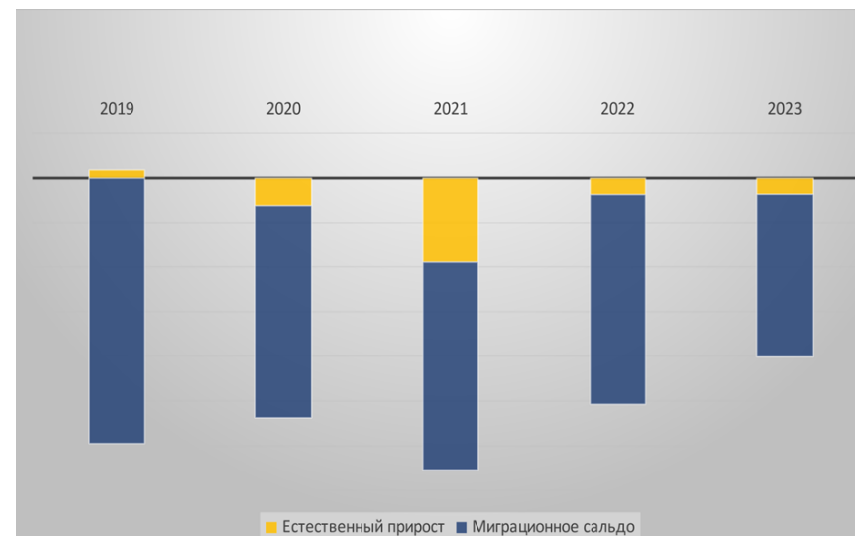

Рисунок 1 – Компоненты изменения численности населения СКО в 2019–2023 гг.

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 72, 269.

Таблица 6 – Миграции населения СКО в 2019–2023 гг.

годы	миграционное сальдо		в том числе			
			внешняя миграция		внутренняя миграция	
	числ-ть	%	числ-ть	%	числ-ть	%
2019	-5943	100	-3660	61,6	-2283	38,4
2020	-4755	100	-1759	37,0	-2996	63,0
2021	-4641	100	-1863	40,1	-2778	59,9
2022	-4706	100	-1181	25,1	-3525	74,9
2023	-3655	100	-183	5,0	-3472	95,0
2019–2023	-23700	100	-8646	36,5	-15054	63,5

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 269, 279.

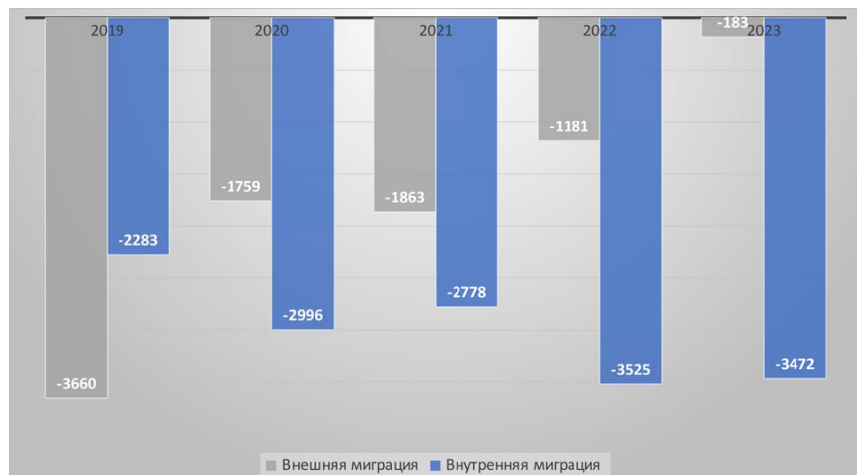

Рисунок 2 – Структура миграции СКО в 2019–2023 гг.

Данные таблицы 7 демонстрируют влияние миграции на эволюции возрастной структуры населения СКО. Явление определяется с помощью метода передвижки возрастных групп. Суть метода заключается в отслеживании изменений численности представителей возрастных групп в 2020 и 2024 гг., например, тем, кому в 2020 г. было 0–4 года, в 2024 г. должно стать 5–9 лет. Или, кому было 5–9 лет в 2020 г., в 2024 г. должно стать 10–14 лет и т.д. Изменение численности возрастных групп возможно под влиянием смертности и миграционного сальдо, положительного или отрицательного. Как видно из данных таблицы 7, определяющее влияние на изменение представительства той или иной возрастной группы в течение пяти лет оказывают миграционные процессы, так как коэффициенты смертности, особенно в молодых возрастах, невелики. Необходимо учитывать, что за каждой возрастной группой стоят определенные социальные, экономические и т. д. предпочтения. Сокращение численности населения в каких-либо возрастных группах может свидетельствовать о неудовлетворенности этих предпочтений.

Таблица 7 – Численность возрастных групп в 2020 и 2024 гг. (передвижка возрастных групп), тыс. человек.

Возраст в 2020 г.		Возраст в 2024 г.		2024 к 2020 гг.	
Все население	548,1	Все население	530,1	-18,0 тыс.	-3,3 %
0-4	36,5	5-9	36,4	-0,1	-0,3
5-9	40,4	10-14	37,9	-2,5	-6,2
10-14	37,9	15-19	34,0	-3,9	-10,3
15-19	32,8	20-24	26,6	-6,2	-18,9
20-24	31,3	25-29	26,8	-4,5	-14,4
25-29	35,6	30-34	36,5	+0,9	+2,5
30-34	39,9	35-39	42,4	+2,5	+6,3
35-39	38,9	40-44	38,2	-0,7	-1,8
40-44	37,3	45-49	36,7	-0,6	-1,1
45-49	35,7	50-54	33,4	-2,3	-6,5
50-54	35,0	55-59	33,4	-1,6	-4,6
55-59	40,8	60-64	38,2	-2,6	-6,4
60-64	36,7	65-69	31,8	-4,9	-13,4

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 49.

Согласно данным таблицы 7, наибольшие потери наблюдаются в период трансформации возрастных групп 10–14 лет в 2020 г. в 15–19 лет в 2024 г. (сокращение на 10,3%), 15 – 19 лет – в 20–24 года (сокращение на 18,9%), 20 – 24 года – в 25–29 лет (сокращение на 14,4%). Положительное влияние миграционных перемещений из южных областей РК заметно в возрастной группе 25–34 года в 2020 г., трансформировавшейся в 2024 г. в возрастную группу 30–39 лет. Но, в целом, в возрасте до 40 лет миграционный отток нейтрализует миграционный приток.

Наибольшие потери, как видно из данных таблицы 7, наблюдаются во время трансформации возрастной группы 15–19 лет в 2020 г. в возрастную группу 20 – 24 года в 2024 гг. Она сократилась на 18,9%. Это время наибольшей социальной активности в жизни человека (окончание школы и поиск места обра-

зования, окончание вуза и поиск работы). Явление характерно для всех областей РК. В СКО потери относительно небольшие вследствие их частичной компенсации миграционным притоком из южных регионов. В то же время, в Туркестанской области данная возрастная группа уменьшилась на 21,5%, Кызылординской – на 20,0%, Восточно-Казахстанской – на 22,5%, Абайской – на 39,0% (!) и т. д. Рост представителей молодежи этого возраста наблюдается только в трех городах республиканского значения: Шымкенте – на 13,2%, Астане – на 56,7%, Алматы – на 79,8% [15]. Таким образом, значительная часть молодых людей во всех областях Казахстана неудовлетворена своим положением и концентрируется лишь в нескольких точках, в первую очередь в Астане и Алматы. Неудовлетворение их ожиданий на новом месте жительства может привести к самым негативным последствиям.

Возрастная структура миграций в СКО оказывает негативное влияние на процессы воспроизводства населения. Выбывает в основном население репродуктивного, брачного возраста. Население старшего возраста более миграционно стабильно, но продуцирует высокие показатели смертности. В результате показатели смертности превышают показатели рождаемости.

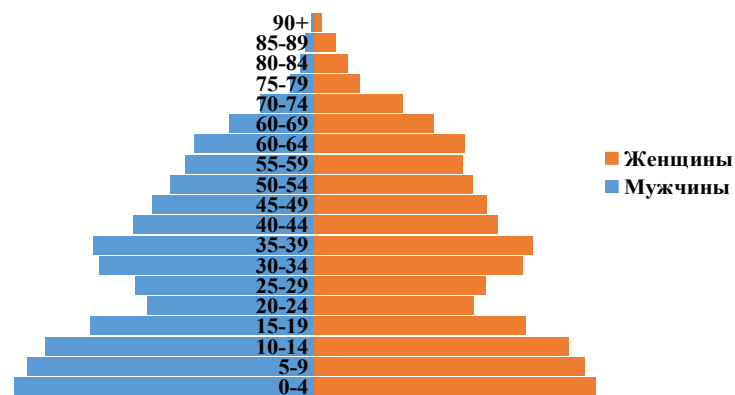
Возрастная структура и старение населения

На рисунке 3 представлены возрастно-половые пирамиды СКО и Республики Казахстан. Как видно, пирамида СКО существенно отличается от пирамиды РК. Если у казахстанской пирамиды широкое основание (большое количество детей и молодежи), сужающееся с каждым более старшим возрастом, то в СКО несколько иная ситуация. Основание пирамиды узкое, численность населения в возрасте 30 лет и старше превышает численность детей и молодого поколения.

При этом довольно четко видна деформация половой структуры населения СКО, особенно в старших возрастных группах. Если на женщин в возрасте 0–14 лет в 2024 г. приходилось

1060 мужчин, то в возрасте 15–64 года – 1007, а в возрасте 65 лет и старше на 1000 женщин приходится 565 мужчин [16]. Налицо мужская сверхсмертность в старших возрастных группах, что обостряет проблему одинокой старости женщин, бедности (жить на одну пенсию), социальные проблемы (медицина, лекарства и т. д.).

Возрастно-половая пирамида Республики Казахстан, на начало 2024 года, чел.

Возрастно-половая пирамида Северо-Казахстанской области, на начало 2024 года, чел.

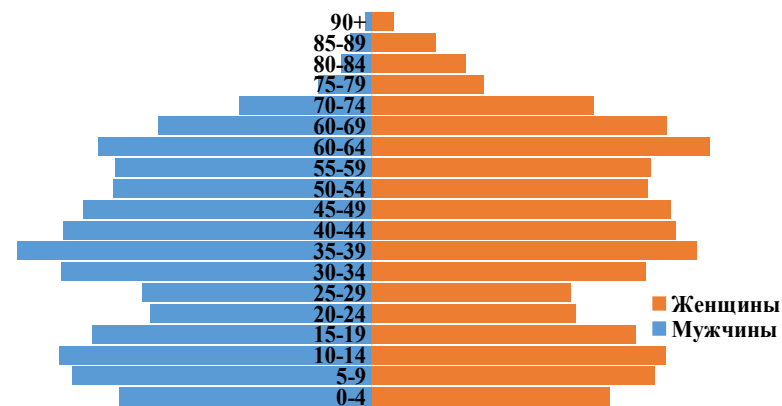

Рисунок 3 – Возрастно-половые пирамиды Республики Казахстан и Северо-Казахстанской области, 2024 г.

Анализ возрастной структуры СКО в 2020–2024 гг. показывает негативную динамику. Наибольшее сокращение численности населения наблюдается в возрастных группах до 34 лет, наибольшее увеличение – в возрасте старше 65 лет (таблица 8). В результате – быстрый рост показателей старения населения (таблица 9). Для сравнения данные в таблице 9 представлены в целом по Республике Казахстан и по Туркестанской области, демографическому антиподу СКО.

Таблица 8 – Возрастная структура населения СКО в 2020 и 2024 гг. (тыс. человек)

Возраст, лет	2020		2024		2024 к 2020 (%)
	числ-ть	%	числ-ть	%	
Все население	548,1	100	530,1	100	96,7
0-4	36,5	6,7	30,6	5,8	83,8
5-9	40,4	7,4	36,4	6,9	90,1
10-14	37,9	6,9	37,9	7,1	100
15-19	32,8	6,0	34,0	6,4	103,6
20-24	31,3	5,7	26,6	5,0	85,0
25-29	35,6	6,5	26,8	5,1	75,2
30-34	39,9	7,3	36,5	6,9	91,5
35-39	38,9	7,1	42,4	8,0	109,0
40-44	37,3	6,8	38,2	7,2	102,4
45-49	35,7	6,5	36,7	6,9	102,8
50-54	35,0	6,4	33,4	6,3	95,4
55-59	40,8	7,4	33,4	6,3	81,9
60-64	36,7	6,7	38,2	7,2	104,1
65-69	27,5	5,0	31,8	6,0	115,6
70+	41,8	7,6	47,2	8,9	112,9

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 49.

Показатели старения населения

При оценке процесса демографического старения используется Шкала демографического старения Ж.Боже-Гарнье – Э.Россета. За основу берется показатель «Удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше». Если доля 60-летних менее 8% – это демографическая молодость; 8–10% – преддверие старости; 10–12% – собственно преддверие старости; 12–14% – начальный уровень демографической старости; 14–16% – средний уровень демографической старости; 16–18% – высокий уровень демографической старости; 18% и более – очень высокий уровень демографической старости

Шкала демографического старения ООН (удельный вес населения в возрасте 65 лет и старше). Удельный вес населения в возрасте 65+ менее 4% – молодое население; 4–7% – население на пороге старости; более 7% – старое население

На основе соотношения численности населения в возрасте 60 лет и старше с численностью населения менее 20 лет построен Коэффициент постарения Сови. Показатель менее 20% – низкая степень постарения; 20–30% – средняя степень постарения; 30% и более – высокая степень постарения

Таблица 9 – Показатели старения в РК, СКО и Туркестанской области в 2020 и 2024 гг. (%)

Показатели старения	2020	2024	2024 к 2020 (%)
Ж.Боже-Гарнье-Э.Россет			
Казахстан	12,0	13,6	113,3

Продолжение таблицы №9			
СКО	19,3	22,1	114,5
Туркестанская обл.	7,9	9,3	117,7
ООН			
Казахстан	7,7	8,8	114,3
СКО	12,6	14,9	118,3
Туркестанская обл.	4,8	5,7	118,5
Сови			
Казахстан	34,1	36,9	108,2
СКО	71,8	84,4	117,5
Туркестанская обл.	17,0	20,0	117,6

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 22–51.

Как видно из таблицы 9, по всем международным критериям население СКО очень старое, при этом динамика процесса старения высока. По показателю Боже-Гарнье-Россету в 2024 г. критический показатель (очень старое население) превышен в 1,2 раза, критерий ООН – в 2,1 раза, коэффициент постарения Сови – в 2,8 раза. Население Казахстана по всем показателям также считается старым, население Туркестанской области – молодым. Но следует обратить внимание на динамику процессов старения в течение пяти лет (2020–2024 гг.). Она довольно высокая и, скорее всего, в близкой перспективе станет еще выше. Достаточно посмотреть на динамику численности возрастных групп, определяющих процесс в 2020–2024 гг. (таблица 10).

В СКО процесс выглядит наиболее явно. Если посмотреть на возрастную пирамиду, старение идет как «снизу» (сокращается численность и удельный вес молодого населения), так и «сверху» (увеличивается численность и удельный вес «старого» населения). В результате уменьшается общая численность населения. В Туркестанской области динамика роста численности старших возрастных групп (60 лет и старше) в 3,5 раза

выше динамики роста возрастной группы 0–19 лет (таблица 10). В целом по РК ситуация похожа на Туркестанский вариант, но не так явно выражена – динамика роста возрастной группы 60 лет и старше в 1,7 раза выше динамики роста возрастной группы 0–19 лет.

Таблица 10 – Динамика численности населения и отдельных возрастных групп РК, СКО и Туркестанской области в 2020–2024 гг., %

возраст	Все население	0–19 лет	60 лет и старше
Казахстан	+7,5	+12,8	+21,8
СКО	-3,3	-5,9	+10,6
Туркестанская обл.	+6,4	+7,5	+26,1

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 22–51.

Необходимо отметить, что высокая динамика старших возрастов в Туркестанской области (и, частично, в целом по РК) во многом объясняется «эффектом малых величин», то есть абсолютная численность этой возрастной группы не очень большая, вследствие чего относительные показатели велики. Тем не менее, налицо появление и развитие тенденции старения населения, которая пока нивелируется высокой рождаемостью в регионе. И если процессы рождаемости в течение короткого времени могут измениться, то старение объективно неизбежно. Дело в том, что в возраст 60 лет и старше вступили и будут вступать представители демографического взрыва казахов, случившегося в 1950-е –1960-е гг. Высокая рождаемость в середине XX века трансформировалась в старение населения в первой четверти XXI века. В результате эволюций возрастно-половой структуры населения меняются регионально

дифференцированные компоненты демографической нагрузки (таблица 11) [17].

Таблица 11 – Демографическая нагрузка в 2020–2024 гг. (на 1000 трудоспособного населения)

области	общая нагрузка		нагрузка детьми		нагрузка 65+	
	2020	2024	2020	2024	2020	2024
Казахстан	680	747	508	542	172	205
СКО	636	685	363	358	273	327
Туркест-я область	860	887	738	739	122	148

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 20.

Согласно данным таблицы 11, в СКО – самая низкая общая демографическая нагрузка, в Туркестанской области – самая высокая. При этом присутствует кардинальная разница в структуре общей демографической нагрузки. В 2024 г. в СКО нагрузка детьми составляла 52,3% общей нагрузки, в Туркестанской области – 83,3%. Нагрузка пожилыми, соответственно, 47,3% (самая высокая в Казахстане, наряду с ВКО) и 16,7%. Показатели демографической нагрузки в этих областях предполагают существенно разные программы социальной поддержки населения. В среднеказахстанском варианте нагрузка детьми составляет 72,6%, пожилыми – 27,4% общей нагрузки.

Тенденции эволюций структуры демографической нагрузки, могущих иметь среднесрочную инерцию, представлены в таблице 12.

Как видно из таблицы 12, динамика роста нагрузки пожилыми значительно выше, чем динамика роста (а в СКО – сокращение) нагрузки детьми. Во многом это объясняется существенно разной представленностью молодого и пожилого

населения в абсолютных показателях. Молодого населения намного больше. Но судя по динамике показателей старения населения (особенно коэффициента постарения Сови), в перспективе проблема будет нарастать.

Таблица 12 – Динамика показателей демографической нагрузки в 2020–2024 гг. (%)

	Общая нагрузка	Нагрузка детьми	Нагрузка пожилыми
Казахстан	+9,9	+6,7	+19,1
СКО	+7,7	-1,4	+19,9
Туркестанская обл.	+3,1	+0,1	+21,3

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 20.

Воспроизводство населения

Показатели воспроизводства населения включают в себя рождаемость, смертность, естественный прирост (брачность, разводимость и т. д. в данном случае мы не рассматриваем). Под влиянием воспроизводства численность и структура населения меняются довольно медленно и социально-экономический результат этих изменений может проявиться не скоро (например, демографический взрыв казахов в 1950–60-е гг. вызвавший демографические волны (рост рождаемости) в 1980-е и 2000-е гг., в настоящее время определяющий процессы старения населения).

Рассмотрим ключевые, наиболее распространенные параметры. В таблице 13 представлена динамика общих коэффициентов рождаемости, смертности, естественного прироста. Необходимо помнить, что эти коэффициенты дают лишь общее представление о ситуации и не вполне адекватно отражают суть социально-демографических процессов, так как существенно зависят от эволюций возрастной структуры.

Таблица 13 – Общие коэффициенты рождаемости (ОКР), смертности (ОКС), естественного прироста (ЕП) Республики Казахстан и Северо-Казахстанской области в 2023 г., на 1000 человек.

Годы	Казахстан			СКО		
	родившиеся	умершие	естественный прирост	родившиеся	умершие	естественный прирост
2009	22,14	8,88	13,26	14,92	13,35	1,57
2010	22,53	8,95	13,58	14,75	13,57	1,18
2011	22,51	8,72	13,79	14,78	13,78	1,00
2012	22,70	8,54	14,16	14,99	13,56	1,43
2013	22,73	8,00	14,73	14,82	13,13	1,69
2014	23,70	7,65	15,45	14,32	12,11	2,21
2015	22,71	7,46	15,25	14,25	11,78	2,47
2016	22,52	7,37	15,15	13,58	11,91	1,67
2017	21,64	7,15	14,49	13,17	11,84	1,33
2018	21,77	7,14	14,63	12,93	11,79	1,14
2019	21,71	7,16	14,55	12,47	12,14	0,33
2020	22,75	8,58	14,17	12,60	13,74	-1,14
2021	23,47	9,54	13,93	12,02	15,52	-3,50
2022	20,57	6,80	13,77	10,96	11,64	-0,68
2023	19,52	6,57	12,95	10,44	11,11	-0,67

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2017. – С. 86–91; Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2019. – С. 67–71; Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 66–70.

Тенденции процессов воспроизводства в СКО схожи с общеказахстанскими, только выражены более явно. До 2015 г. наблюдается некоторый рост естественного прироста, определяемый общим коэффициентом рождаемости. Начиная с 2016 г. естественный прирост постепенно уменьшается. В 2020 г. обозначилась новая точка отсчета демографических явлений – общий коэффициент смертности, несмотря на сокращение в

2015–2023 гг. на 5,7%, превысил общий коэффициент рождаемости. Определяющую роль в депопуляции играет снижение рождаемости – на 26,7% в 2015–2023 гг.

Таблица 14 – Общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста Казахстане, Туркестанской и Северо-Казахстанской областях в 2023 г., на 1000 человек.

регионы	ОКР	ОКС	ЕП
Казахстан	19,52	6,57	12,95
СКО	10,44	11,11	-0,67
Туркестанская обл.	26,18	4,73	21,45

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 65–74.

Данные таблицы 14 демонстрируют весь демографический диапазон РК, полярными точкам которого являются СКО и Туркестанская область. Как видно из таблицы, ОКР Туркестанской области в 2,5 раза превышает аналогичный показатель в СКО, в свою очередь ОКС в СКО в 2,3 раза выше, чем в Туркестанской области. В результате в СКО наблюдается депопуляция, в Туркестанской области – демографический взрыв.

Возрастные коэффициенты рождаемости (ВКР) показывают календарь рождений женщин в репродуктивный период (15–49 лет). На них, так же, как и на суммарный коэффициент рождаемости, возрастная структура не оказывает влияния. Как видно из таблицы 15, возрастные коэффициенты рождаемости в СКО в сравнении с Туркестанской областью в два и более раза ниже во всех группах репродуктивного возраста. Намного меньше показатели СКО и в сравнении со среднеказахстанским вариантом.

Таблица 15 – Возрастные коэффициенты рождаемости РК, Туркестанской области и СКО. 2023 г., на 1000 женщин указанного возраста.

Возраст женщин	Казахстан	СКО	Туркестанская область	СКО к РК (%)	СКО к Туркестанской области (%)
15-49	83,53	47,35	120,87	56,7	39,2
15-19	17,59	13,58	26,49	77,2	51,3
20-24	147,90	92,35	263,62	62,4	35,0
25-29	181,25	114,45	261,71	63,1	43,7
30-34	136,24	84,75	188,50	62,2	45,0
35-39	82,78	45,54	108,50	55,0	42,0
40-44	24,16	13,19	28,04	54,6	47,0
45-49	1,68	0,48	1,48	28,6	32,4
СКР	2,96	1,82	4,39	61,5	41,4

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 146–147.

В результате суммарный коэффициент рождаемости в 2023 г. в СКО равнялся 1,82 – самый низкий коэффициент в РК. При этом динамика сокращения СКР довольно высока – в 2020–2023 гг. он стал меньше на 10,8% (2,04 в 2020 г. и 1,82 в 2023 г.) В то же время, в Туркестанской области в 2023 г. СКР равен 4,39, Мангистауской – 4,00, Атырауской – 3,53. Среднеказахстанский вариант в 2023 г. – 2,96 [18]. Напомним, что СКР (среднее число детей, которых женщина родила за свою жизнь) считается наиболее точным измерителем рождаемости. Показатель СКР ниже 2,20 может привести к депопуляции, показатель СКР более 4,00 свидетельствует о демографическом взрыве, негативными последствиями которого является то, что возникают проблемы социально-экономического развития мо-

лодого поколения.

Инерция явления может быть довольно долгой – нетто-коэффициент воспроизводства (число девочек, рожденных одной женщиной и доживших до возраста матери) в 2023 г. равнялся в СКО 0,88. То есть число будущих матерей (через 20–25 лет), будет меньше, чем число матерей современных. Другими словами – на 100 современных матерей в перспективе будет приходиться 88 матерей. Если показатели рождаемости у них будут такими же, как у современных женщин – число рождений еще более сократится. В то же время, в Туркестанской области нетто-коэффициент воспроизводства равен 2,16, Мангистауской – 1,98, Атырауской – 1,71, в среднем в РК – 1,42 [19].

Таким образом, коэффициенты рождаемости в СКО – самые низкие в РК. Большое значение для определения социального самочувствия населения имеет и такой критерий, как число аборт на 100 родившихся. В СКО на 100 рождений приходится 41,5 абортов – самый высокий показатель в РК (в Туркестанской области – 12,2, в РК – 18,1) [20].

Наиболее адекватным критерием состояния медицины, социальной сферы является коэффициент младенческой смертности (КМС – число умерших младенцев на 1000 рожденных). Особенность в том, что КМС фиксирует рождения и смерть в течение одного года и отражает ситуацию именно этого года (в отличие от ОКС, влияние на который могут оказывать старшие поколения, умирающие от причин, полученных в прошлые годы). Среднемировой КМС в 2020 г. равнялся 31,0 промилле (то есть из 1000 рожденных умирал в течение года 31 младенец). Мировой диапазон довольно велик: В Центрально Африканской Республике он равен 80,0 промилле, в Эстонии – 1,50, Словении – 1,60, в России – 4,20. В Центральной Азии: Узбекистан – 11,0 промилле, Кыргызстан – 15,00, Таджикистан – 27,00, Туркменистан – 43,00 промилле. В РК в 2023 г. КМС был равен 7,67 промилле, в СКО – 8,53. Самые низкие показатели зафиксированы в Астане – 6,06 и Алматы – 5,99 промилле

[21].

Общие коэффициенты смертности в СКО в 2023 г. выше республиканских показателей на 69,1% (таблицы №13,14). Такой разрыв объясняется не только более старой возрастной структурой населения СКО. В таблице 16 представлены возрастные коэффициенты смертности, не зависящие от изменений возрастной структуры населения. Как свидетельствуют данные таблицы, сравнение СКО со среднереспубликанскими показателями не демонстрирует существенной разницы. Более того, в возрасте 5–19 лет коэффициенты смертности в СКО меньше казахстанских. Но начиная с 20-летнего возраста показатели СКО становятся заметно выше. Наиболее явно разница ощущается в активном трудоспособном возрасте (25 лет – 44 года). Так, в возрасте 25–29 лет коэффициент смертности в СКО выше казахстанского на 32,6%, 30 – 34 года – на 67,8%, 35 – 39 – на 44,6%, 40–44 – на 37,1%. В возрасте старше 45 лет разрыв сохраняется, но не столь значительный чем в группе 25 – 44-летних.

Таблица 16 – Возрастные коэффициенты смертности РК и СКО, 2023 (на 1000 населения указанного возраста)

Возраст, лет	Казахстан	СКО
Все население	6,57	11,11
0	7,63	8,49
1-4	0,54	0,62
5-9	0,26	0,19
10-14	0,27	0,24
15-19	0,57	0,45
20-24	0,77	0,88
25-29	0,98	1,30
30-34	1,43	2,40
35-39	2,15	3,11

Продолжение таблицы №16		
40-44	3,53	4,84
45-49	5,25	6,68
50-54	7,10	9,02
55-59	9,88	11,37
60-64	15,26	17,07
65-69	22,35	25,15
70-74	33,70	37,42
75-79	49,16	50,98
80-84	82,38	87,18
85 и старше	129,53	139,60

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 160, 202.

По мнению авторов, повышенные показатели смертности в активном трудоспособном возрасте свидетельствуют больше о социально-экономических проблемах, а не о состоянии медицины в СКО. Во многом об этом говорят и данные о причинах смертности (таблица 17).

Таблица 17 – Умершие по основным классам причин смертности в 2023 г. (на 1000000 человек)

Причины смертности	Казахстан	СКО
От болезней системы кровообращения	144,50	173,10
От новообразований	68,86	90,21
От болезней органов дыхания	65,01	156,74
От несчастных случаев, отравлений и травм	59,94	77,24
От болезней органов пищеварения	53,42	101,11
От транспортных несчастных случаев	13,24	8,46

Продолжение таблицы №17		
Самоубийства	7,67	18,79
От инфекционных и паразитарных заболеваний	6,39	6,77
Убийства	2,46	4,70
От туберкулеза	1,33	2,82

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 228–265.

Сравнительный анализ показателей Казахстана и СКО свидетельствует, что в СКО по всем основным классам причин смертности, за исключением транспортных несчастных случаев, показатели существенно выше. Так, смертей от болезней органов дыхания в 2,4 раза больше среднеказахстанского варианта, от туберкулеза – в 2,1 раза, от болезней органов пищеварения – в 1,9 раза, убийств – в 1,9 раза и т. д. О неблагоприятной ситуации косвенно свидетельствует и количество самоубийств в СКО – их в 2,4 раза больше, чем в среднем по Казахстану.

Таким образом, демографическое развитие СКО идет по негативному сценарию: низкая рождаемость, высокая смертность, миграционный отток, сокращение численности населения. Все это позволяет говорить о демографическом кризисе, переживаемым Северо-Казахстанской областью во втором десятилетии XXI века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жаркенова А.М., Численность и этнический состав населения Северного региона Казахстана в постсоветский период //Историческая и социально-образовательная мысль. – №4. – 2010. – С 90–95.
2. Ильясова Г.С., Садыков Т.С., Жеребцов И.Л. Этнодемогра-

фическое развитие Северного Казахстана в 1999–2022 годы: история, проблемы и перспективы //Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. – 2023. – №2. – С.132–139.

3. Самаркин С.В. Социально-демографические процессы в Северном Казахстане в конце XIX – первой четверти XX века. Автореферат. К.и.н. – Караганда, 2010. – 25 с.

4. Никифоров И.Д. Динамика численности населения северных областей Казахстана в 1939-1940 гг. // Социально-политическая история Приишимья: Тез.выступл. на конф. – Целиноград, 1990. – С. 100–103.

5. Калыш А.Б. Этнологические процессы в Северном Казахстане – 2015. [Электронный ресурс] <https://e-history.kz/media/upload/1466/2015/02/17/d40bc01e9d2d6694f526f3909ff82b89.pdf>

6. Темирбаева Р. К., Оразбекова К. С., Ажиров Н. А. Современные демографические процессы в Северо-Казахстанской области. //Экономическая география. – 2021. – №3. – С.59–65.

7. Касымбаев Ж.К. Политические и хозяйственные факторы заселения городов Северо-Восточного Казахстана казахами и другим тюркоязычным населением //Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных стран. – Омск. – 1984.

8. Касымбаев Ж.К. Городское население Восточного Казахстана (XIX век до 90-х гг.) // Проблемы социально-экономического и этнодемографического развития городов Казахстана. – Алма-Ата. –1986.

9. Гладышева Е.Н., Дагаева Т.К. Некоторые аспекты влияния миграции на формирование населения городов Северного Казахстана // Вопросы демографии: Материалы конф. 27-29 октября 1966 г. – Киев, 1968. – С. 178-182.

10. Есетов С. К., Мрачковский А. Е. Миграционные процессы на территории Северо - Казахстанской области в период освоения целинных и залежных земель. – 2005.

11. Мрачковский А. Е. Регулирование трудовой миграции как фактора повышения эффективности использования трудовых ресурсов: На примере Северо-Казахстанской области. Автореферат диссертации к.э.н. 1999. – 24 с.
12. Шатных А.В., Лебедева Т.В. Население Северо-Казахстанской области за 100 лет. Петропавловск.: ППИ «Поиск», 1993. – 43 с.
13. Рассчитано по: Народное хозяйство Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. – С. 224, 226–227.
14. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7–70; Национальный состав РК. Том 4, часть 1. Население РК по национальностям, полу и возрасту / Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Статистический сборник /под ред. А.Смаилова/. – Алматы, 2000. С. 6–237.
15. Демографический ежегодник Казахстана. Астана. 2024. – С. 49.
16. Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 15.
17. Демографическая нагрузка – соотношение численности непроизводительного населения (дети – 0-14 лет, пожилые – 65 лет и старше) и трудоспособного населения (15 – 64 года).
18. Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 146–148.
19. Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 146–148.
20. Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 154.
21. Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2024. – С. 221.

**О ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ ОШИБОК
СОВЕТСКОГО И ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА
ТУРКЕСТАНА ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ
С ЗАРОЖДЕНИЕМ БАСМАЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
(1917–1920 гг.)**

Аннотация

История вооруженной борьбы коренных народов Туркестана против советской власти, продолжавшаяся в регионе на протяжении 1920-х – начала 30-х гг., более известная под названием басмаческого движения, до настоящего времени исследована крайне неудовлетворительно. Острые дискуссии специалистов вызывают вопросы, связанные с определением причин возникновения и массовости басмачества. Нет единого мнения историков относительно того, насколько серьезно на эти факторы повлияли просчеты, допущенные советским и партийным руководством Туркестана. В предлагаемой работе автор, опираясь на материалы вновь выявленных источников из фондов Российского государственного архива социально-политической истории и анализ опубликованных в последние годы специальных исследований, приходит к выводу, что значительная часть причин, вызвавших масштабность движения и его поддержку со стороны населения, стала результатом грубых ошибок самой советской власти в области экономических мероприятий и социально-политических реформ. Исправление этих ошибок, привлечение новых форм и методов работы с коренными народами позволили одержать победу в борьбе с басмачеством и нормализовать внутривнутриполитическую ситуацию в крае в вопросах внутренней политики.

Ключевые слова: Туркестан, советская власть, басмаческое движение, борьба, социально-политические реформы.

Abstract

The history of the armed struggle of the indigenous peoples of Turkestan against the Soviet government, which continued in the region during the 1920s and early 1930s and is better known as the Basmachi movement, has been studied to a very limited extent. There is a lack of consensus among historians regarding the extent to which the miscalculations made by the Soviet and party leadership in Turkestan contributed to the rise of the Basmachi movement. In this work, the author, based on newly discovered sources from the Russian State Archive of Social and Political History and the analysis of special studies published in recent years, concludes that a significant part of the reasons for the scale of the movement and its support from the population were caused by the Soviet government's own grave mistakes in economic measures and socio-political reforms. Correcting these mistakes and adopting new forms and methods of working with indigenous peoples allowed the Soviet government to defeat the Basmachi movement and normalize the internal political situation in the region.

Keywords: Turkestan, Soviet power, Basmachi movement, struggle, socio-political reforms.

Ликвидация идеологических рамок и административных запретов, последовавшая вслед за распадом Советского Союза, позволила исследователям получить доступ к закрытым ранее архивным источникам. Этот фактор способствовал, в свою очередь, тому, что в центре внимания историков оказались сюжеты, которые на протяжении десятилетий оставались за рамками активной исследовательской деятельности. К их числу можно с полным правом отнести вопросы, связанные с деятельностью басмаческого движения, причинами его возникновения и многолетней активности. Эти вопросы оказались в центре научных дискуссий и дебатов исторического сообщества. При этом в 90-х гг. XX и первой четверти XXI вв. наряду с работами многих исследователей, придерживающихся устоявшихся

оценок характера басмаческого движения, стали появляться публикации, которые не только опровергали эти оценки, но более того, объявляли само движение басмачей мифом, который на протяжении многих лет создавался и поддерживался советской идеологической машиной. Интересно то, что эта тенденция достаточно четко обозначилась в российской историографии. Например, авторы вышедшей в 2016 году работы «Кто такие басмачи? Советское мифотворчество и стигматизация Гражданской войны в Средней Азии» Л.Е. Бляхер и И.Ф. Ярулин утверждают, что басмаческое движение не более чем «Концепт, некогда рожденный из совершенно утилитарных соображений для обозначения врагов, по отношению к которым можно было не стесняться в выборе средств». Со временем он «... окончательно лишился предметного содержания. «Басмачи» превратились в некий аналог иблиса (дьявола) темной силы, борьба с которым могла продолжаться вечно» [1, с. 119].

В это же время большинство специалистов, представляющих бывшие среднеазиатские советские республики, в работах, посвященных басмаческому движению, утверждают, что оно являло собой реальную форму общенационального сопротивления коренных народов региона беззаконию и глумлению над обычаями, традициями и духовной жизнью населения со стороны установленной в Туркестане большевистской власти. Это вполне определенно звучит, например, в работах узбекского историка К. К. Раджабова, который пишет, что причиной вооруженного сопротивления населения советской власти стал «...разнузданный террор над мирным населением, его грабеж и массовое истребление, издевательства над честью и достоинством народа» [2, с. 27].

Совершенно очевидно, что столь радикальные противопоставления в оценках определяют необходимость более тщательного исследования причин, определивших характер самого басмаческого движения, его массовость, социальный состав и продолжительность.

В большинстве работ, посвященных истории басмаческого движения, опубликованных как в России, так и в бывших советских республиках в последние годы, отправной точкой и причиной зарождения движения указывается грубейшая ошибка большевиков, допущенная ими в области национальной политики сразу после захвата власти. Она заключалась в том, что при формировании нового верховного органа края, Совета Народных Комиссаров, которое проходило в Ташкенте на III Краевом съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, работавшем с 15 по 22 ноября, большевики и их союзники по фракции (социалисты – революционеры - максималисты) решили не допускать в его состав на руководящие должности представителей местного мусульманского населения.

Вполне понятно, что это решение вызвало справедливое возмущение в среде активных слоев мусульманских народов края. В результате ряд национальных партий Туркестана, в том числе «Иттифак», «Шура -и-Улема», «Шура и Ислами», объявили о своем категорическом несогласии с решением Съезда и провели в Коканде IV Всетуркестанский курултай мусульман. Делегаты Курултая приняли 27 ноября 1917 года резолюцию, провозгласившую создание Туркестанской автономии – «Туркестан мухторияти», более известную в истории под названием Кокандской автономии. Следует отметить, что, кроме указанной резолюции, делегаты направили Совету Народных Комиссаров вполне миролюбивое обращение, в котором просили «Не иметь конфликт между своими братьями русскими и мусульманами... не вмешиваться в наши национальные дела, не ставить препятствий к осуществлению нашего самоопределения, согласно русских же обещаний» [3, л. 6–7]. Однако, вместо ожидаемого диалога советское правительство направило из Ташкента карательную экспедицию. Отряды Красной гвардии, входившие в эту экспедицию, в ходе проведенной военной операции 9–10 февраля 1918 года не только разогнали

правительство Кокандской автономии, но и подвергли разгрому кварталы мирного населения Коканда. В результате этой «операции» погибло более 10 тыс. горожан и жителей соседних кишлаков. Ответственный секретарь ЦК КП(б) Туркестана А. А.Сольц, оценивая несколько позже эти события, писал в газете «Известия», что «Кокандские события фактически были бойней для невооруженных мусульманских масс города (полу-пролетарских и мелкобуржуазных...)» [4, л. 97].

Именно эти события, породившие справедливое возмущение мусульманского населения края, многие современные авторы рассматривают как отправную точку зарождения и развития басмаческого движения. С этим мнением в целом можно согласиться, тем более что выявленные архивные источники подтверждают факт появления первых басмаческих отрядов и быстрого роста их числа сразу после разгрома Кокандской автономии

Вместе с тем есть веские основания полагать, что, помимо кокандских событий, значительную роль в причинах возникновения - а главное, массовости и активности басмаческого движения - сыграли социально-экономические мероприятия, которые советские власти Туркестана начали энергично реализовывать уже в 1918 году. На практике это означало самое грубое вмешательство в духовную жизнь коренных народов Туркестана, попрание сложившихся здесь обычаев, культуры, разрушение системы межнациональных отношений мусульман. Таким образом ситуацию в нараставшем противостоянии усугубляли, с одной стороны, неоправданно жестокие репрессивные меры со стороны частей Красной армии в отношении «пораженного басмачеством» мирного населения». А с другой – религиозный фанатизм и сложившиеся в общественной жизни мусульман обычаи беспрекословного подчинения старейшинам и муллам. Командующий группировкой Красной армии в Фергане М. Сафонов посчитал необходимым специально указать на эти проблемы в своей статье в центральном

печатном органе ЦК КПТ и СНК Туркестана – газете «Известия». Касаясь неоправданных репрессий в отношении мирного населения, он, в частности, привел конкретный пример, когда в ходе карательного похода красногвардейских отрядов, сформированных из железнодорожников под командованием некоего Д.Е. Коновалова, «были перебиты до десяти тысяч сартов (сарты – общее наименование части населения Средней Азии. – В.Б.) и обещали сравнять с землей всякий кишлак, в котором окажутся басмачи» [5, с. 285]. В то же время, касаясь вопроса неготовности мусульманского населения Туркестана к принятию развернувшихся в крае революционных преобразований, командарм указывал, что «... Фергана – страна сплошь мусульманская, живущая по шариату, согласно которому бай – это благословенный богом человек. Советская власть пришла с утверждением прямо противоположным: буржуй – это главное зло в жизни, которое надо уничтожить» [6, л. 70]. Наконец, крайне негативное отношение со стороны населения вызвали меры «военного коммунизма». Особенную враждебность среди широких слоев дехканства встречали законы, вводившие продразверстку, запрет базаров, свободную торговлю хлебом и хлопком. И это при том, что «...более 87% коренного населения края занималось сельским хозяйством» [7, с. 158]. Совершенно очевидно, что проведение в жизнь перечисленных мероприятий, даже без каких-либо дополнительных форм враждебной агитации, превращало большую часть жителей региона во врагов советской власти. Ситуацию усугубляло то, что реализация перечисленных мероприятий осуществлялась с помощью частей Красной армии в то время, как в самой армии на крайне низком уровне находились воинская дисциплина и политическое сознание. Как следствие этого проводимая продразверстка превращалась в обыкновенный грабеж и масштабное мародерство.

М. Сафонов, отмечая эти факторы, писал в своей статье, что «Грабительством были поражены все Ферганские гарни-

зоны, а местные власти либо не решались ничего предпринять из-за угроз со стороны грабителей, либо – наоборот проявляли... необычную предприимчивость, по части пропавших в их широких карманах контрибуций и пр.» [8, л. 75]. В результате люди, озлобленные откровенными грабежами, фактическим беззаконием и нищетой, пополняли отряды басмачей, курбаши которых позиционировали себя как защитников их интересов и чаяний.

П.А. Кобозев, являвшийся председателем ЦИК Туркестанской Советской республики, в июле-сентябре 1919 г., касаясь в своих воспоминаниях отмеченных проблем, также подчеркивал, что «пренебрежение коренными интересами малых иноплеменных окраин может привести (что уже имело место в Туркестане) к сильному падению авторитета и престижа советской власти» [9, л. 3]. Эту точку зрения разделяют не только российские, но и зарубежные исследователи. Например, на грубые ошибки правительства большевиков в работе с коренным населением Туркестана указывают в своих работах американские исследователи Р. Пайпс (R. Pipes) и М. Олкотт (M. Olcott). Они подчеркивают, что зарождение басмачества во многом явилось следствием ошибок советского руководства в области национальной и экономической политики [12], [13].

Все попытки борьбы с отрядами басмачей только военными методами, в том числе с применением самых жестких форм (обстрелы кишлаков из артиллерийских орудий, массовые расстрелы, взятие заложников и пр.), предпринимаемые советским руководством Туркестана в 1918–1919 гг., не только не давали заметного результата, но вели к его нарастанию. При этом наиболее сложной проблемой для властей и командования частей Красной армии являлось то, что басмачи пользовались активной поддержкой населения. Движение все более приобретало характер именно народного.

Таким образом, в борьбе с басмачеством на первое место перед партийным и советским руководством Туркестана вы-

шла задача поиска таких форм и методов работы с местным населением, которые смогли бы привлечь его симпатии к новой власти и тем самым лишить басмаческое движение социальной базы и массовой поддержки народа.

На первом съезде Коммунистической партии Туркестана (КПТ), который в июне 1918 г. состоялся в Ташкенте, его делегаты посчитали необходимым провести в жизнь ряд срочных мер. В том числе: «... признание языка местного населения, преобладающего по всей республике, тюркского, государственным наряду с русским со всеми мероприятиями, отсюда вытекающими; образование при всех областных, уездных и местных совдепах комиссариатов по национальным делам для самой энергичной агитации и привлечения широких масс мусульманства к советской работе» [12, л. 21].

В марте 1919 г., по решению ЦК КПТ, было создано Краевое мусульманское бюро во главе с авторитетным в партийных кругах и среди местного населения большевиком Тураром Рыскуловым, что стало важным шагом в деле укрепления связей с мусульманским населением республики. Издательский отдел бюро приступил к выпуску газеты «Иштирокиюн» («Участие»). Следом началось издание периодической печати на узбекском языке в других городах Туркестана.

Вместе с тем следует отдельно подчеркнуть, что на фоне всех этих важных и действенных мер наиболее позитивную роль в вопросе борьбы с басмачеством сыграла принятая в 1921 году новая экономическая политика. Отмена политики военного коммунизма, замена продразверстки продналогом и частичное возвращение привычных населению рыночных механизмов, наряду с ранее принятыми мерами, сняли остроту противостояния коренного населения Туркестана с новой властью. Это позволило в дальнейшем нормализовать в регионе общественно-политическую ситуацию и приступить к мирному строительству.

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что басмаче-

ское движение, охватившее в 1920-х годах весь среднеазиатский регион, было в социально-экономическом и общественно-политическом отношении явлением сложным и многофакторным. Что одним из наиболее негативных элементов в череде ошибок молодой советской власти, способствующих возникновению и развитию басмаческого движения, стала политика самих партийных и советских органов и, в частности, проведение непродуманных социально-экономических реформ, которые на деле превратились в один из основных факторов, способствовавших возникновению и развитию этого явления.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бляхер Л. Е. Ярулин И. Ф. Кто такие басмачи? Советское мифотворчество и стигматизация Гражданской войны в Средней Азии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 2. С. 109–123.
2. Раджабов К. К. Вооруженное движение против Советской власти в Туркестане (1918–1935 гг.). // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан / Ред. кол.: Гаязов А. С., Акманов А. И., Янгиров [и др.] Ч. 2. Уфа, 2019. С. 27–31.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 133. Оп. 1. Д. 24. Л. 6–7.
4. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527.
5. Лысенко Ю. А., Бармин В. А., И. В. Анисимова И.В., Бочкарева И. Б., Тарасова Е. В., Дикова Н.В., Стурова М. В. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. – 384 с.
6. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585.
7. Солодова Г. С. Управление Туркестанским краем – некоторые принципы установления российского влияния / Г. С. Солодова // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология.

2019. № 51. С. 158–166.
8. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585.
9. РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 24.
10. Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism 1917–1923 /R. Pipes. – Cambridge: Harvard University Press, 1964 – 365 p.
11. Olcott M. The Basmachi of Fremen’s Revolt in Turkistan, 1918–1924 / M. Olcott // Soviet Studies. – 1981 – Vol. 33 – No. 3 – P. 352–369.
12. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1503.

Батешов Е.А.

ОТ ЮГА К СЕВЕРУ: НОВАЯ МОДЕЛЬ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ ЧЕРЕЗ АЛЬТЕРНАТИВНУЮ ГРАЖДАНСКУЮ СЛУЖБУ

Аннотация

В условиях усиливающегося регионального дисбаланса и миграционного оттока молодежи в мегаполисы Казахстана возрастает необходимость институционализировать механизмы стимулирования внутренней миграции. В статье рассматривается возможность внедрения альтернативной гражданской службы как инструмента выравнивания региональных трудовых ресурсов, социальной интеграции молодежи и укрепления национального единства. Представлена конкретная модель распределения призывников между трудоизбыточными и трудодефицитными регионами с учетом принципов социальной справедливости и экономической целесообразности. Подчеркивается потенциал предлагаемого механизма в снижении уровня безработицы среди молодежи, усилении межрегиональных связей и формировании единого ментального пространства. Предложение получило официальный ответ Мини-

стерства обороны РК, что отражено в заключительной части работы.

Ключевые слова: внутренняя миграция, альтернативная служба, молодежная политика, региональная диспропорция, трудовые ресурсы, Казахстан, национальное единство, гражданская интеграция.

Abstract

Amid growing regional disparities and the increasing migration of youth to Kazakhstan’s major cities, there is a pressing need to institutionalize mechanisms that stimulate internal migration. This article explores the possibility of introducing alternative civilian service as a tool for balancing regional labor resources, fostering youth social integration, and strengthening national unity. A concrete model is proposed for the redistribution of conscripts between labor-surplus and labor-deficient regions, taking into account principles of social justice and economic rationality. The proposed mechanism is highlighted for its potential to reduce youth unemployment, enhance interregional ties, and promote a unified mental and cultural space. The proposal received an official response from the Ministry of Defense of the Republic of Kazakhstan, which is presented in the final section of the paper.

Keywords: internal migration, alternative service, youth policy, regional disparity, labor resources, Kazakhstan, national unity, civic integration.

Альтернативная гражданская служба представляет собой трудовую деятельность, осуществляемую вместо военной службы по призыву в интересах общества, при наличии у гражданина убеждений, препятствующих прохождению военной службы [1].

Альтернативная гражданская служба – это международно признанная практика, реализуемая в ряде стран, включая Германию, Австрию, Южную Корею, Россию и др. Она соотно-

сится с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах и отвечает современным вызовам, стоящим перед Казахстаном.

Альтернативной гражданской службой с точки зрения международных правозащитников должна быть во всех странах, где существует обязательная воинская повинность. «Казахстану следует в законодательном порядке признать право на отказ от несения военной службы по религиозным и иным убеждениям, а также предусмотреть альтернативную службу гражданского характера для лиц, отказывающихся от несения военной службы по этим убеждениям» - говорится в аналитическом докладе управления Верховного комиссара ООН по правам человека «Отказ от военной службы по соображениям совести» за 2017 год [2].

В настоящей статье мы предлагаем рассмотреть формат альтернативной службы в Республике Казахстан, как один из вариантов решения вопроса поиска современных решений социальных вызовов, в том числе связанных с миграцией молодежи, региональным неравенством, дефицитом трудовых ресурсов и необходимостью укрепления национального единства. Все это в купе должно решать стратегический вопрос безопасности страны, понимаемой не только как совокупность военных ресурсов и технологического потенциала, но и как результат устойчивого социального развития и внутренней консолидации общества.

В этой связи предлагаем рассмотреть возможность внедрения системы альтернативной службы со следующими основными положениями:

I. Основные положения предлагаемой модели:

1. Срок альтернативной службы – 21 месяц (по аналогии с практикой РФ), с обязательным трудоустройством на социально значимых и экономически необходимых позициях.

2. Региональное перераспределение: Жители трудоизбыточных регионов проходят службу в трудодефицитных регионах,

и наоборот. Регион призыва не должен граничить с регионом прохождения службы (исключение: Актюбинская и Костанайская области).

1. Минимальный срок проживания в регионе призыва – не менее 5 лет. В противном случае призыв осуществляется с прежнего постоянного места проживания. Студент с трудоизбыточного региона, поступивший в учебное заведение по программе «Серпін», после окончания учебы будет призываться на альтернативную службу как с населенного пункта своего постоянного проживания, т. е. с юга или Мангистауской области. То же самое касается людей, переселившихся по программе «Енбек» в трудодефицитные области.

2. Контроль за службой: отслеживание социальных/пенсионных отчислений; регулярные проверки участковыми, сотрудниками военкоматов и местных акиматов; создание единой цифровой платформы. В единой цифровой платформе «Альтернативная служба» будут вестись учет, отслеживание и проверка службы, публикация вакансий и сопровождение перемещений. Это также создаст дополнительную прозрачность и снизит коррупционные риски.

3. Общедоступность: Прохождение альтернативной службы должно быть открыто для всех граждан, вне зависимости от религиозных или моральных убеждений.

4. Формы альтернативной службы: социально-трудовая (медицина, образование, соцподдержка); инфраструктурно-гражданская (строительство, ЖКХ, экология).

5. Финансирование: Проезд, проживание и питание – за счет самих альтернативщиков. Зарплата – по месту трудоустройства.

II. Ожидаемые положительные эффекты:

6. Обеспечение трудовыми ресурсами дефицитные регионы.

7. Снижение регионального неравенства и развитие межрегиональных связей.

Таблица 1. Распределение регионов Казахстана по альтернативной службе

Регионы призыва	Регионы потенциальной службы
Туркестанская область, г.Шымкент, Кызылординская обл, населенные пункты агломерации г.Алматы	СКО, Костанайская обл, ВКО, Павлодарская обл, Карагандинская обл, Акмолинская область (за исключением населенных пунктов агломерации г.Астаны), область Абай, ЗКО
Алматинская область	СКО, Костанайская обл, ВКО, ЗКО, Павлодарская обл, область Улытау, Акмолинская область (за исключением населенных пунктов агломерации г.Астаны), область Абай
Область Жетысу	СКО, Костанайская обл, ВКО, ЗКО, Павлодарская обл, Акмолинская область (за исключением населенных пунктов агломерации г.Астаны), область Улытау
область Улытау	СКО, ВКО, Павлодарская обл, ЗКО, Акмолинская область (за исключением населенных пунктов агломерации г.Астаны), область Абай, область Жетысу
Мангистауская область, Атырауская область, Актюбинская область, ЗКО	СКО, Костанайская обл, ВКО, Павлодарская обл, Карагандинская обл, Акмолинская область (за исключением населенных пунктов агломерации г.Астаны), области Абай, Улытау, Жетысу
населенные пункты агломерации г.Астаны	СКО, Костанайская обл, ВКО, ЗКО, Павлодарская обл, область Абай, область Улытау, область Жетысу
Жамбылская область	СКО, Костанайская обл, ВКО, ЗКО Павлодарская обл, Акмолинская область (за исключением населенных пунктов агломерации г.Астаны), область Абай, область Жетысу
СКО, Костанайская обл, ВКО, Павлодарская обл, Акмолинская область (за исключением населенных пунктов агломерации г.Астаны)	Туркестанская обл, Кызылординская обл, Мангистауская обл, Атырауская обл, Актюбинская обл, область Жетысу, Жамбылская область, г.Шымкент Алматинская область (за исключением населенных пунктов агломерации г.Алматы)
область Абай	СКО, Костанайская обл, область Улытау, Акмолинская область (за исключением населенных пунктов агломерации г.Астаны), Туркестанская обл, Кызылординская обл, Мангистауская обл, Атырауская обл, Актюбинская обл, Актюбинская обл, ЗКО, Жамбылская обл, г.Шымкент, Алматинская область (за исключением населенных пунктов агломерации г.Алматы),
Карагандинская область	Туркестанская обл, Кызылординская обл, Мангистауская обл, Атырауская область, Актюбинская обл, г.Шымкент

8. Формирование единого культурного и ментального пространства, противодействие трайбализму.

9. Повышение мобильности молодежи, формирование новых семейных и трудовых связей.

10. Укрепление государственности, правопорядка и гражданской идентичности.

11. Предоставление занятости для выпускников школ и безработной молодежи.

12. Снижение коррупционных рисков при военном призыве за счет наличия прозрачной альтернативы.

III. Дополнительные предложения:

13. Рассмотреть пилотный запуск программы в 2026 году на базе одного трудоизбыточного и одного трудодефицитного региона.

14. В случае выявления фактов симуляции или неисполнения трудовой функции альтернативщик должен быть переведен на обычную срочную службу или крупный штраф – такая ответственность придаст дисциплины процессу.

В Министерстве обороны Республики Казахстан наше предложение о внедрении формата альтернативной службы было рассмотрено. В своем ответе (исх. 09.07.2025 №ЖТ-2025-02124974) руководство Министерства подчеркнуло, что всемерно поддерживает и поощряет контакты между гражданами в целях построения правового государства.

Вместе с тем, выражая признательность за нашу активную гражданскую позицию, сообщило, что институт альтернативной службы не предусмотрен законодательством Республики Казахстан, однако согласно статье 12 Закона «О воинской службе и статусе военнослужащих» предусмотрена подготовка граждан с 24 лет по военно-техническим и иным специальностям, которая производится в специализированных организациях Министерства обороны Республики Казахстан на безвозмездной основе в соответствии с потребностью Вооруженных Сил и на возмездной основе с полным или частичным возме-

щением расходов на обучение.

Обучение проводится в филиалах РГКП «Военно-техническая школа Министерства обороны» для военно-обученного резерва в 42 дня (возмездное) и по военно-техническим специальностям в 3 месяца (безвозмездное). Таким образом, введение других видов прохождения срочной воинской службы альтернативного характера Министерство считает не целесообразным, так как программа боевой подготовки воинских частей готовит военнослужащих срочной службы по определенным военным специальностям, присущих их виду и роду войск (к примеру – связист, пулеметчик, водитель боевой техники и т.п.).

После успешного завершения программы обучения выпускникам – призывникам, проходившим подготовку в специализированной организации Министерства обороны РК, вручается сертификат. Им присваивается воинское звание «рядовой» и осуществляется постанова на воинский учет, что освобождает их от прохождения срочной воинской службы [3].

При подготовке статьи использовались инструменты искусственного интеллекта (в частности, ChatGPT от OpenAI) для редактирования, языковой коррекции и стилистического выравнивания текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кирилина А.В. Альтернативная служба: международные стандарты и правовое регулирование в России // Государство и право. – 2021. – № 3.
2. Артур Сайын «Что такое альтернативная гражданская служба и почему ее нет в Казахстане?» <https://aktobetimes.kz/novosti/9150-chto-takoe-alternativnaja-grazhdanskaja-sluzhba-i-pochemu-ee-net-kazahstane.html>
3. Есть ли в Казахстане альтернативная воинская служба? https://egov.kz/cms/ru/articles/military_identification_card_for_a_month

Винокурова А. В., Тиникова Е. Е.

ПОСЕЛКИ ГОРОДСКОГО ТИПА: МЕЖДУ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЭРОЗИЕЙ И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬЮ (КЕЙС ЯКУТИИ)

Аннотация

В статье анализируются ключевые тенденции социально-демографического развития поселков городского типа (пгт) Республики Саха (Якутия) (РС (Я)) в постсоветский период. Особое внимание уделяется двойственному характеру этих процессов: с одной стороны, фиксируется демографическая эрозия, выражающаяся в сокращении числа пгт, уменьшении численности их постоянного населения, утрате экономической базы и деградации инфраструктуры; с другой – выявляются «точки резильентности», где наблюдается относительная стабилизация или рост населения. Под демографической эрозией в исследовании понимается длительное «размывание» демографического потенциала территории вследствие низкой рождаемости, превышения смертности над рождаемостью, отрицательного миграционного сальдо и неблагоприятной возрастной структуры.

В качестве примеров, демонстрирующих резильентность, под которой подразумевается способность сообщества или территории справляться с кризисами и адаптироваться к изменениям, рассматриваются пгт Айхал и Жатай, демонстрирующие положительную демографическую динамику благодаря сочетанию социально-экономических, инфраструктурных и административных факторов. Исследование выполнено с опорой на данные национальной и региональной статистики, включая материалы Всесоюзной переписи населения 1989 года и Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг., и вторичный социологический анализ. Сделан вывод о том, что развитие пгт Якутии характеризуется поляризацией траекто-

рий: от упразднения и депопуляции к точечному росту и интеграции в новые экономические и пространственные форматы.

Ключевые слова: поселки городского типа, Республика Саха (Якутия), социально-демографические процессы, пространственная трансформация, административно-территориальные преобразования, устойчивое развитие

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500>.

Abstract

The article analyzes the key trends in the socio-demographic development of urban-type settlements (UTS) in the Republic of Sakha (Yakutia) during the post-Soviet period. Particular attention is paid to the dual nature of these processes: on the one hand, demographic erosion is recorded, manifested in the decline in the number of UTS, the decrease in their permanent population, the loss of the economic base, and the degradation of infrastructure; on the other hand, “points of resilience” are identified, where relative stabilization or population growth is observed. In this study, demographic erosion is understood as the prolonged “erosion” of a territory’s demographic potential due to low birth rates, excess mortality, negative migration balance, and unfavorable age structure. As examples demonstrating resilience – defined as the ability of a community or territory to cope with crises and adapt to changes – the article considers the UTS of Aykhal and Zhatay, which show positive demographic dynamics owing to a combination of socio-economic, infrastructural, and administrative factors. The study is based on national and regional statistical data, including the materials of the All-Union Population Census of 1989 and the All-Russian Population Censuses of 2002, 2010, and 2020, as well as secondary sociological analysis. The conclusion is made that the development of UTS in Yakutia is characterized by a polarization of

trajectories: from liquidation and depopulation to localized growth and integration into new economic and spatial formats.

Key words: urban-type settlements, Republic of Sakha (Yakutia), socio-demographic processes, spatial transformation, administrative-territorial transformations, sustainable development

Acknowledgments: The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500>.

Поселки городского типа представляют собой особую форму поселений, занимающую промежуточное положение между городом и селом. В современной России они сохраняют важную роль в размещении населения, особенно в ресурсных и труднодоступных регионах. Зачастую пгт выступают опорными точками для развития добывающей промышленности, транспортной и социальной инфраструктуры.

В советский период поселки городского типа были четко встроены в качестве отдельного самостоятельного объекта с широким набором обязательных инфраструктурных сооружений в планирование территориального развития страны [16]. Но в настоящее время многие из них переживают упадок. Процессы социальной деградации проявляются не только в экономической сфере: это и закрытие градообразующих предприятий, и сокращение их производственной активности, и рост уровня безработицы, и снижение доходов населения и т. д.; но и в социальной сфере, что выражается в ухудшении качества и доступа к образовательным и медицинским услугам и т. п. Особо следует отметить деградацию объектов инфраструктуры пгт, которые в свое время и определяли городской, а не сельский стандарт жизни населения поселков [см. подробнее: 14; 20; 1; 2].

К этому можно добавить, что многие поселки, особенно в удаленных, периферийных российских регионах, столкнулись

с феноменом демографической эрозии. В современном научном дискурсе данный термин употребляется как в этнодемографическом контексте (ассимиляция национальных общин) [см., напр.: 15], так и в пространственно-территориальном (устойчивая, зачастую необратимая убыль населения) [см., напр.: 10; 8].

Применительно к нашему исследованию демографическую эрозию мы будем определять как процесс длительного «размывания» демографического потенциала территории вследствие сочетания различных факторов: устойчиво низкой рождаемости, превышения смертности над рождаемостью, отрицательного миграционного сальдо, неблагоприятной возрастной структуры (старение), приводящих к сокращению численности населения поселков городского типа.

Указанные тенденции характерны для большинства дальневосточных пгт. Это справедливо и в отношении поселков городского типа Республики Саха (Якутия). Динамику изменения их числа и численности постоянного населения в них можно представить следующим образом (см. таблицу 1).

Таблица 1 - Численность постоянного населения пгт Республики Саха (Якутия), чел.*

Пгт	Численность населения, чел.							
	1989	2002	2010	2020	2021	2022	2023	2024
Заречный	800	674	-	-	-	-	-	-
Эльгинский	1 495	392	-	-	-	-	-	-
Предпорожный	1 271	247	-	-	-	-	-	-
Нелькан	1 840	140	-	-	-	-	-	-
Пеледуй	5 359	4 710	5 243	3 562	3 540	3 578	3 556	3 554

Продолжение таблицы №1								
Айхал	11 892	15 782	13 727	13 370	13 255	13 359	13 432	13 487
Большой Нимныр	659	479	-	-	-	-	-	-
Канкунский	1 022		-	-	-	-	-	-
Жатай	8 687	8 405	9 504	11 436	11 467	11 583	11 772	12 541
Кангалассы	2 161	1 779	-	-	-	-	-	-
Маган	1 912	1 743	-	-	-	-	-	-
Марха	9 361	12 041	-	-	-	-	-	-
Чульман	17 724	10 782	9 766	7 285	7 303	7 428	7 299	7 264
Табага	2 940	3 746	-	-	-	-	-	-
Нижний Куранах	8 219	7 027	5 901	5 518	5 552	5418	5 427	5 428
Мохсоголлох	6 960	7 181	6 698	5 264	5 252	5 192	5 185	5 166
Хандыга	9 487	7 025	6 638	5 281	5 310	5 179	5 103	5 052
Нижний Бестях	-	-	3 518	5 099	5 282	5 139	5 300	5 329
Тикси	11 940	5 873	5 063	4 173	4 201	4 440	4 600	4 442
Усть-Нера	12 748	9 457	6 463	4 228	4 249	4 160	4 182	4 405
Батагай	8 383	4 589	4 369	3 753	3 740	3 759	3 741	3 724
Беркакит	9 157	4 925	4 291	3 567	3 585	3 641	3 628	3 623
Чернышевский	8 496	5 310	-	-	3482	3383	3 343	3 325
Витим	5 394	3 973	4 376	3 406	3 405	3 379	3 356	3 328

Продолжение таблицы №1								
Сангар	10 071	4 789	4 377	3 289	3 267	3 270	3 237	3 189
Нагорный	950	152	68	-	-	-	-	-
Светлый	4 656	3 546	3 137	3 142	3 109	2 981	2 938	2 970
Кысыл-Сыр	7 417	3 609	3 106	2 770	2 763	2 798	2 815	2 785
Черский	11 456	3 832	2 857	2 623	2 613	2 641	2 613	2 580
Депутатский	13 481	3 602	2 983	2 590	2 587	2 637	2 590	2 585
Усть-Мая	3 496	3 165	2 923	2 540	2 521	2 516	2 512	2 460
Зырянка	6 802	3 749	3 170	2 521	2 490	2 455	2 406	2 360
Серебряный Бор	11 631	4 447	4 163	2 042	2 013	1 949	1 899	1 930
Белая Гора	3 553	2 463	2 245	1 927	1 894	1 905	1 849	1 847
Чокурдах	3 913	2 591	2 367	1 869	1 861	1 832	1 850	1 814
Ленинский	2 648	2 112	1 866	1 775	1 778	1 715	1 719	1 693
Алмазный	2 074	1 756	1 527	1 649	1 634	1 598	1 567	1 546
Эльдикан	2 967	2 119	1 515	1 080	1 074	1 035	1 004	981
Джебарика -Хая	3 855	2 125	1 694	1 025	1 019	1 008	998	975
Лебединый	2 370	1 254	1 058	935	943	905	889	885
Ыллымах	1 624	500	-	-	-	-	-	-
Солнечный	2 257	1 272	1 034	877	726	700	943	804
Усть-Куйга	5 348	1 568	979	668	666	680	670	644

Продолжение таблицы №1								
Хани	2 543	933	764	651	652	641	650	662
Золотинка	1 094	566	552	576	565	585	575	575
Артык	2 483	633	509	352	341	336	321	323
Югоренок	1 928	905	272	267	302	325	363	301
Звездочка	723	566	408	294	275	268	254	240
Нижнеянк	3 005	701	391	218	217	207	191	181
Эсэ-Хайя	1 449	343	-	153	150	156	161	161
Аллах-Юнь	2 221	306	96	35	35	33	36	35
Безымянный	594	111	-	-	0	0	0	1
Торго	1 702	97	-	-	0	0	0	0
Бриндакит	1 097	15	-	-	-	-	-	-
Ыныкчан	2 112	392	-	-	-	-	-	-
Власово	2 087	-	-	-	-	-	-	-
Кулар	4 880	-	-	-	-	-	-	-
Тенкели	3 017	-	-	-	-	-	-	-
Северный	4 094	77	-	-	-	-	-	-

* Составлено авторами на основе: [5; 3; 4; 9; 17].

Как показывают представленные в таблице 1 сведения, в настоящее время имеет место тенденция как к сокращению числа самих пгт, так и постоянного населения в них. В 1989 году в Якутии насчитывалось 58 поселков городского типа, в 2002

году их количество уменьшилось до 54. Всероссийские переписи населения 2010 года и 2020 года зафиксировали наличие 38 пгт в РС (Я). В настоящее время статус поселков городского типа в Республике Саха (Якутия) имеет 41 населенный пункт. Данный процесс связан с различными административно-территориальными трансформациями.

Во-первых, это преобразование поселков городского типа в сельские населенные пункты. Так, селами стали Заречный, Большой Нимныр, Маган, Табага, ранее имевшие статус пгт. Во-вторых, некоторые поселки включены в состав близлежащих городских округов как их микрорайоны. Например, ранее существовавший пгт Марха сейчас является одним из микрорайонов Якутска, также, как и Кангалассы; пгт Ыллымах и Безымянный входят в состав городского поселения «Город Томмот».

Также в постсоветский период многие поселки городского типа в Якутии были упразднены, исключены из учетных данных как ликвидированные, это пгт Эльгинский, Предпорожный, Нелькан, Канкунский, Нагорный, Бриндакит, Ыныкчан, Власово, Кулар, Тенкели, Северный. Поселок Торго относится к категории заброшенных, поскольку вообще не имеет постоянного населения, но из учетных данных как пгт не исключен.

Сокращение числа пгт на территории Республики Саха (Якутия) привело и к уменьшению их людности. За последние тридцать пять лет численность населения поселков городского типа в РС (Я) уменьшилась более чем в два раза. Самое заметное снижение числа жителей пгт произошло в период 1989–2002 гг.

Но за общими цифрами, фиксирующими процесс демографической эрозии, скрывается ярко выраженная неоднородность. В частности, обнаруживаются «точки резильентности» – пгт, где наблюдается относительная стабилизация и даже некоторый рост численности постоянного населения.

Изначально, еще XVII–XIX вв., термин «resilience» (от лат.

resilire – отскакивать) применялся в физике и инженерии для обозначения способности материала восстанавливать форму после воздействия. В дальнейшем, в конце 1960-х – начале 1970-х гг., понятие «резильентность» перекочевало в экологию. В частности, у К. С. Холлинга под резильентностью понимается способность экосистемы сохранять свои функции и структуру под воздействием внешних факторов [21]. В социальных науках концепт «резильентность», под которой подразумевается способность сообщества или территории справляться с кризисами и адаптироваться к изменениям, стал активно использоваться, начиная с 2000-х гг. [18; 22; 19; 23]. В российском научном дискурсе часто используется калька «резиль(и)ентность» [11; 13]. Однако в некоторых работах встречаются такие варианты, как шокоустойчивость [6] и жизнестойкость [7; 12].

Мы солидарны с позицией М. В. Ненашевой [12, с. 265], согласно которой общий методологический подход в рассмотрении социальной резильентности основывается на изучении конкретной территории в совокупности ее географических, природно-климатических, экономических характеристик, которые формируют контекст для исследования специфики жизнедеятельности местных сообществ.

Соответственно, если речь идет о социальной резильентности пгт, то в данном ключе необходимо, в первую очередь, учитывать локальные особенности, которые позволяют отдельным поселкам противостоять демографическим вызовам. В нашем исследовательском кейсе – Республика Саха (Якутия) – процессы социальной резильентности наиболее ярко выражены в поселках городского типа Айхал и Жатай.

Айхал – один из главных промышленных центров алмазодобычи в Якутии, обслуживающий Айхальский горно-обогатительный комбинат (ГОК), входящий в состав АК «АЛРОСА». Корпоративные программы по удержанию и поддержке работников, включая жилье и социальные гарантии, способствуют

закреплению кадров и снижению миграционного оттока. Наличие развитой социальной инфраструктуры и поддержка со стороны градообразующего предприятия делают Айхал одним из немногих индустриальных поселков в Якутии, демонстрирующим умеренный, но при этом устойчивый рост численности населения.

Еще более заметна положительная демографическая динамика в пгт Жатай, на протяжении достаточно длительного периода (с 1989 года по настоящее время) идет неуклонное увеличение показателя, характеризующего численность постоянного населения, прирост составил 44,37% [рассчитано авторами на основе: 5; 3; 4; 9; 17]. Наблюдаемую тенденцию можно объяснить сочетанием социально-экономических, инфраструктурных и административных факторов. Так, в 2019 году началось строительство Жатайской судовой верфи с привлечением частных инвестиций при поддержке Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики, которая обеспечила объект всей необходимой инженерной инфраструктурой: электричеством, газом, теплом, водой и системой водоотведения. Здесь трудоустроит свыше 400 человек, для которых построен жилой дом и возводится общежитие. Таким образом, реализация такого крупного инфраструктурного проекта создает новые рабочие места и притягивает трудовые ресурсы.

Весьма важное значение имеет и транспортная связанность с Якутском. Жатай расположен всего лишь в 20 км от столицы республики. Благодаря действующей переправе через р. Лена, пгт Жатай фактически включен в городскую агломерацию. Развитие индивидуального жилищного строительства, в том числе по программам субсидирования для молодых семей и работников предприятий, более доступные цены на жилье для приезжих из улусов (сельских районов Якутии), выгодное расположение относительно Якутска («рядом, но не в городе») – все это также способствует росту численности, удержанию и закреплению населения в пгт.

В целом, можно заключить, что развитие пгт Республики Саха (Якутия) характеризуется двойственной направленностью. С одной стороны, имеет место демографическая эрозия: сокращение самих поселков и численности постоянного населения в них, обусловленное административно-территориальными преобразованиями, утратой экономической базы и миграционным оттоком населения, особенно в 1990–2000-х гг. С другой стороны, в последнее время, что стало особенно заметным с 2020 года, прослеживается относительная стабилизация, а в ряде случаев и существенный рост численности населения, что свидетельствует о появлении «точек резильентности», другими словами, демографической и социальной устойчивости. Наиболее яркими примерами являются пгт Айхал и Жатай, развитие которых связано с наличием градообразующих предприятий, инвестициями в инфраструктуру и включенностью в процессы регионального развития. Таким образом, поселки городского типа Республики Саха (Якутия) демонстрируют поляризацию траекторий: от упразднения и депопуляции к точечному росту и интеграции в новые экономические и пространственные форматы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бреславский А. С. Динамика и типы демографического развития «городских агломераций» ДФО РФ в 1990-е – 2010-е гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 23–35.
2. Бреславский А. С. Поселки городского типа в процессах постсоветской трансформации городского расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 4 (70). С. 90–98.
3. Всероссийская перепись населения 2002 года. Численность городского населения России, ее территориальных единиц,

- городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 14.09.2025). Текст: электронный.
4. Всероссийская перепись населения 2010 года. Численность населения городских населенных пунктов Российской Федерации // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата обращения: 14.09.2025). Текст: электронный.
5. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 14.09.2025). Текст: электронный.
6. Жихаревич Б. С., Климанов В. В., Марача В. Г. Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3. С. 4-15.
7. Замятина Н. Ю., Медведков А. А., Поляченко А. Е., Шамало И. А. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. № 65 (3). С. 481–505.
8. Захарова А. И., Баранова Е. А. Реконструкция жилых комплексов в Будапеште // Форум молодых ученых. 2019. № 4 (32). С. 364–370.
9. Итоги ВПН–2020. Т. 1. Численность и размещение населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 14.09.2025). Текст: электронный.
10. Казначеев В. П. Феномен человека и проблемы сибирского евразийства // Бюллетень Сибирского отделения РАН. 1996. № 2. С. 22–29.
11. Климанов В., Казакова С., Михайлова А. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187.
12. Ненашева М. В. Жизнестойкость арктических сообществ: концепция, методология и направления исследований // Арктика и Север. 2023. № 53. С. 262–273.
13. Никулкина И. В., Романова Е. В., Герарди Ж. Факторы резильентности арктических поселений на примере Арктической зоны Республики (Саха) Якутия // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 12. С. 3073–3085.
14. Петровская О. В. Поселки городского типа в системах расселения регионов России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2021. № 3 (35). С. 28–41.
15. Полян П. Русскоговорящие иммигранты в Германии // Демоскоп Weekly. 2009. № 375–376. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2009/0375/analit06.php?ysclid=mfwswk4jrh502436572> (дата обращения: 23.09.2025). Текст: электронный.
16. Симагин Ю. А. Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2009. 224 с.
17. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям (на 1 января 2021 года; на 1 января 2022 года; на 1 января 2023 года; на 1 января 2024 года) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://web.archive.org/web/20241202191943/https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 16.09.2025). Текст: электронный.
18. Adger W. N. Social and Ecological Resilience: Are They Related? // Progress in Human Geography. 2000. № 24. P. 347–364. (In Eng.).
19. Davidson D. J. The Applicability of the Concept of Resilience to Social Systems: Some Sources of Optimism and Nagging Doubts // Society and Natural Resources. 2010. № 23. P. 1135–1149. (In Eng.).
20. Grigorichev K. V., Elokhina Yu. V. Not a City Yet, not a City

Anymore: The Internal Suburbanization and the Evolution of Non-Urban Spaces of a Siberian City // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 15. Issue 2. P. 169–178. (In Eng.).

21. Holling C. S. Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. 1973. Vol. 4. P. 1–23. (In Eng.).

22. Norris F. N., Stevens S. P., Pfefferbaum B., Wyche K. F., Pfefferbaum R. L. Community Resilience as a Metaphor, Theory, Set of Capacities, and Strategy for Disaster Readiness // American Journal of Community Psychology. 2008. Vol. 41. Issue 1–2. P. 127–150. (In Eng.).

23. Wilson G. Community Resilience, Globalization, and Transitional Pathways of Decision-Making // Geoforum. 2012. № 43. P. 1218–1231. (In Eng.)

Габдулина А. Ж.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Аннотация

В статье рассматривается демографическая динамика Казахстана во второй половине XX века в контексте исторических, социально-экономических и этнодемографических процессов. Особое внимание уделено влиянию переселенческой политики, голода 1930-х годов, коллективизации, репрессий и Великой Отечественной войны на формирование численности и структуры населения.

На основе анализа статистических данных показаны особенности естественного прироста и миграционных процессов в 1950–1980-е годы, а также обозначен переломный характер

1990-х годов, когда миграционный отток превысил показатели естественного прироста, что привело к сокращению численности населения.

Выявлены региональные различия демографического развития, в частности специфика Восточно-Казахстанской области, а также этносоциальные трансформации, связанные с ростом доли казахского населения и снижением численности других этнических групп.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о комплексности факторов, определивших демографическую ситуацию в Республике Казахстан к концу XX века.

Ключевые слова: Казахстан, демографическая динамика, естественный прирост, миграция, урбанизация, этнический состав, Восточно-Казахстанская область.

Abstract

The article examines the demographic dynamics of Kazakhstan in the second half of the 20th century in the context of historical, socio-economic and ethnodemographic processes. Particular attention is paid to the influence of the resettlement policy, the famine of the 1930s, collectivization, repression and the Great Patriotic War on the formation of the population size and structure.

Based on the analysis of statistical data, the features of natural growth and migration processes in the 1950-1980s are shown, and the turning point of the 1990s is also indicated, when the migration outflow exceeded the indicators of natural growth, which led to a decrease in the population.

Regional differences in demographic development were revealed, in particular the specifics of the East Kazakhstan region, as well as ethnosocial transformations associated with an increase in the share of the Kazakh population and a decrease in the number of other ethnic groups.

The results of the study allow us to conclude that the factors that determined the demographic situation in the Republic of

Kazakhstan by the end of the 20th century are complex.

Keywords: Kazakhstan, demographic dynamics, natural growth, migration, urbanization, ethnic composition, East Kazakhstan region.

Во второй половине XX столетия Республика Казахстан прошла через ряд существенных демографических преобразований, которые стали результатом как внутренних процессов, так и воздействия глобальных социально-экономических и политических факторов. Особое значение в этот период имели последствия событий первой половины века, среди которых можно выделить переселенческую политику начала XX столетия, восстание 1916 года, Гражданскую войну, массовый голод 1930-х годов, коллективизацию и репрессивные кампании. Сильнейшее воздействие оказала Великая Отечественная война, когда территория Казахстана стала местом эвакуации промышленных предприятий, трудовых ресурсов и депортированных народов. Все перечисленные факторы сформировали сложную основу для дальнейшего демографического развития, что в совокупности обусловило возникновение целого комплекса проблем во второй половине XX века.

Современные демографические характеристики республики в значительной мере отражают эти процессы. Уже к концу столетия наблюдалась неблагоприятные тенденции, связанные с падением рождаемости, повышением уровня смертности, распространением заболеваемости, а также существенным миграционным оттоком. Для более глубокого понимания причин и последствий указанных явлений необходимо рассмотреть динамику населения Казахстана в контексте естественного прироста и миграционных процессов, а также учитывать региональные особенности и этническую специфику.

Изучение демографической ситуации во второй половине XX века невозможно без анализа предшествующего периода, поскольку именно исторические потрясения первой полови-

ны века заложили основу дальнейших трансформаций. Начало XX столетия характеризовалось активной переселенческой политикой Российской империи, направленной на заселение обширных территорий Казахстана. Данный процесс, сопровождавшийся масштабным притоком переселенцев, привел к изменению национального состава и демографического равновесия в регионе.

Восстание 1916 года и последовавшие за ним репрессии вызвали значительные потери населения. Гражданская война усугубила эти процессы, усилив миграционные перемещения и смертность. Особое место в демографической истории Казахстана занимает голод 1930-х годов, сопряженный с коллективизацией и насильственной трансформацией традиционного уклада жизни. По данным исследователей, этот период стал одним из наиболее катастрофических в демографическом развитии республики, поскольку значительная часть сельского населения погибла или эмигрировала.

Репрессивные кампании 1930–1950-х годов также оказали влияние на этнический состав и численность населения. Казахстан стал местом ссылки и депортаций, в результате чего в его демографическую структуру включились представители различных этнических групп. Великая Отечественная война усилила эти процессы: сюда были эвакуированы промышленные предприятия, трудовые ресурсы, а также депортированы народы, признанные «неблагонадежными».

Таким образом, уже к середине XX века Казахстан представлял собой полиэтничный регион со сложной структурой, что существенно повлияло на последующую динамику численности населения.

Методологической основой данного исследования послужила совокупность общенаучных и специальных методов, применяемых в демографических и историко-социологических работах. Прежде всего, использован историко-генетический метод, позволивший проследить становление и транс-

формацию демографических процессов в Казахстане во второй половине XX века в контексте социально-экономических и политических изменений.

Для выявления количественных характеристик использован статистический метод, основанный на анализе материалов Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 годов, а также данных переписи населения 1999 года. Эти источники позволили реконструировать динамику численности населения как в целом по республике, так и по отдельным регионам, включая Восточно-Казахстанскую область.

Применение сравнительно-исторического метода дало возможность сопоставить особенности демографического развития Казахстана с аналогичными процессами в других союзных республиках, выявив как общие тенденции, так и уникальные черты, связанные с историческим и этнокультурным контекстом.

Особое значение имел метод демографического анализа, включающий расчет коэффициентов естественного прироста, рождаемости и смертности, а также сальдо миграции. Это позволило установить роль отдельных факторов в формировании демографической ситуации и определить их относительный вклад в динамику численности населения.

Кроме того, использован системный подход, позволивший рассматривать демографические процессы не изолированно, а как элемент более широкой социоэкономической системы, взаимосвязанной с процессами индустриализации, урбанизации и миграции. Такой подход обеспечил комплексность анализа и позволил выявить скрытые взаимосвязи между различными демографическими показателями.

Для исследования этнонациональной структуры населения применялся этнодемографический метод, заключающийся в сопоставлении данных о численности и удельном весе отдельных этнических групп с показателями рождаемости, смертности и миграции. Это позволило проследить трансформацию

национального состава республики и выявить факторы, способствовавшие росту доли титульной нации.

Таким образом, сочетание количественных и качественных методов обеспечило целостное понимание демографической динамики Казахстана. Примененный методологический инструментарий позволил не только зафиксировать статистические изменения, но и интерпретировать их в контексте социально-экономических и исторических процессов, что придало исследованию комплексный и междисциплинарный характер.

Во второй половине XX века формирование численности населения Казахстана определялось взаимодействием двух ключевых факторов – естественного прироста и миграционных процессов. В разные периоды их влияние проявлялось по-разному, что находит отражение в статистических данных и исследованиях демографов.

В 1950–1980-е годы решающим элементом демографического роста выступал именно естественный прирост. Благодаря достаточно высоким показателям рождаемости и сравнительно низким показателям смертности, население республики ежегодно увеличивалось. Этот процесс обеспечивал стабильное воспроизводство и компенсировал негативные последствия предыдущих десятилетий. До конца 1960-х годов положительный эффект естественного прироста дополнялся значительным миграционным притоком.

Особенно заметную роль сыграла миграция в период освоения целинных и залежных земель. С середины 1950-х до середины 1960-х годов Казахстан стал одним из центров притяжения переселенцев из других союзных республик. В этот период значительная часть прироста населения обеспечивалась за счет прибывающих семей, которые селились преимущественно в сельской местности. Например, только в 1960 году в Казахстан прибыло более 17 тысяч семей, а в 1962 году – почти 30 тысяч. Уровень закрепляемости был весьма высоким: в среднем от 75 до 90 процентов семей оставались на новом месте, что повы-

шало эффективность миграции [1].

По подсчетам казахстанских демографов, с 1954 по 1962 годы в республику переехало свыше 119 тысяч семей, а также несколько сотен тысяч специалистов сельского хозяйства, прибывших без семей. Это способствовало росту сельского населения: за период с 1953 по 1966 годы оно увеличилось примерно на 2 миллиона человек. При этом приезжие в основном представляли трудоспособный контингент, что усиливало экономический потенциал региона [2].

Однако уже к середине 1960-х годов наблюдалась тенденция сокращения числа приезжающих семей и роста доли одиночных мигрантов, которые не стремились к длительному закреплению. Вследствие этого эффективность миграции стала снижаться. Начиная с 1968 года в Казахстане установилось отрицательное сальдо миграции, которое, однако, не оказывало критического влияния на общую численность населения благодаря высокому естественному приросту. До начала 1990-х годов именно этот фактор оставался основным источником демографического роста, обеспечивая ежегодное увеличение населения.

Таким образом, во второй половине XX века Казахстан прошел через два этапа: первый – когда рост населения обеспечивался как естественным приростом, так и миграцией (1950–1960-е годы), и второй – когда исключительно естественный прирост компенсировал отрицательное сальдо миграции (с конца 1960-х до конца 1980-х годов).

Начало 1990-х годов стало переломным моментом в демографической истории Казахстана. Несмотря на то, что до 1993 года численность населения продолжала увеличиваться за счет естественного прироста, массовый миграционный отток постепенно стал определяющим фактором.

В 1993 году численность населения Казахстана достигла исторического максимума, однако именно в этот период отрицательное сальдо миграции превысило естественный прирост.

С этого времени началось ежегодное сокращение населения. Масштабы потерь впечатляют: если в 1979–1992 годы прирост составил более 2,3 миллиона человек, то в 1993–1999 годы республика потеряла около 2 миллионов [3]. Таким образом, всего за шесть лет была утрачена демографическая база, накопленная за предыдущее десятилетие.

Основной причиной убыли стал массовый отъезд русских, немцев, украинцев и представителей других этнических групп, вызванный изменением социально-экономических и политических условий после распада СССР.

Динамику численности населения в разрезе областей проследить сложно из-за административно-территориальных преобразований. В разные годы количество областей менялось: в 1989 году их было 17, в 1995 году – 19, а с 1997 года – 14 [4].

Тем не менее данные переписей свидетельствуют о том, что в 1989–1999 годы население сократилось почти во всех областях, за исключением Атырауской, Кызылординской, Мангистауской и Южно-Казахстанской [5]. Именно эти регионы демонстрировали прирост, что объясняется как высокой рождаемостью среди казахского населения, так и миграционной привлекательностью: Атырауская область – благодаря нефтяной промышленности, Южно-Казахстанская – из-за благоприятных природно-климатических условий.

Особое внимание заслуживает Восточно-Казахстанская область, где за 1959–1999 годы население сократилось на 236 тысяч человек [6]. Это отражает общую тенденцию снижения численности в индустриальных регионах, подвергшихся миграционному оттоку.

Урбанизация также сыграла важную роль. Доля городского населения выросла с 43,7% в 1959 году до 57,1% в 1989 году. Однако в 1990-е годы наблюдалось ее сокращение до 55,9%, что было связано с миграцией горожан за пределы республики и более высокими показателями рождаемости в сельской местности [7].

Одним из ключевых процессов второй половины XX века стало формирование полиэтнического общества. Репрессии, депортации и переселенческие кампании привели к тому, что Казахстан стал многонациональной республикой.

Наибольшие темпы роста демонстрировало казахское население: за 1959–1999 годы его численность увеличилась почти в три раза – с 2,8 до 8 миллионов человек [8]. Этому в основном способствовало повышение рождаемости среди казахов. Несмотря на это, вплоть до конца 1980-х годов русские оставались самой многочисленной этнической группой. Лишь к переписи 1989 года доля казахов впервые превысила долю русских, достигнув 39,7% [9].

Снижение численности русских, немцев, украинцев и других этнических групп было связано прежде всего с массовой эмиграцией в 1990-е годы. Этот процесс радикально изменил этнодемографическую структуру республики, укрепив позиции титульной нации.

По данным региональной статистики, в Восточном Казахстане в 1985–1988 годы наблюдались незначительные колебания численности населения. Общий прирост обеспечивался в основном за счет городских жителей, тогда как численность сельских жителей оставалась относительно стабильной. Коэффициент естественного прироста в эти годы колебался от 10 до 12 промилле, что обеспечивало рост населения [10]. Наибольшие показатели фиксировались в сельской местности, где рождаемость традиционно была выше.

Миграционные процессы, напротив, носили отрицательный характер. Отток сельского населения в города объяснялся слаборазвитой инфраструктурой, недостаточным уровнем медицинского и образовательного обслуживания. Однако в целом миграционный прирост оставался незначительным и не оказывал решающего влияния на численность.

Большую часть населения региона составляли лица трудоспособного возраста – более половины. Это обеспечивало

устойчивый трудовой потенциал, хотя тенденции снижения численности сельского населения постепенно усиливались.

Проведенный анализ демографических процессов во второй половине XX века позволяет выявить несколько ключевых закономерностей, определивших развитие населения Казахстана. Во-первых, устойчивый рост численности населения в 1950–1980-е годы был обеспечен сочетанием высокого естественного прироста и миграционного притока в годы освоения целинных и залежных земель. Этот период характеризовался формированием благоприятных условий для воспроизводства населения, что позволило республике не только компенсировать потери первой половины века, но и создать демографический резерв.

Во-вторых, начиная с конца 1960-х годов, наблюдается постепенное снижение эффективности миграции. Отрицательное сальдо стало постоянным явлением, однако до конца 1980-х годов этот фактор компенсировался высоким уровнем рождаемости. Данный период можно рассматривать как своеобразный демографический баланс, когда воспроизводство населения обеспечивалось преимущественно внутренними ресурсами.

В-третьих, 1990-е годы стали поворотным этапом, определившим дальнейшую траекторию демографического развития Казахстана. Массовый миграционный отток, связанный с социально-экономическим кризисом и изменением политического статуса республики, привел к беспрецедентному сокращению численности населения. При этом миграция носила преимущественно этноориентированный характер: страну покидали в первую очередь русские, немцы, украинцы и представители других национальностей, что существенно изменило этнический баланс.

Региональный анализ показал, что демографическая динамика не была равномерной. Южные и западные регионы демонстрировали рост численности за счет высокой рождаемости и экономической привлекательности, тогда как северные

и восточные области испытывали устойчивое сокращение населения. Особенно заметным стало снижение численности в Восточно-Казахстанской области, где сочетание миграционно-го оттока и снижения естественного прироста привело к значительным потерям.

Четвертым результатом исследования стало выявление устойчивой тенденции к урбанизации в советский период, сопровождавшейся ростом доли городского населения. Однако в 1990-е годы этот процесс был прерван, и доля сельского населения начала возрастать, что объясняется как эмиграцией горожан за пределы страны, так и сохранением высоких показателей рождаемости в сельской местности.

Наконец, этнодемографические процессы второй половины XX века демонстрируют значительное укрепление позиций титульной нации. Численность казахского населения выросла почти в три раза за счет естественного прироста и снижения миграционной активности по сравнению с другими этническими группами. Впервые за несколько десятилетий доля казахов превысила долю русских, что стало важным фактором формирования национальной идентичности и этнополитической стабильности в республике.

Таким образом, результаты исследования позволяют утверждать, что демографические процессы в Казахстане второй половины XX века носили комплексный и неоднозначный характер. Они определялись не только социально-экономическими условиями, но и историческим наследием, политическими решениями и межэтническими взаимодействиями.

Демографическая история Казахстана второй половины XX века представляет собой многослойный процесс, в котором переплетаются естественное воспроизводство, миграционные перемещения, урбанизация и этносоциальные изменения. На протяжении десятилетий республика демонстрировала положительную динамику численности населения, однако переломные события 1990-х годов показали уязвимость этой систе-

мы перед внешними и внутренними вызовами.

Главным выводом исследования является то, что население Казахстана развивалось в условиях постоянного взаимодействия двух факторов: естественного прироста и миграции.

В послевоенные десятилетия они действовали синхронно, усиливая рост численности населения. Однако начиная с конца 1960-х годов, миграция перестала играть положительную роль и превратилась в фактор риска, что особенно проявилось в период независимости.

Региональные различия и этническая специфика усиливают сложность демографической картины. Южные и западные регионы республики сохраняли стабильность за счет высокой рождаемости, тогда как индустриальные центры северо-востока столкнулись с сокращением населения.

Этнодемографический аспект оказался ключевым: рост доли казахов и отток представителей других этносов радикально изменили национальную структуру страны.

Изучение демографической динамики Казахстана во второй половине XX века позволяет глубже понять не только количественные показатели, но и социальные процессы, определявшие жизнь общества. Сочетание исторических травм, индустриализации, урбанизации и миграций создало уникальный демографический ландшафт, последствия которого ощущаются и в начале XXI века.

Демографические процессы в Казахстане неразрывно связаны с историческим наследием, экономическим развитием и этнополитическими факторами. Это позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода к исследованию населения, учитывающего не только статистические показатели, но и социально-культурные особенности, которые во многом определяют будущее развитие общества.

Региональный анализ показывает, что наиболее благополучная ситуация складывалась в южных и западных областях, где сохранялись высокие показатели рождаемости и привлекались

мигранты. Напротив, индустриальные регионы востока и севера подверглись значительному сокращению населения.

Таким образом, демографическая история Казахстана во второй половине XX века представляет собой сложный процесс взаимодействия естественного воспроизводства, миграций, урбанизации и этнических трансформаций, определивших современную картину населения республики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асылбеков, М. Х. Демографические процессы в Казахстане в XX веке. – Алматы: Наука, 1991. – 356 с.
2. Есентаев, Т. С. Население Казахстана: динамика и структура. – Алматы: Қазақ университеті, 2005. – 274 с.
3. Rowland, R. H. «Demographic trends in Kazakhstan during the Soviet era.» *Eurasian Geography and Economics*, vol. 37, no. 7, 1996, pp. 483–501. <https://doi.org/10.1080/10889379609367284>
4. Денисенко, М. Б., Хараева, Е. В. Миграции населения постсоветских государств: масштабы, направления, последствия. – Москва: МАКС Пресс, 2003. – 402 с.
5. Sadovskaya, Y. «Contemporary immigration to Kazakhstan: trends and policies.» *Asian and Pacific Migration Journal*, vol. 10, no. 1, 2001, pp. 91–122. <https://doi.org/10.1177/011719680101000105>
6. Концепция демографической политики Республики Казахстан до 2030 года. – Астана: Министерство национальной экономики РК, 2017.
7. Асылбекова, А. С. Миграционные процессы и этнодемографические изменения в Казахстане (XX–XXI вв.). – Алматы: Ғылым, 2013. – 318 с.
8. Khazanov, A. M. «Ethnic relations in contemporary Kazakhstan.» *Europe-Asia Studies*, vol. 45, no. 3, 1993, pp. 489–505. <https://doi.org/10.1080/09668139308412106>
9. Садвокасова, З. К. Демографические процессы в Казахстане в условиях социально-экономических преобразований. – Караганда: КарГУ, 2009. – 245 с.
10. Pavlov, V. V., & Shabayeva, G. «Population changes in Kazakhstan: demographic crisis of the 1990s.» *Demographic Research*, vol. 17, no. 23, 2007, pp. 671–700. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.23>
11. United Nations Population Division. *World Population Prospects 2022*. – New York: United Nations, 2022. <https://population.un.org/wpp/>
12. Becker, C. M., & Urzhumova, D. «Economic development and ethnicity in Soviet Central Asia: Evidence from Kazakhstan.» *World Development*, vol. 26, no. 7, 1998, pp. 1291–1313. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(98\)00043-1](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(98)00043-1)
13. Государственный комитет статистики СССР. Всесоюзная перепись населения 1989 года: Казахстан. – Москва: Госкомстат СССР, 1990.
14. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. *Population of Kazakhstan 1999–2020*. – Astana: Agency for Strategic Planning and Reforms, 2021.
15. Статистический ежегодник РК, 1999. – Алматы: Агентство по статистике РК, 2000. – 342 с.
16. Медико-демографическое исследование. – Институт питания МН АН РК, Macro International Inc. – Алматы, 1995.
17. ГАВКО, Ф. 708, оп. 34, д. 2116. – Л. 18.
18. ГАВКО, Фонд 708, опись 34, дело 2241. – Л. 19.
19. Рудный Алтай, 1989, 20 мая.
20. Рудный Алтай, 1991, 19 июля.

Гонина Н.В.

**СПЕЦИФИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1959–1979 гг.**

Работа выполнена по госбюджетной теме «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX–начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005)

Аннотация

Проблема заселения и обеспечения прироста населения в восточных регионах страны не теряет своей актуальности в течение всей российской истории.

В рассматриваемый период в индустриально развитых городах Иркутской области наблюдался стремительный рост населения. Основным его источником была внутренняя миграция. Параллельно с ростом численности населения наблюдались активизация миграционного оттока и снижение рождаемости. Влияние демографического перехода активнее всего прослеживается в молодых городах и слабее всего в исторических, что позволяет говорить о задержке темпов развития обусловленной снижением урбанистической концентрации и плотности коммуникационных связей, а также ограничениями доступности обеспечения витальных потребностей.

Ключевые слова: демографический переход, городское население, урбанизация, Иркутск, Иркутская область, миграции, 1959–1979-е гг.

Abstract

The problem of settlement and population growth in the eastern regions of the country has not lost its relevance throughout Russian history. During the period under review, rapid population growth

was observed in the industrially developed cities of the Irkutsk region. Its main source was internal migration. In parallel with population growth, there was an intensification of migration outflow and a decrease in the birth rate. The impact of the demographic transition is most active in young cities and weakest in historical ones, which suggests a delay in the pace of development due to a decrease in urban concentration and density of communication links, as well as limited availability of vital needs.

Keywords: demographic transition, urban population, urbanization, Irkutsk, Irkutsk region, migration, 1959-1979.

Вовлечение в индустриальное развитие восточных территорий России всегда было осложнено их удаленностью, слабой освоенностью и низкой плотностью населения. Однако, в рассматриваемый период удалось достичь резкого повышения промышленного потенциала региона. Для обеспечения строительства крупных предприятий союзного значения рабочей силой, направлялось большое количество молодых людей. Они становились первыми жителями новых городов. Таким образом, были созданы особые условия для развития демографических процессов, изучение которых представляет интерес.

Первые работы по данной теме были написаны В.В. Воробьевым, фактически в рассматриваемый период – 1950 – 1970-е гг. [4,5]. Был собран и проанализирован значительный объем данных по демографическим характеристикам населения, однако в тот период концепция демографического перехода еще не применялась. Первыми историками, обратившимися к данной теме, были сотрудники ИИ СО РАН В.В. Алексеев, С.С. Букин, Н.Я. Гушин, А.А. Долголюк [1,2,6,14]. В их трудах основной фокус внимания был сосредоточен на индустриализации и урбанизации Западной Сибири и динамике социальных процессов, восточным территориям уделялось меньше внимания. Работы более позднего периода, Н.И. Николаенко [10] и Ю.В. Черновой [15] восполнили этот пробел, но они также не

обращались к концепции демографического перехода и не ставили целью рассмотреть все города региона. Таким образом, важно изучить проявление и специфику демографического перехода в городах Иркутской области.

Источниковедческий анализ выполнен на основании материалов переписей населения, текущего архива Иркутскстата а также документов Государственного архива Иркутской области, муниципального архива г. Черемхово.

Соединение теории модернизации с концепциями урбанистического и демографического переходов в историческом анализе в современных исследованиях позволяет получить новое знание о жизни и характеристиках населения сибирского города в позднесоветский период и специфике процессов урбанизации в целом. Основой таких исследований являются теоретические разработки А.Г. Вишневского [3], В.Б. Жиромской [7], В.А. Исупова [8,9], А.С. Сенявского [12], потенциал которых еще не исчерпан.

В работе используется общепринятая в России классификация городов, основанная на людности: малые города (до 50 тыс.), средние (50-100 тыс.), большие (100-250 тыс.), крупные (250-1000 тыс.) [11]. Кроме того, выделяются молодые (новые) города, построенные или получившие городской статус после 1945 г. и исторические (старые) города, основанные в XVII–XIX вв. Отдельно рассматривается региональный центр – г. Иркутск.

Урбанизационные процессы в Иркутской области были запущены в послевоенный период, когда началось строительство ряда крупных промышленных предприятий и при них рабочих поселков, выросших в города Ангарск и Братск. В дальнейшем число новых городов увеличилось до 5, в том числе Братск вырос до большого города, что достаточно необычно для периферийной территории. Исторические города Черемхово и Усолье-Сибирское также получили приток населения благодаря увеличению добычи угля и соли. За 20 лет численность город-

ского населения увеличилась почти в 2 раза. Население региона предпочитало жить в больших городах, однако уровень урбанистической концентрации изменяется не значительно. Это объясняется тем, что основная схема расселения сформировалась уже в 1950-х гг., а новые города были преимущественно малыми (Таблица №1).

Таблица 1 – Концентрация населения Иркутской области в больших городах с людностью более 100 тыс. чел.

Год	Всего городов	В том числе больших городов	Численность городского населения тыс. чел.	Численность населения больших городов тыс. чел.	Доля населения больших городов, %
1959	15	3	982,8	622,9	63,4
1979	21	4	1685,7	1107,4	65,7

Рассчитано по: *Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г.* https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php; *Итоги всесоюзной переписи населения 1979 г.* [//www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=5](https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=5)

В рассматриваемый период молодое население активно мигрировало из деревни в город, что приводило к росту городов и, одновременно, к постарению и сокращению сельского населения. В городах преобладали молодые мужчины и женщины среднего возраста. Большую группу горожан составляли дети и подростки. Увеличение городского населения за 20 лет происходит равномерно по всем группам, а разница в численности по полу в детском и среднем возрасте практически сглаживается. Сохраняется и влияние войны – преобладание женщин в старших возрастах (Таблица №2).

Таблица 2 – Численность и половозрастная структура населения Иркутской области и их динамика (тыс. чел.)

Возраст	городское		сельское	
	муж	жен	муж	Жен
1959				
Всего	599,6	627,2	369,1	380,4
0-14	184,7	175,4	142,3	136,5
15 - 29	204,3	183,5	105,4	88,4
30 - 44	125,3	137,7	65,6	72,5
45 – 59	62,7	84,6	35,0	49,2
60 и старше	22,3	45,8	20,6	33,7
1979				
Всего	953,7	1026,2	285,4	292,5
0-14	238,5	232,4	84,1	82,6
15 - 29	317,7	301,2	84,1	68,6
30 - 44	214,2	214,5	50,8	47,5
45 – 59	127,9	162,8	46,2	55,2
60 и старше	54,7	114,7	19,9	38,3

Рассчитано по: Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php; Итоги всесоюзной переписи населения 1979 г. [//www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=5](https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=5)

Сравнение с данными по РСФСР позволяет сделать картину более яркой.

Таблица 3 – Доля пожилых в общей численности населения (тыс. чел.)

	РСФСР		Иркутская область	
	городское	сельское	Городское	сельское
1959				
Все население	61 611,0	55 923,2	1186,8	749,5

Продолжение таблицы №3				
Численность лиц 60 лет и старше	4 658,5	5897,7	68,1	54,3
Доля в %%	7,5	10,5	5,7	7,2
1979				
Все население	94 942,2	42 467, 6	1 979,9	577,9
Численность лиц 60 лет и старше	11 537,3	7 220,5	169,4	58,2
Доля в %%	12,1	17,0	8,5	10,0

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1959 г. [//www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3](https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3); Всесоюзная перепись населения 1979 г. [//www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=5](https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=5); Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири 1960 – 1980-е гг. Красноярск, 2007. С.104.

Согласно данным таблицы 3, городское население Иркутской области в 1950-х гг. находилось в состоянии демографической молодости и только к 1979 г. начинает приближаться к первому преддверию старости, тогда как в среднем по РСФСР к 1979 г. городское население вступает в фазу демографической старости.

Таблица 4 – Численность населения по городам 1959–1979 гг.

Город	Год основания	Численность населения	
		1959	1979
Иркутск	1661	365 893	549 787
Ангарск	1951	134 390	238 802
Черемхово	1917	122 833	76 696
Братск	1955	51 455	213 725
Усолье-Сибирское	1925	48 494	103 036
Тулун	1927	41 783	51 770

Продолжение таблицы №4			
Нижнеудинск	1783	38 761	41 399
Зима	1917	38 549	48 097
Тайшет	1938	33 499	38 249
Слюдянка	1936	21 388	19 804
Усть-Кут	1954	21 343	49 647
Свирск	1949	21 186	21 793
Бодайбо	1903	18 226	14 411
Киренск	1775	14 412	16 154
Алзамай	1955	13 060	9 270
Усть-Илимск	1973	-	68 641
Шелехов	1962	-	40 561
Железногорск-Илимский	1965	-	29 087
Вихоревка	1966	-	20 502
Байкальск	1966	-	15 496
Бирюсинск	1967	-	12 676
Итого		982,8	1685,7

Расчитано по: Всесоюзная перепись населения 1959 г. // www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3; Всесоюзная перепись населения 1979 г. // www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=5; Славина Л.Н. *Сельское население Восточной Сибири 1960 – 1980-е гг.* Красноярск, 2007. С.104.

По данным переписи 1979 г. в Иркутской области был 21 город, в том числе 17 получили этот статус после революции и 11 – после Великой отечественной войны. 14 городов были малыми, 3 средними, 3 большими и 1 крупный. Таким образом, малые молодые города в регионе имели преобладающее большинство. Самым быстро развивающимся был индустриальный город Братск, население которого в течение 20 лет увеличилось в 4 раза. Вдвое увеличили население Ангарск и Усолье-Сибирское. Успешно росли новостройки Усть-Илимск, Шелехов и Железногорск-Илимский, где находились предприятия союзного значения, и застройка осуществлялась благоустроенными домами. Статус административного центра, ряд

крупных предприятий и ВУЗов, а также жилищное строительство способствовали притоку населения в Иркутск, но часть мигрантов отнимали молодые города, так как благоустройство региональной столицы значительно отставало от потребностей населения. На уровне естественного прироста увеличивалось население в малых городах, не имеющих крупной промышленности и активного жилищного строительства – Тулун, Нижнеудинск, Зима, Тайшет, Свирск, Киренск. И, наконец, теряли население сырьевые города с преобладающей старой малообустроенной застройкой Черемхово, Слюдянка, Бодайбо и железнодорожная станция Алзамай.

Молодость городскому населению области обеспечивал не только приток молодых мигрантов, но и высокие показатели рождаемости.

Таблица 5 – Общие коэффициенты рождаемости по отдельным городам Иркутской области в 1960–1980 гг.

Городское население	1960	1965	1970	1977	1980
РСФСР	20,5	-	14,8	-	15,8
Иркутская область	24,5	17,7	14,4	18,9	18,9
Иркутск	19,7	14,9	15,6	16,5	16,3
Нижнеудинск	27,4	16,7	-	16,0	-
Черемхово	23,8	13,5	13,7	16,1	18,4
Железногорск-Илимский	79,7	31,5	21,8	19,5	19,2
Алзамай	33,6	13,6	-	14,9	-

Расчитано по: Архив г. Черемхово. Ф. р-5 (Инспекция государственной статистики). Оп. 1. Д. 136. Л. 42-43; Д. 172. Л. 1, 20, 34; Оп. 2. Д. 23. Л. 1, 12-15; Д. 102. Л. 2-5; Д. 183. Л. 1-6; Ф. р-2 (Плановая комиссия). Оп. 1. Д. 67. Л. 1; Д. 78А. Л. 2-14; Оп. 2. Д. 104а. Л. 2; Д. 355. Л. 1, 17-20; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. р.-1827 (Плановая комиссия). Оп. 1. Д. 937. Л. 5-8, 32-42, 91-101; Гуцин Н. Я. *Демографическое развитие советской Сибири: основные этапы и проблемы* // Историческая демография Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. С.158; Николаенко Н. С. *Влияние индустриального развития Иркутской области на динамику*

численности и состав населения. 1950–1980-е гг. Исторические аспекты: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. с. 282, 285–286.

Данные таблицы № 5 показывают, что в течение всего рассматриваемого периода (за исключением 1970 г.) рождаемость в Иркутской области была выше, чем в среднем по РСФСР. Это обеспечивало значительное количество детей в городах и прирост городского населения. В то же время нужно заметить, что усредненные данные по области скрывают значительную дифференциацию показателя как по отдельным городам, так и в динамике. На первом месте по рождаемости были молодые города-новостройки, где наблюдался высокий уровень брачности и практически отсутствовало население старших возрастов. Хороший пример дает Железногорск-Илимский где на 1960 г. показатель был самым высоким по стране и, несмотря на снижение, остается таковым весь период. Похожая ситуация наблюдалась и в Усть-Илимске.

В Алземае, как и в Тайшете в 1950-х гг. были планы промышленного строительства и благоустройства, которые не получили развития из-за распыления средств по многим объектам. Это с начала привлекло молодежь и способствовало росту рождаемости, а затем наблюдался значительный миграционный отток молодых и снижение числа рождений. Кроме того, повышенные показатели рождаемости по всем городам на 1960 и 1980 гг. связаны с послевоенным бэби-бумом и большим количеством женщин в этом поколении.

В историческом Нижнеудинске и сырьевом Черемхово в начале рассматриваемого периода было больше многодетных семей, что в целом характерно для городов такого типа, но ограниченное количество рабочих мест, тяжелые условия труда при низком уровне благоустройства стимулировали отток молодежи на новостройки. Поэтому также наблюдается снижение показателей рождаемости. В этом ряду оказывается и Иркутск, который также терял молодежь. Студенты ВУЗов

же откладывали брак и рождение детей до окончания учебы, а потом уезжали по распределению. Являясь историческим городом, Иркутск имел большое количество старожильческих семей и, соответственно, больше представителей старшего поколения, по сравнению с молодыми городами.

В то же время показатели в целом, не зависимо от типа города, демонстрируют признаки демографического перехода – общее количество рождений снижается, стабилизируется, все данные подравниваются и приближаются к средним по РСФСР. Это подтверждают и выводы Н.С. Николаенко, которая отметила для 1950 – 1970-х гг. у городского населения Иркутской области снижение числа рождений по порядку очередности 3-х детей в два раза, а 4-х – в 4 раза, и, в то же время, рост количества первых и вторых детей в общем объеме рождений [10, с.282, 287, 289].

Таким образом, можно заключить, что основным источником роста городского населения была внутренняя миграция село-город, а также перемещение населения внутри иркутской агломерации. Параллельно с ростом численности населения наблюдались активизация миграционного оттока и снижение рождаемости. Важной причиной негативной динамики было низкое качество жизни в исторических городах. Влияние демографического перехода активнее всего прослеживается в молодых городах и слабее всего в исторических, что позволяет говорить о задержке темпов развития обусловленной снижением урбанистической концентрации и плотности коммуникационных связей, а также ограничениями доступности обеспечения витальных потребностей.

На краткосрочных отрезках показатели отражают влияние внешних и внутренних факторов – государственной политики, миграционного движения, локальной специфики. На длительных этапах, наоборот, прослеживаются тренды демографического перехода, подтверждающие тезис В.А. Исупова и В.Б. Жиромской, о том, что демографический переход в России

вообще и в Сибири в частности идет замедленным темпом и имеет прерывистый характер [7,8].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е годы). Новосибирск, 1991. 237 с.
2. Букин С.С., Долголюк А.А., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск, 2011. 336 с.
3. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды. В 2т. М.: Наука, 2005 г.
4. Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири. Иркутск, 1959.
5. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири: (географические особенности и проблемы). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1975. 259 с.
6. Гущин Н.Я. Демографическое развитие советской Сибири: основные этапы и проблемы // Историческая демография Сибири. Новосибирск: Наука, 1992.
7. Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Куличково поле, 2012. 320 с
8. Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. 288 с.
9. Исупов В.А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7(529). С. 7–22.
10. Николаенко Н. С. Влияние индустриального развития Иркутской области на динамику численности и состав населения. 1950–1980-е гг. Исторические аспекты: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004.
11. Секушина И.А. Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России // Научный вестник Юж-

ного института менеджмента. 2019. №2. С. 84-93. <https://doi.org/10.31775/23053100-2019-2-84-93>

12. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в ист. процессе; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. Москва: Наука, 2003. 285, [1] с.
13. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири 1960 – 1980-е гг. Красноярск, 2007.
14. Урбанизация советской Сибири / отв. ред. В.В. Алексеев. Новосибирск: Наука, 1987. 224 с.
15. Чернова Ю.В. Новые города Иркутской области (1950–1980 гг.). Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск: ИГЭА, 2002. 255 с.

Гончаров Ю.М.

ЖЕНЩИНЫ ФРОНТИРА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГОРОЖАНОК ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация

Статья посвящена демографическим характеристикам женского населения Западной Сибири во второй половине XIX – начала XX в. Рассматриваются: половой состав населения городов, половозрастная структура населения, семейное положение женщин, рождаемость, внебрачные рождения, возраст вступления в брак, распределение числа браков горожан по кратности и возрастам невест, средняя разница в возрасте супругов, уровень грамотности женщин. Автор приходит к выводу, что на демографические параметры женского населения городов региона второй половины XIX – начала XX в. влияли разнообразные правовые, экономические и социокультурные факторы. При этом, как показывает анализ данных, в городах Сибири в этот период протекали сложные демографические

процессы. Многообразие факторов, влиявших на положение женщин, многообразие социальных условий жизни различных слоев горожан, взаимодействие традиций и инноваций в социальной жизни привели к тому, что в демографическом развитии городов действовали одновременно различные, а порой и противоположные тенденции.

Ключевые слова: женщины, демография, Сибирь, город, XIX век, половой состав населения, возраст вступления в брак.

Abstract

The article is devoted to the demographic characteristics of the female population of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The following are considered: the sex composition of the urban population, the age and sex structure of the population, the marital status of women, fertility, illegitimate births, age at marriage, the distribution of the number of urban marriages by multiple and age of the bride, the average age difference between spouses, and the literacy rate of women. The author concludes that a variety of legal, economic, and sociocultural factors influenced the demographic parameters of the female population of the region's cities in the second half of the 19th – early 20th centuries. Moreover, as the data analysis shows, complex demographic processes were taking place in the cities of Siberia during this period. The diversity of factors influencing the status of women, the diversity of social living conditions of various strata of the city's population, and the interaction of traditions and innovations in social life led to the fact that different, and sometimes opposing, trends were simultaneously operating in the demographic development of cities.

Key words: women, demography, Siberia, city, 19th century, sex composition of the population, age of marriage.

Внимание российских исследователей к популярной в современной исторической науке теме «история женщин» быстро растет в последние годы. Современное состояние истори-

ографии позволяет сделать вывод о том, что история русских женщин имела ряд особенностей, обусловленных самобытностью исторического пути, пройденного Россией [1]. В рамках этого направления большой интерес представляет сибирский регион в силу значительной специфики социальных отношений в прошлом, что показывают работы последних лет [2; 3; 4].

Специфика развития региона не могла не отразиться на месте и роли женщины в сибирском социуме. Наиболее важными особенностями, влияющими на положение женщины, были следующие: Сибирь являлась колонизируемой окраиной и манила всех искателей лучшей доли, а также людей, не желающих смириться с порядками, существовавшими в европейской части страны; на протяжении XIX – начала XX вв. Сибирь продолжала оставаться фронтиром – регионом интенсивной колонизации, что проявлялось в специфике социального и национального состава населения, менталитете, характере протекания социально-экономических процессов; кроме того, Сибирь была местом ссылки и каторги.

Влияние этих особенностей на положение женщины было достаточно противоречивым, отражая различные тенденции развития регионального общества, что и отразилось в противоречивых характеристиках современников.

Значительное влияние на развитие региона оказывала ссылка. При этом если политическая ссылка могла даже быть благоприятной для развития образования, общественной жизни и культуры отдаленной окраины, т.к. многие политические ссыльные, начиная с декабристов, внесли значительный вклад в развитие культуры, то уголовная ссылка, наоборот, являлась тяжелым бременем.

Среди ссылаемых в Сибирь женщины составляли меньшинство. По некоторым подсчетам, на 1 ссыльную женщину приходилось 5-6 мужчин. При этом современники отмечали, что большинство женщин идут в Сибирь за семейные преступления (поджоги, убийство детей). Преобладание семейных

преступлений среди ссылаемых женщин говорило о правовой незащищенности и приниженном положении русской женщины в крестьянской семье, что и приводило к протесту в столь крайней форме.

Специфика колонизируемой окраины часто приводила к преобладанию мужчин и недостатку женщин в отдельных районах Сибири. На Дальнем Востоке недостаток женщин ощущался вплоть до начала XX в. Государство даже принимало специальные меры для «снабжения русских поселенцев женами». Ввиду недостатка женщин здесь выходили замуж не только все девушки, но и вдовы и одиночки с детьми, и не только молодые, но и средних лет. Нередки были случаи венчания женщин старше 50-лет. Девушек же сватали, едва они достигали 15-16 летнего возраста. Подобное положение привело к увеличению значимости женщины и определенной демократизации в семейно-брачных отношениях. Преобладание мужчин было характерно не только для отдаленных районов, только начавших заселяться, но и для большинства сибирских городов, особенно крупных.

Так, например, в Томске в 1880 г. на 18036 муж. приходилось 15798 жен. (46,7%) [5, с. 17]. Особенно неравномерно было соотношение полов в крупнейшем в это время городе Западной Сибири – Омске, где стояли значительный воинский гарнизон, и мужчины составляли порой до 3/4 населения города. Например, в 1890 г. в Омске на 22700 муж. было 16841 жен. (42,6%). Если в целом в городах Российской империи в 1906 г. на 100 мужчин приходилось 91,3 женщин, то Сибири – 84,1 [6, с. 20-21].

По данным 1880 г., мужчины в городах Западной Сибири составляли 54,2, женщины – 45,8% (см. Таблицу №1). В целом на 1000 мужчин приходилось 845 женщин. Таким образом, существовавшая диспропорция была значительной, что не могло не влиять, например, на уровень брачности. Наименьшей доля женщин была в Тюкалинске (35,6%), Мариинске (38%), Ялу-

торовске (39,5%) и Ишиме (41,8%). Тюкалинск, Ялуторовск и Ишим в это время развивались как центры активно заселявшихся сельскохозяйственных районов, что, по-видимому, и определило значительный приток мужчин. Что касается Мариинска, то этот город являлся центром золотодобывающего района и притягивал мужчин, стремящихся заработать на золотых приисках. В итоге, в Тюкалинске на 1000 мужчин приходилось 553 женщины, в Мариинске – 613, Ялуторовске – 653, Ишиме – 718. Выше среднего по региону был процент мужчин также в Таре – 55,9 (789 женщин на 1000 мужчин), Омске – 55,8 (792) и Бийске – 55,3 (808).

В других городах региона соотношение полов было более пропорциональным. Женщины составляли в Тобольске 47,3, Тюмени – 48,1, Томске – 46,7, Барнауле – 46,6%. Наиболее пропорциональным половой состав населения был в 1880 г. в Колывани. Здесь доля женщин составляла 49,5%, на 1000 мужчин приходилось 980 женщин. В одном из городов региона – Сургуте женщины даже численно преобладали. Здесь насчитывалось 734 женщины (56,1%) против 574 мужчин – (43,9%).

Материалы переписи населения 1897 г. дают возможность рассмотреть половой состав населения городов региона в конце XIX в. Согласно данным переписи, женщины в городах Западной Сибири составляли 48,3%, мужчины – 51,7%, на 1000 мужчин приходилось 934 женщины.

Меньше всего доля женщин была в Каинске – 43,6%, Тюкалинске – 43,7%, Березове – 45,5%, Ишиме – 46,2% и Ялуторовске – 46,8%. Можно отметить, что, как и в 1880 г., в этом списке присутствуют Тюкалинск, Ишим и Ялуторовск. Если в 1880 г. из 19 городов региона женщины преобладали только в одном, то в 1897 г. таких городов было уже 5: в Бийске женщин было 50,1%, в Кузнецке и Сургуте – 51,6%, в Колывани – 52%, Туринске – 53,2%.

Таблица 1 – Соотношение полов в населения городов Западной Сибири во второй половине XIX в.

Город	1880						1897					
	мужчины			женщины			муж.			женщины		
	абс.	%		абс.	%		абс.	%		абс.	%	
	жен. на 1000 муж.			жен. на 1000 муж.			жен. на 1000 муж.			жен. на 1000 муж.		
Омск	16500	55,8	13046	44,2	792	20084	53,7	17292	46,3	862		
Томск	18019	53,3	15781	46,7	876	27006	51,7	25204	48,3	934		
Тобольск	9229	52,7	8274	47,3	898	10654	52,2	9771	47,8	916		
Тюмень	8652	51,9	8012	48,1	927	14926	50,5	14618	49,5	980		
Барнаул	7795	53,4	6799	46,6	858	10864	51,6	10209	48,4	938		
Бийск	3760	55,3	3037	44,7	808	8581	49,9	8632	50,1	1004		
Тара	3672	55,9	2899	44,1	789	3751	51,9	3472	48,1	927		
Маринск	3443	62,0	2107	38,0	613	4251	51,7	3965	48,3	934		
Ялуторовск	3133	60,5	2049	39,5	653	1773	53,2	1557	46,8	880		
Курган	2916	53,7	2514	46,3	862	5172	50,2	5129	49,8	992		
Каинск	2850	52,3	2600	47,7	912	3319	56,4	2565	43,6	773		
Турунск	2239	52,5	2026	47,5	905	1481	46,8	1686	53,2	1137		
Кольвань	1970	50,5	1930	49,5	980	5619	48,0	6092	52,0	1083		
Ишим	1748	58,2	1253	41,8	718	3851	53,8	3302	46,2	859		
Кузнецк	1605	53,1	1415	46,9	883	1509	48,4	1608	51,6	1066		
Нарым	1052	52,6	984	47,4	901	576	51,0	553	49,0	961		
Березов	982	52,0	906	48,0	923	583	54,5	487	45,5	835		
Тюкалинск	755	64,4	415	35,6	553	2262	56,3	1756	43,7	776		
Сургут	574	43,9	734	56,1	1278	542	48,4	578	51,6	1066		
Итого	90894	54,2	76745	45,8	845	126804	51,7	118476	48,3	934		

Источники: Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 7–204; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губ. СПб., 1905. С. 46–47; Т. 79: Томская губ. СПб., 1904. С. 40–41; Т. 81: Акмолинская обл. СПб., 1904. С. 28–29.

Необходимо отметить, что, в отличие от городского населения, среди сельского преобладали женщины. Так, в 1892 г. в городах Тобольской губ. мужчины составляли 53,4%, женщины – 46,6%, а в сельской местности: 49,7 и 50,3% соответственно [7, с. 48].

Таблица 2 – Соотношение полов в населения городов Западной Сибири в 1911 г.

Город	Мужчины		Женщины		жен. на 1000 муж
	абс.	%	абс.	%	
Омск	66895	52,3	60970	47,7	912
Томск	57511	51,6	53906	48,4	938
Тобольск	10519	50,7	10226	49,3	972
Тюмень	17468	49,4	17882	50,6	1024
Барнаул	26978	51,8	25097	48,2	931
Бийск	14096	50,3	13942	49,7	988
Тара	7914	63,7	4517	36,3	570
Маринск	6972	53,2	6128	46,8	880
Ялуторовск	2570	58,1	1853	41,9	721
Курган	17503	49,9	17540	50,1	1004
Каинск	6257	54,0	2771	46,0	852
Турунск	1620	51,8	1508	48,2	931
Кольвань	5478	49,5	5585	50,5	1020
Ишим	6296	52,7	5658	47,3	898
Кузнецк	1896	49,0	1977	51,0	1041
Нарым	459	51,3	436	48,7	949
Березов	704	55,0	576	45,0	818
Тюкалинск	3669	67,6	1606	32,4	479
Сургут	698	50,5	685	49,5	980
Новониколаевск	32560	51,2	30992	48,8	953
Итого	285063	51,9	263855	48,1	927

Источник: Турчанинов Н.В. Города Азиатской России // Азиатская Россия. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 348 (подсчет).

Как отмечалось в материалах переписи 1897 г., «половой состав населения Тобольской губ., подобно северным и центральным губерниям Европейской России, характеризуется численным преобладанием женского населения над мужским. В среднем по губернии на 1000 муж. – 1028 жен. В городах же – на 1000 муж. только 941 жен.», при этом указывалось, что «численное преобладание в населении городов мужчин объясняется сосредоточением в них солдат, арестантов, а также приходом в города на заработки, особенно в зимнее время. Кроме того, на это могло влиять размещение ссыльных» [8, с. XIX].

По данным 1911 г. соотношение полов в городах региона по сравнению с 1897 г. изменилось незначительно (см. Таблицу №2). Мужчины по-прежнему составляли большинство – 51,9%. В то же время в некоторых городах Западной Сибири преобладание мужчин было значительным. Так, в Тюкалинске они составляли более 2/3 населения – 67,6%, т.е. на 1000 мужчин приходилось всего 479 женщин. Значительным процентом мужчин был также в Таре – 63,7%, Ялуторовске – 58,1%, Березове – 55% и Каинске – 54%. Женщины незначительно преобладали в четырех городах: Кургане – 50,1%, Колывани – 50,5%, Тюмени – 50,6% и Кузнецке – 51,0%.

В целом, можно отметить, что на протяжении второй половины XIX в. диспропорции в половом составе населения городов Западной Сибири сглаживались. Это наглядно показывает рисунок 1. Если в 1866 г. мужчины в городах региона составляли 54,9% (821 женщина на 1000 мужчин), то в 1880 г. – 54,2%, в 1897 г. – 51,7%, 1911 – 51,9%.

Кроме общего соотношения полов важно также соотношение полов по различным возрастным категориям населения. В силу этого необходимо остановиться на половозрастной структуре населения городов Западной Сибири. Для исследования этого аспекта в нашем распоряжении имеются данные однодневных городских переписей и всероссийской переписи 1897 г.

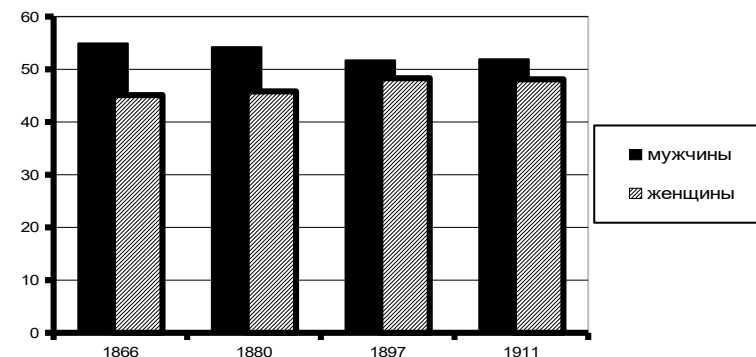

Рисунок 1 – Половой состав населения городов Западной Сибири (%).

Источники: Резенкамф А. *Материалы к санитарной статистике Западной Сибири* // *Тобольские губернские ведомости*. 1867 г. № 35, 36; *Экономическое состояние городских поселений Сибири*. СПб., 1882. С. 7–204; *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.* Т. 78: *Тобольская губ.* СПб., 1905. С. 46–47; Т. 79: *Томская губ.* СПб., 1904. С. 40–41; Т. 81: *Акмолинская обл.* СПб., 1904. С. 28–29; Турчанинов Н.В. *Города Азиатской России* // *Азиатская Россия*. Т. 1: *Люди и порядки за Уралом*. СПб., 1914. С. 348.

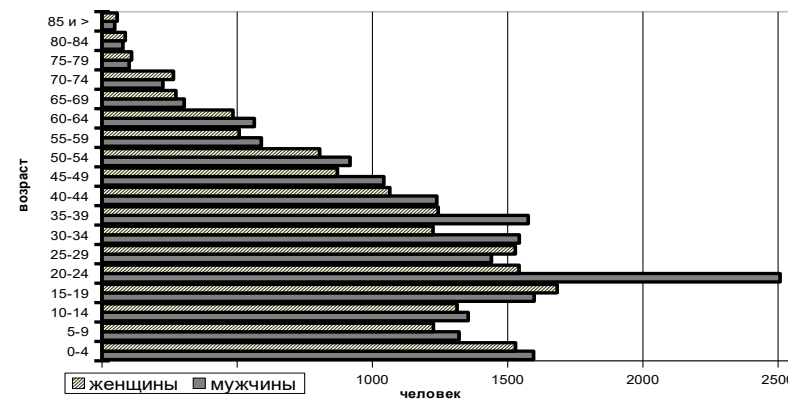

Рисунок 2 – Половозрастная структура населения Томска в 1880 г.

Источник: Костров Н. *Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 года*. Томск, 1880.

Рисунок 2 представляет половозрастную структуру населения Томска по пятилетним возрастным промежуткам по данным однодневной переписи 16 марта 1880 г. На диаграмме ясно видно, что в различных возрастных группах соотношение полов различалось. Мужчины незначительно преобладали в первых трех возрастных группах: 0–4, 5–9 и 10–14 лет (соответственно 1596 и 1529, 1320 и 1225, 1354 и 1313). В возрастной группе от 15–19 лет отмечено небольшое преобладание женщин (1598 и 1683). В целом в возрастной структуре до 20 лет было достаточно уравновешенное соотношение полов: мужчины – 50,5%, женщины – 49,5%. Ситуация резко меняется в следующей возрастной группе – 20–24 года. Здесь мужчины значительно преобладают. В этой группе 2507 мужчин приходилось на 1542 женщины, т.е. мужчины составляли 61,9%, иными словами, на 1000 мужчин приходилось 616 женщин. Очевидно, что большая часть мужчин этого возраста была из пришлых, поскольку город притягивал молодых мужчин в значительно большей степени, чем женщин. Необходимо отметить также, что данная возрастная категория совпадает с самым активным брачным возрастом, в силу чего многие молодые мужчины просто не могли вступить в брак, по крайней мере, со своими сверстницами. В следующих возрастных группах, как показывает рисунок №2, сохраняется преобладание мужчин. Соотношение полов выравнивается только к возрасту 70 лет, после которого женщин становится больше, чем мужчин.

Аналогичную ситуацию показывают данные о половозрастной структуре населения Омска по данным однодневной городской переписи 10 апреля 1877 г., представленные на Рисунке №3.

На диаграмме видно, что в возрастных группах 0–4 и 5–9 лет соотношение полов примерно равное. В возрастных группах 10–14 и 15–19 лет уже заметно преобладание мужчин. При этом отчетливо видно, что эти группы по численности больше, чем две предыдущие, что, несомненно, является следствием

притока населения извне. Демографическая пирамида, таким образом, приобретает характерный вид листа, а не конуса, что является обычным для города в период урбанизации.

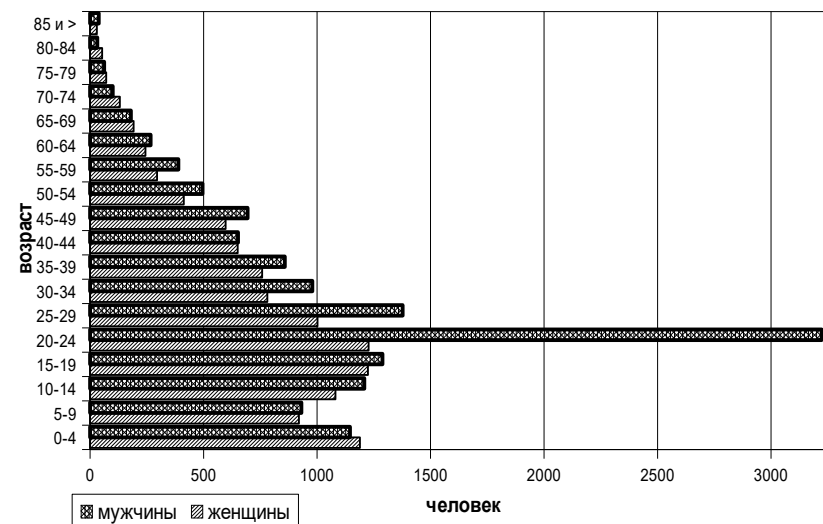

Рисунок 3 – Половозрастная структура населения Омска в 1877 г.

Источник: Словоцков И.Я. Материалы по истории и статистике Омска // Труды Акмолинского статистического комитета. Омск, 1880. Ч. 1.

Точно так же, как и в Томске, в Омске наблюдается резкий скачок численности мужчин в возрасте 20–24 года. В этой возрастной группе мужчины насчитывали 3223 чел., или 72,4%, женщины – 1227, или 27,6%. Таким образом, на 1000 мужчин самого активного брачного возраста в Омске в 1877 г. приходилось всего 381 женщина. Значительное превышение мужчин над женщинами наблюдалось в последующих возрастных группах, сглаживаясь только к 70-ти годам. Сходная ситуация наблюдается и по материалам однодневной переписи Тобольска 1882 г., где в возрастной группе 20-24 года на 1000 муж.

приходилось 397 жен., при этом в пришлом населении всех возрастов мужчины состояли 66,9% (3237 муж. и 1604 жен.) [9, с. 339].

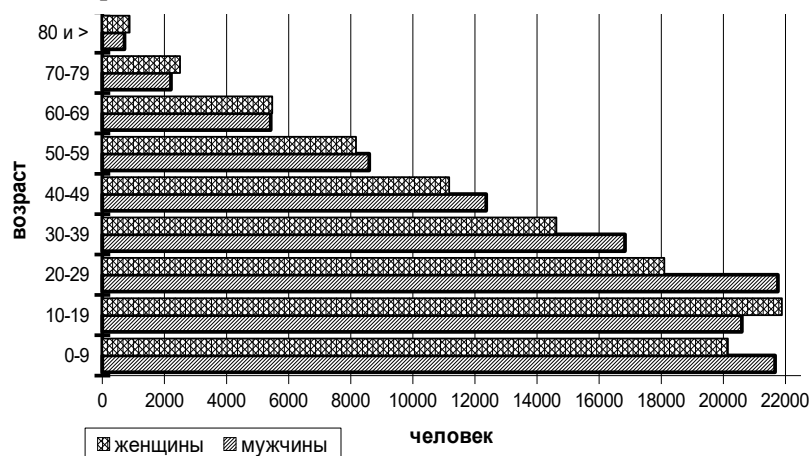

Рисунок 4 – Половозрастной состав населения городов Западной Сибири в 1897 г.

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78. Тобольская губерния. СПб., 1905; Т. 79. Томская губерния. СПб., 1904; Т. 81. Акомлинская область. СПб., 1904.

Данные переписи 1897 г. позволяют рассмотреть половозрастной состав населения городов региона по десятилетним возрастным группам (см. Рисунок №4). На диаграмме заметно незначительное преобладание мужчин в возрасте до 9 лет и женщин в возрасте 10-19 лет и в целом примерное равное соотношение полов в возрасте до 20 лет. В возрастной группе 20–29 лет снова наблюдается значительное превышение численности мужчин. Здесь мужчины насчитывали 21756 чел. (54,6%), женщины – 18098 (45,4%), на 1000 мужчин приходилось 831 женщина. В более старших возрастных группах сохраняется преобладание мужчин (например, в возрасте 30–39 лет мужчины составляли 53,5%), которое постепенно вырав-

нивается к возрасту 60–69 лет.

Таблица 3 – Половозрастной состав городского и сельского населения Тобольской губ. в 1897 г.

Возрастная группа	В городах			В округах		
	муж.	жен.	о.п.	муж.	жен.	о.п.
0-9 лет	18.0	19.5	18.7	26.6	25.8	26.0
10-19	17.4	19.9	18.6	20.5	20.4	20.4
20-29	20.2	17.6	18.9	12.9	15.3	14.1
30-39	16.0	14.4	15.2	12.2	12.5	12.4
40-49	12.1	11.1	11.7	10.6	9.9	10.2
50-59	8.4	8.3	8.3	7.9	7.4	7.7
60-69	5.2	5.6	5.5	6.0	5.3	5.6
70 и >	2.7	4.5	3.2	3.7	3.5	3.6

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 78. Тобольская губ. СПб., 1905. С. XX.

Материалы переписи показывают значительное отличие половозрастной структуры городского и сельского населения (таблица 3). В сельском населении наиболее многочисленна первая группа, т.е. дети до 9 лет (26%). Последующие группы постепенно убывают в своей численности, образуя правильную демографическую пирамиду. Значительное уменьшение численности 2-й группы, по-видимому, объясняется большой детской смертностью в сельском населении. Уход же значительного числа людей из села, главным образом в возрасте от 20 до 29 лет в города сильно влияет на уменьшение численности 3-й возрастной группы на селе и увеличение ее в городе. В городах 2-я возрастная группа немногим уступает 1-й в силу меньшей смертности, а также притоку в города значительного количества подростков в виде воспитанников различных учебных заведений, подмастерий, приказчиков и т.д.

Соотношение полов среди коренного и пришлого населе-

ния подтверждает это. Уже в 1870–1880-х гг. доля пришлого населения в городах была достаточно высокой. По переписи населения Тобольска 1882 г. 35,2% жителей города родилось за пределами губернии (таблица 4), при этом из Европейской России переселились 23,1% горожан, из азиатской части страны – 11,2%.

Характерно, что распределение пришлых и местных уроженцев между полами различалось очень сильно. Как видно из таблицы 4, более 4/5 женщин были местными уроженками и только чуть меньше половины местных среди мужчин. Как отмечал П.Г. Рындзюнский, «мужчины скорее уходили из мест первоначального жительства. Они преобладали в рядах отходников и скорее перемещались из деревень в города по сравнению с женщинами, более связанными с домашним хозяйством и семьей» [10, с. 215-216].

Таблица 4 – Состав населения жителей Тобольска в 1882 г. по месту рождения.

Место рождения	Мужчины		Женщины		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Тобольск и Тобольская губ.	5763	52,1	7010	80,9	12773	64,8
Европейская Россия	3363	30,4	1192	13,8	4555	23,1
Азиатская Россия	1836	16,6	373	4,3	2209	11,2
Иностранные государства	13	0,1	4	0,0	17	0,1
Не указавшие	78	0,7	85	1,0	163	0,8
Итого	11053	100	8664	100	19717	100

Источник: Дмитриев-Мамонов А.И. *Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С. 362.*

Большой интерес представляет также соотношение полов среди различных национальностей в сибирском городе (см. Таблицу №5).

Таблица 5 – Соотношение полов по национальностям в городах, 1897 г.

Национальность	Тобольская губ.					Томская губ.				
	Мужчины		женщины		жен. на 1000 муж.	мужчины		Женщины		жен. на 1000 муж.
	абс.	%	абс.	%		абс.	%	абс.	%	
Русские	39617	50,4	38924	49,6	984	58440	50,5	57185	49,5	980
Украинцы	829	62,1	505	37,9	610	547	66,1	280	33,9	513
Поляки	1187	61,3	749	38,7	631	1033	62,2	632	37,8	571
Немцы	226	65,3	120	34,7	531	319	58,4	227	41,6	712
Евреи	959	50,4	944	49,6	984	2472	49,9	2477	50,1	1004
Татары	992	63,1	581	36,9	585	1286	55,4	1035	44,6	805

Источники: *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губерния, СПб., 1905; С. 76–77; Т. 79: Томская губ., СПб., 1904. С. X.*

Из таблицы 5 видно, что половой состав различных национальных групп, проживавших в городах региона, был различен. Наиболее гармоничное соотношение полов было у русских (980–984 жен. на 1000 муж.) и у евреев (984–1004). Это создавало предпосылки для преобладания национально однородных браков. В то же время в других национальных группах отмечалось значительное преобладание мужчин, удельный вес которых мог доходить до 2/3. Так, например, среди украинцев на 1000 муж. приходилось жен.: в Тобольской губ. – 505, в Томской – 513, среди поляков, соответственно: 749 и 571, среди немцев – 531 и 712, среди татар – 581 и 805. Это дает возможность предположить, что для многих мужчин этих национальностей создать семью со своей соплеменницей было сложно.

Важен вопрос о семейном положении женщин. Материалы однодневных городских переписей Омска, Тобольска, Томска и Барнаула позволяют подробно рассмотреть семейное состояние горожан Западной Сибири. Как показывают данные пере-

писи Омска 1877 г., приведенные в Таблице 6, среди населения города, состоявшие в браке насчитывали 36,8% (38,9% – среди женщин и 35,2% – среди мужчин всех возрастов).

Дети до 16 лет (добрачный возраст) составляли 28,4%, холостые – 27,1% (всего холостых и незамужних 55,5%), вдовы – 7,6%. Примечательным фактом была значительная доля вдов среди женского населения – 13,1% от женщин всех возрастов, при этом соответствующий показатель среди мужчин составлял всего 3,3%.

Таблица 6 – Семейное состояние населения Омска в 1877 г.

Семейное состояние	Мужчины, %	Женщины, %	Все население	
			абс.	%
Добрачные (до 16 лет)	25,8	31,6	7036	28,4
Холостые и девицы	35,6	16,3	6731	27,1
Состоящие в браке	35,2	38,9	9141	36,8
Вдовы	3,3	13,1	1879	7,6
Разведенные	–	0,012	3	0,0
Не указавшие	0,1	0,1	28	0,1
Итого	100	100	24818	100

Источник: Словцов И.Я. *Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 года. Омск, 1882. С. 96–97.*

Обращает на себя внимание тот факт, что в то время практически не бытовали разводы. Из 24818 человек, учтенных переписью, только 3 (все женщины) были разведенными, что составляло 0,012% всего населения. Причиной практически полного отсутствия разводов было отрицательное отношение к последним православной церкви. В то же время среди евреев разводы были распространены в гораздо большей степени. Так, по данным Л.В. Кальминой, в отдельные годы на каждые 6–9 браков в иркутской еврейской общине приходился один раз-

вод. Объяснялось это «не столько непрочностью еврейской семьи, сколько простой и безболезненной процедурой развода». Для развода супругам достаточно было изъявить «обоюдное согласие» расстаться, и обряд расторжения брака проводился незамедлительно. Развод можно было получить даже заочно, и брошенная жена узнавала об этом из разводного листа, вручавшегося ей третьим лицом [11, с. 155].

Сходная с Омском картина наблюдалась и в Томске (см. Таблицу №7). По данным однодневной переписи Томска 1880 г., в населении города холостые и незамужние составляли 50,13%, состоявшие в браке – 40,25%, вдовы – 9,62%, разведенных не отмечено. Так же, как и в Омске, в Томске вдовы составляли весьма значительную долю среди женщин всех возрастов – 14,9%.

Таблица 7 – Семейное состояние населения города Томска в 1880 г.

Семейное состояние	Мужчины		Женщины		Все население	
	абс.	%	Абс.	%	абс.	%
Холостые и девицы	9710	53,8	7252	45,9	16962	50,1
Состоящие в браке	7420	41,1	6196	39,2	13616	40,3
Вдовы	906	5,0	2350	14,9	3256	9,6
Итого	18036	100	15798	100	33834	100

Источник: Костров Н.А. *Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 года. Томск, 1880. С. 33.*

Типичность данного соотношения групп населения по-семейному состоянию в сибирских городах показывают и материалы однодневной переписи Тобольска 1882 г., приведенные в Таблице 8. Действительно, как видно из таблицы, холостые и девицы в Тобольске составляли 59,2%, состоявшие в браке –

32,3%, вдовы – 8,5%, разведенные – 0,005% (1 чел.). Так же, как и в других городах региона, доля вдовых женщин была значительно больше, чем вдовцов мужчин – 12,5% против 4,5%. При этом среди взрослых женщин в возрасте старше 16 лет вдовы составляли 22,5%, т.е. почти каждая четвертая взрослая женщина Тобольска являлась вдовой и только каждый 17-й взрослый мужчина был вдовцом. Обращает на себя внимание также факт, что среди взрослого населения доля холостых мужчин (45,7%) была значительно выше, чем доля девиц – 28,1%. Это объясняется значительным числом военнослужащих, арестантов, молодых рабочих-отходников в населении губернского центра, большинство из которых не состояло в браке.

Таблица 8 – Семейное состояние населения Тобольска в 1882 г.

Семейное состояние	Все население						16 лет и старше			
	мужчины		женщины		всего		мужчины		женщины	
	абс.	%	Абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Холостые и девицы	6439	58,3	6679	60,0	13118	59,2	3875	45,7	1735	28,1
Состоящие в браке	4105	37,2	3056	27,5	7161	32,3	4105	48,5	3056	49,4
Вдовы	494	4,5	1388	12,5	1882	8,5	494	5,8	1388	22,5
Разведенные	–	0,0	1	0,0	1	0,005	–	0	1	0,0
Итого	11038	100	11124	100	22162	100	8474	100	6180	100

Источник: Дмитриев-Мамонов А.И. Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск, 1884. С. 403.

Однодневная перепись населения Барнаула 1895 г. дает несколько иные цифры. По данным переписи, в Барнауле в возрасте старше 16 лет холостые мужчины составляли 26,2%, незамужние женщины – 21,7%; в браке состояло 67,4% взрослых мужчин и 63,3% женщин. Доля вдовых женщин (14,6%), так

же, как и в других городах региона, была значительно выше доли вдовых мужчин (6,2%). Можно отметить и увеличение числа разведенных. По переписи было отмечено 12 разведенных мужчин и 32 женщины, в целом разведенные составляли 0,29% от числа взрослых, причем среди женщин этот процент достигал 0,42% [12, с. 36-39, подсчет].

Материалы переписи 1897 г. позволяют сравнить распределение по группам семейного состояния в городах региона и в сельской местности. Так, в Тобольской губ. можно отметить, что в городах не состоявшие в браке взрослые (15 лет и старше) составляли значительно большую часть населения, чем в деревнях, при этом среди городского населения процент холостых мужчин был значительно выше, чем незамужних женщин (в городах мужчины – 39,6%, женщины – 28,2%; в уездах мужчины 24,8%, женщины – 20,9%). Соответственно, и доля состоявших в браке взрослых в городах была существенно ниже (мужчины – 53,3%, женщины – 52,1%), чем в сельской местности (мужчины и женщины по 66,9%) [13, с. 363].

Превышение доли вдовых женщин над долей вдовцов-мужчин отмечалось также и в сельской местности, но в городах эта разница была намного больше (8,1% мужчин и 12,1% женщин в уездах и 7,0% мужчин и 19,5% женщин в городах). В Томской губ. распределение населения по семейному состоянию и в городах, и в сельской местности было практически таким же, как и в Тобольской. Сходный характер распределения населения по семейному состоянию в городах Европейской части страны отметил Б.Н. Миронов [14, с. 177-178]. Н.А. Араловец писала: «Преобладание в городах молодых мужчин и женщин, не состоявших в браке, возрастание применения женского труда влияли на постепенное изменение взглядов на брак, внебрачные отношения, возраст вступления в брак, возможность повторного брака» [15, с. 34].

Распределение семейного состояния по 5-летним возрастным группам и семейному состоянию по материалам одноднев-

ной городской переписи Барнаула 1895 г. позволяет рассмотреть, как изменялось семейное положение горожан с возрастом. Холостые и девицы составляли абсолютное большинство в возрасте 16–20 лет: 94,3% у мужчин и 79,7% у женщин. Уже в следующей возрастной группе – 21–25 лет доля не состоявших в браке резко уменьшается (49,0% у мужчин и 25,4% у женщин). На этот возрастной промежуток, очевидно, приходится пик заключения браков. К возрасту 25 лет уже половина мужчин и три четверти женщин вступали в брак. В дальнейшем, с увеличением возраста доля холостых и девиц сокращалась: в 41–45 лет только чуть более 5% женщин и мужчин ни разу не вступали в брак [13, с. 362]. К возрасту 36 лет женщины, не вышедшие замуж, имели небольшой шанс вступить в брак, и доля девиц начиная с этого возраста, остается стабильной – 5–8%. Число же мужчин, не вступавших в брак, продолжало снижаться с возрастом, например, в возрасте 71–75 лет холостые составляли всего 1% [13, с. 362].

Таким образом, можно сделать вывод, что к концу XIX в. подавляющее большинство горожанок на протяжении своей жизни вступало в брак. Доля женщин, никогда вступавших в брак, составляла около 7% (мужчин – около 5%). В целом по стране в конце XIX в. среди городского населения в возрасте 50 лет никогда не вступавших в брак мужчин было 11%, женщин – 12%, в сельской местности, соответственно 3 и 4% [16, с. 140]. В крупных городах безбрачие прогрессировало быстрее. Например, в Петербурге в 1891–1900 гг. среди лиц в возрасте 50 лет насчитывалось 13–15% мужчин и 19–21% женщин, никогда не состоявших в браке [14, с. 172].

Можно отметить увеличение с возрастом численности вдовых как среди женщин, так и среди мужчин. К возрасту старше 75 лет уже более 60% мужчин и 80% женщин были вдовыми. Главной причиной вдовства была высокая смертность населения. Гораздо большая доля вдов среди всех женщин, чем вдовцов среди всех мужчин, наблюдавшаяся на протяжении всего

изучаемого периода, объясняется более поздним, чем у женщин, вступлением в брак у мужчин, в результате чего мужья были старше своих жен и, следовательно, последние имели больше шансов пережить своих супругов, тем более, что и средняя продолжительность жизни женщин в городах региона была выше, чем у мужчин. Как обосновывал статистик того времени большую продолжительность жизни женщин в городах: «Другим характерным явлением... является гораздо меньшее влияние, оказываемое городской жизнью на женщин, чем на мужчин. Объяснить это можно тем, что женщины в городах в меньшей степени, чем мужчины, подвергаются многим вредным влияниям городской жизни (вредные занятия, алкоголизм и т.п.)» [15, с. 35]. Кроме того, мужчины имели гораздо больше шансов, овдовев, вступить в повторный брак.

Неравноправное положение женщин, архаичность брачно-семейного законодательства (например, непризнание гражданских браков) приводили к значительному числу внебрачных рождений. При этом в городах внебрачных детей рождалось значительно больше, чем в деревне. Так, в 1890 г. в Томской губернии доля незаконнорожденных в сельской местности составляла 2,9%, в городах – 7,1%, при этом максимальной эта доля была в крупнейшем городе – Томске – 12,6% [18, с. 18]. Нужно отметить, что в городах Сибири в изучаемый период отмечался постоянный рост внебрачных рождений. Вот как, например, писал современник о Томске: «Число внебрачных рождений и рождений от неизвестных родителей в нем идет быстро в гору. В 1906 г. первых было 276, или 7,7% общего числа рождений, в 1910 их стало 448, или 11,1%, вторых в 1906 г. было 129, или 3,6%, – в 1910 г. стало 296 или 7,4%» [19, с. 65-66]. В небольших городах доля внебрачных рождений была меньше, чем в крупных. Так, в 1910 г. доля внебрачных рождений в Кургане была значительно меньше, чем в Томске. В этот год из 1285 родившихся незаконнорожденными были 71 ребенок, или 5,5% [20, с. 78]. Интересно распределение ма-

терей внебрачных детей по сословиям. В частности, в Омске в 1913–1915 гг. из таких матерей 74,2% были крестьянками, 15,8% – мещанками, 3,2% – казачками, прочие составляли 6,8% [21, с. 38].

Одним из главных демографических показателей является возраст вступления в брак. Результаты исследования возраста вступления в брак горожан Тобольска и Тюмени по материалам метрических книг (всего использовано 996 записей) представлены в таблице 9.

Таблица 9 – Возраст вступления в брак горожан Западной Сибири.

Город, год	мужчины						Женщины					
	1-й брак			2-й брак			1-й брак			2-й брак		
	мин	макс	сред	мин	макс	сред	мин	макс	сред	мин	макс	сред
Тобольск, 1873	18	64	26,5	27	65	39,5	15	49	21,9	23	52	32,6
Тобольск, 1874	17	60	26,6	27	51	36,3	15	40	21,5	22	42	33,7
Тюмень, 1873	17	50	24,9	22	64	37,5	15	45	22,3	20	46	31,4
Тюмень, 1874	18	46	25,6	21	60	37,5	15	43	22,1	28	48	35,9
Тобольск, 1911	17	51	24,8	23	61	39,3	15	39	22,1	22	56	34,5
Тобольск, 1912	17	52	25,0	22	58	35,9	15	39	21,9	19	39	29,8

Источники: ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 30. Д. 3, 4; 51, 52. Оп. 31. Д. 20, 24.

В рассматриваемый период большинство лиц, вступавших в первый брак, имели возраст около 21–22 года у женщин и 25–26 лет у мужчин. Если сравнить данные по Тобольску за 1873–1874 гг. и за 1911–1912 гг., то можно отметить некоторое снижение среднего возраста первого брака у мужчин с 26,5–26,6 до 24,8–25,0, у невест же показатель колебался в меньшей степени. В целом в конце XIX – начале XX в. в городах наблю-

далось понижение возраста женихов, а у невест он практически оставался без изменений, что вело к снижению разницы в возрасте супругов и к стиранию различий между городом и деревней в отношении возраста новобрачных. На этот момент обратили внимание и другие исследователи [22, с. 42].

При стабильности среднего показателя возраста вступления в брак размах вариаций возрастов был довольно значительным. При этом можно заметить, что у мужчин он был гораздо больше, чем у женщин. Так, как показывает Таблица 9, минимальный возраст невест в Тобольске и Тюмени составлял 15 лет, а максимальный 39–49 лет. В то же время у их женихов минимальный возраст в первом браке равнялся 17–18 лет, а максимальный – 46–64 года.

Во-вторых браках средний возраст вступления в брак был значительно выше: у мужчин 36–40 лет, у женщин 30–35 лет. Крайние возраста составляли 21 и 65 лет у мужчин, 19 и 56 лет у женщин. Третьи браки у мужчин встречались гораздо реже, но не были чем-то исключительным. Средний возраст вступления в 3-й брак составлял у мужчин 45–54 года. В то же время из 996 рассмотренных браков нам встретился только один случай вступления женщины в 3-й брак [23].

Распределение числа браков по кратности и возрастам невест показывает характерные черты брачного поведения женщин (см. Рисунок № 5). Пик первых браков приходился на возраст 19–20 лет, вторых – 29–32 года. Повторные браки женщин распределялись по возрастам более равномерно, а третьих браков практически не было. Это говорит о том, что вступление в повторный брак для женщины было в большей степени делом случая, чем для мужчины. Инициаторами браков были именно мужчины, и компенсационная роль повторных браков, имеющая целью продлить время пребывания в браке, имела значение прежде всего для мужчин. Последнее доказывается также большей распространенностью повторных браков у мужчин, чем у женщин, и значительно большей долей вдовых среди

взрослого женского населения, чем среди мужского. Для мужчин и после 40 лет возможность заключения брака сохранялась, а вот для девиц после 32 лет вероятность когда-либо выйти замуж резко падала и к 37 годам становилась ничтожной. По представлениям крестьян того времени в разряд старых дев попадали в 28–30 лет [24, с. 28].

Рисунок 5 – Распределение числа браков горожан Тобольска и Тюмени в 1873–1874 гг. по кратности и возрастам невест.
Источники: ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 30. Д. 3,4; Оп. 31. Д. 20, 24.

Подавляющее большинство супружеских пар в городах состояли в первом браке, их доля составляла от 80 до 95%. Количество вторых браков было меньше, чем первых, но все же довольно значительным, доходя до 15–20% от общего числа супружеских пар. Столь высокий показатель свидетельствует о том, что, овдовев, многие горожане довольно быстро женились повторно. В некоторых случаях промежуток времени между смертью жены и вторичным заключением брака вдовцом был даже меньше, чем официально установленный годичный срок траура. Например, жена колыванского купца Якова Стефано-

вича Старцева умерла в феврале 1895 г., а уже в апреле того же года Старцев обвенчался с мещанской дочерью девицей Павлой Александровной, 23 лет от роду, причем самому купцу в то время шел уже пятьдесят второй год. Правда, столь непочтительный для памяти покойной срок между смертью жены и повторным браком мог объясняться тем, что первая жена умерла, как записано в метрической книге, «от спиртных напитков» [25].

Таким образом, очевидно, что многие из овдовевших горожан женились повторно. Это, по-видимому, объясняется большой ролью жены в семейном хозяйстве горожан. Вот, например, как объяснял свое желание жениться повторно ялutorовский купец Василий Иванович Ушаков: «Оставшись вдовым после первого брака в цветущем возрасте, я, по моему семейному положению и условиям хозяйственных и торговых дел, а также и привычке к семейной регулярной жизни – вступил в брак с шадринской купеческой дочерью Анной Афанасьевной Смирновой» [26].

Доля третьих браков в семьях горожан была незначительной, обычно не превышая 5%. Однако эта цифра достаточно большая, чтобы иметь основания сделать вывод о том, что факт женитьбы в третий раз не считался чем-то из ряда вон выходящим. Четвертых браков отмечено не было, и тому есть достаточно веское основание, поскольку по существовавшему законодательству четвертые браки православных были запрещены, вне зависимости от каких бы то ни было жизненных обстоятельств. Ни один православный священник не взялся бы венчать кого бы то ни было четвертым браком. В том же случае, когда человек обманном путем вступал в четвертый брак, на него налагалась тяжелая епитимья.

Таблица 10 – Семейное состояние женихов и невест в Омске в 1913 и 1916 гг.

Семейное состояние		Процент браков	
Женихи	Невесты	1913	1916
Холостые	Девушки	83,4	77,0
	Вдовы	4,1	3,8
	Разведенные	0,3	–
Вдовцы	Девушки	5,5	11,1
	Вдовы	6,1	7,0
	Разведенные	–	–
Разведенные	Девушки	0,5	1,1
	Вдовы	–	–
	разведенные	0,1	–
Итого		100	100

Источник: Клячкин В.Е. Естественное движение населения г. Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–26 гг. Омск, 1928. С. 41.

Из 786 браков, заключенных в 1909 г. в городах Тобольской губ. браки холостых с девушками составляли 590 (75,1%), холостых со вдовами (6,6%), вдовцов с девушками 97 (12,3%) и вдовцов со вдовами 47 (6,0%) [27]. Из Таблицы 10 видно, как распределялись браки по семейному состоянию женихов и невест в Омске в 1913 и 1916 гг.

Можно отметить, что женщины после прекращения первого брака реже заключали повторный брак, чем мужчины. В целом по стране вероятность вступить в повторный брак у мужчин была существенно выше, чем у женщин: среднее число вступлений в брак для лиц, когда-либо состоявших в браке, в конце XIX в. равнялась 1,23 для мужчин и 1,04 женщин, что означает, что в повторный брак вступало около 23% мужчин и лишь 4% женщин [14, с. 172].

Поскольку средний возраст вступления в брак у мужчин

был выше, чем у женщин, у большинства супружеских пар старшим по возрасту был мужчина. Так, например, в Барнауле в 1867 г. из 595 браков только в 53 (8,9%) женщины были старше мужчин, в 60 браках (10,1%) супруги были ровесниками и в 482 браках (81,0%) мужья были старше своих жен. Незначительной, не более 3-х лет в ту или другую сторону, разница была в 222 браках (37,3%), неравными (т.е. с разницей в 10 и более лет) были 160 браков (26,9%), при этом только в одном из них старше была женщина [28]. В Бийске в том же 1867 г. в 491 брачной паре жены были старше мужей в 58 (11,8%), супруги являлись ровесниками в 92 (18,6%), и мужья были старше в 341 брачной паре (69,5%). Незначительной была разница в 262 браках (53,4%), неравными были 106 браков (21,6%), во всех из них старшими были мужчины [29]. Сходная ситуация отмечалась в 1867 г. и в Тобольске, где из 232 рассмотренных брачных пар в 20 (8,6%) были старше жены, в 17 (7,3%) супруги были ровесниками и в 195 (84,1%) старше были мужья. При этом доля равных браков, с небольшой разницей, в Тобольске была ниже – 69 (29,7%), а неравных, наоборот, выше – 80 (34,5%), чем в Барнауле и Бийске [30].

Размах вариаций разницы в возрасте супругов был довольно большим. Например, в 1867 г. в Барнауле он составлял от 16 лет в пользу женщин до 38 лет в пользу мужчин; в 1875 г. от 10 лет в пользу женщин до 28 лет в пользу мужчин; в 1897 г. от 9 лет в пользу женщин до 31 года в пользу мужчин и в 1913 г. от 6 лет в пользу женщин до 28 лет в пользу мужчин [31].

В первых браках среднем мужья были старше своих жен на 3–4 года, при этом можно отметить некоторое сокращение разницы в возрасте с течением времени. Так, в Тобольске в 1873–1874 гг. средняя разница в возрасте заключаемых браках была 3,9–4,3 года, а в 1911–1912 гг. – 2,6–2,8 года. Во вторых браках мужья были старше жен на 7–13 лет, в третьих – на 11–18.

Таблица 11 – Средняя разница в возрасте супругов Барнаула в зависимости от возраста мужа, 1867 г.

Возраст Супруга	Годы рождений	Число брачных пар	Ср. разница в возрасте супругов
21–25	1841–1845	22	1,9
26–30	1836–1840	60	2,4
31–35	1831–1835	68	3,7
36–40	1826–1830	103	5,4
41–45	1821–1825	74	6,1
46–50	1816–1820	87	7,3
51–55	1811–1815	68	8,4
56–60	1806–1810	43	7,9
61+	до 1806	70	10,9
Все возраста	до 1841	595	6,3

Источник: ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 760.

Необходимо сказать, что разница в возрасте, составлявшая 5–7 лет в пользу мужчины, считалась вполне нормальной, и такие браки не считались неравными. Неравными браками было принято считать супружеские пары, в которых мужчина старше жены на 10 лет и более [32, с. 107]. Подавляющее большинство вторых и третьих браков можно признать неравными. В отдельных случаях разница в возрасте супругов достигала значительных величин. Так, в 1884 г. бийский купец 2-й гильдии Александр Пешков был старше своей жены Анфисы Павловны на 28 лет, а купец того же города Сулейман Сейфуллин имел разницу в возрасте со своей женой Фатимой Ахметовной в 35 лет [33].

Вопрос о тенденциях в изменении разницы в возрасте супругов в семьях горожан позволяет рассмотреть подсчет разницы по возрастным когортам мужчин. В Таблице №11 приведена группировка 595 семей горожан Барнаула в 1867 г. по 5-летним

возрастным группам мужей, для каждой группы вычислена средняя разница в возрасте супругов. Таблица показывает, что для более молодых поколений была характерна меньшая разница в возрасте. Очевидно, что с течением времени разница в возрасте супругов сокращалась, что говорит о разложении патриархальных традиций в семьях горожан региона.

Данные об уровне грамотности в Сибири показывают, как отсталость культурных процессов в колонизируемом регионе, так и приниженное положение женщины. Так, по материалам переписи 1897 г. средняя грамотность по Тобольской губернии составляла всего 11,3% (в городах – 38%, сельской местности – 9,6%). При этом данные об уровне грамотности среди мужчин и женщин наглядно показывают, что женщины имели значительно меньше возможностей получить даже элементарное образование: в сельской местности грамотными были 15,7% мужчин и только 3,6% женщин; в городах: 47,7% мужчин и только 27,7% женщин. Наибольшие образовательные возможности для женщин открывались в больших городах. Так, например, в губернском центре – Тобольске грамотность женщин составляла 37,5%. Но и здесь среди мужчин доля грамотных была выше – 52,3% [8, с. XXV-XXVII].

И если мальчиков, по крайней мере в городах, стремились научить хотя бы элементарной грамотности, то воспитание девочек строили по-другому. Их с малых лет старались приучить к хозяйству. Дочери должны были помогать матери следить в доме за порядком, присматривать за младшими детьми. Их обучали вязать кружева, шить, готовить приданое, знакомили с обязанностями хозяйки дома. Сложности жизни фронта, а также узко прагматичное виденье мира, свойственное сибирякам, приводили к тому, что образование женщин не занимало высокого места в иерархии ценностей.

Рассмотренные в данной статье аспекты, конечно, не охватывают всех возможных характеристик демографического портрета горожанок Сибири, которые можно восстановить на

основании сохранившихся источников. Тем не менее, очевидно, что на демографические параметры женского населения городов региона второй половины XIX – начала XX в. влияли разнообразные правовые, экономические и социокультурные факторы. При этом, как показывает анализ данных, в городах Сибири в этот период протекали сложные демографические процессы. Многообразие факторов, влиявших на положение женщин, многообразие социальных условий жизни различных слоев горожан, взаимодействие традиций и инноваций в социальной жизни привели к тому, что в демографическом развитии городов действовали одновременно различные, а порой и противоположные тенденции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Engel В.А. Women in Russia. 1700–2000. Cambridge, 2001.
2. Скачкова Г.К. Образование и общественная деятельность женщин Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в.: Автореф. дис. ... к.и.н. Тюмень, 1998
3. Журавлева Н.Н. Женщина в провинциальном сибирском городе в конце XIX – начале XX в. // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул, 2005. С. 101–106.
4. Верхотурова В.В. Общественная деятельность городской женщины Западной Сибири во второй половине XIX в. (на материалах Томской губернии): Автореф. дис. ... к.и.н. Кемерово, 2007.
5. Костров Н. Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 г. Томск, 1880.
6. Памятная книжка Акмолинской области на 1909 год. Омск, 1909.
7. Волости и населенные места 1893 года. Вып. 10. Тобольская губ. СПб., 1894.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 78. Тобольская губерния. М., 1905.

9. Дмитриев-Мамонов А.И. Однодневная перепись населения г. Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии за 1884 год. Тобольск, 1884.
10. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1983.
11. Кальмина Л.В. Еврейская семья Восточной Сибири (середина XIX – начало XX в.): опыт историко-демографической характеристики // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001.
12. Швецов С.П. Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 г. // Алтайский сборник. Т. 2. Вып. 1–2. Барнаул, 1898.
13. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 1999.
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. СПб., 1999.
15. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. М., 2000.
16. Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX–начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977.
17. Новосельский С.А. Различия смертности городского и сельского населения Европейской России // Общественный врач. 1911. № 4.
18. Обзор Томской губернии за 1890 г. Томск, 1891.
19. Гречищев К.М. Общественное здоровье // Город Томск. Томск, 1912.
20. Емельянов Н.Ф. Город Курган. 1782-1917. Социально-экономическая история. Курган, 1991.
21. Клячкин В.Е. Естественное движение населения г. Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–26 гг. Омск, 1928.
22. Воденикова Л.Г. Зауральское купечество во второй половине XIX – начале XX веков // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 10. Курган, 1995.
22. Государственное учреждение Тюменской области Государ-

- ственный архив в г. Тобольске (далее – ГУТО ГАТ). Ф. 156. Оп. 30. Д. 3, 4; 51, 52. Оп. 31. Д. 20, 24.
23. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926.
24. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 55.
26. ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 28. Д. 1614. Л. 1.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 4. Д. 595.
28. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее – ЦХАФ АК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 760.
29. ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 761.
30. ГУТО ГАТ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 68; Ф. 80. Оп. 1. Д. 19; Ф. 82. Оп. 1. Д. 54. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3.
31. ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 760, 767, 771; 776.
32. Зуева Е.А. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половины XIX в.: Дис. ... к.и.н. Новосибирск, 1992.
33. ЦХАФ АК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 442, 444.

Григоричев К.В.

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ИРКУТСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

*Работа выполнена в рамках темы государственного задания
РФ №121021800157-8*

Аннотация

В статье рассматривается специфика воспроизводства населения в городах и субурбанизированной зоне Иркутской агломерации. Показывается, что в структуре и уровне как рождаемости, так и смертности населения крупных городов, малого города и пригородов присутствуют существенные отличия.

Выделяется три условных модели воспроизводства населения, одновременно реализующихся в границах агломерации.

Ключевые слова: агломерация, большой город, малый город, пригород, рождаемость, смертность, воспроизводство населения.

Abstract

The article examines the specifics of population reproduction in cities and the suburbanized zone of the Irkutsk agglomeration. It is shown that there are significant differences in the structure and level of both fertility and mortality of the population of large cities, small towns and suburbs. Three conditional models of population reproduction are distinguished, simultaneously implemented within the boundaries of the agglomeration.

Keywords: agglomeration, big city, small city, suburb, birth rate, mortality, population reproduction.

Важнейшей тенденцией пространственного перераспределения населения России последних лет становится стягивание жителей в крупные города и их пригороды, фиксируемое как в европейской, так и в азиатской части страны [13]. Закономерным следствием этого процесса является рост значения региональных столичных агломераций как центров воспроизводства населения, где отмечается позитивная демографическая динамика, или, по крайней мере, сохранение численности жителей. Столь же закономерным является и растущий интерес исследователей к демографическим аспектам развития агломераций [3;4]. Наиболее распространенным подходом при этом остается анализ динамики численности населения агломераций и их типология по данному основанию [5; 7].

Более пристальный анализ, связанный с определением компонентов демографической динамики региональных агломераций, предполагает учет различий в характере воспроизводства их городского и сельского населения [2]. Подобный подход при

безусловной важности учета различий городских и сельских моделей репродуктивного и самосохранительного поведения, на наш взгляд, несколько упрощает ситуацию. Прежде всего, типичной для России структурой региональных агломераций является комбинация крупного города – регионального центра и одного или нескольких городов второго-третьего порядка, имеющих заметную демографическую специфику [15]. С другой стороны, значительная часть жителей сельских населенных пунктов, попадающих в агломерированную зону, в силу интенсивных субурбанизационных процессов последних лет лишь формально может считаться сельскими жителями. Фактически же, значительная (часто – основная) часть этих жителей агломераций являются недавними переселенцами из города в пригород, для которых характерен особый пригородный образ жизни [16; 22]. Последний нередко детерминирует заметные изменения в возрастной структуре [18], а вслед за ними и выраженные отличия в воспроизводстве населения [17;19]. Схожие тенденции отмечаются и в пилотных исследованиях на материалах пригородов российских городов [9].

Своей задачей в данной статье мы видим более детализированный анализ воспроизводства населения Иркутской агломерацией с определением специфики для крупного города, городов второго и третьего порядка, а также населения пригородов. Хотя ключевым компонентом динамики населения во всех элементах Иркутской агломерации, безусловно, является миграция [8], здесь мы сосредоточимся на анализе рождаемости и смертности в различных элементах агломерации.

Не останавливаясь специально на современных подходах к определению границ агломерации [1; 14], отметим, что для нужд нашего анализа мы понимаем под Иркутской агломерацией региональную столицу – г. Иркутск (608,8 тыс. чел.), два города-спутника – Ангарск (217,9 тыс. чел.) и Шелехов (40,9 тыс. чел.) и Иркутский муниципальный район (166,7 тыс. чел.). Областной центр представляет собой типичный круп-

ный региональный город, Ангарск может быть определен как крупный город второго порядка или «средний город», Шелехов является типичным малым городом. Подавляющая часть населения Иркутского сельского района сосредоточено в субурбанизированной зоне, сформированной в последние 15-20 лет. При таком подходе из анализа исключается часть Шелеховского муниципального района, где располагается часть субурбии агломерации, и, напротив, включаются отдаленные части Иркутского района, которые не входят в зону пригородного расселения. Такая погрешность учитывается нами, однако в силу отсутствия детализированной демографической статистики по муниципальным образованиям нижнего уровня для анализа демографических процессов в субурбанизированной зоне мы берем только Иркутский район в целом, учитывая, что основная часть его населения проживает в зоне пригородного расселения [21]. Это, безусловно, снижает точность расчетов, но, тем не менее, позволяет решить поставленные задачи.

Иркутская область, как и подавляющая часть субъектов Восточной Сибири и Дальнего Востока подвержена нарастающей депопуляции. За период 2011-2023 гг. численность населения региона сократилась на 97,4 тыс. чел. (или на 4%). Если между 2011-2017 гг. среднегодовая убыль составляла 0,1-0,2%, то за 2023 г. убыль составила около 0,6% от общей численности жителей. Особенно высокими темпами сокращалась численность области в период эпидемии COVID-19, когда убыль составляла 0,5-0,8% ежегодно. Важнейшим фактором роста темпов убыли является растущее превышение смертности над рождаемостью.

В этом контексте демографическое развитие Иркутской агломерации представляет собой значительный контраст: за 2011-2023 гг. число ее жителей выросло на 6% и составило 1 032,4 тыс. чел. Убыль фиксировалась лишь в период пандемии COVID-19, когда за счет роста смертности и снижения рождаемости население сократилось на 0,1% (1,2 тыс. чел.). Ос-

новная часть прироста населения агломерации пришлась на Иркутский район, где численность населения за 2012-2023 гг. выросла на 98% (более чем на 83,1 тыс. чел.). Некоторый рост был зафиксирован и в региональной столице: здесь число горожан за этот период выросло на 3% (на 16,4 тыс. чел.). В тоже время во втором крупном и малом городе число жителей заметно сократилось: в Ангарске на 10% или на 24,8 тыс. чел., а в Шелехове на 23% (на 12,3 тыс. чел.).

Пандемия коронавируса 2020-2022 гг. по-разному отразилась на динамике населения в элементах агломерации. Численность жителей обоих больших городов сократилась на 3%, а убыль населения малого города резко ускорилась и составила 16% (7,8 тыс. чел.) за три года. Напротив, число жителей Иркутского района продолжило расти и за этот период увеличилось на 22,7% (более чем на 31 тыс. чел.). Такие отличия в динамике населения пригородной зоны связаны, прежде всего, с характером миграции в пандемийный период, когда отъезд их городов и усадебное расселение стали важным методом профилактики заражения COVID-19.

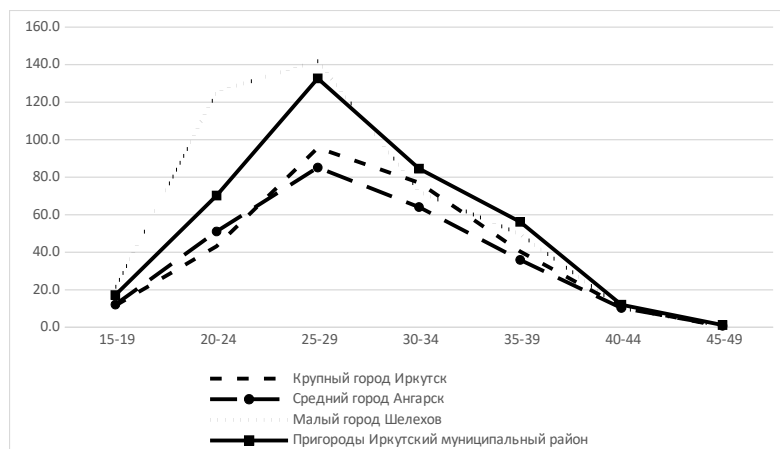

Рисунок 1 – Возрастные коэффициенты рождаемости в Иркутской агломерации, 2023 г. (%)

Распределение возрастных коэффициентов рождаемости (Рис.1) позволяет выделить три типа возрастной структуры рождаемости. К первому можно отнести возрастную композицию, характерную для Иркутска и Ангарска, и которую можно определить, как тип рождаемости крупного города. Здесь пик рождаемости приходится на возрастную группу 25-29 лет (85,2-95,7%) с последующим относительно небольшим спадом в следующей возрастной группе 30-34 года (64,1-77,1%). Напротив, уровень рождаемости в младших группах крайне невысок: 11,5-12,1% для группы 15-19 лет и 43,2-51,1% в группе 20-24 года. В старших возрастных группах (35 лет и старше) значения возрастных коэффициентов падают до уровня младших групп: 36,0-40,4% в группе 35-39 лет и 10,3-11,0% в группе 40-44 года. Таким образом, именно крупные города выступают драйверами модернизации и взросления рождаемости, а ограниченность диапазона максимальной репродуктивной активности указывает на доминирование здесь малодетной семьи.

Второй тип представлен ситуацией в Шелехове как малом городе. Здесь диапазон максимального уровня рождаемости приходится на группы 20-24 (125,7%) и 25-29 лет (141,9%). При этом пиковые значения возрастных коэффициентов не просто остаются в более молодых группах по сравнению с крупными городами, но и более чем в 1,4 раза превосходят максимальные возрастные показатели рождаемости там. В более старших возрастах уровень рождаемости стремительно падает до уровня крупных городов. Тем не менее, можно уверенно говорить о том, что для малого города характерны более молодая рождаемость и больший размер семьи.

Наконец, в качестве третьего типа рождаемости можно выделить Иркутский район как субурбанизированную зону. Распределение пика (группа 25-29 лет) и возрастного диапазона максимальной репродуктивной активности (25-34 года) здесь в целом близко к модели крупных городов. Отличительной осо-

бенностью является значительно более высокий уровень возрастных коэффициентов рождаемости: он превышает значения Иркутска и Ангарска в 1,4-1,6 раз и составляет в группе 25-29 лет 132,7‰, в группах 15-19 лет 17,2‰ и 20-24 лет 70,3‰ и возрасте 35-39 лет 56,2‰. Таким образом, можно заключить, что для пригородного населения характерен не только более высокий уровень рождаемости, но и более широкий возрастной диапазон максимальной репродуктивной активности. Учитывая, что основу населения субурбии составляют переселенцы из крупных городов [8], можно предполагать трансформацию репродуктивного поведения бывших горожан с тенденцией к росту рождаемости и увеличению числа детей в семье за счет роста числа детей старших очередностей.

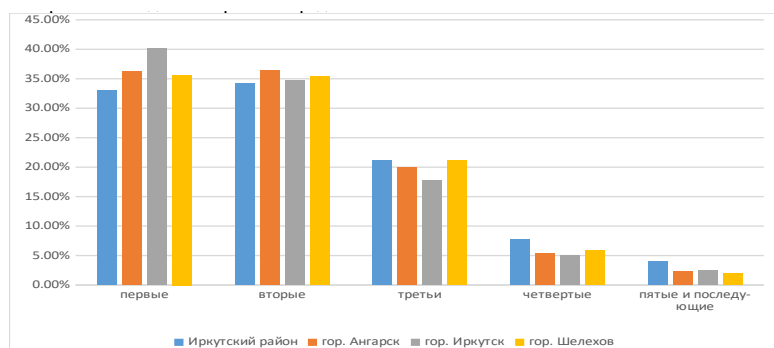

Рисунок 2 – Доля рождений по очередности в общем числе родившихся в Иркутской агломерации, 2023 (%).

Анализ распределения рождений по очередности в городах и субурбии агломерации (рисунок 2) подтверждает такое предположение. Как видно, доля четвертых и последующих рождений в пригородном населении заметно превышает этот показатель для остальных элементов агломерации. Показательно, что удельный вес рождений высоких очередностей в пригороде заметно выше не только чем в крупных городах, но и чем

в малом городе, для жителей которого характерна, как было показано выше, более традиционная модель репродуктивного поведения. С учетом формирования населения субурбии преимущественно за счет миграции из крупных городов, можно предполагать, что такую специфику детерминирует не традиционные «сельские» модели, а напротив, именно новый образ жизни, который может рассматриваться как один из значимых факторов высокой пригородной рождаемости [17, с. 931].

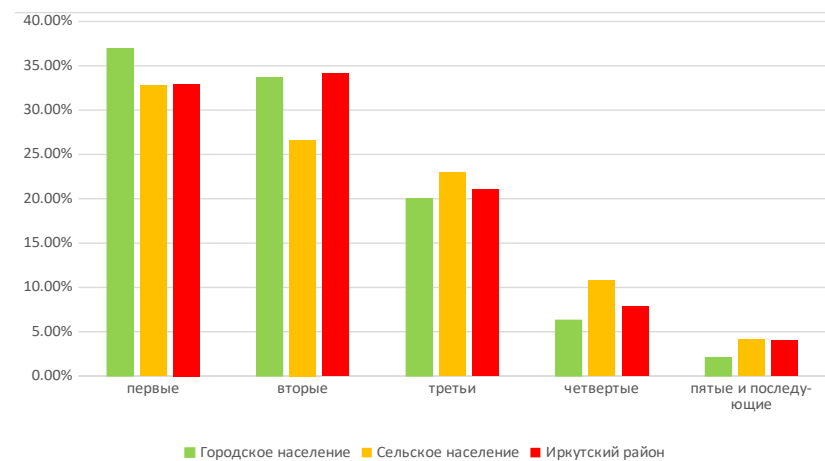

Рисунок 3 – Доля рождений по очередности в общем числе родившихся в Иркутской агломерации, 2023 (%).

Сопоставление распределения очередности рождений в пригородном населении и более крупных группах – городском и сельском населении региона (рисунок 3) показывают заметные отличия субурбий. Высокий удельный вес вторых рождений в пригородах сближает их с городскими моделями, что закономерно в силу природы пригородного роста в Иркутской агломерации. В то же время, доля рождений наиболее высоких очередностей (пятые и последующие) в пригородном населении, напротив, почти идентична этому показателю в сельской местности. На наш взгляд, такая специфика также является ар-

гументом в пользу выделения пригородной рождаемости как отдельной модели.

Выделение трех указанных моделей подтверждается и различиями в показателях суммарного коэффициента рождаемости (Рис. 4). Если для Иркутска (1,4) и Ангарска (1,3) он соответствует общероссийскому уровню (1,41), то в малом городе этот показатель составляет 2,11, что почти соответствует уровню простого воспроизводства и лишь немного ниже, чем в сельской местности региона [11]. Для Иркутского района данный показатель составляет 1,87, что, на первый взгляд, значительно ниже уровня суммарного коэффициента рождаемости в сельском населении области. Однако учитывая, что основу населения субурбии и особенно его молодых возрастов составляют мигранты из города в первом поколении – носители городских моделей репродуктивного поведения, такой уровень рождаемости можно интерпретировать как заметный рост уровня рождаемости при переселении горожан в пригороды.

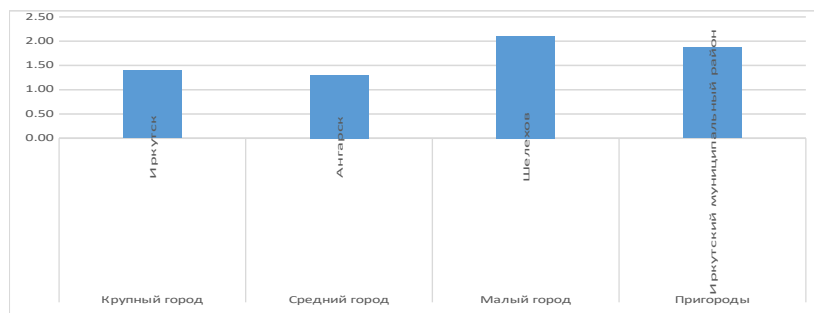

Рисунок 4 – Суммарный коэффициент рождаемости в Иркутской агломерации, 2023.

Не менее существенные различия присутствуют и в возрастной структуре смертности в выделенных нами выше компонентах Иркутской агломерации. Наиболее заметные отличия можно наблюдать в возрастной структуре мужской смертности

(Рис.5). Если в Ангарске и Иркутске коэффициенты смертности довольно близко совпадают почти во всех возрастных группах, за исключением наиболее старших (80 лет и старше), то в малом городе уровень мужской смертности заметно превышает показатели крупных городов во всех возрастных группах. В пригородном населении заметные отличия присутствуют для мужчин средних трудоспособных возрастов (30-49 лет). Здесь возрастной уровень смертности в субурбии на 40-60% ниже, чем в региональной столице, и на 75-80% чем в малом городе в соответствующих возрастных группах. Различия в возрастной структуре женской смертности выражены не менее отчетливо. Здесь максимальные отличия приходятся на диапазон 25-44 года, где возрастные коэффициенты в пригороде ниже на 30-70%, чем в региональной столице, и на 40-90%, чем в малом городе.

Как следствие, для пригорода, крупного и малого города имеется существенная специфика в соотношении уровней мужской и женской смертности. В возрастном диапазоне 30-54 года разрыв в уровне смертности мужчин и женщин в пригороде на 30-70% меньше, чем для населения Иркутска, и на 68-88% меньше, чем в населении Шелехова. В предпенсионных и пенсионных возрастах отличия несколько сокращаются, однако разрыв в уровне смертности мужчин и женщин в пригородном населении и в этих группах остается значительно меньше, чем среди жителей крупных и малого городов.

Интегральным показателем, отражающим различия в уровне смертности жителей пригородной зоны, крупных и малых городов является средняя продолжительность жизни. Наибольшее значение этого показателя в 2023 году зафиксирована для региональной столицы – 73,58 лет, минимальная – среди жителей малого города – 61,73 года. Продолжительность жизни жителей пригорода почти идентична Иркутску – 73,31 лет, значительно превышая аналогичный показатель для Ангарска (70,44 года). Однако в детских и молодых возрастных груп-

пах (29 лет и моложе) предстоящая продолжительность жизни пригородного населения несколько выше, чем для соответствующих возрастных групп жителей Иркутска. Эти различия не столь значительны в абсолютном выражении (от 0,35 до 0,76 года), однако важно, что они приходятся на молодые группы: принимая во внимание, что эти группы в основном сформированы мигрантами из города, можно говорить о том, что переезд в субурбию стимулирует распространение самосохранительного поведения.

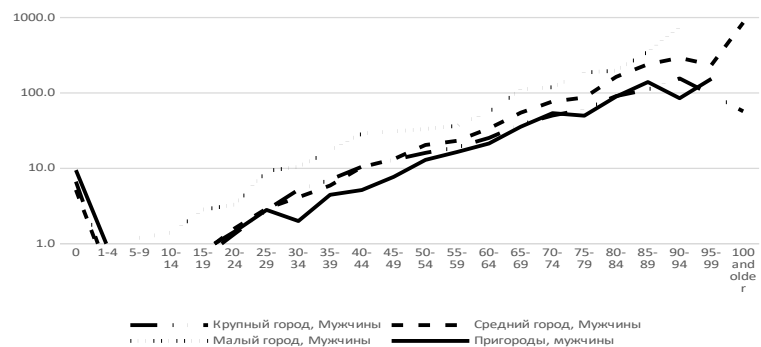

Рисунок 5 – Возрастные коэффициенты смертности в Иркутской агломерации, 2023 (логарифмическая шкала).

Косвенно этот вывод подтверждает и максимальная продолжительность жизни мужчин в пригороде – здесь он составляет 68,8 лет, тогда как в Иркутске 67,4, в Ангарске – 64,5, в Шелехове – 54,0 лет. Это определяет и минимальный разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин в пригороде – 10,5 лет (в Иркутске – 11,7, Ангарске – 11,4, Шелехове – 17,1 год). Такая ситуация позволяет предполагать, что пригородный образ жизни детерминирует не только сохранение городских практик самосохранительного поведения [12, с.83] среди мужчин, но и стимулирует их распространение и развитие.

Прямым подтверждением распространения практик самосохранительного поведения в пригороде является структура

причин смерти. В 2023 году уровень смертности по всем основным классам причин смерти в Иркутском районе был существенно ниже, чем в других компонентах агломерации. Так, уровень смертности от заболеваний системы кровообращения (ведущей причины смерти в Иркутской области) в Иркутском районе был на 31% ниже, чем в Иркутске, на 51%, чем в Ангарске и на 70% чем в Шелехове. Смертность от новообразований в пригороде была на 15-35% ниже, чем в больших городах агломерации и на 56% ниже, чем в малом городе. Наконец, важным показателем является заметно более низкая смертность населения субурбии от внешних причин (включая травмы, отравления, убийства и самоубийства) – ниже, чем в региональной столице на 20%, на 22%, чем в Ангарске и на 66%, чем в Шелехове. В целом можно говорить о сохранении тенденции, сложившейся в пригородном населении до начала пандемии COVID-19 [10].

Таким образом, выделенная специфика рождаемости и смертности утверждать, что в пределах Иркутской агломерации одновременно реализуются три модели рождаемости, которые могут быть условно определены следующим образом. 1) «Современная городская» модель, характерная для крупных городов с относительно поздним пиком рождаемости и коротким возрастным диапазоном максимальной репродуктивной активности. 2) «Традиционная городская» модель, сохраняющийся в малом городе с более ранней рождаемостью и ненамного более длительным периодом максимальной рождаемости. 3) «Пригородная» модель, характерный для пригородного населения, сформированного субурбанизационной миграцией. Для последнего характерна в целом городская возрастная структура, однако со значительно более высокими показателями во всех возрастных группах и более широким возрастным диапазоном максимальной репродуктивной активности.

В смертности в Иркутской агломерации также можно выделить три условных модели: 1) «Современная городская» мо-

дель смертности, присущая населению крупных городов. Она характеризуется достаточно высокой продолжительностью жизни и, в тоже время, высоким уровнем мужской смертности в трудоспособных возрастах, что приводит к большому разрыву в продолжительности жизни у мужчин и женщин. 2) «Традиционная городская» модель, характерная для малого города. Здесь кривая смертности начинает расти уже в младших трудоспособных возрастах, детерминируя невысокую продолжительность жизни. Уровень мужской смертности значительно превышает женский, что приводит к максимальному разрыву в продолжительности жизни. 3) «Пригородная» модель, формирующийся в населении субурбии агломерации. Здесь уровень смертности мужчин менее существенно превышает смертность среди женщин, что определяет достаточно высокую продолжительность жизни и минимальный разрыв в этом показателе между полами. Структура причин смерти в пригороде показывает, что важнейшим фактором формирования такого типа является распространение практик самосохранительного поведения среди горожан, переезжающих в пригород.

Таким образом, Иркутская агломерация является единственным центром сохранения населения в регионе, но вместе с тем, с точки зрения режима воспроизводства населения ее пространство весьма неоднородно. Фактически в едином пространстве агломерации сформировалось три типа воспроизводства населения, которые условно можно определить следующим образом:

1. «Традиционный городской» тип воспроизводства, характерный для малого города (Шелехов). Ему присущ относительно высокий уровень рождаемости с пиком репродуктивной активности в молодых возрастах, ранним ростом смертности (прежде всего, среди мужчин) и невысокой продолжительностью жизни. Так тип воспроизводства характерен для этапов советской послевоенной урбанизации, и представляет собой, фактически, реликт, сохраняясь лишь в малом городе.

2. «Современный городской» тип, связанный с выраженным взрослением рождаемости и сужением возрастного диапазона максимальной репродуктивной активности. Рост уровня смертности здесь приходится на старшие трудоспособные возраста, что определяет достаточно высокие показатели продолжительности жизни. Вместе с тем, заметно более высокая смертность среди мужчин определяет большой разрыв в этом показателе между полами. Такой тип воспроизводства населения типичен для большинства крупных провинциальных городов современной России и достаточно полно соответствует общим признакам второго демографического перехода. Второй этап эпидемиологического перехода здесь, хотя и опережает малые города и сельскую местность, тем не менее идет медленно.

3. «Пригородный» тип, характеризующийся «современной городской» возрастной структурой рождаемости со значительно более высоким уровнем рождаемости и расширенным возрастным диапазоном максимальной репродуктивной активности. Здесь заметно более низок уровень мужской смертности, что определяется распространением самосохранительного поведения, и, как результат, обеспечивает высокую продолжительность жизни с минимальной для агломерации половой дифференциацией.

Последний тип является наиболее новым и сочетает две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, в нем выражено дальнейшее развитие второго этапа эпидемиологического перехода [6, с.13-14], детерминирующего рост продолжительности жизни и постепенное преодоление высокой половой дифференциации смертности. С другой стороны, пригородный образ жизни стимулирует повышение уровня рождаемости среди бывших горожан, что нетипично для второго демографического перехода [20, с.216], в активную фазу которого вступила основная часть городского населения России.

Сочетание этих разнонаправленных тенденций в субурбанизированной зоне Иркутской агломерации в значительной мере

объясняет стабилизацию численности ее населения. Растущая численность и удельный вес населения пригородов в общем числе жителей агломерации определяет постепенное снижение роли миграционного прироста в ее демографической динамике. Еще не преобладавая количественно, именно этот тип в значительной мере формирует общую динамику воспроизводства населения Иркутской агломерации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонов Е.В., Махрова А.Г. // Крупнейшие городские агломерации и формы расселения наднагломерационного уровня в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. №4. – С. 31-45.
2. Ахунов Р., Янгиров А., Прудников В., Мухаметова А. Исследование демографического развития Южно-Башкортостанской агломерации // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 3 (137). – С. 4-10.
3. Белозеров В.С., Соловьев И.А., Щитова Н.А., Сопнев Н.В. Типология городов-центров городских агломераций по характеру демографического развития (на примере европейской России) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. Т. 86. № 5. – С. 665-675.
4. Богданов В.Н., Дугарова Г.Б., Емельянова Н.В., Энх-Амгалан С. Сравнительный анализ развития городских агломераций (на примере Иркутска и Улан-Батора) // География и природные ресурсы. 2020. Т. 41. № S5 (164). – С. 185-191.
5. Бреславский А.С. Динамика и типы демографического развития «городских агломераций» ДФО РФ в 1990-е – 2010-е гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. – С. 23–35.
6. Вишневский А.Г., Школьников В.М. Смертность в России, главные группы риска и приоритеты действий. – М.: Московский Центр Карнеги, 1997. – 84 с.
7. Горин Н., Нецадин А., Соськова О., Низамутдинов М. Проблемы развития городского расселения в РФ // Общество и экономика. 2013. № 7-8. – С. 157-166.
8. Григоричев К.В. Между «глобальным Севером» и «глобальным Югом»: так какой же может быть субурбанизация на востоке России? // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Т. 33. № 4. – С. 44-65.
9. Григоричев К.В. Специфика воспроизводства населения в субурбанизированной зоне (на примере Иркутской агломерации) Социологические исследования. 2023. N 1. – С. 38-51.
10. Григоричев К.В. Специфика смертности населения в субурбанизированной зоне (случай пригородного района Иркутской агломерации) // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 3. – С. 82-102.
11. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2024. – Москва, Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2025. – С.249-250.
12. Карцева М., Кузнецова П. В ответе ли мы за свое здоровье? Неравенство возможностей в здоровье взрослого населения России // Демографическое обозрение. 2021. №8(2). – С.74-94.
13. Мкртчян Н.В. Стягивание населения России в крупные города и их пригороды // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 2 (63). – С. 241–248.
14. Райсих А.Э. Определение границ городских агломераций России: создание модели и результаты // Демографическое обозрение. 2020. Том 7. No 1. – С.27-53.
15. Симагин Ю.А. Демографические проблемы малых городов России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием. Отв. ред. В.И. Герасимов. Москва, 2020. – С. 764-768.
16. Fawa S. Suburbanism as a way of life // American Sociological Review. 1956. N 21(1). – Pp.34-37.

17. Kulu, H., Boyle, P.J., Andersson, G. High suburban fertility: Evidence from four Northern European countries // *Demographic Research*. 2009. Vol. 21(31). – Pp. 915-944.
18. Kurek S., Wójtowicz M., Gałka J. Does suburbanisation contribute to the rejuvenation of a metropolitan area? Changes in the age structure of the Kraków metropolitan area in Poland in the light of recent suburbanization // *Geographia Polonica*. 2017. Vol. 90(2). – Pp. 59-70.
19. Kurek S., Wójtowicz M., Gałka J. The changing role of migration and natural increase in suburban population growth: The case of a non-capital post-socialist city (The Krakow Metropolitan Area, Poland) // *Moravian Geographical Reports*. 2015. Vol. 23(4). – Pp. 59-71.
20. Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition // *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36. N2. – Pp. 211–251.
21. Serebrennikov E.N. Expansion features of Irkutsk suburban areas' development // *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*. 2018. Issue 190. Article 012063
22. Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // *Urban Studies*. 2013. Vol. 50(8). – Pp. 1471–1488.

Дамешек Л. М.

ДИНАМИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ XVIII – НАЧАЛА XX вв.

Аннотация

В публикации на основе материалов официальной статистики, делопроизводственных документов императорских архивов и монографических исследований проводится анализ основных демографических процессов в среде коренного на-

селения эпохи империи XVIII – начала XX вв. Под Сибирью понимается траектории чартерах губерния – Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской и двух областей – Забайкальской и Якутской. Проводится анализ основных демографических процессов в среде коренного населения исследуемого региона, подробно анализируется областническая концепция вымирания «инородцев». Подчеркивается, что на протяжении исследуемого периода прослеживается небольшое, но устойчивое увеличение численности коренного населения. Автор отмечает, что в результате интенсивного притока в Сибирь русского населения, удельный вес инородцев в общей массе населения региона сократился с 30% в середине XVIII в. до 15 % в начале XX в. Приводится характеристика этнического состава коренного населения Сибири, его расселения, соотношения полов и половозрастная структура

Ключевые слова: Сибирь эпохи империи, коренное население, этногеографические процессы, численность населения, расселение, национальный состав, «проблема» вымирания.

Abstract

The publication analyzes the main demographic processes among the indigenous population of the 18th – early 20th century empire based on official statistics, records of the imperial archives and monographic studies. Siberia is understood as the trajectories of four provinces - Tobolsk, Tomsk, Yenisei, Irkutsk and two regions – Transbaikal and Yakutsk. The analysis of the main demographic processes among the indigenous population of the region under study is carried out, the regional concept of the extinction of «foreigners» is analyzed in detail. It is emphasized that during the period under study, a small but steady increase in the number of indigenous people can be traced. The author notes that as a result of the intensive influx of Russian population into Siberia, the proportion of foreigners in the total population of the region decreased from 30% in the mid-18th century to 15% at the

beginning of the 20th century. The article provides a description of the ethnic composition of the indigenous population of Siberia, its settlement, sex ratios and age and sex structure.

Keywords: Siberia during the Empire, indigenous population, ethnogeographic processes, population size, settlement, national composition, “problem” of extinction.

Исторический нарратив российской империи, которому в последнее время уделяется значительное внимание в современном историописании, не может быть создан путем рассказа об одном народе, минуя все многообразие этносов, проживающих на территории государства. Несмотря на то, что российская империя давно ушла в прошлое, современная ментальность и историческая память постоянно возвращают нас во времена первых походов отрядов русских землепроходцев «за камень», положивших начало будущей Азиатской России. Сибирь стала одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю. Для народов Сибири процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты.

Регионы России в силу их исторической специфики представляли собой различные варианты имперских процессов, что порождало поливариантность имперской идеологии и имперской практики в региональном измерении.

Существенное влияние на формирование и развитие имперских процессов в регионах оказывали не только субъективные, но и объективные факторы – этнические и природно-климатические особенности территорий. Действие этнического фактора всегда имеет определенную временную, т.е. историческую и в то же время, географическую локализацию.

Образование Российской империи проходило на протяжении длительного времени и не было результатом стихийно действующих обстоятельств. Одним из наиболее характерных

явлений этой многовековой истории стал процесс «собираения земель.» Термин «собираение земель» вполне применим для оценки правительственной политики по расширению территории не только эпохи образования единого российского государства, но и более позднего периода. Он довольно активно используется в исторических исследованиях последних лет [1, 2002; 17, 26; 13, с. 1-12].

В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество, или, к примеру, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы. Не являются исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем откровенного насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на примере Европейских государств, США и России нельзя не прийти к заключению о том, что зачастую сложно отделить понятие экспансия, как насильственное присоединение земель, от мирной колонизации, как прежде всего земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства. Поэтому колонизация – отнюдь не всегда насильственное завоевание. Исследователь истории российской имперской государственности Н.И. Цимбаев обоснованно отмечает, что российская колонизация – «это есть хозяйственное и культурное освоение новых территорий, включение народов там обитающих в орбиту влияния европейской цивилизации. Не случайно, издавна наиболее чтимым святым на Руси был ... Никола Угодник, покровитель путешественников и торговцев» [24, с.15]. Однако несомненно, что способы приобретения тех или иных территорий государством оказывали немаловажное

влияние на выстраивание впоследствии политической линии взаимоотношений «центра» и «периферии».

Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колониационном движении присутствовали и экономические мотивы. Однако трудно не согласиться с авторами «Истории XIX века» под редакцией профессоров Лависа и Рамбо, с российским историком Б.Н. Мироновым, швейцарским исследователем А. Каппелером и другими, которые хотя и по-разному, но в принципе выражают одну и ту же мысль: в российской внешней экспансии преобладали стратегические внешнеполитические, а не экономические мотивы [11, т.6; 13, с.21-22; 17, с.26-27] Вслед за военной экспансией российские власти начинали властное, в первую очередь политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявления взаимосвязи между внутренней и внешней политикой присущих каждой стране на любом этапе ее истории.

К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Хотя вопрос о судьбе народов Сибири в составе России и становился объектом изучения ученых, имперский ракурс подхода к проблеме позволил вписать его в новые властные отношения, показать его значение в колониационных проектах русской нации в плане инкорпорации Сибири в Россию, а в конечном итоге по-новому высветить тезис «сделать народы Сибири русскими», показать новые формы сотрудничества

представителей власти и сибирского, в том числе и иноязычного общества в деле освоения и интеграции восточных территорий. В качестве рубежа этого процесса следует выделить период середины XV-XVI вв. – время, когда произошли резкие изменения политического порядка Евразии. В данном случае подразумевается падение империй Византии и Золотой Орды. Именно эта постимперская ситуация представляла собой исходный пункт для возникновения Российской империи. [14, с.94-215] Второй немаловажной составляющей рассматриваемой проблемы явилось взятие Казани в 1552 г. С Казанским ханством Московское государство впервые включило в свой состав вполне суверенное государство с неславянским и нехристианским населением. Не случайно взятие Казани некоторые исследователи считают отправной точкой расширения границ России [16, с.138]. Однако определяющим, в терминологическом смысле, этапом возникновения Российской империи явилось правление Петра Великого. Для Петра, который в 1721 г. принял титул императора, завоевание новых земель представлялось естественной обязанностью монарха, не нуждающейся в каких-либо оправданиях. В результате активной внешней политики к началу XIX в. Российская империя заняла одну шестую часть суши. За изменениями на административной карте России стоял процесс ее внутреннего строения. В силу вариативности геополитических характеристик окраинных территорий имперские процессы не могли протекать в них по единой, унифицированной схеме. В конечном итоге, это обстоятельство обусловило столь длительное вполне устойчивое положение империи в целом. Именно мобильность, поливариантность управленческих моделей в различных регионах (окраинах) являлась мощным стабилизирующим фактором для Российской империи. Под окраинами Российской империи в данном исследовании понимаются территории Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии, присоединенные к России с 1552 до 1905 гг., не принадлежав-

шие к зоне формирования великорусского этноса на восточно-европейской равнине [16, с. 138]. Краины различались по уровню социально-экономического и политического развития, социокультурному, в том числе религиозному строению, по национальному составу.

Предметом исследования в данной публикации являются судьбы народов Сибири в составе России с точки зрения развития этногеографических процессов и тезиса о «вымирания инородцев». Поскольку территориальная экспансия России на протяжении XVII–XX вв. своим результатом имела превращение России в многонациональную империю, а нерусское население, составляющее в начале XX в. более 55 % населения государства, проживало преимущественно на окраинах, возникла необходимость изучения в последующих статьях цикла основных направлений политики самодержавия по отношению к сибирским инородцам под углом политического конструирования империи XVIII –начала XX веков.

Ко времени прихода русских в Сибирь ее огромные, кажущиеся на первый взгляд незаселенные территории, были освоены и обустроены местными народами. Но это мироустройство представляло иной тип, отличный от сложившегося в России. С появлением русских в Сибири началась перестройка системы общественного разделения труда, проникновение товарно-денежных отношений, что оказало огромное влияние на динамику и социальную структуру туземного общества, его политическую организацию, характер международных отношений в регионе.

К началу XVII в. этнолингвистическая карта Сибири включала несколько десятков лингвистических общностей, численностью около 200000 человек. На пространстве большем, чем вся Европа, обитало редкое население, весьма неоднородное в языковом отношении. Наиболее многочисленными были народы, говорящие на языке тюркской ветви алтайской языковой семьи. На северо-востоке Сибири, по среднему течению Лены

и рекам Алдану и Вилюю, компактно проживали представители самого крупного тюркоязычного этноса – якуты.

Основная часть тюркоязычных народов селилась к западу от Саянских гор. Это были предки современных тувинцев и тофоларов, которые в ранних китайских источниках известны под именем «лесных народов».

Минусинскую котловину заселяли многочисленные тюркоязычные группы, известные под названием енисейских кыргызов. Именно из них впоследствии сформировалась хакасская народность – сагайцы, бильтыры, качинцы, кизильцы.

К тюркам по языку принадлежало и население, заселявшее лесостепные и таежные районы Западной Сибири – предки омских и томских татар.

Монголоязычным было население, обитающее по берегам Байкала и долинам рек Лены, Ангары, Селенги, Баргузину. Это были племена, составившие этническую основу бурят – эхириты, булагаты, хори-туматы. Ко времени прихода русских буряты были одним из самых больших по численности народов Сибири.

К остяцкой языковой группе принадлежали тунгусы, проживающие в таежных лесах Восточной Сибири от Енисея до Охотского моря.

На склонах Уральских гор, в нижнем и среднем приобье жили ханты и манси, представляющие угрофинскую языковую группу сибирских народов. Иногда их называют обскими уграми или остяками.

В дорусский период с экономической точки зрения аборигены освоили всю обширную территорию Сибири. В процессе ее заселения у коренного населения сложилось несколько культурно-хозяйственных типов. Патриархально-родовые отношения были присущи большинству коренного населения. Наиболее развитыми в социально-экономическом отношении в Западной Сибири были татары, в Восточной Сибири – буряты, якуты. Общий ход исторического процесса у народов Сибири

был резко изменен событиями конца XVI – начала XVII в., когда они оказались включенными в состав Российского государства.

Вопрос об исторических судьбах народов Сибири в составе России имеет важное значение. Он напрямую связан с определением путей и методов инкорпорации Сибири и ее населения в Россию. Можно говорить, как минимум о трех составляющих этого процесса: политическом, экономическом и социокультурном компонентах. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например, земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колониционную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель, или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с Запада на Восток, правительственные указы наоборот требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли. Московские, а в последствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Темпы продвижения, методы освоения новых территорий,

взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно разнились между собой. Продвижение русских на Восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, но тем не менее, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена [8, с. 83-105].

Тенденция к компаративному анализу методов колонизации Сибири с колониями западноевропейских стран: Канадой, Австралией, Алжиром и др. наметилась еще в XIX в. По мнению английского исследователя Р. Джефферсона, французского экономиста К.Оланьона, американца Р.Глейнера и др. в основу колонизации Сибири русское правительство положило те же принципы, что и Англия в отношении Канады [27, с. 25; 19, с. 3,5,76,77].

Сибирь для России имела точно такое же значение, как Алжир для Франции, или Канада и Австралия для Англии. Могучая волна русских переселенцев буквально сметала туземные племена, которые не могли оценить природного плодородия своих земель. Именно русская колонизация придала ценность землям Северной Азии. В силу своей неразвитости аборигены ничего не могли перенять у русских. В Сибири, как и в Канаде или Австралии, масса европейских переселенцев буквально поглощала «самые жизненные элементы туземного общества», а остальные вытеснялись в районы крайнего Севера, где и вымирали. Этот тезис оказал влияние и на представителей русской общественной мысли, получивших название сибирских областников.

Областничество, как одна их форм общественного движения и мысли в России второй половины XIX-начала XX вв., характерно не только для Сибири. Определенные его прояв-

ления можно наблюдать и в других регионах России. Однако именно за Уралом в связи с постановкой и обсуждением вопроса о месте и статусе Сибири в составе империи областничество получило наибольшее развитие и значение. «Инородческий вопрос» занимал важное место в системе областнических доказательств колониального положения Сибири, а краеугольным камнем этой системы был тезис о вымирании сибирских аборигенов, как следствие присоединения их к России. Наиболее остро он был поставлен Н.М. Ядринцевым, И.И. Серебренниковым, П.М. Головачевым и др. [26, с.2-3.210; 22, с. 4. с.63].

По мнению Ядринцева в правительственном подходе к «инородческому вопросу» можно отчетливо наблюдать эволюцию от прямых методов военного истребления до вовлечения в сферу совместной с русским населением хозяйственной деятельности. В основе этой эволюции, по Ядринцеву, лежали фискальные мотивы. Однако, по мнению идеолога областничества, русское население во взаимоотношении с «инородцами», руководствовалось исключительно корыстными побуждениями. Поэтому русские не могли принести в Сибирь ничего положительного, наоборот аборигены погибали от соприкосновения с русской цивилизацией. И.И. Серебренников, вслед за Ядринцевым, так же писал о пагубном влиянии русской государственности на аборигенов, акцентируя внимание на их обрусении и сокращении численности. Примерно такой же поход к изучению исторических судеб народов Сибири в составе России содержится в трудах М.П. Головачева. Признавая некоторое положительное влияние русского крестьянства на народы Сибири, Головачев вместе с тем отмечал, что эта сторона с лихвой перечеркивается отрицательными последствиями прихода русских в Сибирь. Важнейшим проявлением этого процесса он считал вымирание аборигенов.

Иной подход к демографическим проблемам аборигенов содержится в трудах Н.Н. Козьмина, который считал принципиально неверным в любом факте сокращения численности аборигенов

видеть процессы вымирания. По его мнению, материалы ревизий и переписей «инородцев» на протяжении всего XIX и начала XX вв. наоборот свидетельствуют об увеличении численности бурят, якутов, хакасов, татар. В то же время Козьмин указывал на получившие значительное распространение на рубеже веков факты метисации и обрусения аборигенов, проходивших при прямом участии государств [15, с.99-108]. На протяжении всего рассматриваемого периода происходит рост численности коренного населения. С 1795 по 1897 гг. оно увеличилось более, чем в два раза, с 183 тыс. душ м.п. до 413 тыс. Однако в результате интенсивного притока пришлого, главным образом русского населения, численность которого за этот же период с 412 тыс. душ м.п. возросла до 2,3 млн., т.е. в 5,6 раза, наблюдается падение удельного веса аборигенного населения с 30% в 1795 г. до 15% в 1897 г.

Наиболее быстрыми темпами коренное население росло в Иркутской губернии. С 1795 по 1897 гг. оно увеличилось со 127 тыс. душ м.п. до 309 тыс., т.е. в 2,4 раза. За этот же период количество аборигенов Томской губернии возросло в 2 раза, в Тобольской – в 1,6 раза. Главной причиной роста численности большинства народностей и этнографических групп следует считать распространение между аборигенами земледелия, возрастание оседлости, происходившие под влиянием русского крестьянства и правительственной политики. Эти процессы протекали быстрее в районах более интенсивного общения аборигенного и русского населения. Приросту аборигенного населения способствовало и соотношение мужского и женского полов, которое у коренного населения в принципе не отличалось от русского. В Томской губернии от количества коренных жителей мужского пола женщины составляли 97,9%; Енисейской – 95%; Иркутской – 94,6%; Забайкальской области – 90,3%.

Распределение коренного и пришлого населения по округам сибирских губерний было неравномерным. В силу историче-

ских особенностей ведения хозяйства и быта абсолютное большинство аборигенов проживало в сельской местности. В Тобольской губернии основная масса хантов и манси (около 73%) проживала в северных Березовском, Сургутском и частично в Тобольской округах. Значительную часть коренного населения губернии составляли татары, проживающие в одноименном округе.

В Томской губернии наиболее высокий удельный вес коренного населения был в Бийском округе – 13%. В остальных округах он колебался от 1 (Барнаульский) до 5-6% (Кузнецкий) от общей численности народонаселения.

В Енисейской губернии по количеству проживающих аборигенов: ненцев, эвенков - выделялся Туруханский край – 71% жителей. Следует также отметить Минусинский и Ачинские округа, где аборигенное население составляло соответственно 16 и 8% общей численности народонаселения округа.

В Иркутской губернии наиболее высоким удельным весом аборигенного населения - 20% выделялся одноименный округ.

В Забайкальской области коренное население составляло примерно третью часть всех жителей. Большая часть аборигенов – бурят селилась в Селенгинском (61%), Баргузинском (51%) и Читинском ((44%) округах. Кроме бурят значительную часть населения области составляли эвенки. В 1897 г. их насчитывалось 16,6 тыс. душ обоего пола.

В Якутской области коренное население (якуты и эвенки) составляло абсолютное большинство жителей - от 76 до 98% во всех округах, кроме Олекминского.

Среди аборигенов наиболее многочисленной народностью были буряты. По переписи 1897 г. их насчитывалось 288,6 тыс., или более 35% всей численности коренного населения. За бурятами по численности следовали якуты – 226,7 тыс. (27,55%), далее алтае-саянские народы (алтайцы, хакасы) – 108,7 тыс (13,21%), эвенки – 64,5 тыс. (7,84%), сибирские татары 53 тыс. (6,44%), ханты и манси – 27,7 тыс., ненцы – 9,4 тыс. и др. Неко-

торые малые народности, например, тофолары, проживающие на границе Нижнеудинского и Иркутского округов, не превышали по численности 400 человек. Всего же за 250 лет, прошедших со времени присоединения Сибири к России и до начала XX в., численность бурят возросла примерно в 10,6 раза; якутов 7,9; алтае-саянских народов – 6,5; татар - 3,1; хантов и манси – 1,5 раза. Приведенные цифры разумеется не означают, что у всех народностей Сибири прослеживается тенденция к увеличению численности. Так, например, за этот же период численность юкагиров, ительменов, энцев не возросла, а наоборот уменьшилась. Однако отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать под углом их вымирания. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, особенно усилившиеся по мере притока в Сибирь русского населения. Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами современников и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языка соседних, более крупных народностей. По материалам Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. количество «инородцев», признавших своим родным языком русский по отношению ко всем коренным жителям данной губернии или области выглядит следующим образом: Тобольская – 3,4%; Томская – 22%; Енисейская – 10,6%; Иркутская – 12,2%; Забайкальская – 13,3%; Якутская – 0,1% [Головачев 1902: 136; Он же 1902: 58, 64, 68]. На это же указывают многочисленные свидетельства миссионеров.

В итоге отметим, что русская колонизация оказала колоссальное влияние на развитие этнодемографических, экономических, социокультурных процессов за Уралом. Процесс «собирания земель» привел к возникновению одной из важнейших исторических особенностей России – образованию диополя «европа-азия». Имперское ядро, зародившись на европейской части страны, шло на восток, а русские переселенцы, в отличие от западных мигрантов, не только не теряли связей

со своим отечеством, но наоборот, способствовали большому сплочению окраин с «исторической» Россией [5, с.130.] Процесс «поглощения» имперским ядром окраин сопровождался интенсивным империо и нацстроительством, которые развивались и взаимно дополняли друг друга. Все это, независимо от желаний или нежеланий властей, объективно способствовало упрочению империи и должно было обеспечить ее стабильность на перспективу. Фактор фронта, как граница между цивилизованным и нецивилизованным пространством, не только не разделял, но, наоборот, способствовал сближению окраин империи и с историческим ядром государства [20].

Таблица 1 – Динамика русского и коренного населения Сибири в XIX в. (тыс. душ м.п.)

Год	Русское			Коренное			Всего		
	Человек	%	Рост в %	Человек	%	Рост в %	Человек	%	Рост в %
1816	651	74,74	100	220	25,26	100	871	100	100
1858	1041	786,77	159,9	315	23,23	143,1	1356	100	155,6
1897	2310	84,87	354,8	413	15,13	187,2	2723	100	312,6

Примечание: таблица составлена по материалам: Кабузан В.М., Троицкой С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 265; Патканов С. Статические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 3.

Таблица 2 – Рост численности коренного населения Сибири в 1897 – 1911 гг. (в душах обоего пола)

Год	Тобольская	Томская	Енисейская	Иркутская	Забайкальская	Якутская
1897	84925	114697	50065	116361	212599	235623
1911	102798	133870	55737	134363	244003	256253

Продолжение таблицы №2						
прирост в %	21	15	11	15	14	8
Среднее по Западной Сибири – 18 %				Среднее по Восточной Сибири – 12 %		

Примечание: таблица составлена и рассчитана по материалам: Азиатская Россия. – Т. 1. СПб., 1914. С. 86.

Таблица 3 – Ежегодный прирост аборигенов в 1897 – 1911 г., %

Губернии	Тобольская	Томская	Енисейская	Иркутская	Забайкальская	Якутская
С 1897 по 1911 гг.	21	15	11	15	14	8
Среднее за 1 год	1,4	1	0,7	1	0,9	0,5
Среднее по Сибири 0,9						

Примечание: таблица рассчитана по материалам: Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 86.

Таблица 4 – Численность и национальный состав аборигенов Сибири по переписи 1897 г. (в тыс. душ обоего пола)

Народность и этнографическая группа	Всего аборигенов	% к общему числу
Буряты	288600	35,08
Якуты	226700	27,55
Алтае-саянские народы, тюркские ветви	108700	13,21
Эвенки	64500	7,84
Сибирские татары	53000	6,44
Ханты и манси	27700	3,36
Чукчи	11750	1,42
Ненцы	9427	1,46
Коряки	7300	0,88

Примечание: таблица составлена и рассчитана по материалам: История Сибири. Т. 3. Некоторые малые народности, не превышающие 1000 человек, в данной таблице не учитываются: тофолары, юкагиры, энцы и др.

Таблица 5 – Соотношения мужского и женского полов у коренного населения Сибири (1897 г.)

Народность, этн. группа	Буряты	Якуты	Манси	Ханты	Клезильцы	Качинцы	Сагайцы	Алтае-саянские народы	Зап. сибир. Тагары	Эвенки
% женщин на 100 мужчин	95	100	100	91	97	98	100	100	94	95

Таблица 6 – Соотношение коренного и пришлого населения Тобольской губернии в 1897 г. (душ м.п.)

Округа	Пришлые		Коренные		Всего	
	Число	%	Число	%	Число	%
Тобольский	50888	80	12727	20	63615	100
Березовский	3037	27	8208	73	11245	100
Ишимский	131414	99,3	933	0,7	132347	100
Курганский	125461	99,8	270	0,2	125731	100
Сургутский	1049	26,2	2963	73,8	4012	100
Тарский	73625	92,4	6050	7,6	79675	100
Туринский	31473	94,3	1901	5,7	33374	100
Тюкалинский	103936	97,4	2826	2,6	106762	100
Тюменский	54045	90,3	5812	9,7	59857	100
Ялуторовский	87422	97,1	2580	2,9	90002	100
Всего:	662350	93,7	44270	6,3	706620	100

Таблица 7 – Соотношение коренного и пришлого населения Томской губернии в 1897 г. (душ м.п.)

Округа	Пришлые		Коренные		Всего	
	Число	%	Число	%	Число	%
Томский	132413	94,9	7173	5,1	139586	100
Барнаульский	285731	98,9	3122	1,1	288853	100
Бийский	145177	86,7	22156	13,3	167333	100
Змеиногорский	99368	93,1	8393	6,9	107761	100
Каинский	90368	95,0	4753	5,0	95121	100
Кузнецкий	66539	83,6	13087	16,4	79626	100
Маринский	68390	97,5	1607	2,5	69997	100
Всего:	887986	93,8	60291	6,2	948277	100

Таблица 8 – Соотношение коренного и пришлого населения енисейской губернии в 1897 г. (душ м.п.)

Округа	Пришлые		Коренные		Всего	
	Число	%	Число	%	Число	%
Красноярский	52918	99,8	120	0,2	53038	100
Ачинский	52499	91,7	4780	8,3	57279	100
Енисейский	35295	97,7	825	2,3	36120	100
Канский	53120	99,5	438	0,5	53558	100

Продолжение таблицы №8

Минусинский	77157	83,7	15041	16,3	92198	100
Туруханский край	1615	28,3	4099	71,7	5714	100
Усинский	1021	92,1	87	7,9	1108	100
Всего:	273625	91,5	25390	8,5	299015	100

Таблица 9 – Соотношение коренного и пришлого населения Иркутской губернии в 1897 г. (душ м.п.)

Округа	Пришлого		Коренное		всего	
Иркутский	65105	80,1	16897	19,9	82002	100
Балаганский	49779	64,4	27563	35,6	77342	100
Верхотенский	22776	63,5	13106	36,5	35882	100
Киренский	27176	92,9	2098	7,1	29274	100
Нижнеудинский	46040	97,6	1125	2,4	47165	100
Всего:	210876	77,7	60789	22,3	271665	100

Таблица 10 – Соотношение коренного и пришлого населения Якутской области в 1897 г. (душ м.п.)

Округа	Пришлого		Коренное		Всего	
Якутский	4848	6,8	66897	93,2	71745	100

Продолжение таблицы № 10

Верхотенский	419	5,9	6738	94,1	7153	100
Вилуйский	452	1,4	32727	98,6	33179	100
Кольмский	479	13,6	3038	66,4	3517	100
Олекминский	14612	64,6	8319	35,4	22931	100
Всего:	20810	15,3	117715	84,7	138525	100

Таблица 11 – Соотношение коренного и пришлого населения Забайкальской области в 1897 г. (душ м.п.)

Округа	Пришлого		Коренное		Всего	
Читинский	40750	55,7	32362	44,3	73112	100
Акинский	14741	86,0	2387	14,0	17128	100
Баргузинский	6348	48,4	6778	61,6	13126	100
Вехнеудинский	58031	68,9	26274	31,1	84305	100
Керченский	48871	99,0	522	1,0	49393	100
Нерчэнско-Заводской	38349	99,2	314	0,8	38663	100
Селенгинский	19600	38,7	31008	61,3	50608	100
Троицковский	10735	66,4	5423	33,6	16158	100
Всего:	237425	69,2	105068	30,8	343493	100

Примечание: таблица составлена на основании данных: Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т.2. С. 2-34, 130 – 133; Т.3. С. 322 – 325, 434 – 437, 550 – 553, 710 – 711.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агеев А.Д. Сибирь и Американский запад: движение фронтиров. Иркутск: Иркутский госуниверситет, 2002 – 294 с.
2. Глейнер А. Сибирь, Америка будущего: по сочинению Джона Фостера Фразера. Киев: Тип. Петра Барского, 1906 - 62 с.
3. Головачев П.М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь / изд. Ю. И. Базановой. - М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. -300 с.
4. Головачев П.М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири // Землеведение. 1902. Кн.2,3. С.53-68.
5. Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия. // Пространство власти: исторический опыт и вызовы современности. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. – с. 128-149.
6. Гумилев Л.Н. Люди и природа Великой степи. // Вопросы истории. 1987. № 11. С. 64-77.
7. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма в и народы Сибири XIX - начала XX века. Иркутск. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1986. — 165 с.
8. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Российские окраины в системе внутренней политики империи XVII - XX вв.: концепты, закон и практика. СМ.TERRA EURASICA: к 60-летию академика Б.В. Базарова. Иркутск: Отгиск, 2020. С. 83-105.
9. История XIX века. Под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. М.: Государственное социально-экономическое издание. 1938. - Т.1. - 593 с.
10. Тарле Е.В. От редактора. // История XIX века. Под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. М.: Государственное социально-экономическое издание. Т.1. С.14. это одно и тоже по факту – И.Д.
11. История XIX века. Под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. М.: Государственное социально-экономическое издание. 1938.- Т.6. - 673 с.
12. Каменский А.Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое изд-во, 2004. С. 115-139.
13. Каппелер А. Россия – Россия - многонациональная империя. Возникновение, история, распад М.: Традиция - Прогресс-Традиция, 2000. -344 с.
14. Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое издательство, 2004. – с. 94-115.
15. Козьмин Н.Н. К вопросу о «вымирании» инородцев: [Ст. из «Областного отд.»] / Н. К. // Сиб. записки. – 1916. – № 2. – С. 99-108:
16. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII начало XX в.). М.: МПГУ, 2001. – 358 с
17. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): В 2 т.–3-е изд., испр., доп. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. –Т.1, 548 с. Т.2. 583 с.
18. Мурашев Г. Титулы, чины, награды. СПб.: Полигон, 2003. – 347с.
19. Оланыон Кл. Сибирь и ея экономическая будущность. С предисловием Фредерика Пасси. Перевод с французского А.Д. Погрузова. Спб., издание Т-ва «Просвещение», 1903 – 252 с.
20. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. –196 с.
21. Серебренников И.И. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск: Автономная Сибирь, 1917. – 18с.
22. Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. – Верхнеудинск: Бурят-монгол. изд-во, 1926. – 229 с.
23. Сигов В. В. Корпоративная этики сибирского чиновничества Дис... канд ист. Наук. Иркутск. 2001.-236 с.
24. Цимбаев Н.И. Российская имперская государственность к

пониманию проблемы. //Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – С. 15-32

25.Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.

26.Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении: иллюстрированное 16 сибирскими видами и типами. СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1892. – 720 с.

27.Jefferson R. Roudhing it in Siberia uithn the same account of the Transsiberian railway and the gold-mining industry of Asiatic Russia. London, 1897. – 210 p.

The Encyclopedia Britannica. New-York. 1911. Vol. 25. – P. 10-18.

Zhailaubayeva A.N., Sarsembayeva G.A.

**SOCIO-DEMOGRAPHIC AND ECONOMIC
DEVELOPMENT OF UST-KAMENOGORSK IN THE
CONTEXT OF INDUSTRIALIZATION DURING
THE 1950s–1960s**

*This article was written as part of the implementation
of the grant project
AR26198933 «East of Kazakhstan: trajectories of socio-
demographic and socio-cultural
transformation of the urban space of Semey and
Ust-Kamenogorsk» with financial support
from the Committee of Science of the Ministry of Science
and Higher Education of the Republic of Kazakhstan*

Abstract

This article examines the sociodemographic and economic changes that occurred in Ust-Kamenogorsk in the 1950s and 1960s. Using a significant amount of statistical data and archival sources, the authors examine the key factors that influenced Ust-Kamenogorsk's significant population growth and the transformation of its urban space. The authors analyze the impact of the construction of large industrial enterprises-primarily the Ulba Metallurgical Plant and the Ust-Kamenogorsk Lead and Zinc Plant-on the development of urban infrastructure, employment, and living standards. They demonstrate how industrialization contributed to the region's urbanization, changes in the social structure (increased numbers of workers, engineers, and technical intellectuals), and the accelerated influx of labor from other regions of the Soviet Union. The article also examines the social consequences of industrial growth: the development of housing, healthcare, education, and culture, as well as the problems associated with rapid economic growth, such as housing shortages, overburdened

social infrastructure, and environmental impacts. Attention is paid to the gender and age aspects of demographic change. Thus, Ust-Kamenogorsk is considered a typical example of a «new industrial city» of the Soviet era, where industrialization was a key factor in socioeconomic transformation. The results obtained can be used in studying regional processes of urbanization and industrialization in the USSR in the mid-20th century.

Keywords: Ust-Kamenogorsk, urbanization, population, migration, industrialization, demography, USSR.

Аннотация

Статья посвящена социально-демографическим и экономическим изменениям, произошедшим в г. Усть-Каменогорске в 1950–1960-е годы. Используя значительный объем статистических данных и архивных источников, авторы исследуют ключевые факторы, повлиявшие на значительный рост численности населения Усть-Каменогорска, а также на трансформацию городского пространства. Анализируется влияние строительства крупных промышленных предприятий – Ульбинского металлургического завода и Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбината, на формирование городской инфраструктуры, занятость населения и уровень жизни. Показано, как индустриализация способствовала урбанизации региона, изменению социальной структуры (рост численности рабочих, инженеров, технической интеллигенции), а также ускоренному притоку трудовых ресурсов из других регионов Советского Союза. В статье также рассматриваются социальные последствия индустриального роста: развитие жилищного строительства, здравоохранения, образования, культуры, а также проблемы, сопутствовавшие стремительному экономическому росту – нехватка жилья, перегрузка социальной инфраструктуры, экологические последствия. Уделяется внимание гендерным и возрастным аспектам демографических изменений. В статье Усть-Каменогорск рассматривается как типичный пример «но-

вого индустриального города» советской эпохи, где индустриализация выступает как ключевой фактор социально-экономической трансформации. Полученные результаты могут быть использованы при изучении региональных процессов урбанизации и индустриализации в СССР в середине XX века.

Ключевые слова: Усть-Каменогорск, урбанизация, численность населения, миграция, индустриализация, демография, СССР.

In the post-war period, the Soviet Union underwent an intensive phase of industrial and social development. The city of Ust-Kamenogorsk, located in the eastern part of the Kazakh SSR, became one of the key industrial centers of the region. Population growth and urbanization accelerated particularly during the 1950s–1960s, driven by large-scale economic projects, migration policy, and active construction. The purpose of this article is to analyze how demographic and urban changes unfolded in Ust-Kamenogorsk during this period and to identify the main driving forces behind these processes.

In the post-war decades, Ust-Kamenogorsk evolved from a provincial district center into an important industrial hub of East Kazakhstan. One of the key indicators of this transformation was the rapid growth of the population, accompanied by changes in the demographic structure, the formation of a multi-ethnic urban community, and the intensification of urbanization processes.

According to data from the 1939 All-Union Population Census, the population of Ust-Kamenogorsk was 20,936 [1]. However, the most significant increase occurred during the 1950s: according to the 1959 census, the city's population reached 108,102 [2]. Thus, in just one decade, the population increased more than two and a half times.

This was one of the fastest growth rates among medium-sized and large cities of the Kazakh SSR during that period [3]. This demographic acceleration was driven not only by natural increase

but primarily by large-scale migration processes related to the industrialization of the region.

Table 1 – Population of Ust-Kamenogorsk (1939–1959) [1, 2].

Year	Population, persons
1939	20,936
1959	108,102

The demographic dynamics of Ust-Kamenogorsk in the 1950s illustrate a pattern of rapid population growth typical of the industrial cities of the Kazakh SSR. Its primary drivers were migration, industrialization, and social transformations. These changes established the demographic and cultural foundation of the city, which has largely been preserved to the present day.

The main reasons for the city's population growth are outlined below.

1. Migration processes. A key factor in demographic growth was both organized and spontaneous migration from other regions of the USSR. Migration from the RSFSR, Ukraine, and Belarus was particularly significant. The state actively directed labor resources to the industrial sites of Ust-Kamenogorsk, including the Ust-Kamenogorsk Lead-Zinc Combine (UK SZnK) and energy enterprises. This policy was consistent with the general redistribution of labor resources within the framework of the Fourth and Fifth Five-Year Plans [4].

The city became an attractive destination for:

- specialists and workers assigned to work at the Ust-Kamenogorsk Lead-Zinc Combine (UK SZnK) and other industrial facilities;
- graduates of vocational schools and technical colleges from various republics of the USSR;
- participants in state-organized labor mobilizations carried out within the framework of the post-war Five-Year Plans (especially

the Fourth and Fifth) [5].

According to the archives of the East Kazakhstan Regional Executive Committee, over 25,000 persons arrived in the city through organized recruitment and assignment during 1951–1958 [6]. These flows played a key role in the establishment of new workers' settlements, the formation of enterprise labor collectives, and the growth of the urban population. Furthermore, a significant number of GULAG prisoners and special settlers in the 1940s–1950s were also present in East Kazakhstan, which influenced the formation of the city's demographic structure, particularly in the early post-war years [5].

2. Natural increase. Improved sanitary conditions, the development of healthcare, and the expansion of the social security system led to an increase in birth rates and a decline in mortality. For example, infant mortality in the East Kazakhstan region decreased from 91.6 per 1,000 in 1949 to 59.3 per 1,000 in 1959 [7].

3. Growth of the working-age population. Young individuals predominated among the arriving population, ensuring high demographic potential. According to the 1959 census, individuals aged 20–40 accounted for more than 45% of the city's population [8]. This structure corresponded to the objectives of industrialization, which required a mobile and easily trained labor force.

Economic and socio-demographic consequences of population growth:

- the emergence of a housing shortage, as the existing housing stock could not accommodate the population influx;
- an increase in the social burden on healthcare, education, trade, and public utilities;
- the formation of a multi-ethnic urban population, which became a defining characteristic of Ust-Kamenogorsk during the Soviet period. According to the 1959 census, the ethnic composition of the city was as follows: Russians – about 58%, Kazakhs – 18%, Ukrainians – 10%, Germans – 6%, and Belarusians, Tatars, and others – 8% [9].

This ethno-cultural diversity resulted from both pre-war resettlements and post-war migration policies. It influenced the formation of a Soviet urban identity, in which ethnic differences were partially homogenized through a unified labor and cultural milieu.

Demographic growth in Ust-Kamenogorsk during the 1950s–1960s was not merely a consequence of natural population increase, but rather the result of targeted state policy, industrial development, and internal migration characteristic of the post-war Soviet period.

Industrialization as a catalyst for urbanization. The key factor in the urbanization of Ust-Kamenogorsk in the 1950s–1960s was the implementation of major industrial projects. The main projects included:

- the Ust-Kamenogorsk Lead-Zinc Combine (UK SZnK) – the flagship of the region’s metallurgical industry;
- the hydroelectric power plant (HPP) on the Irtysh River, which became a vital energy resource for the entire East Kazakhstan region.

The development of mechanical engineering and instrument making required qualified personnel and stimulated an influx of population. Industrial development was accompanied by the formation of new workers’ settlements and micro-districts, as well as the construction of dormitories and departmental housing. Thus, industrial growth served as a direct driver of the city’s spatial and social expansion. Urban planning and the formation of a new urban environment. Active urbanization entailed fundamental changes in the architectural and spatial appearance of Ust-Kamenogorsk. From the mid-1950s, the mass construction of standardized housing (khrushchevkas) began, replacing barracks and wooden houses with brick and multi-story buildings. New residential areas were established, including the Vostochny, Ablaketka, and Novaya Sogra micro-districts. Transport infrastructure was developed: road networks were expanded, and trolleybus service was launched (in

the 1970s, although the projects had been initiated earlier). Social infrastructure was also developed, including schools, hospitals, cultural centers, and cinemas.

A characteristic feature of urban planning during this period was adherence to the Soviet model of functional zoning: the division of the city into industrial, residential, and socio-cultural zones. The accelerated population growth and industrial development of Ust-Kamenogorsk in the 1950s–1960s necessitated a fundamental restructuring of the urban infrastructure, housing stock, and transport system. The city effectively underwent a “second birth,” transforming from a provincial administrative center into a typical Soviet industrial city. These changes encompassed not only architecture but also the planning structure, functional zoning, and the overall appearance of the urban environment.

The urban development of Ust-Kamenogorsk during this period was carried out on the basis of master plans approved at the level of the Kazakh SSR. The first post-war master plan was approved in 1947, but it quickly became obsolete due to the city’s rapid growth. The new master plan of 1957, developed by the “Kazgorstroyproekt” design institute, provided for:

- the functional zoning of the city: an industrial zone in the southeast (along the Irtysh River), an administrative and cultural center in the historical part of the city, and new residential districts in the northwest and east;
- the expansion of the street and road network, taking into account prospects for increasing motor traffic and the introduction of public transport;
- the construction of public buildings – schools, hospitals, clubs, and shops – within walking distance of residential areas;
- the preservation of the natural landscape, specifically the coastal zones of the Irtysh and Ulba rivers, for the creation of green spaces and parks [10].

A key priority was the resolution of the housing crisis caused by the influx of new residents. In the early 1950s, a significant

portion of the population resided in barracks dating from the period of evacuation and the war years, in private one-story houses of pre-revolutionary construction, in enterprise dormitories, and in departmental hotels [11].

From the mid-1950s, the implementation of mass housing construction began, particularly following the Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of July 31, 1957, “On the Development of Housing Construction in the USSR.” This decree stimulated the transition to standardized industrial development – the construction of panel and block houses, the so-called “khrushchevkas.”

New residential buildings were erected in the Vostochny micro-district – one of the first districts developed on a block system; in the Ablaketka residential area – featuring its own school, clinic, and market; and in the Sogra settlement, which developed in parallel with the industrial zone [12].

The development of the urban environment was accompanied by the creation of social infrastructure facilities. During the 1950s–1960s, more than 30 new schools were built in Ust-Kamenogorsk (including School No. 15, No. 24, and No. 6 with specialized education), as well as kindergartens and nurseries affiliated with enterprises and residential districts, clinics and hospitals (including the renovation of City Hospital No. 1), and Palaces of Culture and cinemas (e.g., the Palace of Culture of Metallurgists and the “Yubileiny” cinema) [13].

Particular attention was paid to cultural infrastructure: libraries, music schools, and factory-affiliated clubs; simultaneously, the network of public catering and consumer services expanded. This corresponded to the ideal of a “cultural Soviet city,” in which material and spiritual development proceeded in parallel.

Alongside housing and public construction, the city’s transport and utility infrastructure also underwent development. The street and road network was expanded, including Lenin Avenue and Kazakhstanskaya, Ordzhonikidze, and M. Gorky streets; new bus

routes were launched to connect the city center with new micro-districts; preparations began for the introduction of trolleybus traffic; the first bridges over the Ulba River were constructed; and urban greening was actively pursued through the planting of roadside alleys and the development of squares, including the Irtys embankment [14].

The architectural appearance of Ust-Kamenogorsk during this period was influenced by the transition from the “Stalinist Empire style” to functional standardized development. While buildings with stucco, columns, and arches were still being constructed in the early 1950s (for instance, the former building of the Regional Executive Committee), the late 1950s marked the onset of an era of minimalism and economic efficiency in architecture. This transition reflected the ideological directives of the Khrushchev era, which aimed at rejecting “architectural excesses,” prioritizing functionality over decorativeness, and standardizing construction while reducing building timelines [15].

Social and cultural aspects of urbanization. Population growth and the development of the urban environment were accompanied by significant social shifts:

- an increase in educational attainment due to the opening of new schools and vocational colleges;
- a rise in female employment in industry and the service sector;
- the intensification of Russification in the urban environment, a trend characteristic of many cities in the Kazakh SSR during the Soviet period.

The formation of a new type of urban resident took place: educated, industrially oriented, and integrated into the socialist model of labor and everyday life.

The rapid population growth and mass migration to Ust-Kamenogorsk altered the city’s traditional social structure. Whereas until the mid-20th century the bulk of the population consisted of descendants of local peasants, traders, and civil servants, from the 1950s onward a new urban community emerged – a worker-

engineering stratum with its characteristic urban culture, collective identity, and labor orientations [16].

Urbanization was accompanied by the rapid development of the education system, designed to supply industrialization with qualified personnel and to shape the “new Soviet person.” During the period under study, new general education schools were constructed in every district of the city; in the 1950s–1960s alone, more than 20 new schools were opened [17]. Professional and technical education also expanded through vocational schools (PTU) attached to enterprises (PTU No. 5, No. 8, and technical colleges for metallurgy and energy), which provided training for skilled workers and foremen. Literacy and educational levels rose: according to the 1959 census, over 85% of the adult population of Ust-Kamenogorsk possessed secondary or incomplete secondary education, significantly exceeding the regional average [18].

Within the framework of urbanization, the state actively developed the healthcare and social support system. This included the construction of clinics and hospital facilities (including a maternity hospital, an infectious diseases department, and City Hospital No. 2), as well as medical stations and paramedic points in newly built micro-districts. In addition, sanitary supervision, vaccination campaigns, and disease prevention programs were implemented, resulting in a decline in the incidence of tuberculosis, diphtheria, and intestinal infections [19]. The network of kindergartens, nurseries, and sanatorium groups at enterprises also expanded. Free medical care and the comprehensive coverage provided by the system of preventive medicine and regular medical examinations represented significant social achievements, contributing to increased public trust in the authorities and a rise in life expectancy.

In summary, the social and cultural dimensions of the urbanization of Ust-Kamenogorsk in the 1950s–1960s were as significant as its economic and spatial aspects. The formation of a new social structure, the expansion of educational and cultural institutions, the development of healthcare, and the ideological integration of

the population created an integrated model of the socialist city, in which everyday life, labor, and culture became interconnected elements. These processes laid the foundations of the modern urban identity of Ust-Kamenogorsk and its role as one of the key centers of East Kazakhstan.

The economic transformation of Ust-Kamenogorsk in the 1950s–1960s represents a vivid example of systematic Soviet-style industrialization, which fundamentally altered the city’s appearance, its socio-economic structure, and its role within the regional economic system. During this period, Ust-Kamenogorsk evolved from a small provincial settlement into a major industrial center of East Kazakhstan, playing a pivotal role in the metallurgical, energy, and construction sectors.

Thus, the transformation of Ust-Kamenogorsk in the 1950s–1960s reflects the typical features of industrial urban development within the Soviet model of modernization, while also possessing a number of distinctive characteristics shaped by the region’s natural resource potential and the state’s geopolitical priorities in the post-war period. The 1950s–1960s constituted a period of qualitative transformation in the development of Ust-Kamenogorsk as an industrial and cultural center of East Kazakhstan. Population growth of more than twofold and rapid urbanization altered not only the city’s external appearance but also its social fabric. The primary driving forces behind these processes were industrialization, organized migration, and state urban planning policy. The consequences of this stage determined the further development of Ust-Kamenogorsk for decades to come.

REFERENCES:

1. All-Union Population Census of 1939. Volume 4. Population size and composition by regions. – Moscow: TSUNKHU USSR, 1940.
2. Ivanov V. A. Industrialization of East Kazakhstan: stages and results. – Almaty: Nauka, 1985.

3. Polyan P. M. Not by their own will... History and geography of forced migrations in the USSR. – Moscow: OGI, 2001.
4. Ministry of Health of the Kazakh SSR. Statistical yearbook of the East Kazakhstan region for 1950–1959. – Ust-Kamenogorsk, 1960.
5. Ivanov V. A. Industrialization of East Kazakhstan: stages and results. — Imaty: Nauka, 1985.
6. Polyan P. M. Not by their own will... History and geography of forced migrations in the USSR. – Moscow: OGI, 2001.
7. Ministry of Health of the Kazakh SSR. Statistical yearbook of the East Kazakhstan region for 1950–1959. – Ust-Kamenogorsk, 1960.
8. USSR Population Census of 1959. East Kazakhstan region. – Moscow: Goskomstat USSR, 1963.
9. Archive of the East Kazakhstan Region: Funds of the Regional Committee of the CPSU and the City Executive Committee of Ust-Kamenogorsk.
10. Ivanov V. A. Industrialization of East Kazakhstan: stages and results. – Almaty, 1985.
11. Anisimov A. P. Urban planning and architecture in Kazakhstan. – Alma-Ata: Nauka, 1978.
12. AVKO (Archive of the East Kazakhstan Region), f. 19, op. 4, d. 85. – Reports of the city executive committee on housing construction for 1951–1955.
13. Statistical collection «Population and construction of the Kazakh SSR», 1965. – Alma-Ata: Goskomstat KazSSR.
14. Kozhakhmetov S. B. Urban history of East Kazakhstan. – Ust-Kamenogorsk.
15. Levinson-Lessing B. P. Social structure of cities in the USSR in the post-war decades. – Moscow: Nauka, 1972.
16. USSR Population Census of 1959. East Kazakhstan region. – Moscow: Goskomstat USSR, 1963.
17. Cultural development program of Ust-Kamenogorsk for 1960–1965. – Archive of the UK regional committee of the CPSU, f. 5,

op. 2, d. 27.

18. Journal «Soviet Culture», No. 7, 1961.

19. Journal «Problems of the History of Kazakhstan», No. 4, 2010.

Игнатьева Л. Н.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДИАСПОР НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ

Аннотация

Диаспоры возникают как следствие миграции и являются важной частью функционирования государства пребывания, а также государства выхода мигрантов. Взаимодействие диаспоры с государством пребывания могут варьироваться от полного неприятия до попыток ассимиляции. Для государства выхода также немаловажно взаимодействие со своими согражданами. Эти отношения могут реализовываться от полного неприятия диаспоры и объявления всех эмигрантов предателями до восприятия их проводниками интересов своей родины и материальной помощи ей. Китай на протяжении своей истории прошел долгий путь взаимодействия с диаспорой: от полного неприятия зарубежных китайцев до привлечения средств хуацяо к реализации экономических преобразований. Китайская диаспора начала формироваться в приграничных странах, постепенно расширяя ареал проживания. Зарубежные китайцы становились одной из богатейших диаспор, особенно в Юго-Восточной Азии, что использовалось китайским правительством для решения политических и экономических задач Китая как в период императорского Китая, так и в новейший период.

Ключевые слова: миграция, диаспора, хуацяо, статус мигрантов, зарубежные китайцы.

Abstract

Diasporas arise as a result of migration and are an important part of the functioning of both the host country and the migrants' country of origin. The interaction between the diaspora and the host country can vary from complete rejection to attempts at assimilation. Interaction with its citizens is also important for the country of origin. These relations can range from complete rejection of the diaspora and declaring all emigrants' traitors to perceiving them as conduits for the interests of their homeland and providing material assistance to it. Throughout its history, China has come a long way in its interaction with the diaspora: from complete rejection of overseas Chinese to attracting Huáqiáo funds to implement economic reforms. The Chinese diaspora began to form in neighbouring countries, gradually expanding its area of residence. Overseas Chinese became one of the richest diasporas, especially in Southeast Asia, which was used by the Chinese government to solve China's political and economic problems both during the imperial period and in modern times.

Keywords: migration, diaspora, huáqiáo, migrant status, overseas Chinese.

Взаимодействие государства с диаспорами является актуальным как для страны проживания, так и для страны выхода мигрантов. Данная проблема актуальна и для Китая.

Китайская диаспора начинает формироваться с XV века, когда китайские торговцы начали проникать в Юго-Восточную Азию. Данному процессу способствовала колониальная политика европейцев в этом регионе. Китайские власти до конца XIX века запрещали эмиграцию, а к мигрантам относились как к дезертирам и изгоям. Но несмотря на это, после отмены запретов на торговлю в XVIII в., китайские общины в Юго-Восточной Азии в первой половине XIX в. стали расти. Трудовая миграция из Южного Китая в конце XIX – нач. XX в. значительно возросла. Этому способствовали как внешние факто-

ры (появление крупномасштабных трансокеанских перевозок с 1870-х по 1920-е годы), так и внутренние (демографическое давление (рост населения), рост цен, инфляция, восстания тайпинов и мусульман, рост милитаризма) [1, с. 24].

Развитие колониальной экспансии в Юго-Восточной Азии стимулировало развитие китайской торговли. Проникновение капиталистических отношений в регион стимулировало интенсификацию миграции китайцев. Вместе с этим происходит складывание мигрантских сообществ. На этом фоне меняется отношение китайского правительства к диаспоре. Оно занялось защитой китайских эмигрантов, в 1877 г. в Сингапуре было открыто первое китайское консульство [2, с. 212]. Что касается юридического статуса китайцев за рубежом, то впервые он был закреплен в 1868 г. в Берлингеймском договоре между Цинским правительством и Североамериканскими Штатами. По этому договору Цинское правительство не признало натурализацию цинских подданных в Соединенных Штатах или после их возвращения в Китай, тем самым подтвердив, что китайцами были хуацяо (заморские китайцы), которые были юридически, политически и культурно связаны с правительством Цин [3, с. 75]. Это было признанием китайских общин за пределами Китая, их считали китайскими подданными. В конце XIX в. правительство Цин открывая консульства, начинает через китайцев за рубежом продвигать китайскую культуру.

Революционные события в Китае начала XX века в определенной мере отразились и на китайской диаспоре. Революционеры и реформаторы конкурировали с правительством за поддержку китайской диаспоры. Особую роль в консолидации китайской диаспоры, ее самоидентификации, сыграла японская оккупация Китая. Представители диаспоры оказывали своей стране материальную помощь, отправляя денежные переводы.

С возникновением в 1949 г. Китайской Народной Республики отношения с диаспорой не изменились. От диаспоры ждали инвестиций и продвижение идеи воссоединения с Тайванем.

Ситуация изменилась в период культурной революции. С 1966 по 1979 г. преследованиям стали подвергаться китайцы, имеющие связи за рубежом. По мнению Нежданова В.Л.: «Политическая программа Мао Цзэдуна рассматривала китайскую зарубежную диаспору как возможность для распространения идей маоизма в странах проживания зарубежных китайцев. Такая политика оказалась неудачной и привела к двум негативным последствиям. В первую очередь она значительно осложнила положение хуацяо в странах проживания, создав образ агентов распространения маоистской идеологии; с другой стороны, такая политика затруднила работу традиционных каналов общения диаспоры и родственников в Китае, что отразилось на благосостоянии клановых деревень и инвестициях в экономику КНР» [4, с. 246].

После начала реформ, с конца 1970-х годов претерпело изменение отношение правительства КНР к китайской диаспоре. Она стала восприниматься как важный элемент продвижения модернизации и улучшения отношений со странами, где проживали китайцы. Также смягчилось отношение к родственникам хуацяо, проживающим в Китае. Поощрялось принятие китайцами гражданства страны проживания и создавался положительный образ китайцев, проживающих за рубежом, как родственников, друзей, патриотов Китая.

После III Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая в конце 1978 г., который стал переломным моментом в продвижении Китая по пути экономических реформ, ведомства, ответственные за работу с китайцами за рубежом, начали уделять внимание в первую очередь мобилизации этнических китайцев для оказания помощи в модернизации Китая [5, с. 108]. Этому способствовало то, что зарубежные китайцы обладали довольно большими капиталами и готовы были вкладывать их в экономику реформируемого Китая. Что касается самого Китая, то для страны предпочтительнее было привлекать именно этнических китайцев в качестве инвесто-

ров. Для привлечения хуацяо первые особые экономические зоны располагались в южных прибрежных провинциях Китая. Эти провинции демонстрировали более высокие темпы роста, чем внутренние районы страны, что способствовало региональному неравенству, которое могло угрожать политической стабильности. Последующие усилия властей по привлечению зарубежных китайских инвестиций во внутренние регионы оказались менее успешными [6, с. 104].

Первоначально для привлечения капиталов хуацяо использовалось положение об их патриотичности. Но в 1980-е годы к призывам к патриотизму по отношению к зарубежным китайцам стали относиться осторожнее. Упор стали делать на преференции для местных китайцев, у которых родственники проживали за рубежом. Они получали переводы от родственников в валюте и могли использовать эти средства для приобретения товаров в магазинах или для открытия бизнеса. Также преференции предоставлялись китайским инвесторам, проживающим за рубежом [7, с. 325-327].

Но в то же время не все так однозначно обстоит с положением китайской диаспоры за рубежом, так, по мнению А. Ларина: «... в настоящее время китайская диаспора вряд ли может превратиться в проводника интересов Пекина по ряду причин, поскольку, несмотря на экономическую мощь, китайцы в странах Юго-Восточной Азии по-прежнему остаются чужеродным национальным меньшинством, не вполне полноценной частью общества. Их богатство не облегчает им интеграцию в местные общества, не спасает от дискриминации и не гарантирует безопасность» [8, с. 160].

Одной из проблем при взаимодействии КНР с диаспорой стал статус иностранных китайцев. Часть из них оставалась гражданами Китая, другая принимала гражданство страны проживания. На сегодняшний день «живущие за границей китайцы, с точки зрения законодательства КНР и Тайваня, распадаются на две большие группы: на имеющих китайское гражд-

данство «хуацяо» и не имеющих его «вайцзи хуажень», часто именуемых просто «хуажень» [9, с. 3].

В первые два десятилетия реформ китайцы, проживающие за рубежом, внесли значительные инвестиции в экономику своей большой родины. В XXI веке основное внимание правительства КНР стало переключаться на возвращение мигрантов в страну. Особое внимание уделялось высококлассным специалистам и китайским студентам, окончившим вузы за рубежом. Им предлагались высокие заработные платы и особые условия труда. Также в этот период взаимодействие с диаспорой становится институциональным. Для этого привлекаются как органы высшей власти, так и местные, а также партии и организации диаспор. Этот процесс вызывает озабоченность в странах Запада, так как, по их мнению, диаспоры могут тайно действовать в интересах Коммунистической партии, также не исключен шпионаж.

Взаимоотношения китайской диаспоры с китайским государством прошли долгий и трудный путь. С момента формирования диаспоры правительство относилось к ней отрицательно, объявив эмигрантов предателями. В XIX в. Цинское правительство озаботилось установлением юридического статуса зарубежных китайцев. Оно стало открывать консульства. Со стороны диаспоры шла материальная помощь родственникам, оставшимся в Китае. Возникновение Китайской Народной Республики изначально мало изменило взаимоотношения диаспоры и государства. При этом правительство возлагало на хуацяо функцию продвижения идей нового Китая за рубежом. При этом был небольшой период культурной революции, когда диаспора воспринималась правительством враждебно. Но после начала реформ роль диаспоры вновь меняется. Ее представителей стали привлекать для участия в процессе модернизации КНР в качестве инвесторов для своей исторической родины.

Таким образом пример взаимодействия Китая со своими

зарубежными соотечественниками показывает, что в данном случае государство всегда держало связь с диаспорой в диапазоне от обвинений в предательстве до самых преданных патриотов. КНР в отличие от многих других государств изначально не делала ставку на массовое возвращение этнических китайцев в страну, а рационально использовала их финансовые возможности для осуществления экономических реформ. И лишь добившись реализации основных экономических задач, Китай поставил цель привлекать на родину наиболее образованных и профессиональных китайцев, создавая им благоприятные условия жизни и работы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баженова Е.С. Население Китая. История и современность. М., 2018. https://www.iccaras.ru/files/abook_file/Bazhenova_Population_China_History_Modernity_Lecture_03.pdf
2. Осипова М.Г. Сингапур на перекрестке дорог (от доколониального развития острова до Сингапура – центра колонии Стрейтс сэттелментс) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 2. № 3 (40). С. 206 – 217 [https://www.ivran.ru/sites/41/files/SEA2018n3\(40\)p206-212.pdf](https://www.ivran.ru/sites/41/files/SEA2018n3(40)p206-212.pdf)
3. Ананьев А.В. Китайская диаспора в США. От кули до лобби. // Международная жизнь. 2022. № 9. С. 72-83 <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2718>
4. Нежданов В.Л. Китайская диаспора и Китай: общественные и экономические отношения для взаимного политического блага. // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47. № 2. С. 245-252. <https://web.archive.org/web/20230206171108/https://china.ivran.ru/xlvii2>
5. Островский Л.Е., Цзян Ц. Роль хуацяо в развитии китайской экономики // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 1 (27). С. 106-110 (С. 108) <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-huatsyao-v-razvitii-kitayskoy-ekonomiki-1/viewer>

6. Ульянова И.В. Феномен хуацяо в Юго-Восточной Азии // *Acta Orientalia Voronensia: Воронежское востоковедение*. Воронежский государственный университет. Факультет международных отношений. Центр восточных исследований. Воронеж, 2016. С. 102-111 [https://sciencedata.urfu.ru/portal/ru/publications/----\(683192e5-9ea6-4d81-bef0-63a50f2665ab\)/export.html](https://sciencedata.urfu.ru/portal/ru/publications/----(683192e5-9ea6-4d81-bef0-63a50f2665ab)/export.html)
7. Нежданов В.Л. Участие зарубежных китайцев в развитии экономики КНР // *Китай: история и современность: Материалы IX Международной научно-практической конференции*. 2016. С. 325-334 https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/40196/1/kiis_2016_042.pdf
8. Золотухин И.Н. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2011. № 2 (17). С. 157-163. <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-diaspora-v-yugo-vostochnoy-azii/viewer>
9. Фитуни О. Китайская диаспора Африки: Пространственная эволюция и этапы развития // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 6. С. 29-36 <https://asafras.ru/s032150750009875-4-1>

Илеуова Г.Т., Симакова О.А.

РУССКИЕ В КАЗАХСТАНЕ: МЕЖДУ ДИАСПОРАЛЬНОСТЬЮ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬЮ

Аннотация

Казахстанский специалист в области диаспорологии Г.Н. Ким указывал что «тематика, связанная с проблемой этнических диаспор, становится все более актуальной для отечественной науки, ибо судьбы разделенных и разбросанных волей обстоятельств народов во многом зависят от того, как будут складываться отношения в новых условиях между представителями национальной диаспоры и титульным населением».

И в этой связи возникает вопрос, а кто такие русские в Казахстане: «навязанная диаспора» или часть казахстанского народа? И каково самочувствие русских в Казахстане: смогли ли они приобрести казахстанскую идентификацию или чувствуют себя «российской диаспорой»?

Русские были и остаются вторым по численности этносом в Казахстане. Но смена русским этносом статуса в независимом Казахстане в начале 1990-х годов, а также планомерное снижение его доли в структуре населения сегодня, оставляет вопрос о самоощущении русских в стране актуальным.

В статье на основе кабинетного анализа и анализа результатов социологических исследований авторы пытаются определить, как интегрировались русские в процессе формирования «казахстанской нации» и приобретение ими казахстанской идентичности. И результаты исследований показывают, что в идентификационной матрице русских базовыми маркерами являлись поколение/возраст, локальность (житель своего города/села) и гражданственность, каждый четвертый в той или иной мере владеет казахским языком, русские хорошо представлены в общественном и гражданском секторах общества и демонстрируют умеренную электорально-политическую активность. Миграция русских из Казахстана сократилась в 8 раз.

Ключевые слова: русские, гражданская нация, диаспора, социальное самочувствие, идентификация.

Abstract

Kazakhstani specialist in the field of diaspora studies G.Kim pointed out that “issues related to ethnic diasporas are becoming increasingly relevant for domestic science, because the fate of peoples separated and scattered by circumstances largely depends on how relations between representatives of the national diaspora and the titular population develop under new conditions.” The question arises: who are the Russians in Kazakhstan – an “imposed diaspora” or part of the Kazakhstani people? And how do Russians

feel in Kazakhstan: have they been able to acquire a Kazakhstani identity or do they feel like a “russian diaspora”?

Russians were and remain the second largest ethnic group in Kazakhstan. However, the change in the status of the russian ethnic group in independent Kazakhstan in the early 1990s, as well as the systematic decline in its share of the population today, raises the question of how Russians feel about themselves in the country.

In this article, based on desk research and analysis of sociological studies, the authors attempt to determine how Russians integrated into the process of forming the “Kazakhstani nation” and acquired a Kazakhstani identity. The results of the research show that the basic markers of the identification matrix of Russians is generation/age, locality (resident of their city/village) and civil nation; one in four speaks Kazakh to some extent; Russians are well represented in the public and civil sectors of society and demonstrate moderate electoral and political activity. Migration of Russians from Kazakhstan has decreased eightfold.

Keywords: Russians, civic nation, diaspora, social well-being, identification.

По итогам переписи 2021г. в Казахстане проживают представители 124 этносов [1]. Большая их часть оказалась здесь вследствие «переселенческой» политики Российской империи, сталинских репрессий и депортации времен Второй мировой войны, масштабных экономических программ времен СССР.

На начало 2025 г. русские в Казахстане – вторая после казахов этническая группа, составляющая около 14,6%, что соответствует примерно 2,96 миллиона человек [2]. Появление русских в Казахстане началось в XVIII веке с момента присоединения к Российской империи территории Младшего жуза (1731г.). Е.Р. Морозова выделяет пять этапов «формирования *российской* диаспоры в Казахстане: первый этап: XVIII – середина XIX вв.; второй этап: 1861г. – конец XIX в.; третий этап: начало XX в. – 1916 г.; четвертый этап: 1917–1991 гг.; пятый

этап: с 1991 г. по настоящее время» [3, с.1095]. И далее она отмечает, что российская диаспора формировалась «в результате двух вещей – миграции (как вынужденной (репрессии, войны), так и добровольной) и вследствие распада СССР. Однако, если в результате первой, число переселенцев увеличивалось от года к году, то вторая, напротив, поспособствовала оттоку этнических русских с казахских земель» [3, с.1101].

Так, все-таки, кто такие русские в Казахстане? Часть казахстанского народа, составлявшая в 1991 году почти 40% его численности? Или русская или даже российская диаспора, для молодежи которой «все в большей мере Россия становится понятием географическим» [4]?

В целом надо отметить, что наше обращение к теме русских в Казахстане вызвана ее актуальностью в контексте различий трактовки понятия «диаспора», зачастую применяемого в отношении русских, а также тем, как указывал известный казахстанский специалист в области диаспорологии Г.Н. Ким, что «тематика, связанная с проблемой этнических диаспор, становится все более актуальной для отечественной науки, ибо судьбы разделенных и разбросанных волей обстоятельств народов во многом зависят от того, как будут складываться отношения в новых условиях между представителями национальной диаспоры и титульным населением» [5, с.16].

Безусловно, сложность и многоаспектность понятия «диаспора» не позволит нам в полной мере дать ответ на вопрос о том, кто такие русские в Казахстане, но мы попытаемся на основе данных социологических исследований, которые Фонд проводил в течение последних 20 лет, описать современное состояние этой этнической группы, социальные (оптимизм, оценка перспектив, удовлетворенность жизнью, оценка материального положения и др.) и идентификационные маркеры, ее характеризующие. И предполагаем, что полученные описания позволят составить портрет крупнейшего этноса страны, и определить некоторые тенденции, согласно которым он будет

развиваться в будущем.

Но прежде, чем перейти к непосредственному описанию демографических и социологических показателей, несколько замечаний предваряющего характера по поводу термина «диаспора». Анализ литературы позволяет выделить подходы к описанию положения русских в Казахстане, условно их можно определить, как казахстанский взгляд (два подхода) и российский взгляд (два подхода).

Казахстанский взгляд на основе гражданского подхода говорит о том, что казахи и русские, как и представители всех этносов, проживающих в стране, принадлежат к единой политической общности «граждане Казахстана». Этот подход получил свое закрепление в преамбуле Конституции республики, статьях Раздела II «Человек и гражданин» [6]. В последующем он получил свое развитие и в других документах государства, касающихся межэтнических отношений и выработки новых подходов к интеграции казахстанского полиэтничного общества. Можно упомянуть в этой связи «Доктрину национального единства Казахстана» (апрель 2010г.) [7], две «Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана», включая Концепцию на период с 2022 по 2026г [8]. Интересно, что понятие «диаспора» использовалась в указанных документах в двух случаях – в отношении казахской диаспоры за рубежом (см. «Доктрина...»), и среди внешних факторов, влияющих на состояние межэтнических отношений в стране, при описании «диаспоральной политики зарубежных государств» («Концепция развития АНК (до 2020г.), утратила силу в декабре 2015г.). Таким образом можно утверждать, что на протяжении трех десятилетий после принятия в 1995г. Конституции РК имеет место последовательная политика в определении граждан страны – представители различных этнических групп, принадлежащие к единой политической общности. В подтверждении вышесказанного приведем позицию президента К.К.Токаева, которую он озвучил в интервью одному из российских изданий: «Не-

давно в одном из зарубежных аналитических материалов я наткнулся на формулировку «русская диаспора в Казахстане». Предупредил наших идеологов и аналитиков ни в коем случае не применять такие выражения, в корне противоречащие истинному положению вещей. Русские – это часть нашего народа, их вклад в становление и развитие Казахстана огромен и не подлежит забвению» [9].

Однако если государство в основополагающих документах и в лице его главных представителей не придерживается линии по использованию термина «диаспора» в отношении своих граждан, то почему в публикациях периодических изданий, в социальных сетях, да и в некоторых научных изданиях можно встретить тезис о том, что русские в Казахстане – это диаспора? Одно из объяснений сложившейся практики можно найти в ранних законодательных актах, касающихся вопроса развития языков в республике. Интересно, что Закон «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года применяет среди основных понятий термин «диаспора», подразумевая, что это «часть народа (этническая общность), проживающая вне страны его исторического происхождения», но используется это понятие только в отношении зарубежной диаспоры казахов: правительство, иные государственные, местные представительные и исполнительные органы обязаны... «оказывать помощь казахской диаспоре в сохранении и развитии родного языка» [10].

Вместе с тем в Государственной программе функционирования и развития языков на 2001–2010 годы, которая утратила силу только в апреле 2011г., одной из задач программы ставилось «оказание государственной поддержки в обучении представителей этнических общностей (диаспор) родным языкам». И далее указывалось, что «государством оказывается помощь языкам всех диаспор, проживающих на территории Казахстана. В целях развития национальных языков и культуры в стране создана система воскресных школ по обучению родному языку. В 1999–2000 учебном году в воскресных школах в ка-

честве родных изучались 14 языков: корейский, иврит, украинский, татарский, немецкий, турецкий, чеченский, уйгурский, армянский, азербайджанский, чувашский, польский, курдский, дунганский» [11].

Приведенные выдержки из законодательства по развитию языков в Казахстане с использованием понятия «диаспора» подтверждают наблюдения французских исследователей М.Ларюэль и С.Пейруза, сделанные ими в начале 2000-х гг., что все основные баталии разворачиваются вокруг темпов расширения зоны использования казахского языка, как государственного. А использование понятия «диаспора» придавала этим «баталиям» еще большую остроту. «Сторонники быстрого развития казахского языка призывали к действенным мерам, приводя в оправдание тот факт, что ранее принятые законы не возымели должного эффекта в областях с преобладанием русского населения. Нападая на русских и видя в них основных противников казахского языка, националисты стремились также привлечь внимание к проблеме недостаточного владения родным языком самих казахов.

Русские организации продолжали возмущаться несоответствием между конституционной гарантией не подвергать людей по мотивам незнания языка и существования таких профессий, например, связанных с политической деятельностью, для которых обязательно знание казахского языка» [12, с.118-119].

Не только в некоторых официальных документах в отношении русских и других этнических групп, а также их языков использовалось термин «диаспора». Его применение широко практиковалось в национал-патриотических кругах, как не вспомнить в этой связи нашумевшее высказывание журналиста А.Умарова о русских как «навязанной диаспоре». В 2007 г. автор статьи «Русские в Казахстане – диаспора или единый казахстанский народ?» делает однозначный вывод, что «на данный момент русские в Казахстане являются диаспорой, весьма

значительной в количественном выражении, осознающими свою этническую принадлежность и обладающие ярко выраженным национальным самосознанием» [13] (*прим. авторов: обращает внимание синонимичное использование слов «этническое» (принадлежность) и «национальное» (самосознание).*

Можно привести интервью политика М.Тайжана, который, раскрывая свою позицию по поводу русского языка, приводил следующие аргументы: «Русскому языку как таковому ничего не угрожает – есть мощная Российская Федерация. Как и корейскому языку ничего не угрожает – есть даже два корейских национальных государства. Ничего не угрожает греческому языку, польскому, украинскому, азербайджанскому, армянскому – почти все наши диаспоры имеют собственные национальные государства. А вот если казахский не поддержать нашей государственной политикой, он больше нигде не сохранится» [14]. Т.е., очевидно, что в Казахстане сформировались два параллельных дискурса о «диаспоре»: при официальном «гражданственном» курсе государства функционировал другой, языковой, дискурс, согласно которому – тот, кто не казах и особенно, кто не владеет казахским языком, должен быть отнесен к диаспоре.

В свою очередь если рассмотреть российский публичный и научный контент о русских в Казахстане, то он вполне определенный: казахстанские русские – это диаспора. Примечательно, что в законодательстве РФ используется понятие «соотечественники», при этом «отношения с соотечественниками за рубежом являются важным направлением внешней и внутренней политики Российской Федерации». Согласно ст.25 Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 ведется государственный мониторинг в области отношений с соотечественниками, «включающий в себя сбор, анализ и оценку информации о положении соотечественников, создание банка данных, прогнозирование ситуации и проведе-

ние научно-исследовательских работ» [15].

На практике понятие «диаспора» в отношении зарубежных русских не просто практически сразу стало использоваться в общественном дискурсе, но нашло свое воплощение на институциональном уровне. Весной 1996 года в Москве с государственным участием был создан Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции). И как указано на официальном сайте организации: «С момента основания Института в круг его задач входит изучение постсоветского пространства, научно-аналитическое и общественно-политическое сопровождение внешнеполитической деятельности Российской Федерации в ближнем зарубежье, а также российской диаспоральной политики, мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней политики бывших союзных республик, анализ моделей экономической, политической, военной и культурной интеграции на постсоветском пространстве. Большое значение Институт уделяет сбору и обработке информации о положении соотечественников в ближнем зарубежье, укреплению связей с *российской диаспорой* за рубежом» [16].

При этом, как отмечает Г.Н. Ким, «новой России необходима и ее диаспора, и высокий имидж этой диаспоры в мире и в отдельных странах. Использование диаспорального потенциала в реализации национальных интересов Россией уже вполне назрело, однако основной проблемой ее взаимодействия с зарубежными общинами является отсутствие четко выраженной прагматической концепции» [5, с.14]. Т.е. в России использование понятие «диаспора» в отношении зарубежных русских вполне легально и научно обоснованно, и можно отметить использование сразу двух определений: «русская диаспора» и «российская диаспора». Считаем важным добавить, что использование понятия «диаспора» в отношении казахстанских русских на официальном уровне в РФ и в общественно-публичном поле в Казахстане с учетом одного языкового пространства – на русском языке – позволяет этим двум сторонам

находить общее основание, приводить одни и те же «удобные» аргументы в отношении казахстанских русских, но с той лишь разницей, что с одной стороны они звучат как «притягивающие», с другой – как «выталкивающие».

Согласно другому направлению в российской научной мысли применять по отношению к казахстанским русским термин «диаспора» не корректно, поскольку этимологически понятие «диаспора» означает «рассеяние». Диаспора обычно не располагается на своей исторической территории, «а русские Казахстана (особенно северного) как раз там и живут, и считают себя автохтонами. Они не «рассеивались», не покидали свое государство» [17].

Академик В.А. Тишков, указывая на слабость общепринятого определения диаспоры, связывает это с тем, что «оно основывается на перемещении (миграции) людей и исключает другой менее распространенный случай образования диаспоры – перемещение государственных границ, в результате чего культурно-родственное население, проживавшее в одной стране, оказывается в двух или в нескольких странах, никуда не перемещаясь в пространстве». С точки зрения Тишкова, политическая метафора «разделенного народа» как исторической аномалии, «составляет один из важных компонентов идеологии этнонационализма, который исходит из утопического постулата, что этнические и государственные границы должны совпадать в пространстве. Однако эта важная оговорка не отменяет факт образования диаспоры в результате изменения государственных границ. Проблема в том, по какую сторону границы появляется диаспора, а по какую — «основная территория проживания» [18].

По мнению Морозовой, «по факту народ не покидал своей Родины. Она их «покинула» в 1991 г. в результате прекращения существования СССР. Поэтому большинству русскоязычного населения было тяжело осознать, что теперь они являются гражданами иного государства. Именно это обстоятельство

сказалось на структуре и системе организации российской диаспоры не только в Казахстане, но и на всем постсоветском пространстве, что и является главной ее отличительной чертой от диаспоры дальнего зарубежья» [3, с.1096]. Для справедливости отметим, что подобный взгляд можно распространить и на другие «разделенные» государственными границами народы, в том числе на казахов, проживающих по другую сторону казахстанско-российской и других границ нашей страны.

Демографическое описание казахстанских русских: динамика численности, расселение, браки.

Русские были и остаются на сегодняшний день второй по численности этнической группой в Казахстане. По данным Бюро национальной статистики на начало 2025 года доля русских в стране составила 14,6%, или 2963938 человек [19]. Сравнительный анализ численности русских в структуре населения страны по результатам переписи населения демонстрирует устойчивый тренд на снижение их доли в общей численности населения в среднем на 7% за каждые 10 лет. Если по состоянию на 1999 год доля русских составляла 30%, то уже в 2009 году показатель снизился до 23,7%, а в 2021 году составил 15,5%. Внутри этноса убыль за один межпереписной период в среднем составляет 20% [20].

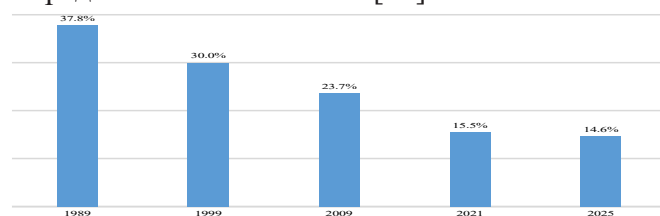

Рисунок 1 – Численность русских в структуре населения Казахстана по результатам переписей, 1989, 1999, 2009 и 2021 годов, %.

Примечание: составлено авторами на основе результатов переписи населения 1989, 1999, 2009, 2021; Демографического сборника Казахстана, 2025 год.

Русские являются урбанизированным этносом в Казахстане. Как отмечает С.Я. Суций, «основная пространственная ось расселения русских, вытянутая от берегов Волги до Амура и Тихого океана, проходила севернее (южная ее граница располагалась на широте Оренбурга)» [21]. Будучи оседлым народом, русские осваивали северные и восточные территории, практически не создавая общего русско-казахского расселенческого ареала. В результате такого расселения «вдоль казахских кочевий формируется укрепленная линия – цепочка крепостей, спустя время обраставших посадами и приобретающими статус городов (в их числе Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Орск)». Таким образом, по мнению Суций, «русские преимущественно через растущую вширь городскую сеть перемещаются внутрь региона» [21]. На сегодняшний день 77% от общего числа русских, проживающих в стране, живет в городах, и только 23% – в сельской местности.

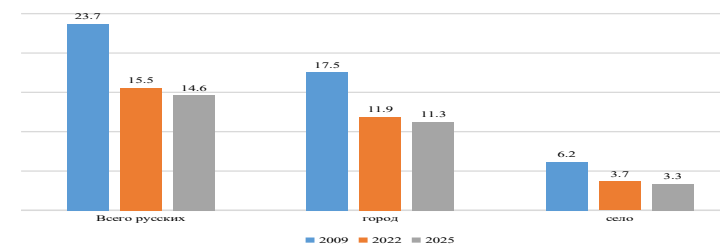

Рисунок 2 – Численность русских в структуре населения Казахстана с 2009 по 2025 год, %

Примечание: составлено авторами на основе статсборников Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан на начало 2025 года; Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2020 года; Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2009 года.

Сохраняются и исторически сложившееся ареалы расселения русских в северных и северо-восточных регионах, а также в силу развития добывающей промышленности и в центральных регионах (Карагандинская и Улытауская (бывш. Жезказ-

ганская) области) Казахстана. Если смотреть на страну в целом, то можно говорить о том, что в этих ареалах живет каждый второй русский в стране. Если говорить о доли русских в этнической структуре указанных регионов, то она варьирует от 30 до 45% [19].

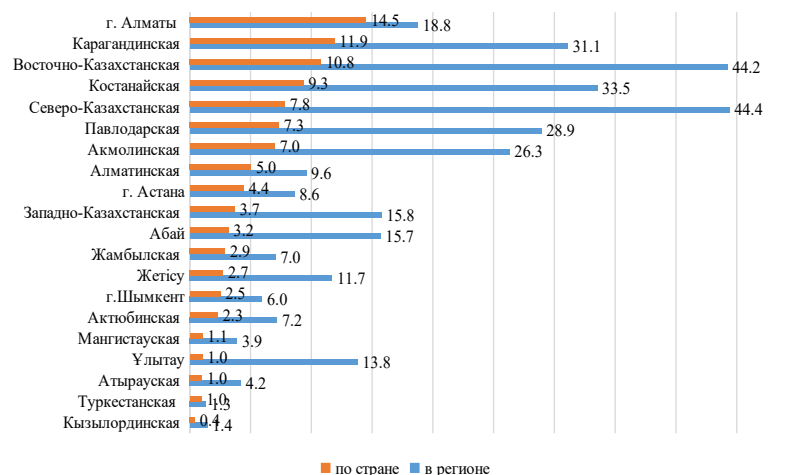

Рисунок 3 – Численность русских в регионах Казахстана по состоянию на начало 2025 года, %.

Примечание: составлено авторами на основе статсборника Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан. 18 серия. Демографическая статистика. Дата опубликования: 27.03.2025.

Как отмечалось выше, в стране сохраняется устойчивый тренд на снижение численности русских. На представленном ниже графике видно, что в межпереписной период с 2009 по 2021 год наблюдалось снижение показателя численности русских в среднем -0,5% в год. Но по результатам переписи населения 2021 года стало видно, что разница в показателях численности русских на начало 2022 года к предыдущему 2021 году составила -450248 человек, или -13%. С одной стороны, данные были скорректированы и позволили получить более объективную картину по этническому представительству рус-

ских в стране. С другой стороны, напрашивается вывод, что снижение доли русского этноса в структуре населения страны в межпереписной период идет более высокими темпами.

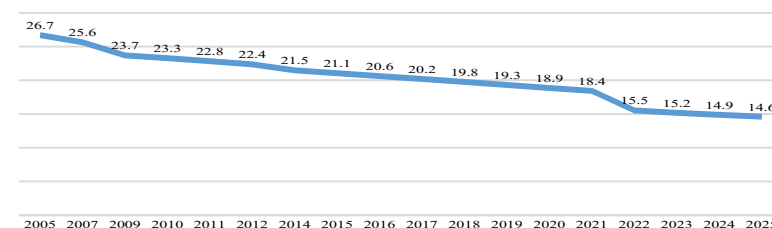

Рисунок 4 – Численность русских в структуре населения Казахстана с 2009 по 2025 год по годам, %

Примечание: составлено авторами на основе статсборников Демографический сборник Казахстана 2020–2024, Астана, 2025; Демографический сборник Казахстана 2016–2020, Нур-Султан, 2021; Демографический сборник Казахстана 2009–2017, Астана, 2017.

Как показывает статистический анализ, убыль русских происходит по нескольким причинам. До недавнего времени заметные опасения по степени влияния на численность русского этноса в стране вызывала миграция за пределы Казахстана. Миграция, или пространственная мобильность, населения является одним из трех демографических феноменов (наравне с рождением и смертностью), которые «объединяют свои усилия для того, чтобы изменить численность населения» [22, с.13]. Начиная с 2010-х годов сальдо миграции русских варьировало на уровне 13-15 тысяч человек в год со знаком минус, а в 2019 году превысило порог в 30 тысяч со знаком минус. Тем не менее, динамика сальдо миграции русских за последние 5 лет показывает, что при сохраняющемся отрицательном балансе сам показатель уменьшился в 8 раз – с 17663 человек в 2020 году до 2101 человек в 2024 году. Это свидетельствует о существенном сокращении эмиграционного потока русских и,

как следствие, снижении влияния миграционного фактора на их численность в стране.

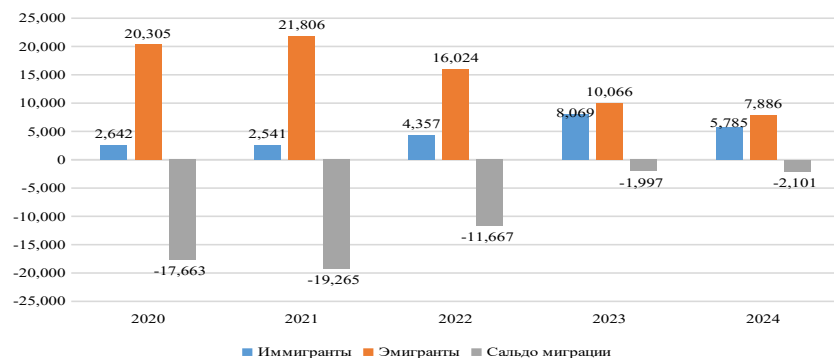

Рисунок 5 – Средний коэффициент рождаемости русских в Казахстане с 1989 по 2023 год, %

Примечание: составлено авторами на основе статсборника Демографический сборник Казахстана 2020–2024гг., Астана, 2025.

Если в 1999-2000гг. можно было говорить о том, что миграция влияет на численность русских, так как 74,5% потерь русских обусловила внешняя миграция, то уже в 2004-2005гг. миграция сократила численность русских на 47,5%, а отрицательный естественный прирост – на 52,5% [23]. Согласно расчетам демографов, за последние 25 лет число матерей в русском этносе сократится более чем на треть [23]. Таким образом, основной причиной убыли русских, начиная с середины 2000-х годов, выступает отрицательный естественный прирост у представителей этого этноса. С 2010-х гг. суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР) русских в Казахстане имеет тенденцию к снижению, и по состоянию на 2023 год оценивался в 1,33 ребенка на женщину [24].

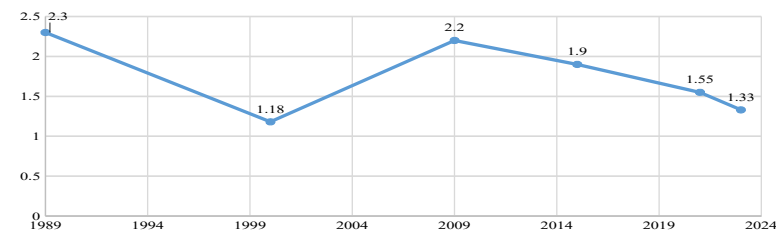

Рисунок 5 – Суммарный коэффициент рождаемости русских в Казахстане с 1989 по 2023 гг.

Примечание: составлено авторами на основе публикации «Фертильность русских в Казахстане». / <https://denalt.livejournal.com/84302.html>

Также согласно данным переписи населения, среди основных этнических групп, проживающих на территории Казахстана, самый высокий уровень старения населения фиксируется у славянских этносов [25]. По результатам переписи 2021 года, среди русских доля старшего поколения в возрасте 60+ лет составила 25%, среди казахов – 9%. Средний возраст русских по разным источникам варьирует от 44 до 48 лет, и это на 10 лет выше, чем в среднем по стране на начало 2024 года (32,3 года) [26].

Как фактор влияния на численность этноса, а также косвенно на миграцию, интерес представляют межнациональные браки. Как отмечает Ю.В. Арутюнян, изучавший на основе социологических исследований в конце 90-х – начале 2000-х гг. положение русских в некоторых странах бывшего СССР, «у русских, в отличие от других национальностей, в соответствии с сохранностью их более устойчивых установок на межнациональные контакты и национально-смешанные семьи в исследуемых регионах интернациональные нормы поведения соблюдались больше: они чаще состояли в смешанных браках и те, кто был связан такой семьей, конечно, реже уезжали в Россию» [27, с.91]. По мнению А. Калыша, одной из особен-

ностей количества этнически смешанных браков выступает численность и компактность расселения этноса: чем больше численность этнической группы и сильнее ее локализация, тем меньше их участие в смешанных браках, и наоборот [5, с. 98]. Русские отличаются относительной дисперсностью расселения, а также тем, что придают меньшее значение этническому происхождению партнера, ставя на первое место чувства к избраннику/-це, что делает для них решение о вступлении в межэтнический брак более простым, чем, например, для казахов. Также отмечается повсеместное превышение участия в межнациональных браках мужчин по сравнению с женщинами одного этноса.

Статистический анализ показывает, что доля межэтнических браков среди русских за последние пять лет вновь увеличилась и варьирует на уровне 30% от числа межэтнических браков; аналогичный показатель среди казахов составляет 20–22%.

Рисунок 6 – Доля межэтнических браков среди русских и казахов за 5 лет, %

Примечание: составлено авторами на основе статсборника Демографический сборник Казахстана 2020–2024, Астана, 2025.

Тема межэтнических браков влечет за собой вопрос об ассимиляции и самоопределении второго поколения, рожденного

в такой брак. В межнациональной семье ребенок объективно вовлечен в ситуацию межэтнического взаимодействия в рамках одной и той же семьи, где смешиваются различные этнические культуры и религии. И как показывает исследование [28], в большинстве случаев лица смешанного происхождения при получении документов выбирают этническую принадлежность по отцу. Но этническая самоидентификация детей из межэтнических браков де-юре и де-факто не всегда совпадают. На практике существенное влияние на процесс идентификации имеют язык общения в ближнем окружении, культура и отношения внутри семьи. Как отмечает А. Калыш, в южных регионах, «в условиях количественного преобладания казахов, несомненно, ассимиляция будет происходить с перевесом казахской культуры», в то время как в северных регионах «сохраняется сильная языковая и культурная ассимиляция со стороны русского и русскоязычного населения» [5, с.89]. Практика это подтверждает.

Таким образом, можно говорить о том, что русские, все еще оставаясь вторым по численности этносом в стране, не испытывают критической этнической модификации и развиваются как самостоятельная этническая единица. И пока на это не оказывают существенного влияния такие факторы, как низкий естественный прирост и дисперсность расселения русских в Казахстане.

Уровень жизни и социальное самочувствие

Приступая к рассмотрению положения казахстанских русских на основе социологических данных, начнем с оценок семейного материального положения. Как видим, что на протяжении 20 лет наблюдений русские респонденты чаще всего выбирали вариант «материальное положение среднее». При этом в 2009 году был достигнут один из самых высоких показателей таких оценок (68%), после которого в течение почти 15 лет большинство русских практически не меняли своих оце-

нок (55–62%), вплоть до 2025г., когда доля оценки «среднее» достигла высоты 70%. При этом оценки материального положения как хорошего и очень хорошего менялись более динамично, с заметными падениями с обычных в спокойные годы 30% до 15% в кризисный 2009г., 8% в пандемический 2021г. и 17% в 2025г. с его высокими инфляционными ожиданиями.

Заметно, что в случае ухудшения социально-экономической ситуации в стране часть русских из сравнительно хорошей экономической позиции переходила на оценку своего положения как среднего (как мы видим на данных 2025г.), а другая – чаще была склонна называть свое материальное положение как плохое и очень плохое (в 2009 и особенно в 2021г.).

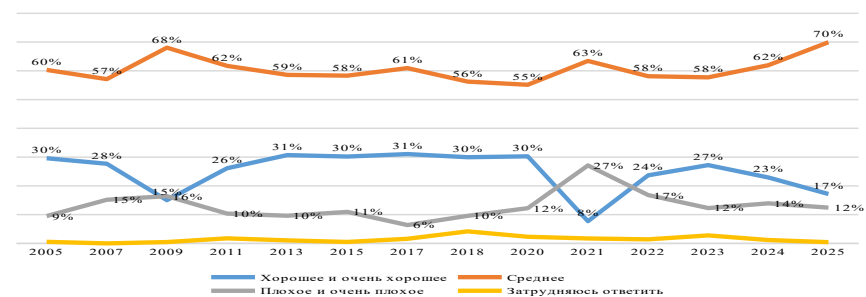

Рисунок 7 – Динамика материального положения русских за 20 лет, %.

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования Мониторинг социального самочувствия, проект Евразийского монитора, ОФ ЦСПИ «Стратегия».

При сопоставлении оценок удовлетворенности жизнью русских с общестрановыми показателями видим практически полностью схожий рисунок, говорящий о единстве восприятия условий жизни у всего населения страны, как в спокойные, так и кризисные периоды. Т.е. можно предположить, что происходит постепенная гомогенизация, повышение однородности населения страны с точки зрения восприятия условий жизни вне

зависимости от этнического признака.

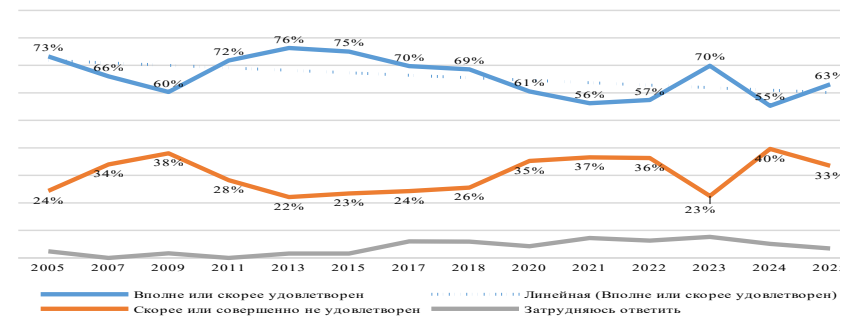

Рисунок 8 – Динамика удовлетворенности жизнью русских за 20 лет, %.

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования Мониторинг социального самочувствия, проект Евразийского монитора, ОФ ЦСПИ «Стратегия».

Вместе с тем русских отличает более низкий уровень социального оптимизма: из года в год происходило, не очевидное, через относительно короткие периоды подъема, но снижение числа тех, кто ожидает в краткосрочной перспективе улучшения своей жизни и жизни своих семей. В 2025 году доля таких ответов упала до 23%, причем наблюдается последовательное снижение этого показателя, начиная с 2022г. – с 36%. При этом с 2023г. увеличиваются доли тех, кто предполагает, что их жизнь несколько или значительно ухудшится (в 2 раза) и тех, кто считает, что ничего в жизни не поменяется (будет так же, как сейчас). В т.г. число таких ответов достигло исторического максимума – 55%.

О падении оптимизма среди русских можно судить и по итогам ответов на следующий вопрос. Если в 2022г. были уверены в будущем 52% опрошенных из этой группы, то в т.г. положительно ответили на данный вопрос только 42%. При этом в 2025г. более половины опрошенных русских (54%) сказали, что они не уверены в будущем.

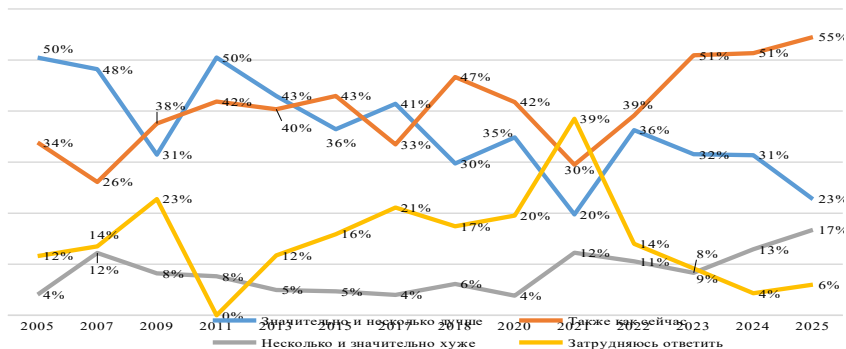

Рисунок 9 – Динамика социального пессимизма русских за 20 лет, %.

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования Мониторинг социального самочувствия, проект Евразийского монитора, ОФ ЦСПИ «Стратегия».

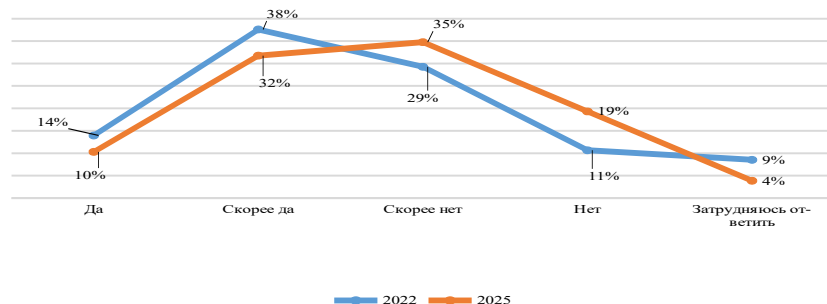

Рисунок 10 – Сравнительные данные по оценке субъективной уверенности в будущем респондента, %.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия».

В то же время среди русских только пятая часть опрошенных (21%) чувствуют себя не комфортно в Казахстане, а 77% с той или иной степенью уверенности сказали, что в Казахстане им комфортно, в 2022г. так ответили 87%, но при этом уровень определенности был выше (44% дали уверенный ответ «да»).

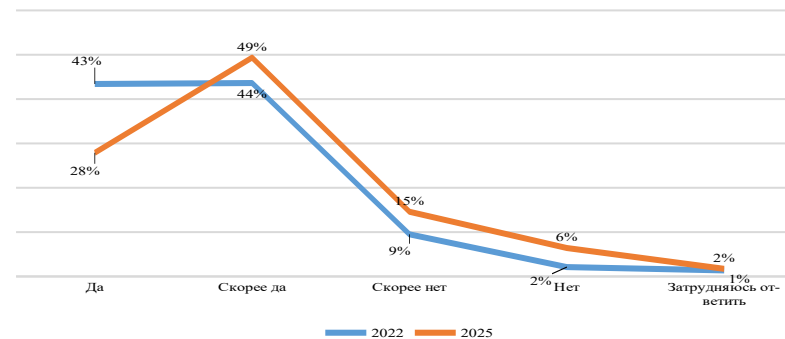

Рисунок 11 – Сравнительные данные по оценке комфортности жизни в Казахстане, %.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия».

Возникает вопрос, с чем связано падение оптимизма среди русских? Является ли причиной их количественное сокращение в структуре населения или влияют какие-то другие обстоятельства? Интересное предположение по поводу настроений среди русских было высказано М. Ларюэль и С. Пейрузом: «местных русских нельзя рассматривать и через призму обычной проблематики «национальных меньшинств» – отношение к ним в Казахстане не может быть таким, как к другим подобным сообществам, даже славянским. Отличие определяется не только «количеством», но и «качеством»: русские в Казахстане никогда не считали себя меньшинством; до недавнего времени они были большинством и «физически». Их требования исходят не от «группы», а носят общеполитический характер, ведь они уверены, что должны определять пути развития страны наравне с казахами» [12, с.37]. Таким образом, можно предположить, что снижение до уровня меньшинства, пусть и многомилионного, будет влиять на настроения в этносе, привыкшего быть в центре общественных процессов.

Однако, на наш взгляд, снижение оптимизма в период, на-

чиная с 2022г., на фоне того, что другие показатели, например, комфортности жизни в Казахстане, состояния материального положения семей и удовлетворенности жизнью не показывают ухудшения, может говорить о том, что на настроения русских оказывают влияние иные факторы. И в данном случае речь идет о факторе военного конфликта между Россией и Украиной, который повысил уровень тревожности и неопределенности в русском этносе в Казахстане, представители которого не могут не испытывать беспокойства из-за ситуации в стране происхождения (исторической родине), что оказывает воздействие на их жизненные планы. Можно привести в качестве подтверждения нашего предположения мнение академика В.А. Тишкова, который в одной из своих статей указывал, что «... диаспорам небезразлично, какая, на их взгляд, осуществляется политика правительствами стран исхода: укрепляет ли она безопасность и благополучие их родины или, наоборот, оказывает разрушительное воздействие. Это важно для диаспор, ибо во многих случаях сохраняется расчет на возможность переезда в родную страну, если условия в стране пребывания будут ухудшаться, а в стране исхода – улучшаться. И даже безотносительно возможного переезда, присутствует также символический интерес – это иметь в качестве родины благополучную страну с позитивным имиджем, чтобы через этот имидж лучше поддерживать и отстаивать собственную идентичность перед вызовами ассимиляции в стране пребывания» [18].

В уже упоминавшейся статье «Русские в Казахстане – диаспора или единый казахстанский народ?» отмечалось, что причиной слабой интеграции русских в процесс формирования «казахстанской нации» является «дискриминация в сфере языковой политики и в области допуска русских и другого нетитульного населения к государственному управлению и представительству во властных и законодательных структурах» [13].

Определенно, требования знания казахского языка при

приеме на государственную службу и, в целом, значительное расширение сфер его использования оказалось важным ограничителем социальной мобильности для тех, кто плохо или совсем не владел государственным языком, а их среди русских – большинство. Однако ситуация постепенно меняется, и, как показало последнее исследование Фонда, сейчас в той или иной мере владеют казахским языком около четверти русских казахстанцев.

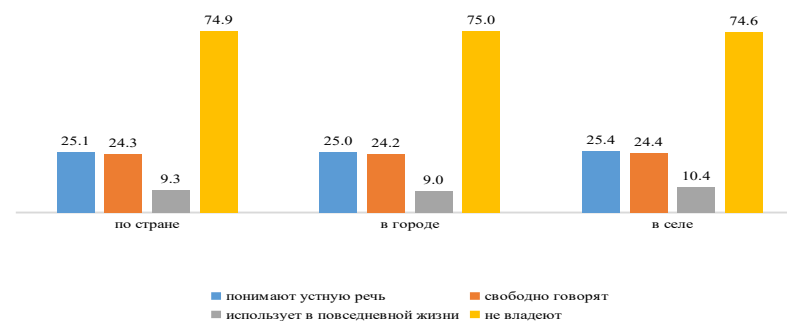

Рисунок 12 – Владение казахским языком, %.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2025г.

Возвращаясь к вопросам социального самочувствия русских необходимо отметить, что в сложных социально-экономических условиях первого десятилетия независимости, а также слома привычных каналов вертикальной мобильности, русскими, как и многими другими казахстанцами, был сделан выбор в пользу рыночных форм занятости в целях обретения нового социального статуса. В подтверждение сказанного приведем данные исследований Ю.В. Арутюняна, который отмечал и осторожность русского населения в России к рыночным элементам, прежде всего к частной собственности и соответственно, их предпочтительного отношения к работе на государственных предприятиях. В то время как у русских

в изучаемых им республиках, так же, как и у эстонцев, молдаван, грузин, произошел сдвиг в востребованности в сторону частной собственности и работы на частных предприятиях [27, с.14-15].

Согласно собственным данным Фонда, все последние годы русские в Казахстане преимущественно заняты в качестве наемных работников частного сектора (38–41%), еще одна часть (8–12%) работали на себя (собственники, индивидуальные предприниматели), в то время как в госсекторе (бюджетные организации, госорганы) было занято в разные годы не более 12% опрошенных. Т.е. на уровне половины опрошенных русские предпочитают работать в частном секторе, а если прибавить к этой группе тех, кто отнес себя к самозанятым, то очевидно, что большинство русских заняты вне государственного сектора. Формирование статуса занятости русских в условиях рыночной экономики и при ограничении использования других социальных лифтов, привело к результату, на который еще в 2005г. указывал А. Лобанов: «Положительная сторона сегодняшней жизни (с какой только стороны), что среднестатистический русский казахстанец привык стоять на своих ногах и «не ждать милостей от природы». Благодаря, видимо, этому качеству русское население в большинстве своем живет лучше аборигенного населения – нет «олигархов», но и нет бишары (нищеты) среди работающих» [4].

В определенной мере выбор занятости коррелирует с выбором образовательной стратегии. Русские несколько чаще, чем представители казахов и других этносов, склонны получать среднее специальное образование, которое является достаточным для получения работы в частных компаниях, тогда как для работы в государственных и бюджетных организациях практически всегда требуется полное высшее образование.

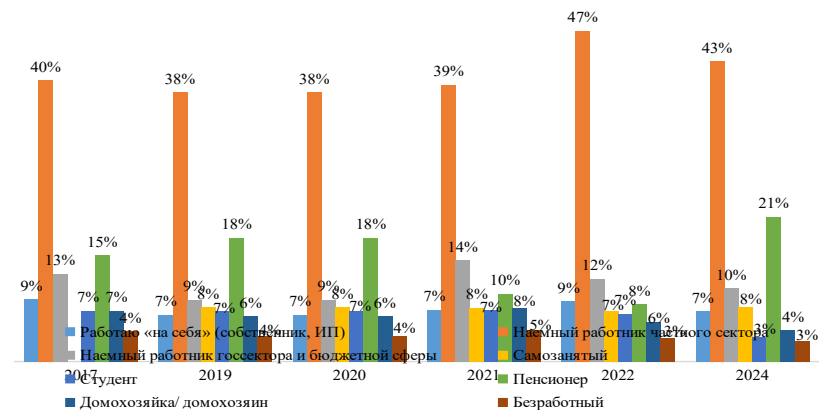

Рисунок 13 – Изменение в социально-профессиональном статусе русских, %.

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования Мониторинг социального самочувствия, проект Евразийского монитора, ОФ ЦСПИ «Стратегия».

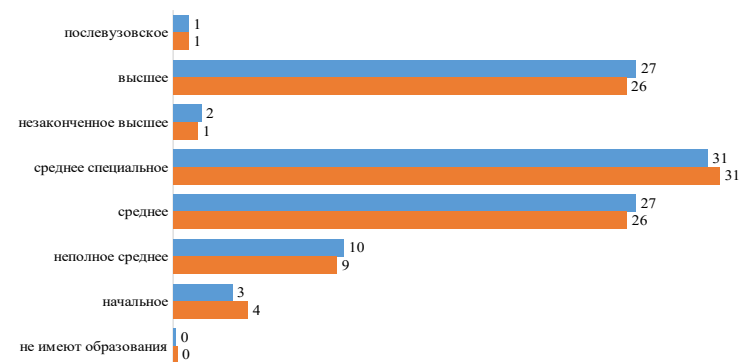

Рисунок 14 – Сравнительные данные по образованию, %.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2025.

Политические и внешнеполитические ориентации

Можно сделать вывод, что адаптация к изменившимся условиям у русских в Казахстане пошла вынужденным образом через те каналы и в те области, которые были открыты и доступны, прежде всего, речь об экономических возможностях и направлениях. Что касается политических ориентаций и практик русских казахстанцев, то в этом случае нельзя сказать, что вектор развития сразу получил свое оформление. В начале 2000-х гг. Ларюэль и Пейруз фиксировали аполитичность русских казахстанцев, особенно с точки зрения поддержки ими политических партий и общественных организаций, в том числе использующих этнические лозунги: «как большинство бывших советских граждан, русские сегодня отвернулись от политики, в которой они активно участвовали только в период перестройки и в первые годы независимости. Политическое поле воспринимается как чуждое, находящееся за пределами повседневных забот, полностью захваченное коррумпированными элитами, которые обогащаются за счет народа, в то время как каждый сегодня старается выжить, обеспечить себе приемлемый уровень доходов» [12, с.95].

Этнограф И.Савин, рассуждая о том, почему в Казахстане не сложилась «эффективная русская идеология» в качестве одной из причин назвал то, что этничность, «т.е. культурная специфичность, не могла стать надежной основой для более-менее оформленной идентичности русских Казахстана потому, что в 1990-х два-три поколения у них выросли уже в условиях общесоветской индустриальной социальной и культурной среды». К тому же социализация в рамках нескольких поколений одной семьи оказалась невозможной из-за катаклизмов советского периода (30-50-х гг.), поэтому групповая идентичность у русских складывалась «не на семейных или локальных культурных ценностях, а на коллективизме производственных, образовательных и военных организаций, пронизанных советской идеологией». В этих условиях этническая солидарность вы-

ступала в представлениях русских не действенным ресурсом, а этнографической архаикой, которую другие народы должны пережить в ходе социального прогресса [29, с.181-182].

Эти авторы, как и другие казахстанские публицисты [30], рассуждая о политической культуре русских в Казахстане и ее недостатках, делали акцент на недостаточной представленности их в государственных и выборных органах, практическом отсутствии на политическом поле «русских» партий и также слабую их поддержку русским электоратом. В то же время надо сказать, что с момента создания в 1995г. Ассамблеи народов (-а) Казахстана, в ней всегда был представлен ряд русских общественных организаций, которые в настоящее время входят в ОЮЛ «Ассоциация русских, славянских и казачьих организаций Казахстана», насчитывающих более 45 первичных самостоятельных славянских общественных объединений [31]. Т.е. на уровне АНК у русских имеется возможность для этнического представительства. Но такое представительство сформировало иную модель гражданского участия у русских в сравнении с казахами.

Особенности гражданской активности русских казахстанцев можно показать на социологических данных. Так, по итогам опроса, проведенного нами в 2024г., на вопрос «Являетесь ли Вы членом какой-нибудь организации?» ответили «да» 8,2% казахов и 8,4% русских. При этом казахи чаще состоят в политических партиях, а русские чаще являются членами профсоюзов и волонтерских движений, т.е. им больше свойственен выбор не политических, а общественных образований для проявления своей гражданской активности.

Как показывают многолетние наблюдения, русские, впрочем, как и другие граждане Казахстана, лучше других институтов оценивают работу президентской ветви власти. В то же время одобрение работы правительства и Парламента всегда было значительно ниже, за исключением периода пандемии Ковид-19, в который произошло снижение оценок работы всех

трех центральных органов власти.

Рисунок 15 – В настоящий момент вы состоите/являетесь членом какой-нибудь организации? Если да, то какой? %.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2025.

Рисунок 16 – Одобрение деятельности центральных государственных органов, %.

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования Мониторинг социального самочувствия, проект Евразийского монитора, ОФ ЦСПИ «Стратегия».

Вместе с тем обратим внимание на некоторые особенности

оценок работы государственных органов. При сравнении показателей одобрения работы Президента страны за истекшие 20 лет, видим практически полное совпадение оценок русских с общестрановыми показателями, что говорит, как о существенной поддержке представителями различных этнических групп политики, проводимой главой государства, так и сложившейся однородности их оценок.

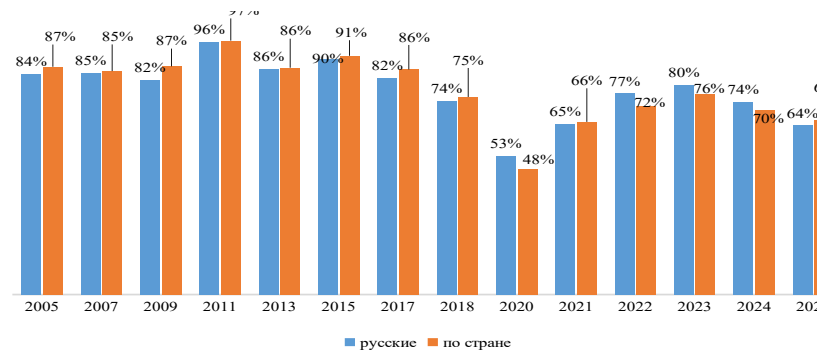

Рисунок 17 – Сравнительные данные по одобрению деятельности Президента по стране и среди русских, %.

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования Мониторинг социального самочувствия, проект Евразийского монитора, ОФ ЦСПИ «Стратегия».

В то же время с точки зрения оценок работы правительства и Парламента у русских формировались иные мнения. Так, в отношении правительственного курса русские активнее, чем в среднем по стране, выражали неодобрение, как это было в периоды 2007-2009гг., 2015-2017гг. и в настоящее время.

И также русские заметно критичнее в отношении работы Парламента – их одобрение работы парламентариев в период с 2007 по 2020 г. были существенно ниже, чем оценки всего населения страны. 2020 и 2021гг. показали сходство восприятия работы Парламента всеми гражданами, включая катастрофическое падение показателей одобрения в 2021г. – до 19% у рус-

ских и 20% по стране. В последующем (до 2024г.) имели место рост показателей одобрения и определенная синхронизация оценок русских с общестрановыми. Однако в 2025г. наблюдается общее снижение количества одобрительных ответов, причем среди русских оно более заметное.

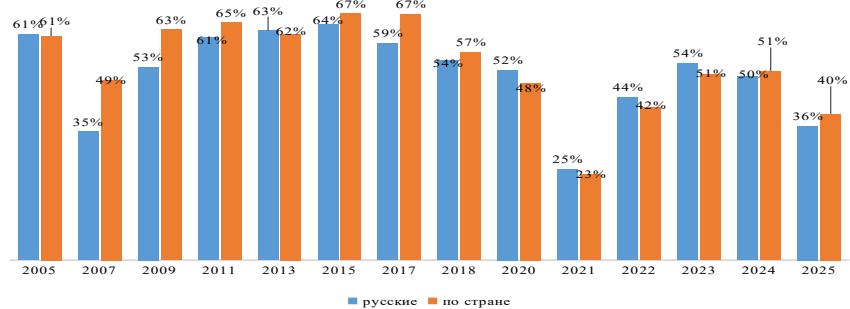

Рисунок 18 – Сравнительные данные по одобрению деятельности правительства по стране и среди русских, %.

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования Мониторинг социального самочувствия, проект Евразийского монитора, ОФ ЦСПИ «Стратегия».

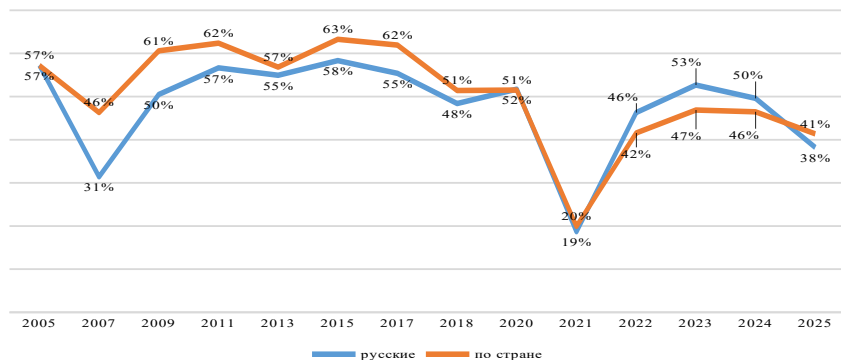

Рисунок 19 – Сравнительные данные по одобрению деятельности Парламента по стране и среди русских, %.

Примечание: составлено авторами на основе данных исследования Мониторинг социального самочувствия, проект Евразийского монитора, ОФ ЦСПИ «Стратегия».

Таким образом, если взять результаты опросов по трем центральным государственным органам, то заметно, что именно в отношении представительного и законодательного органа у русских сложилось наиболее критичное отношение.

На какой базе происходит изменение/снижение оценок одобрения работы правительства и Парламента? В 2022г. более половины опрошенных русских (54%) говорили о том, что они чувствуют заботу государства о таких людях, как они (по стране этот показатель составлял 54%), в 2025 г. доля подобных ответов сократилась до 40% (по стране – 47%), при том, что увеличилось число тех, кто не чувствует о себе заботу государства (52%; по стране 49%). Можно сказать, что в 2025г. изменения в социальной ситуации коснулись всего населения, но русские респонденты отреагировали более болезненно.

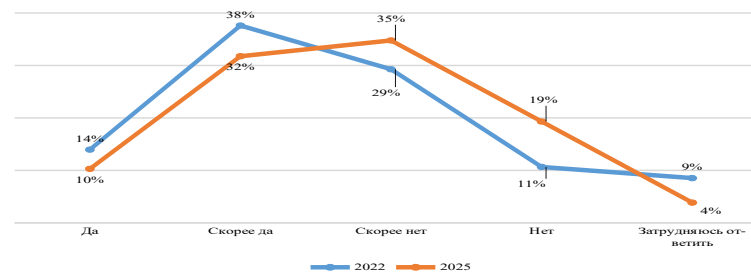

Рисунок 20 – Чувствуете ли заботу государства о таких людях, как Вы? среди русских, %.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана. ОФ ЦСПИ «Стратегия».

Вместе с тем ответы на следующий вопрос показали наличие непонимания во всех этнических группах направленности развития страны. Так, если в 2022г. 43% отмечали, что им понятна направленность развития государства (по стране этот показатель составил 46%), то в 2025г. доля таких ответов снизилась до 37% (по стране – 42%). В 2025г. более половины

русских респондентов (55%) и половина опрошенных по стране (51%) ответили, что им непонятно, в каком направлении развивается государство. Таким образом сформирован запрос на более точное определение курса развития страны среди значительной доли казахстанцев, вне зависимости от этнической принадлежности.

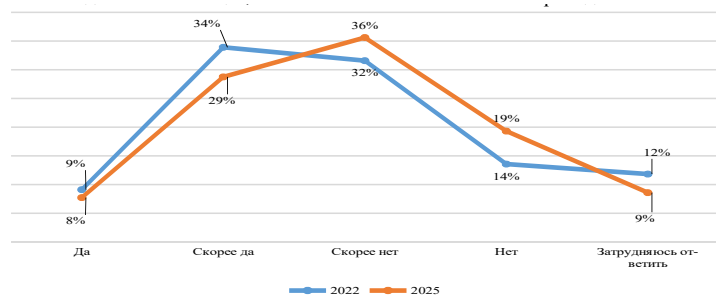

Рисунок 21 – Вам понятно, в каком направлении развивается государство? среди русских, %.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана. ОФ ЦСПИ «Стратегия».

Считаем возможным предположить, что снижение у русских понимания и одобрения направленности развития государства может быть связано с оценкой его внешнеполитического курса. Очевидно, что взаимоотношения Казахстана с Россией является важным фактором формирования настроений у значительной части населения, и прежде всего, русских казахстанцев. Мониторинг ответов на вопрос о том, на какие страны или группы стран должен ориентироваться Казахстан в своей внешней политике показал, что треть русских (с провалом до 25% в 2018г.) полагала и полагает, что Казахстан должен в качестве ориентира выбирать РФ и страны СНГ. В то же время, начиная с 2016г., русские стали все меньше (с 41% до 16% в 2025г.) поддерживать политику многовекторности, при

том, что на уровне пятой части они поддерживают курс на сохранение приверженности Казахстана собственным государственным интересам.

Рисунок 22 – На какие страны или группы стран должен ориентироваться Казахстан в своей внешней политике? среди русских, %.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана. ОФ ЦСПИ «Стратегия».

Примечательно, что европейский и американский внешнеполитические векторы, впрочем, как и центральноазиатский, китайский, тюркский и, тем более, исламский, векторы, поддерживаются самым малым числом русских (1–7%). Если же проанализировать результаты ответов русских на вопрос об их отношении к отдельным странам, то можем увидеть, что в 2024г. отношение к России и Китаю было значительно лучше (77% и 63% положительных ответов соответственно), чем к США, к которым 14% опрошенных русских относятся отрицательно, половина – нейтрально и только 32% выразили по-

ложительное отношение, т.е. видим сохранение «антиамериканизма» среди части русских.

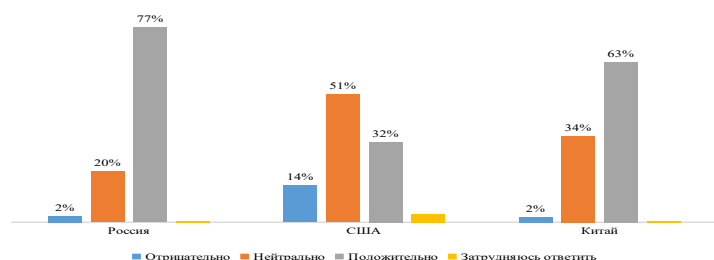

Рисунок 23 – Как Вы в целом относитесь к следующим странам – положительно, отрицательно или нейтрально (безразлично)? среди русских, %.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2024.

Возвращаясь к теме гражданского участия, обратим внимание, что среди русских, как и среди всего населения страны, в одинаковой мере наиболее эффективными методами влияния на власть признаются голосование на выборах, обращения в СМИ и в суды. На уровне пятой части опрошенных во всех группах имеющими результат считаются обращения в вышестоящие инстанции, также есть совпадение взглядов русских и других граждан страны на эффективность таких инструментов влияния, как участие в общественных организациях, самостоятельные действия через свои личные связи и акты гражданского неповиновения. В то же время у русских несколько завышено представление об эффективности влияния таких инструментов влияния на власть, как политические партии, профсоюзы, а также участие в различных протестных акциях. Но, в целом, надо сказать, что русские рассматривают для себя использование всего набора конвенциональных и не всегда конвенциональных способов оказания давления на власть, что не отличает их от всех других граждан страны.

Рисунок 24 – Какие инструменты влияния на власть вы считаете наиболее эффективными? Сравнительные данные

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2024.

Что касается такой конвенциональной формы, как участие в голосовании на парламентских выборах, то сравнительные данные показывают, что доля русских, которые планируют участие в выборах, никогда не была ниже 50%, что в целом соответствовало показателям по стране. Интересно и совпадение долей тех, кто не планировал идти на выборы и тех, кто затруднялся с ответом как среди русских, так и по стране, т.е. можно видеть формирование однородности в электоральном поведении граждан страны.

Результаты исследований и наблюдения указывают на то, что политическое поведение русские остается в фарватере сложившихся моделей общественно-политической активности казахстанцев, даже несмотря на то, что они обладают более критичным взглядом на ситуацию в стране и чаще других высказывают недовольство работой центральной власти. Рус-

ские хорошо представлены в общественном и гражданском секторах общества, состоят в профессиональных организациях и демонстрируют умеренную электорально-политическую активность. В то же время заметно, при сохраняющемся определенной устойчивостью мнение среди русских, что Казахстан должен исходить из собственных интересов (21%), во внешней политике они все-таки тяготеют к российскому и европейскому вектору.

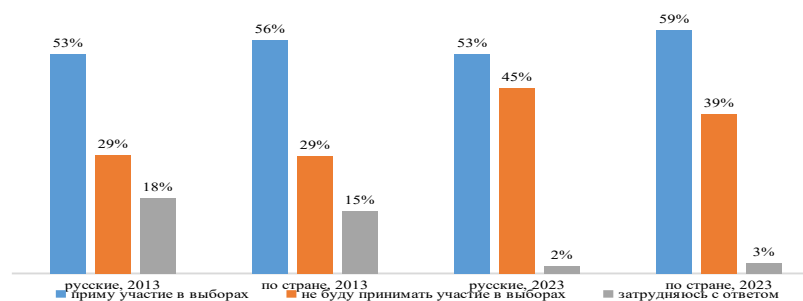

Рисунок 25 – Потенциальное участие в голосовании на парламентских выборах.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана. ОФ ЦСПИ «Стратегия».

Идентификация, самобытность, интеграция. Гражданственность

В советской национальной политике проповедовался принцип «одна этнонация – одно государство», согласно этому принципу, «национальные» республики были соотнесены с определенной титульной¹ нацией, понимаемой как этнос. Это же представление распространялось и на русских как самой большей части советского народа. Л.М. Дробижева отмечала в своей статье 2010г., что термин «государственно-гражданская» 1. По определению С.С. Савоскула, титульный народ (этнос) – т.е. народ, чей этноним входит в титул (название) соответствующего государственного или автономного образования.

или «национально-гражданская» идентичность, как отождествление себя «с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим чувства (гордость, обиды, разочарование или энтузиазм и готовность к рефлексии)» было достаточно новым для публичной сферы и научной литературы постсоветской России, где «исторически сложилось понимание нации в этнокультурном значении» [32, с.49]. По этой же причине, по мнению С.С. Савоскула, «ситуация вокруг русского (как и другого нетитульного) населения бывших союзных республик за пределами России» стала одной из наиболее актуальных этнических проблем, имеющих всеобъемлющий для постсоветского пространства характер. Он связывал эту проблему «с объективным радикальным противоречием между недавним статусом этой части русских, ясно осознающих свою принадлежность к народу, доминировавшему в бывшем СССР и по преимуществу отождествлявшему себя (в отличие от других народов страны) с единой союзной державой, и их нынешним положением этнического, зачастую дискриминируемого меньшинства в новых независимых государствах», поскольку «главной составляющей идеологии радикальной суверенизации и реальной политики по ее осуществлению практически во всех бывших союзных республиках, за исключением, пожалуй, России и Белоруссии, стал этнический национализм. Его суть состоит в идее создания «своей» этнической государственности, призванной защищать прежде всего интересы развития «своего» титульного этноса, его языка и культуры» [33]. Именно это обстоятельство предопределяло этнические различия в становлении новой гражданской идентичности на постсоветском пространстве вне России: у большинства титульного населения этот процесс проходит относительно благоприятно, для большинства же русского (и другого нетитульного) населения новых независимых стран был характерен идентификационный кризис. В то же время содержание и глубина идентифи-

кационного кризиса различались в каждом из постсоветских государств, поскольку определялись их этнонациональной и языковой политиками.

Как уже отмечалось ранее, в Казахстане потеря русскими доминирования во всех сферах жизни общества, требование владения казахским языком, расширение сфер его применения вызывало сложности адаптации русских к новым условиям. В то же время надо отметить и тот факт, что в республике за все постсоветские годы не было зафиксировано ни одного открытого противостояния между казахами и русскими, хотя нельзя отрицать, что в определенные моменты истории уровень межэтнической конфликтности возрастал (из наиболее известных – выступления уральских казаков в 1991г.) [34]. Вместе с тем результаты опросов показывают, что среди большинства русских до сих пор сохраняется существенный уровень тревожности, связанный с возможностью межэтнических конфликтов, причем с 2010г. показатель опасений сохраняется примерно на одном уровне и никогда не был ниже 50%.

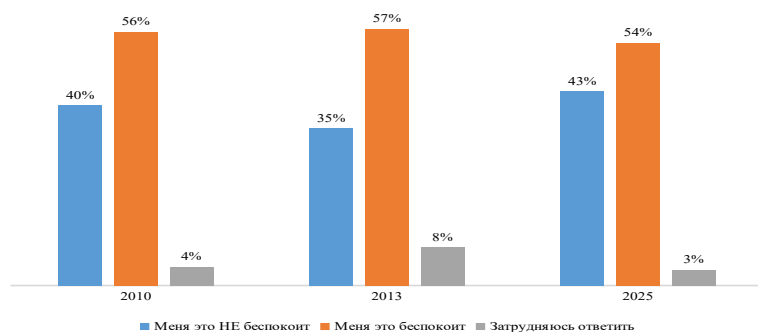

Рисунок 26 – Обеспокоенность конфликтами на межэтнической почве, среди русских.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана. ОФ ЦСПИ «Стратегия».

Обращает внимание и то, что в 2024г. почти 60% русских

чувствовали себя как полноценные граждане страны, но в то же время 40% опрошенных русских отмечали проблемы, включая наличие притеснений и ущемления их прав как граждан (6%), еще 2,3% указывали на оскорбление и унижение национального (этнического) достоинства.

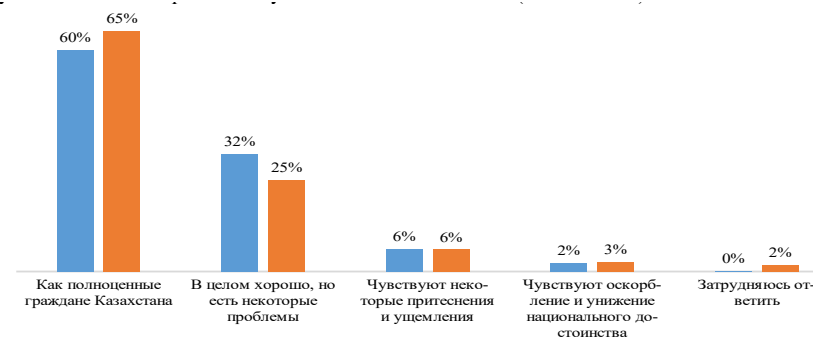

Рисунок 27 – Как чувствуют себя сегодня люди вашей национальности в Казахстане? сравнительные данные.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2023.

Мониторинговый вопрос «Чаще всего к какой группе вы себя относите?» показывает, что с годами в среде русских снижалась важность практически всех идентификационных маркеров, включая гражданский (гражданин Казахстана), региональный (житель своей области), национальный (этнический). Вместе с тем имело место последовательное увеличение доли тех, кто соотносит себя со своим поколением, с людьми одного возраста. Таким образом, в 2022г. в идентификационной матрице русских базовыми маркерами являлись поколение/возраст (55%), локальность (житель своего города/села) (54%) и гражданственность (51%). К второстепенным можно отнести такие маркеры, как этнос (39%), вера (38%), род занятий (37%), род (34%), достаток (33%), региональный признак (32%).

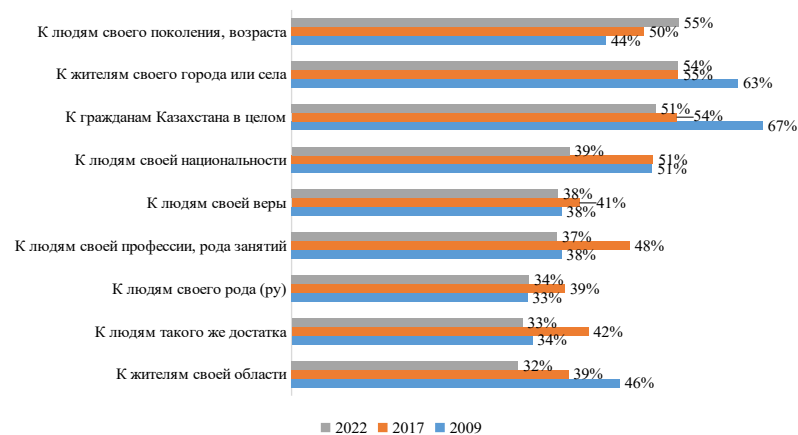

Рисунок 28 – Чаще всего к какой группе вы себя относите? среди русских.

Примечание: составлено авторами на основе собственных данных Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана. ОФ ЦСПИ «Стратегия».

В опросе 2025 г. (вопрос был задан в другой форме), 54% русских сказали, что в первую очередь считают себя гражданами Казахстана, 20% определили себя представителем своей национальности (этноса), еще 16% сказали, что считают себя в первую очередь жителем определенной территории (места жительства). Т.е. каким бы образом ни задавался вопрос, результат чаще всего сообщал о том, что не менее половины русских в Казахстане считают себя в первую очередь гражданами страны.

Согласно определению, гражданство является устойчивой правовой связью между индивидом и государством, которая выражается в наличии взаимных прав и обязанностей, определенным статусом, закрепляющимся за всеми индивидами, в такой связи находящимися. Закон РК о гражданстве полагает ответственность государства в лице своих государственных органов и должностных лиц перед гражданами республики,

но и граждане ответственны перед республикой. Гражданин «обязан соблюдать Конституцию и законы Республики Казахстан, защищать интересы Республики Казахстан, ее территориальную целостность, уважительно относиться к обычаям, традициям, государственному языку и языкам всех национальностей, проживающих на ее территории, способствовать укреплению могущества, суверенитета и независимости Республики Казахстан» [35]. В свою очередь гражданственность можно определить, как осознание себя гражданином своей страны и соответствующее этому поведение, готовность человека активно содействовать процветанию общества. Гражданственность также включает в себя патриотизм, любовь и преданность родине.

Очевидно, что выбор в анкете варианта ответа «считаю себя гражданином Казахстана» не обязательно может соответствовать внутреннему убеждению отвечающего. Вполне вероятно причиной выбора такого ответа является прагматизм, согласно которому «большинство русских в Казахстане не строят иллюзий по поводу своей возможной интеграции в России и предпочитают разыгрывать казахстанскую карту» [12, с.320]. Но каким бы ни было основание, почему люди идентифицируют себя в первую очередь как граждане страны, то, как измерить реальный уровень гражданственности и патриотизма, как измерить любовь к родине, к Казахстану?

Все приводимые нами данные показывают, что в среде русских казахстанцев идут сложные нелинейные процессы адаптации и интеграции в единое общество. Можно привести мнение участника одной из фокус-групповых дискуссий (еще 2014г.) в поддержку идеи формирования единой нации «казахстанцы», что должно позволить избежать этнической дискриминации и сделать аксиомой, что Казахстан – это одна родина для всех: «Может, не разделять нас на русских и казахов, а как Америка прошла все в 18 веке, как они стали все – и черные, и белые – американцами. Я не против стать – если убрать гра-

фу «русский» – я не против стать казахстанцем» (село, Алматинская обл.) [36]. В каких-то случаях уже можно говорить о значительном продвижении в сторону гомогенизации/повышения однородности казахстанского общества, понимаемой как унификация политических, правовых и организационных принципов, что способствует консолидации общества и здесь видим схожесть оценок вопросов социального развития, работы органов власти, особенности электорального поведения и гражданского участия. С другой стороны, у русских все еще остаются опасения в связи с дискриминацией по причине незнания казахского языка, а также страхи перед возможностью конфликтов на межэтнической почве – все это оказывает влияние на уровень доверия, а также скорость и содержание интеграционных процессов в обществе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бюро национальной статистики опубликовало тематический сборник по Национальному составу населения по итогам переписи 2021 года. 02.11.2023. – [Электронный ресурс] URL: <https://stat.gov.kz/ru/news/byuro-natsionalnoy-statistiki-opublikovalo-tematicheskiiy-sbornik-po-natsionalnomu-sostavu-naseleniya/> (Дата обращения: 14.09.2025)
2. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам и возрастным группам (на начало 2025г.). 27.03.2025. – [Электронный ресурс] URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281562/> (Дата обращения: 14.10.2025)
3. Морозова Е.Р. Историко-географические условия формирования российской диаспоры в Республике Казахстан. Постсоветские исследования. Т.2. № 3 (2019) – с. 1095 – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-geograficheskie-usloviya-formirovaniya-rossiyskoy-diaspory-v-respublike-kazahstan> (Дата обращения: 14.09.2025)
4. Лобанов А. Русская диаспора в Казахстане, 2005. – [Электронный ресурс] URL: <https://russkie.org/articles/russkaya-diaspora-v-kazakhstan/> (Дата обращения: 14.09.2025)
5. Диаспоры Казахстана: единство в многообразии. Сборник статей под ред., доктора исторических наук, профессора Г.Н. Ким. – Алматы «Казах университеті», 2017. – с.16 – [Электронный ресурс] URL: https://library-koresaram.com/f/kim_gn_red_diaspory_kazahstana_edinstvo_v_mногоobrazii_almaty_2018.pdf (Дата обращения: 14.09.2025)
6. Конституция Республики Казахстан. 30.08.1995г. – [Электронный ресурс] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_#z0 (Дата обращения: 14.09.2025)
7. Доктрина Национального единства Казахстана. 29.04.2010. – [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30501158 (Дата обращения: 14.09.2025)
8. Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022–2026 годы. Указ Президента РК от 15.09.2022. – [Электронный ресурс] URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014> (Дата обращения: 14.09.2025)
9. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев: В Казахстане нет понятия «национальное меньшинство». Интервью газете «Комсомольская правда». 03.06.2020. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.kp.ru/daily/27137/4228949/><https://www.kp.ru/daily/27137/4228949/> (Дата обращения: 14.09.2025)
10. Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года N 151, ст.4 – [Электронный ресурс] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151_ (Дата обращения: 14.09.2025)
11. Указ Президента Республики Казахстан «О Государственной программе функционирования и развития языков на 2001–2010 годы». Утратил силу 18.04.11г. – [Электронный ресурс] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U010000550_ (Дата обращения: 14.09.2025)
12. Ларьюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом

Казахстане: история политика, идентичность. – М.: Наталис, 2007. – с.118-119

13. Русские в Казахстане – диаспора или единый казахстанский народ? – [Электронный ресурс] URL: <https://old.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/20070302/russkie-v-kazakhstane-diaspora-ili-edinyi-kazakhstanskii-narod> (Дата обращения: 14.09.2025)

14. Тайжан М. Почему защита русского языка – патриотизм, а казахского – национализм? – 07.11.2011. – [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31077833&pos=4;-98#pos=4;-98 (Дата обращения: 14.09.2025)

15. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 N 99-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (Дата обращения: 14.09.2025)

16. Официальный сайт Института стран СНГ. – [Электронный ресурс] URL: <https://i-sng.ru/institut-stran-sng/> (Дата обращения: 14.09.2025)

17. Этнографическая экспедиция в Казахстан и Киргизию. 2019. – [Электронный ресурс] URL: <https://rgo-etnomir.ru/analytics/875-obshchie-vyvody-predvaritelnogo-analiticheskogo-otchjota-o-realizatsii-2-go-polevogo-etapa-ekspeditsii-sovremennuj-etnomir-po-kazakhstanu-i-kirgizii> (Дата обращения: 14.09.2025)

18. Тишков В.А. Русский мир: смыслы и стратегии. – [Электронный ресурс] URL: <https://mdn.ru/articles/v-a-tishkov-russkij-mir-smysly-i-strategii> (Дата обращения: 14.09.2025)

19. Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан. 18 серия. Демографическая статистика. – [Электронный ресурс] URL: <https://stat.gov.kz/ru/publication/spreadsheets/?year=&name=18633&period=&industry=&type=> 27.03.2025. (Дата обращения: 11.09.2025).

20. Перепись-2021. Национальный состав, вероисповедание

и владение языками в Республике Казахстан. Астана, 2023г. (Дата обращения: 11.09.2025)

21. Суций С.Я. Русские в Казахстане. – [Электронный ресурс] URL: https://www.ssc-ras.ru/ckfinder/userfiles/files/227_263_Suschij-6.pdf (Дата обращения: 14.09.2025)

22. Вандескрик К. Демографический анализ// Москва, «Гаудеамус», 2005. – с.13

23. Краснобаева Н. Демографическое развитие русских Казахстана в начале XXI века.// Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции «Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур», - Барнаул, ФГБОУ ВО «АлтПТУ», 2024. - С. 197-201.

24. Фертильность русских в Казахстане. 14.02.2024. – [Электронный ресурс] URL: <https://denalt.livejournal.com/84302.html> (Дата обращения: 25.09.2025)

25. Сагынбаева А. О возрастном и брачном состоянии этнических групп в Казахстане по итогам Национальной переписи населения 2021 года. – [Электронный ресурс] URL: <https://iaer.kz/ru/item/264-o-voznastnom-i-bracnom-sostoanii-etniceskih-grupp-v-kazakhstane-po-itogam-nacional-noj-perepisi-naselenia-2021-goda> (Дата обращения: 25.09.2025)

26. Средний возраст казахстанцев – 32,3 года. Официальный Телеграм-канал БНС Qazstat, июль, 2024г.– https://t.me/stat_gov_kz_official/2697 (Дата обращения 25.09.2025)

27. Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. – М.: Наука, 2003. – с.91

28. Уалиева С.К. Новые особенности в формировании этнической идентичности детей из межэтнических браков в Восточном Казахстане. / Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. Том 3 № 66 (2020). – [Электронный ресурс] URL: <https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/282> (Дата обращения: 20.09.2025)

29. Русские: этносоциологические исследования / Ю.В. Ару-

тюнян, Л.М. Дробижева, Л.В. Остапенко и др.; Ин-т социологии РАН. – М.: Наука, 2011. – с.181-182

30. Омарова А. Есть ли русское движение в Казахстане? – 20.02.2001. – [Электронный ресурс] URL: <https://zonakz.net/2001/02/20/est-li-russkoe-dvizhenie-v-kazakhstan/> (Дата обращения: 14.09.2025)

31. Официальный сайт Ассамблеи народа Казахстана. – [Электронный ресурс] URL: <https://assembly.kz/ru/struktury-ank/etnokulturnye-obedineniya/respublikanskije-eko/assotsiatsiya-russkikh-slavyanskikh-i-kazachikh-organizatsiy-kazakhstan/> (Дата обращения: 20.09.2025)

32. Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. // Социологические исследования, 2010, №12 – с. 49

33. Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. – Автореферат докторской диссертации. – М., 2001. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/russkie-novogo-zarubezhya-vybor-sudby> (Дата обращения: 14.10.2025)

34. Уральские события 1991 года. В 3-х частях. – 07-09.09.2011. – [Электронный ресурс] URL: https://rus.azattyq.org/a/uralskie_sobytia_1991_oral_okigasy_uralsk_events_kazakhstan_kazak_escaliev_makashov/24322127.html (Дата обращения: 14.10.2025)

35. О гражданстве Республики Казахстан. Закон Республики Казахстан от 20.12.1991 года. – [Электронный ресурс] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004800_ (Дата обращения: 14.10.2025)

36. Результаты исследования РГКП «Институт философии, политологии и религиоведения» КН МОН РК в рамках Договора №68 о государственных закупках услуг по проведению социологических исследований от 28 февраля 2014 года.

Коспанов Р.А.

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНСКИХ ГОРОДОВ

Аннотация

Религиозная идентичность выступает важным элементом социальной структуры города. Если в советский период ее проявления были ограничены, то после обретения независимости религия стала играть все более заметную роль в общественной жизни Казахстана. В статье рассматриваются поколенческие различия в религиозной идентичности жителей казахстанских городов. Основой анализа стали данные опроса, проведенного Центром социальных и политических исследований «Стратегия» в 2023 году в шести городах страны. Выборка (1604 респондента) охватила три типа городов – города республиканского значения, областные центры и моногорода.

В работе используется поколенческий подход: молодежь до 30 лет, переходное поколение 31–49 лет и старшее поколение 50+. Такой разрез демонстрирует, как разные исторические условия социализации – от советского атеизма до «религиозного ренессанса» независимого Казахстана влияют на религиозную идентичность жителей казахстанского города. Во всех группах ключевым мотивом принадлежности остается семейная традиция.

В заключении делается вывод о том, что религиозная идентичность в казахстанских городах сохраняет преемственность, но постепенно становится более индивидуализированной. Урбанизация и цифровизация усиливают религиозное разнообразие, одновременно формируя запрос на светский публичный простор, толерантный к различным вероисповеданиям.

Ключевые слова: религиозная идентичность, казахстанский город, поколенческие различия, урбанизация.

Abstract

Religious identity is an important element of the social structure of urban life. While its manifestations were limited during the Soviet period, after independence religion began to play an increasingly visible role in Kazakhstan's public sphere. This article examines generational differences in the religious identity of urban residents in Kazakhstan. The analysis is based on survey data conducted by the Center for Social and Political Studies Strategiya in 2023 across six cities of the country. The sample (1,604 respondents) covered three types of cities – cities of republican significance, regional centers, and single-industry towns.

The study applies a generational approach, distinguishing three cohorts: youth under 30, the “transitional” generation aged 31–49, and the older generation aged 50+. This framework highlights how different historical conditions of socialization – from Soviet atheism to the “religious renaissance” of independent Kazakhstan – have influenced the religious identity of urban residents. Across all cohorts, family tradition remains the key motive of religious affiliation.

The article concludes that religious identity in Kazakhstan's urban environment retains continuity with tradition, yet is gradually becoming more individualized. Urbanization and digitalization contribute to the diversification of religious practices while simultaneously generating demand for a secular public space tolerant of diverse faiths.

Keywords: religious identity, Kazakhstani city, generational differences, urbanization.

Современные казахстанские города представляют собой динамичное пространство трансформации идентичности, в том числе религиозной. Урбанизация сопровождается изменением образа жизни и ценностей горожан, что особенно заметно в различиях между поколениями. Старшее поколение, социализированное в советский атеистический период, и молодежь,

выросшая в годы «религиозного ренессанса» после обретения независимости, демонстрируют отличающиеся подходы к религии. Настоящая статья посвящена анализу поколенческих различий в религиозной идентичности жителей городов Казахстана на основе данных социологического исследования 2023 г. «Светскость и атеизм в современном Казахстане», проведенного *Центром социальных и политических исследований «Стратегия» совместно с представительством Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии* [1].

Теоретико-методологические основы

Религиозная идентичность понимается как элемент социальной идентификации личности, выражающий ее принадлежность к определенной вере, конфессии или мировоззренческой позиции. В многонациональном Казахстане религиозная идентичность тесно переплетается с этнической. Традиционно большинство идентифицирует себя с исламом суннитского толка. В то же время значительная часть населения причисляет себя к православному христианству. Однако степень приверженности религии и характер религиозности могут существенно различаться между людьми одного вероисповедания, особенно между представителями разных поколений. Теория секуляризации предполагает, что с модернизацией и урбанизацией влияние религии на общество ослабевает, однако постсоветский опыт Казахстана показал скорее *десекуляризацию*. В первые десятилетия независимости наблюдалось возрастание интереса к религии и рост числа верующих. Это во многом согласуется с теорией модернизации Р. Инглхарта, по мере роста благосостояния и обеспечения базовой безопасности общество постепенно смещается от материалистических ценностей к постматериалистическим — самореализации, свободе выбора и духовному поиску. Такой переход влияет и на восприятие религии. В новых поколениях религиозность приобретает менее нормативный и более индивидуализированный характер. Религия осмысливается как часть культурного капитала, но не

всегда сопровождается соблюдением ритуалов или вовлеченностью в религиозную практику [2] [3].

В исследовании религиозной идентичности горожан принципиально важно учитывать поколенческий фактор. Речь идет не просто о биологическом возрасте, а о том, в каких исторических условиях происходила социализация разных когорт, что напрямую влияет на их отношение к религии и степень вовлеченности в практики. Мы выделяем три возрастные группы:

Молодежь до 30 лет – поколение, выросшее в независимом Казахстане, в условиях «религиозного ренессанса» и относительной свободы совести. Их взросление пришлось на период активной цифровизации, открытого доступа к информации.

Средняя группа 31–49 лет – «переходное» поколение, чье детство/юность совпали с распадом СССР и становлением независимого Казахстана. Эти люди застали как позднесоветскую среду, так и всплеск интереса к религии в 90-е годы. Их религиозная идентичность могла формироваться под влиянием семейных традиций, но уже во взрослом возрасте многие из них делали самостоятельный выбор.

Старшая группа 50+ – поколение, чья первичная социализация происходила в советский период, когда государственная идеология провозглашала атеизм, а религия вытеснялась. Представители поколения успели получить научно-атеистическое воспитание. После 1991 года большинство представителей этого поколения вернулось к религии уже в зрелом возрасте.

Городская среда оказывает существенное влияние на формирование и выражение религиозной идентичности. С другой стороны, город предоставляет благодатную почву для «возрождения» религиозности: здесь активнее действуют различные миссионеры и проповедники, возникают новые религиозные движения, а мигранты из сельских регионов привносят в город традиционные верования. Как отмечает социолог Г. Илеова, на рост популярности ислама в постсоветском Казахста-

не влияли три ключевых фактора: *рост национального самосознания, приход иностранных миссионеров различных конфессий и поиски новой идеологии в условиях ценностного вакуума 90-х годов* [4].

Базой работы стали данные социологического опроса, проведенного общественным фондом «Стратегия» в 2023 году в шести городах Казахстана. Общий объем выборки составил 1604 респондента, репрезентативных по полу и возрасту для взрослого городского населения. В выборку вошли города трех типов: города республиканского значения (Алматы и Шымкент), областные центры (Актау и Костанай) и моногорода (Жанаозен и Рудный). Такой подбор городов позволил охватить разные региональные и социокультурные контексты: от космополитичной и либеральной атмосферы Алматы до консервативного западного Жанаозена.

Таблица 1 – Распределение выборки по городам

№	Город	Количество респондентов	%
1	Актау	301	18,8
2	Алматы	300	18,7
3	Жанаозен	202	12,6
4	Костанай	303	18,9
5	Рудный	198	12,3
6	Шымкент	300	18,7
Итого		1604	100

Религиозная идентификация разных поколений

Как, по наблюдениям респондентов, выглядит религиозная ситуация в их городах? Видят ли горожане увеличение числа религиозных людей в их месте жительства? Более половины (57,6%) считают, что религиозных людей в их городе стало больше. Каждый четвертый (27,9%) не видит таких измене-

ний. 11,3% полагают, что религиозных людей в их городе стало меньше.

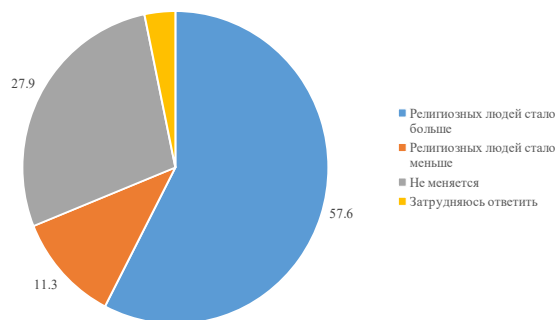

Рисунок 1 – «За последние несколько лет в вашем городе количество религиозных людей стало большим, меньшим или не меняется?» (%).

Во всех возрастных группах преобладает мнение, что религиозных людей в их городе стало больше, от 53,7% у молодежи до 60,1% у старших. Интересно, что респонденты 50+ чаще замечают, как рост, так и уменьшение числа религиозных людей. Интересно, что более молодые возраста чаще считают, что ситуация с уровнем религиозности остается неизменной. В целом можно сказать, что религия воспринимается как заметный социальный фактор.

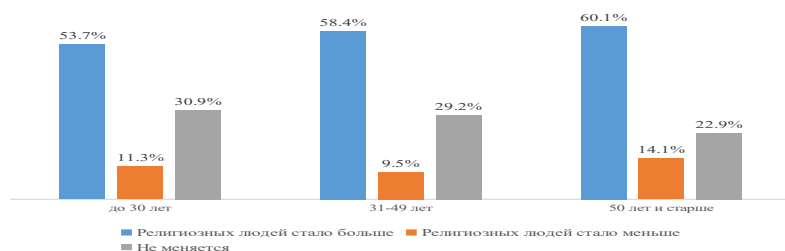

Рисунок 2 – «За последние несколько лет в вашем городе количество религиозных людей стало большим, меньшим или не меняется?» (%), в возрастном разрезе).

Результаты опроса показывают, что подавляющее большинство (87%) горожан причисляют себя к той или иной религии, тогда как около 4% назвали себя атеистами. Наиболее распространенной религией ожидаемо является ислам (73,6%). Православными себя идентифицируют 10%, атеистами – 2,8%, представителями других конфессий (протестанты, католики) – 1,1%. Примерно 12% ответили, что они верующие, но ни к какой религии себя не относят (деисты).

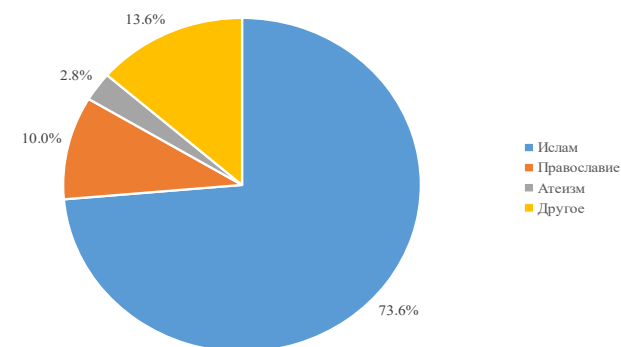

Рисунок 3 – «К какой из религий вы себя относите?» (%).

Рассматривая религиозную принадлежность в возрастном разрезе, мы видим интересные нюансы. Молодежь демонстрирует в своей среде наибольшую долю как мусульман (77,4%), так и атеистов (4,6%). Для сравнения, в группе 31–49 лет доля атеистов составляет 2,5%, а среди респондентов старше 50 лет показатель еще меньше (1,5%). Старшее поколение либо ассоциирует себя с какой-то традиционной религией, либо предпочитает не отвечать на этот вопрос. Характерно, что именно в группе 50+ зафиксирован самый высокий процент отказов от ответа о вероисповедании – около 17% не захотели обозначить свою религию. Возможно, это связано с укоренившейся установкой не разглашать личные убеждения или с неопределенностью в вопросах веры.

Важно отметить и конфессиональные различия поколений, которые во многом отражают демографические сдвиги. В старшей возрастной категории выше доля православных христиан (13,9%), чем среди молодежи (8,7%). Это объяснимо, поскольку значительная часть православных – этнические русские и украинцы, которые по статистике в среднем старше казахов. Таким образом, молодое поколение городских жителей Казахстана близко к моноконфессиональности в рамках ислама. У старших же прослеживается большее конфессиональное многообразие.

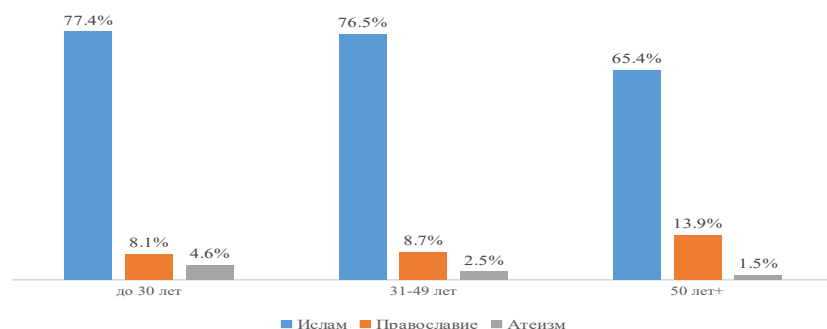

Рисунок 4 – «К какой из религий вы себя относите?» (%) (в возрастном разрезе)

Чтобы понять, каким образом религиозность проявляется в городской среде Казахстана, важно не только учитывать конфессиональную принадлежность, но и степень вовлеченности в религиозные практики. Простая самоидентификация («я мусульманин» или «я православный») мало что говорит о том, насколько религия влияет на повседневную жизнь горожанина. Поэтому в исследовании был использован подход типологизации, позволяющий выделить несколько моделей отношения к религии (см. таблица 2).

Таблица 2 – Классификация типов верующих

Категория	Определение	Особенности религиозности
Практикующие верующие	Идентифицируют себя с религией и регулярно выполняют обряды, участвуют в службах, соблюдают религиозные нормы	Высокая степень вовлеченности, систематическая практика
Лояльные верующие	Признают себя частью религиозной общины, но практикуют обряды избирательно (отдельные ритуалы или праздники)	Средняя вовлеченность, избирательное участие в обрядах
Символические верующие	Считают религию частью культурной традиции, без регулярной практики	Низкая вовлеченность, вера как элемент культурного кода

Для более глубокого анализа эти три подгруппы были выделены среди представителей каждой конфессии – в исламе и православии. Такая классификация позволяет увидеть поколенческие различия не только на уровне вероисповедания, но и по степени религиозной активности: от активных практикующих до тех, для кого вера является скорее культурным кодом или наследием семьи.

Самая крупная группа во всех возрастах — это практикующие мусульмане. Наибольшая доля практикующих мусульман приходится на среднее поколение (40,7%), у старших 38,9%, тогда как среди молодежи она ниже (31,8%). Молодые чаще оказываются «символическими мусульманами» (28,4%), что свидетельствует о восприятии религии как культурной принадлежности. Лояльные мусульмане составляют около 27–30% во всех возрастах. Православные группы представлены скромнее, но среди старших возрастов их роль заметнее: практикующих

православных 5,8%, а лояльных почти 9%. Атеизм наиболее выражен среди молодежи (4%). Таким образом, среднее поколение оказалось наиболее вовлечено в религиозные практики, молодежь склонна к символической идентичности, а старшие чаще опираются на традицию и ритуалы.

Таблица 3 – Группировка по отношению к религии (%).

Отношение к религии	до 30	31-49	50+
Практикующие мусульмане	31,8%	40,7%	38,9%
Символические мусульмане	28,4%	16,0%	11,9%
Лояльные мусульмане	27,1%	30,1%	30,3%
Символические православные	4,5%	3,9%	2,5%
Атеисты	4,0%	3,2%	1,7%
Практикующие православные	2,4%	2,6%	5,8%
Лояльные православные	1,9%	3,4%	8,9%

Основной задачей исследования было выявление восприятия обществом тех, кто не относит себя ни к одной религии и открыто называет себя атеистом. Анализ показывает, что отношение к атеистам в городах Казахстана в целом характеризуется как скорее толерантное, хотя отдельные предубеждения присутствуют. Во всех возрастных группах большинство респондентов считает, что сегодня в их городе к атеистам относятся толерантно/спокойно. Особенно толерантны представители молодежи (68,2%) и старшего (67,4%) поколения. О неприязненном отношении к атеистам во всех возрастных группах заявили не более 1,5%, что свидетельствует о высоком уровне религиозной терпимости. Интересно, что сравнительно высокая доля затруднившихся с ответом (8,7%) среди респондентов возрастной группы 31-49 лет.

Рисунок 5 – «Как вы считаете, на сегодняшний день какое отношение преобладает в обществе к людям, которые не верят в бога, т. е. к атеистам, в вашем городе? (%) (в возрастном разрезе).

Мотивация религиозной принадлежности

Для подавляющего большинства верующих горожан основным мотивом выбора, определения своей принадлежности к религии является семейно-традиционный фактор. Около 60% опрошенных указали, что исповедуют религию, «потому что это религия моих предков, моей семьи». На втором месте – но с большим отрывом – находится личностный мотив, примерно 19% респондентов считают свою веру результатом собственного выбора, поясняя, что идеи данной религии им близки и понятны. 7,7% заявили, что на них повлияло окружение (друзья, знакомые). Считают свою религию единственным путем истины 7,3%. Чуть меньше 5% признались, что ничего не знают о других религиях.

Т.е., можно утверждать, что для большинства горожан идентификация с определенной религией чаще происходит не как результат самостоятельного духовного поиска, а под влиянием внешних факторов – семьи, среды, традиции. Иначе говоря, наследование веры играет гораздо большую роль, чем индивидуальное обращение.

Рисунок 6 – «Вы являетесь последователем этой религии, потому что...» (%).

И во всех возрастных когортах основным мотивом является объяснение «это религия предков» – около 60% респондентов называют ее главной причиной своей принадлежности к вере. Религия воспринимается прежде всего, как элемент культурного наследия.

Зафиксировано, что чем старше респонденты, тем чаще они упоминают личный выбор как мотив веры. Старшее поколение нередко (21,5%) пришло к религии осмысленно в зрелом возрасте, поскольку в их молодости религиозная практика не поощрялась. Молодежь, напротив, сравнительно часто наследует веру как данность, не ставя ее под сомнение, что отражает инерционный характер религиозной идентичности.

Около 7–8% во всех поколениях разделяют установку «моя религия – путь истины, остальные – заблуждение», что демонстрирует распространенность этого довольно-таки ортодоксального и конфронтационного понимания вне зависимости от возраста. Незнание о других религиях отмечает сравнительно небольшая часть респондентов (3–5%), при этом чаще всего – молодежь и представители группы среднего возраста.

Таким образом, большинство горожан продолжает испове-

довать ту религию, в которой они были воспитаны, либо остаются неверующими, если не имели религиозного опыта в семье.

Таблица 4 – «Вы являетесь последователем этой религии, потому что...» (%) (в возрастном разрезе).

Мотив	до 30	31-49	50+
Это религия моих предков, семьи	61,0%	58,6%	61,3%
Это мой личный выбор, мне понятны и близки идеи этой религии	15,5%	19,9%	21,5%
Мое окружение – друзья и знакомые – придерживаются этой религии	8,7%	8,2%	6,0%
Это путь истины, другие религии – заблуждение	8,2%	7,2%	6,5%
Ничего не знаю о других религиях	5,2%	5,6%	3,3%
Затрудняюсь ответить	1,4%	,5%	1,4%

Основным источником религиозных знаний во всех группах остаются семья и друзья. Около 45% респондентов получают религиозную информацию от друзей и знакомых. Доля тех, кто опирается на мнения родителей/близких родственников, варьирует от 32% в старшей группе до 38,7% среди молодежи. Это подчеркивает доминирование неформальной передачи традиции над официальными институтами. Интернет, как источник информации, занимает третье место, но его пик наблюдается не у молодежи, а у группы 31–49 лет (24,7%). Молодежь же чаще демонстрирует индифферентность: 7,8% признались, что вовсе не интересуются религиозным контентом. Старшее поколение заметно чаще обращается к имамам/священникам и религиозной литературе. Таким образом, молодые чаще тяготеют к влиянию окружения, среднее поколение комбини-

рует традиционные и цифровые каналы, а старшие доверяют религиозным авторитетам и непосредственным религиозным источникам.

Таблица 5 – «Из каких источников вы, главным образом, получаете знания (информацию) о религии? (%) (в возрастном разрезе).

Источники	до 30	31-49	50+
Друзья, знакомые	45,4%	46,9%	45,4%
Родители, близкие родственники	38,7%	34,4%	31,9%
Интернет-ресурсы (сайты, форумы, социальные сети)	21,2%	24,7%	19,4%
Духовный учитель, наставник	11,8%	11,2%	12,8%
Служители культа (имамы в мечетях, священники в церквях и т.п.)	10,1%	11,0%	14,1%
Не интересуюсь информацией о религии	7,8%	5,0%	2,2%
Телевидение	6,2%	15,4%	15,4%
Религиозная литература (книги, брошюры)	6,0%	7,1%	8,1%

Говоря о религиозных практиках, мы видим, что молитва занимает лидирующее место во всех возрастных группах. Среди молодежи регулярно молятся 35,1%, в средневозрастной группе – 44,7%, а среди старших показатель достигает 45,5%. Это демонстрирует постепенный рост религиозной дисциплины с возрастом. Посещение коллективных богослужений (жума намаз, воскресная служба) практикуется заметно реже, чем индивидуальная молитва: 23,2% среди молодежи и около трети у среднего поколения, после чего у старшего этого показателя несколько снижается. Посещение мечети/церкви для поминания умерших родственников больше характерно для представителей старшего (35,7%) поколения. Среди молодежи так делает только четверть.

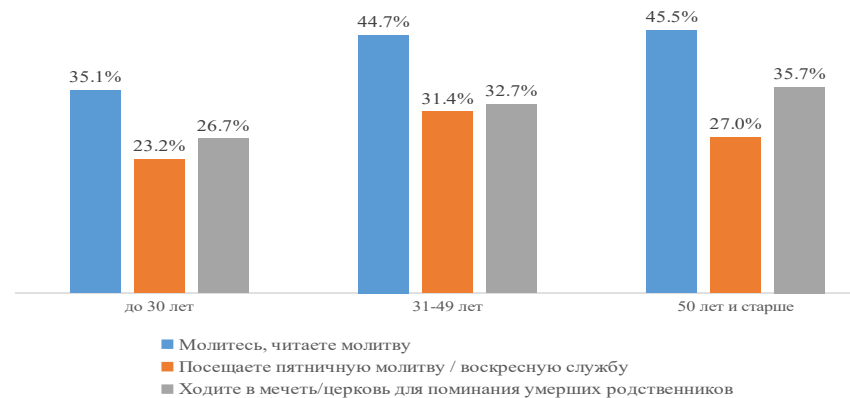

Рисунок 7 – «Доля респондентов, регулярно практикующих следующие религиозные практики» (%) (в возрастном разрезе).

Заключение

Анализ показал, что религиозная идентичность жителей казахстанских городов проявляется через поколенческие различия, но они не носят принципиального характера. Во всех возрастных группах мы наблюдаем, что примерно 60% респондентов продолжают следовать религии, как вере предков, что подтверждает устойчивую роль семейной традиции как основного фактора религиозной идентификации. Молодежь чаще воспринимает ее как часть культурного кода. При этом именно в этой возрастной группе наблюдается религиозная поляризация: с одной стороны, граждане, активно вовлеченные в исламские практики, с другой — растет число открытых атеистов.

Такой контраст практически не встречается среди среднего и старшего поколений. В логике теории Р. Инглхарта это отражает переход от ценностей выживания к ценностям самореализации, когда вера перестает восприниматься как коллективная обязанность и все чаще становится сферой индивидуального выбора.

Эти тенденции особенно отчетливо проявляются в городской среде, где сосуществование людей с разными мировоззрениями усиливает и поляризацию, и запрос на новые формы идентичности. Уже сегодня более половины респондентов фиксирует толерантное отношение к атеистам и представителям иных конфессий, а урбанизация и цифровизация усиливают плюрализм и многообразие форм религиозности. В этом смысле урбанизация является союзником светскости, хотя личная религиозность при этом сохраняет свои позиции. Возможно, именно толерантность и светскость станут объединяющим «мостом» между поколениями, обеспечивая преемственность и общественную стабильность в многообразном религиозном ландшафте Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Илеуова Г. Т., Симакова О. А., Омаров М. Е., Нурахметова С. Ж., Мухамедиев А. А., Коспанов Р. А. Светскость и атеизм в современном Казахстане. – Алматы: LEM, 2023.
2. Коспанов Р. А. Религиозная идентификация в казахстанских городах: практики и ценности горожан // Сборник материалов конференции «Идентификация в странах Центральной Азии». – Алматы, 2023.
3. Inglehart R. F., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
4. Казахстанцы стали более религиозными // CABAR.asia. – 11.03.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cabar.asia/ru/kazahstantsy-stali-bolee-religioznymi>

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ВЫСОКОЙ РОЖДАЕМОСТИ В КАЗАХСТАНЕ В 2000-2020-х гг.

Аннотация

В статье рассматривается так называемый феномен высокой рождаемости в Казахстане в условиях урбанизации с позиций экономической демографии и микроэкономики. Теоретической основой анализа феномена послужила экономическая теория рождаемости американского экономиста Гэри Беккера, Нобелевского лауреата 1992 года. Цель статьи – показать экономическую обусловленность высокой рождаемости и на примере Казахстана, что спад рождаемости в странах с высоким уровнем индустриализации экономики и урбанизации общества управляем и обратим. То есть демографический переход и вызванное им сокращение численности населения в индустриально развитых странах не являются неизбежными при определенных экономических условиях. Предполагается, что статья даст понимание основных причин высокой рождаемости в Казахстане в XXI веке, а также экономических механизмов поощрения рождаемости. Предметом статьи является научно-методологический анализ закономерностей демографического перехода, а именно тенденций естественного воспроизводства населения в контексте процессов экономической модернизации и репродуктивного поведения домохозяйств с позиций микроэкономики, а также оценка возможностей управления рождаемостью в Казахстане.

В этой связи предлагаемая статья имеет не только теоретическое, но также практическое значение для разработки и реализации демографической политики в Казахстане.

Ключевые слова: феномен высокой рождаемости в Казахстане, закон демографического перехода, демографическая по-

литика, экономическая демография, модернизация, поощрение рождаемости, Фонд поколений, репродуктивное поведение, экономическая теория рождаемости Г. Беккера.

Abstract

This article investigates the phenomenon of high fertility in Kazakhstan under conditions of increasing urbanization, drawing on the theoretical framework of Gary Becker's economic theory of fertility. The aim is to demonstrate that the fertility decline observed in highly industrialized and urbanized societies is not irreversible, and that demographic transition does not necessarily entail inevitable population decline under certain economic conditions. The study employs a scientific and methodological analysis of demographic transition patterns, focusing on natural population reproduction in the context of economic modernization. The analysis is conducted through the lens of microeconomics, emphasizing household reproductive behavior and the economic determinants of fertility. The findings highlight the specific economic and social mechanisms underlying persistently high fertility in Kazakhstan in the 21st century. They reveal the reversibility of fertility decline under favorable socio-economic conditions and demonstrate the relevance of Becker's theoretical framework for interpreting demographic behavior in transitional economies.

The article provides both theoretical and practical insights. It contributes to the refinement of economic demography as a field and offers evidence-based perspectives for the design and implementation of demographic policy in Kazakhstan, particularly with regard to fertility promotion strategies in the context of modernization and urbanization.

Keywords: high birth rate phenomenon in Kazakhstan, demographic transition, demographic policy, economic demography, modernization, promotion of birth rate, reproductive behavior, economic theory of fertility, G. Becker.

В Казахстане наблюдаются высокие темпы естественного роста населения с начала 2000-х годов. Высокая рождаемость в стране является объектом пристального интереса ученых-демографов и политиков в последние годы.

Для демографов высокие показатели рождаемости в Казахстане в 2010-2020-х годах – феномен, противоречащий прогнозам. Согласно теории демографического перехода, темпы рождаемости в Казахстане, как и в других индустриально развитых странах с высоким уровнем урбанизации, должны снижаться. Несмотря на показатели развития, характерные для индустриального общества – рост доходов, доли городского населения (61,2% в 2021 году) и граждан с высшим образованием, включая женщин, рост продолжительности жизни и другие, рождаемость с начала XXI росла. Если в 2000 году суммарный коэффициент рождаемости (СКР) составлял 1,86, то в 2021-м – 3,32.

Этот парадокс пока не нашел среди демографов общепринятого научного объяснения. Трудности в понимании причин и механизмов феномена высокой рождаемости в Казахстане, на наш взгляд связаны с ограничениями теоретического аппарата и методов, унаследованных от советской и современной российской демографической науки. Как отмечали известные российские демографы Антонов А.И. и Борисов В.А., обычные методы анализа демографических процессов (в основном статистические) не всегда дают понимание причинно-следственных связей и часто исследования, подходя вплотную к подобным проблемам, не переступают границ смежных областей знаний, связанных с психологией и экономикой репродуктивного поведения [2].

Предметом исследования настоящей статьи является феномен высокой рождаемости, рассмотренный с позиций экономики рождаемости, т.е. экономических факторов репродуктивного поведения; а также особенностей репродуктивных установок казахстанских семей. Анализ демонстрирует высокую

корреляцию между рождаемостью в Казахстане в 2003-2024 годах и уровнем экономической поддержки матерей и детей до 1,5 лет со стороны государства.

Теоретической основой предлагаемого метода анализа является экономическая теория рождаемости американского экономиста Г.Беккера, лауреата Нобелевской премии 1992 года. Научные методы Г.Беккера позволяют проводить наиболее релевантный анализ причин, но также прогнозировать и моделировать процессы естественного воспроизводства населения.

Актуальность предлагаемого методологического подхода связана с существующим в Казахстане запросом на демографическую политику, стимулирующую естественный рост населения. Необходимость сильной демографической и миграционной политики была заявлена как приоритет национальной безопасности в 1997 году первым Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым [3] и остается на повестке развития страны, как важная государственная задача [4]. По инициативе Главы государства К.-Ж.К.Токаева в 2025 году создается Центр анализа и прогнозирования демографических процессов при Агентстве стратегического планирования и реформ, призванный обеспечить детальное изучение демографических тенденций. Такого рода институт создается в Казахстане впервые за все историю [5].

В широком смысле, предлагаемые методы дают возможность демографии выйти за рамки описательной науки на уровень практической социальной инженерии, позволяющей сформировать теоретически обоснованную модель управления демографическими процессами, а также рекомендации по реализации демографической политики.

В этой связи теоретические и методологические вопросы понимания механизмов высокой рождаемости и управления естественным ростом населения имеют важное теоретическое и практическое значение для разработки и реализации демографической политики в Казахстане.

Методы исследования. При исследовании предметных вопросов статьи были использованы общенаучные методы познания, в том числе обзорный анализ литературы по теме, ретроспективный и сравнительный анализ, системный анализ. При анализе литературы по предмету использованы признанные монографии, научные статьи и обзоры научных работ по решению проблем демографического роста в СССР, Европе и США, а также современные работы по развитию человеческого капитала. Сравнительный анализ применялся при изучении зарубежного опыта политики демографического роста. Системный анализ был использован при исследовании репродуктивного поведения семьи, как «минифабрики», с применением микроэкономических подходов, средств и методов изучения функции воспроизводства в домохозяйствах.

Казахстанские исследователи, как и большинство ученых в мире, рассматривают современные демографические процессы сквозь призму демографического перехода. Анализ литературы показывает, что динамика численности населения в мире укладывается в закономерности теории демографического перехода и большинство стран сегодня действительно находится на том или ином его этапе.

Следуя общепринятой точке зрения ученые еще недавно в своих прогнозах утверждали, что высокая рождаемость, характерная для аграрного общества, т.е. главным образом для казахского населения, будет снижаться по мере урбанизации, миграции из села в город и замещения мигрантами социальных ниш горожан [6]. Сегодня казахстанские демографы, такие, как Алексеенко А.Н., Аубакирова Ж.С., Есимова А.Б. и другие, говорят о феномене высокой рождаемости в Казахстане в начале XXI века, аномальной для стран с высоким уровнем индустриального развития и урбанизации [7]. Это противоречие между недавними прогнозами о спаде рождаемости и ситуацией, наблюдаемой в 2020-х гг., и составляет суть феномена высокой рождаемости в Казахстане.

Появление противоречий между теорией и фактами, исходя из философии науки – всегда требует новой теории и научных методов, позволяющих объяснить факты, выходящие за рамки старой теории.

Теория «демографического перехода», выдвинутая в 1945 году американскими экономистами [8], объясняет снижение темпов роста населения в отдельных странах мира в XX веке процессами перехода от аграрного к индустриальному обществу. В ходе модернизации улучшение условий жизни населения приводит к снижению уровня смертности, т.е. к первому демографическому переходу, а затем и к снижению рождаемости (второй демографический переход) (рисунок 1).

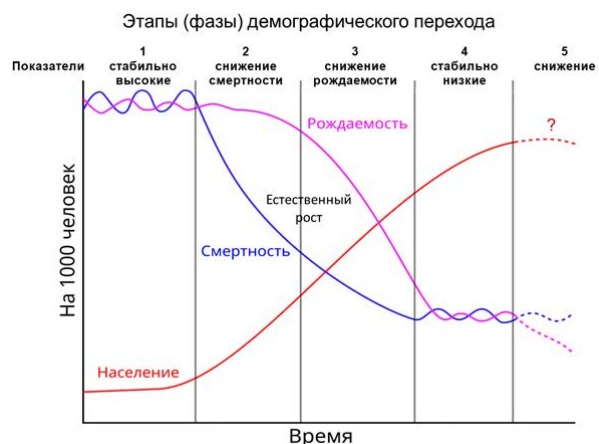

Рисунок 1 – Этапы демографического перехода.

Источник: www.geographylwc.org.uk

Исторически демографический переход в области рождаемости первыми испытали страны Европы (включая Россию) и Северной Америки в XIX-XX вв. и к 1980-м гг считается в основном завершенным. (таблица 1).

Таблица 1 – Историческая эволюция рождаемости в XX веке в отдельных странах. Суммарный коэффициент рождаемости.

СКР	1900–1904	1930–1934	1960–1964	1990–1994	2010-2014
более 5	Россия				
4,0 – 5,0	Германия Испания Италия Нидерланды Финляндия	Россия			
3,0 – 4,0	Англия ^a Швеция	Испания Италия	Нидерланды США ^b		
2,5 – 3,0	Франция	Нидерланды	Англия ^a Испания Финляндия Франция		
2,0 – 2,5		США ^b Финляндия Франция	Германия ^c Италия Россия Швеция	США	Франция
1,5 – 2,0		Англия ^a Германия Швеция		Англия ^a Нидерланды Россия Финляндия Франция Швеция	Англия ^a Нидерланды Россия США Финляндия Швеция
менее 1,5				Германия Испания Италия	Германия Испания Италия

^a включая Уэльс; ^b только для белого населения; ^c только для ФРГ

Источники:

1) Sardon Population 45 (6): 952, Council of Europe 1997. Recent demographic developments in Europe.

2) World Population Prospects 2022: Summary of Results. UN DESA/POP/2022/TR/NO. 3.

Основным источником демографических изменений считаются вызванные процессами экономической модернизации развитие промышленности (индустриализация), расширение вторичного (переработка, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйства, развитием рынков товаров, капиталов и труда. Связанные с ними процессы социальной и культурной модернизации, развитие социального обеспечения приводят в индустриальных обществах к резкому снижению уровней смертности, а затем и рождаемости, т.е. к демографическому переходу, или демографической модернизации.

Закон демографического перехода принято считать универсальным и неизбежным для всех стран, исходя из общности и сходства процессов модернизации во всех странах. Хотя требуется оговорка - закон демографического перехода является эмпирическим и имеет исключения при определенных условиях.

Прогноз ООН 2024 года также подтверждает, что в большинстве развивающихся стран мира демографический переход будет происходить в течение всего XXI века. Рост населения планеты достигнет пика к 2085 году и затем пойдет на спад.

Основной прирост населения до 2050 года придется на Африку, к концу 2060-х годов став самым густонаселенным регионом. Восточная и Юго-Восточная Азия, а также Центральная и Южная Азия – в настоящее время два крупнейших региона – также продолжат рост, но достигнут пика в ближайшие несколько десятилетий.

Таблица 2 – Изменение численности населения в мире к 2100 году.

№	Регион, субрегион, страна, территория	Население, млн. чел.		
		2024 год	2050 год	2100 год
	Мир	8 126,9	9 644,0	10 186,6
	Европа и Северная Америка	1 129 525	1 130 231	1 067 720

Продолжение таблицы №2				
	Страны Европы	745 380	704 160	593 113
	Северная Европа	108 669	115 809	110 551
	Западная Европа	199 855	196 439	185 379
	Восточная Европа	285 345	256 253	200 564
	Южная Европа	151 511	135 659	96 620
	США	344 480	380 413	421 007
	Страны СНГ	252 163	272 880	293 799
	Россия	145 206	136 256	126 439
	Украина	37 441	32 165	15 323
	Беларусь	9 086	7 486	4 376
	Страны Центральной Азии	81 528	113 048	149 753
	Казахстан	20 464	26 437	33 638
	Кыргызстан	7 131	9 603	11 729
	Таджикистан	10 492	15 492	20 199
	Туркменистан	7 431	9 611	9 961
	Узбекистан	36 010	51 905	74 226
	Монголия	3 454	4 484	5 517
	Субрегион Южная Азия	2 053 467	2 500 385	2 493 458
	Афганистан	42 045	76 239	129 941
	Индия	1 444 436	1 677 687	1 509 107
	Пакистан	249 336	369 611	510 572
	КНР	1 420 909	1 265 452	638 685
	Африка, в т.ч.	1 497 914	2 448 400	3 807 042
	Африка южнее Сахары	1 227 721	2 077 071	3 344 728
	Япония	124 071	105 459	77 038
	Южная Корея	51 738	45 374	22 007

Источник: По данным доклада ООН «World Population Prospects 2024: Summary of Results» [1].

На сегодня уровень рождаемости во всех европейских стра-

нах ниже минимального показателя (2,1 ребенка на каждую женщину) для обеспечения воспроизводства населения в долгосрочной перспективе. В целом усредненный показатель суммарного коэффициента рождаемости (среднее число детей, рожденных одной женщиной за всю жизнь) в развитых странах составляет 1,6, в развивающихся странах – 2,5, в наименее развитых странах – 4,1.

В регионах ОБСЕ и СНГ ожидается снижение численности населения к 2100 году несмотря на отдельные точки роста, включая США, Францию и Центральную Азию.

В России при сохранении текущего уровня рождаемости и миграции ожидается к 2100 году сокращение населения до 112 млн. человек со 145 млн. человек в 2022 году (-33 млн. чел., или 23%).

В странах Центральной Азии прогнозируется рост населения с 77 млн. человек в 2022 году до 126 млн. человек к 2100 году, в том числе в Узбекистане – с 34,5 млн. до 50,8 млн. человек. В Казахстане ожидается достижение уровня 34 млн. человек к 2100 году.

Таким образом, демографы едины в том, что переход к современной рождаемости неизбежен и непременно в той или иной форме произойдет во всех странах. Однако на вопрос, почему это происходит (или произойдет), общепринятого ответа пока нет, как нет и целостной теории рождаемости [9]. Утверждение о неизбежности и необратимости демографического перехода сегодня воспринимается, как аксиома.

Демографический переход в Казахстане.

Динамика естественного роста населения в Казахстане в XX-XXI веке также рассматривается как следствие процессов модернизации.

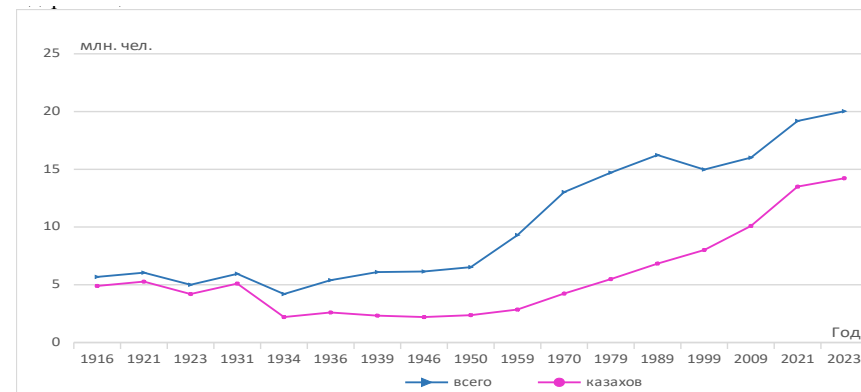

Рисунок 2 – Динамика роста численности населения Казахстана в 1916-2023 годах.

Источник: Ракишев Б.Р. Демографические провалы и перекосы в росте численности населения Казахстана. Доклады НАН РК, Алматы, №1.2013. С.99.

Первая волна демографического роста в 1950-1989 годы согласно А.Н.Алексеевко, Ж.С. Аубакировой [10], В. Родионова [11] и другим связывается с проводимой в эти годы в Казахстане политикой массовой индустриализации и освоения целины, которая сопровождалась не только массовым переселением (более 1 млн. чел.) из европейской части СССР, но также и созданием условий для естественного роста казахского населения – повышением доходов, улучшением социального обеспечения и поддержки населения, и как следствие – более высокой продолжительностью жизни. В результате значительного снижения смертности при традиционной многодетности в казахских семьях в 1950-1970 гг. наблюдался демографический бум. Воспроизводство населения к 1960 году достигли наивысших показателей – смертность снизилась более чем в 3 раза по сравнению с 1940-м годом, а естественный прирост достиг 30,6 чел. на 1000 чел. населения (табл. 3). В целом население Казахстана

выросло в 2,5 раза, а казахов – в 2,9 раз (рис. 2).

Таблица 3 – Воспроизводство населения Казахстана (на 1 000 населения), ‰ *

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1940	40,8	21,4	19,4
1950	37,6	11,7	25,9
1955	37,5	9,2	28,3
1960	37,2	6,6	30,6
1965	26,9	5,9	21,0
1970	23,4	6,0	17,4
1975	24,3	7,2	17,1
1980	23,8	8,0	16,9
1985	24,9	8,0	16,9
1990	21,7	7,7	14,0
1995	17,2	10,5	6,7
2000	14,92	10,06	4,86
2005	18,42	10,37	8,05
2010	22,53	8,95	13,58
2015	22,71	7,46	15,26
2020	22,76	8,60	14,16

Источники: *Население СССР, 1975. С. 74; Население СССР, 1988. С. 116, 133; Демографический ежегодник Казахстана, 1996. С. 63,74, Демографический ежегодник 2005, Демографический ежегодник..., 2017, Демографический ежегодник..., 2021.*

Картина демографического ускорения в Казахстане в 1950-1970-х годах вписывалась в теорию демографического перехода. Если для европейского населения Казахстана и всего СССР второй этап, связанный с высокой рождаемостью завершился в 1920-1930-х годах, то для казахского населения переход от аграрного к индустриальному обществу начался в 1930-1940-е годы. Т.е. первый демографический переход и пик рождаемо-

сти пришелся на послевоенный период.

Вторая волна рождаемости в Казахстане в 2000-2010-х годах также оценивается демографами в русле модернизации и этнических отличий в репродуктивных установках.

Отмечая этнические особенности рождаемости, ученые в своих научных выводах еще недавно предполагали, что по мере увеличения этнической однородности темпы роста населения Казахстана сохранятся вплоть до 20-х годов XXI века. А ритм демографического развития будет задавать высокая рождаемость среди казахского населения [6].

Вместе с тем, в своих прогнозах казахстанские демографы [6] отмечали неизбежное снижение темпов естественного роста, опираясь на показатели, характерные для современного индустриального общества, таких как темпы урбанизации (61,2%), рост доли граждан с высшим образованием, включая женщин, средней продолжительности жизни и других.

Поэтому ускорение рождаемости в стране в 2010-2020 годах, опровергающее прогнозы, демографы предложили считать отличительной особенностью Казахстана и феноменом, своего рода исключением, подтверждающим общую закономерность.

Ограничения научной методологии являются основным препятствием в понимании феномена высокой рождаемости в Казахстане в 2020-х годах. Российские демографы такие, как Антонов А.И., Борисов В.А. и другие, отмечали эту особенность методов современных демографических исследований (в основном статистических) – не всегда анализ дает понимание причинно-следственных связей, исследователи не решаются выйти за пределы своей предметной области и применять научные методы из смежных областей знаний [2].

В этой связи, следует отметить отдельные работы по изучению психологии и экономики репродуктивного поведения казахстанских семей. В частности, социологические замеры показали доминирование в репродуктивном поведении казахстанских семей установок на многодетность. Так согласно

опросам 2007 [12] и 2022 годов [13] более 60% населения в большинстве регионов Казахстана настроены на многодетность (3 и более детей). В регионах с преобладающим казахским населением уровень установок на многодетность еще выше, причем как в городе, так и в сельской местности. Эта особенность еще ждет своего научного осмысления. Но на наш взгляд, репродуктивные установки казахских семей сформированы под влиянием исторической памяти о трагических потерях казахского народа в 1920-1940-х годах. [14]. Основным препятствием для реализации репродуктивных установок, по итогам опросов, казахстанские семьи указывают социально-экономические условия – уровень доходов, наличие жилья, доступность социальных благ (образование, медицина)

Изучение экономических факторов репродуктивного поведения казахстанских семей также выявило корреляцию между динамикой рождаемости и ростом доходов, занятости, уровнем образования, доступностью услуг социального обеспечения для женщин и детей. Причем наибольшее влияние отводят именно уровню доходов домохозяйств. Эти вопросы подробно изучены казахстанскими и российскими учеными, такими как Ахметова А.А. [15], Рахметова Р.У. [16,17], Абенова К.А [18] и некоторые другие [19]. Вместе с тем, противоречивость используемых ими методов корреляционно-факторного анализа в том, что при росте доходов отдельных групп населения рождаемость вначале растет, а при достижении определенного уровня доходов – рождаемость снижается. То есть выявляя взаимосвязи, эти методы не позволяют понять их механизм.

Таким образом, признавая необходимость более глубокого изучения репродуктивного поведения семей, следует выделить ключевую задачу демографических исследований – ревизию теоретического аппарата и научных методов.

Основная гипотеза и экономические факторы рождаемости в Казахстане.

Эмпирический анализ успешных кейсов высокой рождае-

мости в царской России, США в 1970-90-е годы, Франции в начале 21 века дает основания для предположения, что в основе лежат закономерности, связанные с экономическими факторами. Суть гипотезы – рождаемость всегда высока, если выгоды от наличия детей выше затрат на их воспитание.

Рост рождаемости в Казахстане в 2001-2020-х годах также происходил в решающей степени под влиянием мер экономической поддержки материнства и детства, вводимых поэтапно в 2003-2009 годах. Наряду с традиционными мерами социальной защиты детей (бесплатное здравоохранение и школьное образование) пакет мер включал: с 2003 года – единовременные пособия на рождение ребенка независимо от дохода семьи; с 2006 года – пособия по уходу за ребенком по достижению 1 года, специальное пособие семьям, имеющим 4 и более несовершеннолетних детей и пособие на детей до 18 лет из малообеспеченных семей.

Переломным моментом стали 2008-2009 годы, когда были введены социальные выплаты матерям по беременности, родам (на период до 140 дней), и уходу за ребенком до 1,5 лет, а для отдельных видов пособий и социальных выплат была установлена прогрессивная шкала – их размер возрастал с очередностью рождения. Главное достижение – совокупный ежемесячный размер бюджетных выплат и пособий матерям с детьми до 1,5 лет превысил установленные размеры прожиточного минимума и минимальной заработной платы для неработающих женщин, а для работающих стал выше среднемесячной заработной платы. Таким образом государственной поддержкой были охвачены все группы матерей с детьми до 1,5 лет – как работающие, так и незанятые женщины (таблицы 5 и 6).

Таблица 5 – Пособия и социальные выплаты матерям по беременности, родам и уходу за детьми до 1,5 лет в Казахстане в 2003-2024 гг.

виды пособий и выплат, по годам	2003	2006	2009	2010	2012	2015	2018	2021	2024
	единовременные пособия и выплаты								
пособие на рождение ребенка, МРП*	15	15	30	30-50	30-50	31,4-52,35	38-63	38-63	38-63
социальная выплата на случай потери дохода в связи с беременностью и родами (на период до 140 дней), в размере среднемесячной заработной платы	-	-	4,2	4,2	4,2	4,2	4,2	4,2	4,2
	ежемесячные пособия и выплаты								
по уходу за ребенком до 1,5 лет, в МРП *	-	3-4,5	5-6,5	5,5-8,5	5,5-8,5	5,76-8,9	5,76-8,9	5,76-8,9	5,76-8,9
многодетным семьям (4 и более), на каждого ребенка** в МРП	1,9	3,9	3,9	3,9	3,9	4,16	4	4	4
многодетным матерям (6 и более), в МРП	1,9	3,9	6	6	6	6,4	6,4	6,4	6,4-7,4
ежемесячная социальная выплата на случай потери дохода в связи с уходом за ребенком до 1 года, в МЗП	-	-	-	5-6,5	5,5-8,5	5,5-8,5	5,76-8,9	5,76-8,9	5,76-8,9
Минимальный расчетный показатель (МРП), тенге	872	1030	1 296	1 413	1 618	1 982	2 405	2 917	3 692
Минимальная заработная плата (МЗП), тенге	5000	9200	13717	14952	17439	21364	28284	34302	85000

©Куанганов Ф.Ш., 2025г.

* - в зависимости от очередности рождения, с ростом от 1-го до 4-го ребенка.

** - на каждого несовершеннолетнего или учащегося ребенка.

Источники:

1) Закон Республики Казахстан «О государственных пособиях семьям, имеющим детей» от 28 июня 2005 года N 63, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0500000063>

2) Закон Республики Казахстан «Об обязательном социальном страховании» от 25 апреля 2003 года № 405, <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000405/history>

3) Закон Республики Казахстан «О специальном государственном пособии в Республике Казахстан» от 5 апреля 1999 года № 365-І. https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000365_history

4) Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

Таблица 6 – Государственные пособия и социальные выплаты матерям по беременности, родам и уходу за детьми до 1,5 лет в Казахстане в 2003-2024 гг., в тенге.

виды пособий и выплат, по годам	2003	2006	2009	2010	2012	2015	2018	2021	2024	
	единовременные пособия и выплаты, тенге									
пособие на рождение ребенка*	1-й ребенок	13080	15450	38880	42390	48540	62 235	91390	110846	140296
	4-й и более ребенок	13080	15450	38880	70650	80900	103758	151515	183771	232596
социальная выплата на случай потери дохода в связи с беременностью и родами (на период до 126 дней)	-	-	282799	325966	425305	529288	683227	1051306	1639378	
	ежемесячные пособия и выплаты, тенге									
по уходу за ребенком до 1,5 лет	для 1-го ребенка	3 090	6 480	7 772	8 899	11 416	13 853	16 802	21 266	
	для 4-го и более ребенка	-	4 635	8 424	12 011	13 753	17 640	21 405	25 961	
многодетным семьям (4 и более), на каждого ребенка	1 657	4 017	5 054	5 511	6 310	8 245	9 620	11 668	14 768	
многодетным матерям (6 и более)	1 657	4 017	7 776	8 478	9 708	12 685	15 392	18 669	23 629	

Продолжение таблицы №6										
социальная выплата на случай потери дохода в связи с уходом за ребенком до 1 года	миним. размер для 1-го*	-	6480	7 772	8 899	11 416	13 853	16 802	16 802	16 802
	миним. размер для 4-го	-	8424	12 011	13 753	17 640	21 405	25 961	25 961	25961
	для работающих	-	54868	59 808	74 640	85 456	113136	119000	119000	238000
Отдельные показатели уровня жизни в Республике Казахстан в 2003-2021 гг., тенге										
Минимальный расчетный показатель (МРП),	872	1030	1296	1413	1618	1982	2405	2917	3692	3692
Минимальная заработная плата (МЗП)	5000	9200	13717	14952	18660	21364	28284	42500	85000	85000
Среднемесячная заработная плата	22797	40790	67333	77611	101263	126021	162673	250311	390328	390328
Размер прожиточного минимума в месяц	5250	8410	12660	13487	16815	19647	27072	37266	49756	49756

©Куанганов Ф.Ш., 2025г.

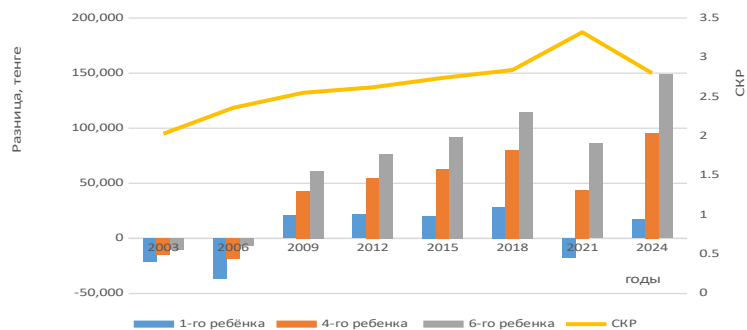
С 2009 по 2021 год ежемесячная сумма выплат превосходила базовые показатели уровня жизни – прожиточный минимум и минимальную заработную плату, а для работающих женщин – среднемесячную заработную плату.

Таблица 7 – Ежемесячная консолидированная сумма выплат и пособий для матерей в течение 1 года в связи с беременностью, родами и уходом за ребенком до 1,5 лет в Казахстане в 2003-2024 годах, тенге.

сумма выплат и пособий, по годам	2003	2006	2009	2012	2015	2018	2021	2024
для работающих матерей								
для матери и 1-го ребенка	1 090	4 378	88 155	123 026	146166	191 540	232 648	407 572
для матери и детей при рождении 4-го ребенка	7 717	21 991	110 316	155 818	188830	242 582	294 556	485 929
для матери и детей при рождении 6-го ребенка	12 688	34 042	128 201	178 146	218005	277 214	336 561	539 093
для неработающих								
для матери и 1-го ребенка	1090	4377,5	<u>16 200</u>	21 843	28 019	35 321	<u>42 841</u>	<u>49 759</u>
для матери и детей при рождении 4-го ребенка	7717,2	<u>21990,5</u>	40 306	59 488	76 907	93 915	113909	137275
Продолжение таблицы №7								
для матери и детей при рождении 6-го ребенка	12688	34041,5	58 190	81 817	106082	128547	155914	190440
отдельные показатели уровня жизни								
Минимальная заработная плата	5 000	<u>9 200</u>	<u>13 717</u>	18 660	21 364	28 284	42 500	85 000
Среднемесячная заработная плата	22 797	40 790	67 333	101 263	126021	162 673	250 311	390 328
Размер прожиточного минимума	5250	8410	12660	16815	19647	27072	37266	49756
Показатели рождаемости								
Суммарный коэффициент, СКР	2,03	2,36	2,55	2,62	2,74	2,84	3,32	2,8
Общий коэффициент, ОКР	16,63	<u>19,71</u>	22,14	22,7	22,71	21,77	23,5	18,5

©Куанганов Ф.Ш., 2025г.

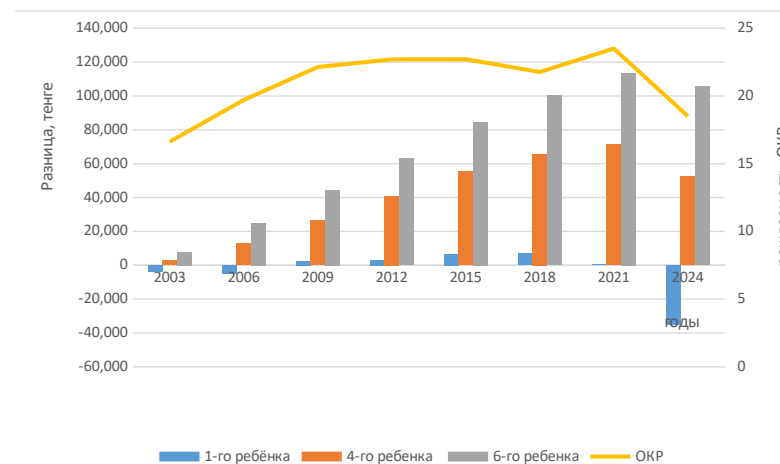
При сравнении динамики роста пособий и выплат матерям с детьми до 1,5 лет с показателями рождаемости в Казахстане в 2003-2024 годах очевидна корреляция – как только совокупный размер ежемесячных денежных выплат превышает среднемесячную заработную плату для работающих женщин, или минимальную заработную плату – для неработающих матерей, то показатели рождаемости начинают расти и наоборот (таблица 7). Следует отметить, что динамика показателей рождаемости в этот период была сходной для разных групп населения. Т.е. экономические стимулы оказывали влияние на рождаемость независимо от доходов, этнической принадлежности и т.д.

©Куанганов Ф.Ш., 2025г.

Рисунок 3 – Превышение бюджетных выплат для работающих матерей с детьми до 1,5 лет над среднемесячной заработной платой в Казахстане в 2003-2024 гг.

Как видно на диаграммах (рисунки 3 и 4), если ежемесячная сумма выплат и пособий матерям с детьми до 1,5 лет превышает основные показатели уровня жизни, то рождаемость растет, а если разница отрицательная (в 2021 и 2024 годах) – рождаемость падает.

©Куанганов Ф.Ш., 2025г.

Рисунок 4 – Превышение бюджетных выплат для неработающих матерей с детьми до 1,5 лет над минимальной заработной платой в Казахстане в 2003-2024 гг.

Из таблиц 6 и 7 видно, что основная причина снижения доходов для матерей с детьми до 1,5 лет в 2021-2024 годы стало:

- для занятых женщин – уменьшение предельной ставки ежемесячных социальных выплат на случай потери дохода в связи с уходом за ребенком с 40% в 2018 году до 28% от 10-кратного МЗП в 2020 году;
- для неработающих женщин – диспропорция между ростом МЗП с 28284 тенге в 2018 году до 42500 тенге (на 50%) в 2021 году, в то время как МРП выросло с 2405 тенге в 2018 году до 2917 тенге (на 20%) в 2021 году.

То есть затраты матерей на содержание детей выросли гораздо больше, чем выгоды от бюджетных выплат матерям с детьми до 1,5 лет. Именно этот фактор, на наш взгляд, оказал решающее влияние на снижение показателей суммарного коэффициента рождаемости с 3,32 в 2021 году до 2,8 в 2024

году. Можно предположить, что при сохранении негативного баланса между бюджетными выплатами для матерей с детьми до 1,5 лет и издержками на воспитание детей показатели рождаемости будут постепенно снижаться до уровня равновесия с другими факторами репродуктивной активности казахстанцев. К таким факторам относятся репродуктивные установки на многодетность, которые сохраняются в стране.

Следует отметить, что высокие показатели рождаемости сохранялись в значительной степени за счет рождения 2-х детей и более по очередности (рис.5), т.к. совокупные размеры выплат и пособий матерям оставались выше затрат на воспитание детей. Кроме того, можно предположить, что затраты на одного ребенка в многодетных семьях ниже за счет экономии от масштаба по сравнению с семьями с 1-2 детьми. В целом, прожиточный минимум для детей может значительно отличаться от норматива для взрослых и требует отдельного изучения.

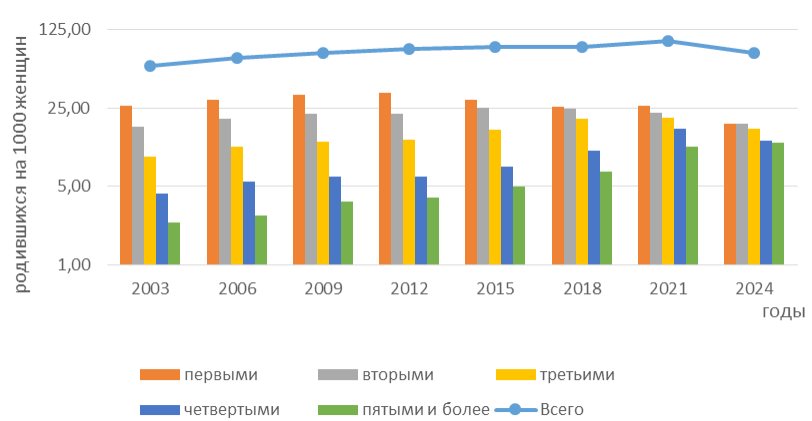

Рисунок 5 – Коэффициент рождаемости по очередности рождения в РК в 2003-2024 гг., на 1000 женщин 15-49 лет.

Таким образом, экономический фактор играет ключевую роль в феномене высокой рождаемости в Казахстане в первой

четверти XXI века. Статистика рождаемости и обзор установленных размеров пособий и выплат для матерей с детьми до 1,5 лет в этот период наглядно демонстрирует закономерность – рождаемость растет, если выгоды от наличия детей превышают затраты на их содержание.

Теоретическое обоснование феномена высокой рождаемости в Казахстане. Трудности в понимании взаимосвязи доходов и рождаемости могут быть преодолены, если рассматривать семью как производительную силу, а природу воспроизводства населения – не только в биологическом, но и в социально-экономическом аспекте. Именно это утверждение основоположников марксизма [20] – трактовать семью, домохозяйство, как социально-экономическую ячейку, со своей производственной функцией, легло в основу экономической теории рождаемости американского экономиста Гэри Беккера.

Основная идея Гэри Беккера [21] – рассматривать семью, как своего рода «малую фабрику», производящую основные товары - питание, образование и т. п. за счет использования рыночных товаров и времени ее членов и таким образом воспроизводящую кадры работников. Члены семейного хозяйства предлагают свое время на рынке труда за определенную заработную плату, а ее размер определяет стоимость времени (cost of time) для каждого потребителя. Идея Беккера – любое потребление стоит времени.

Решение иметь детей – тоже инвестиционное решение. Дети, по Г.Беккеру [22] – своего рода «блага длительного пользования» – для родителей это источник удовлетворения запросов (в современном обществе по преимуществу неденежных), но их содержание и воспитание требует немалых затрат, как явных, так и неявных (и прежде всего времени родителей). Спрос на детей поэтому отрицательно связан с издержками по их воспитанию и положительно – с уровнем дохода родителей.

Именно этим объясняется противоречие с тенденцией к сокращению размеров семьи при экономическом росте. Оче-

видно, при более высоких ставках оплаты возрастает не только доход семьи – дорожает фактически и время родителей. Поскольку воспитание детей – процесс чрезвычайно времяемкий, «эффект цены» перевешивает «эффект выгод», так что с повышением оплаты труда на рынке, спрос на эти «блага» (т.е. рождаемость) сокращается.

Кроме того, в планировании семьи важен выбор между количеством детей и качеством (состоянием здоровья, уровнем образования и т.д.). Сокращение спроса на количество детей повышает спрос на их качество, но высокая конкуренция вызывает еще большее падение спроса на количество, что в свою очередь подталкивает к дополнительному росту спроса на качество, и т.д. Поэтому даже небольшое удорожание содержания детей может запустить мультипликативный процесс и привести к резкому сокращению рождаемости.

В основе этого механизма лежит тот простой факт, что инвестиции в развитие детей не могут ограничиться одним ребенком, а распространяются на всех детей в семье. В обеспеченной семье может быть один подержанный автомобиль, и один – новый и дорогой, но разделение детей на «дорогостоящих» и «дешевых» вряд ли возможно.

Кроме того, экономический рост, повышая требования к образованию и соответственно стимулируя спрос на качество детей, также может соразмерно подрывать спрос на их количество.

Именно эти два фактора, согласно Беккеру, и лежат в основе резкого сокращения размеров семьи в индустриально развитых странах. То есть в этом основная причина падения рождаемости. Сам он оценивал анализ взаимосвязи между спросом на количество и качество детей как одно из крупнейших достижений экономической теории [23].

Цикл работ Г.Беккера по микроэкономическому анализу демографического поведения человека, за которую он получил Нобелевскую премию 1992 года, лег в основу мер налоговой

поддержки рождаемости в США – Плана помощи семьям Президента Никсона в начале 1970-х годов и Закона о льготах для налогоплательщиков 1997 года.

Практическую состоятельность теории Г.Беккера продемонстрировала проводимая в США политика поддержки рождаемости, которая позволила удерживать темпы роста численности населения, одни из самых высоких среди индустриально развитых стран в последние 50 лет. То же можно сказать об опыте поощрения рождаемости во Франции, реализующей с 2004 года программу «Большая семья» на аналогичных принципах.

Таким образом, экономическая теория рождаемости Г.Беккера дает объяснения процессу демографического перехода в развитых странах, раскрывает причины и условия как спада рождаемости, так и ее повышения для любой страны, и социально-экономических условий. По сути т.н. «закон демографического перехода» – частный случай экономической теории рождаемости Г.Беккера.

Выводы.

1) Феномен высокой рождаемости в Казахстане в 2000-2020 годах находит вполне адекватное объяснение в рамках теории рождаемости Г. Беккера и связан с экономическими выгодами деторождения от выплат и пособий матерям, превышающим расходы на проживание и воспитание детей.

2) Экономические механизмы поощрения рождаемости носят универсальный характер и работают даже в условиях демографического перехода, характерного для развитых стран. То есть управление ростом рождаемости возможно в рамках демографической политики как для Казахстана, и для любой другой страны.

3) Основные принципы экономического метода повышения рождаемости:

- рождаемость растет, если выгоды от наличия детей сопоставимы или превышают расходы на их воспитание;

- экономические стимулы эффективны, если они продолжительны по времени -1,5 года и более вплоть до совершеннолетия, как в США. Это позволяет избежать ловушки разовых выгод от рождаемости (как в России).

4) При разработке и реализации демографической политики, ориентированной на естественный рост населения, необходимо использование экономических стимулов поощрения рождаемости, как наиболее эффективного механизма, а также практического опыта США и других стран, использующих достижения экономической теории рождаемости американского экономиста Г.Беккера.

5) Для оптимизации расходов государства на выплаты и пособия необходимо:

- дифференцированный подход к группам населения по уровню доходов и по регионам проживания;

- внедрение статистического показателя минимальных расходов на воспитание детей до совершеннолетия по опыту США, т.к. существующий показатель прожиточного минимума в Казахстане рассчитан на взрослого человека и не совсем точно отражает необходимые расходы на ребенка.

Таким образом, феномен высокой рождаемости в Казахстане носит неслучайный характер и является результатом целенаправленной государственной политики поощрения рождаемости. Представленный анализ и предлагаемый теоретический аппарат дают основания для воспроизведения результатов в будущем. Автор надеется, что результаты исследования будут востребованы при разработке госпрограмм демографической политики не только в Казахстане, но и в других странах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Доклад ООН «World Population Prospects 2022: Summary of Results». [Электронный ресурс] URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/> (дата обращения:

01.04.2024).

2. Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. М.: Академический проект, 2011. С.217

3. Послание Президента страны народу Казахстана 1997 года «Казахстан - 2030 Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев», [Электронный ресурс] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970002030_ (дата обращения: 01.04.2024).

4. Речь К.-Ж.Токаева на втором заседании Национального курултая «Әділетті Қазақстан – Адал азамат», 2023 год, г.Туркестан, [Электронный ресурс] URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-vtorom-zasedanii-nacionalnogo-kurultayaadiletti-kazakstan-adal-azamat-175233> (дата обращения: 01.09.2025).

5. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» от 8 сентября 2025 года. [Электронный ресурс] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K25002025_1 (дата обращения: 23.09.2025).

6. Алексеенко А.Н., Аубакирова Ж.С., Жанбосинова А.С. Этнодемографические эволюции и становление суверенной демографической системы в Казахстане // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1368–1385. doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.413

7. Сборник научных трудов XXI Международной научно-практической конференции “Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях”, ВКУ им.С.Аманжолова, 2022 г. Усть-Каменогорск, 2022.

8. Frank W. Notestein with Irene B. Taeuber, Dudley Kirk, Ansley J. Coale, and Louise K. Kiser. The Future Population of Europe and the Soviet Union: Population Projections, 1940-1970. Geneva: League of Nations. 1944.

9. Введение в демографию / Под ред. Ионцева В.А., Саградова

А.А. 2002, МГУ, М. С.553

10. А. Н. Алексеенко, Ж. С. Аубакирова. Население Казахстана в 50–80-е годы XX века: демографический взрыв и особенности этносоциальных эволюций. Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Том 16, № 8.

11. Viktor Rodionov, “Population Development of Kazakhstan: Geographic, Economic and Geopolitical Aspects” (PhD Diss., Prague, Charles University, 2011), 153–55, <https://dspace.cuni.cz/handle/20.500.11956/47348>.

12. Репродуктивное и миграционное поведение населения Республики Казахстан, Агентство РК по статистике, 2002 г., 39 с.

13. Демографическая безопасность Казахстана: потенциал, риски и перспективы Ж. С. Аубакирова, А. Н. Алексеенко, Э. О. Столярова, Н. Л. Краснобаева, Т.Е. Өмірзак. Усть-Каменогорск, 2022. - 515 с.

14. Куанганов Ф.Ш. Проблемы демографических исследований в Казахстане. Вестник ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, серия: Экономика. №2, Астана 2024 г.

15. Ахметова А. А. “Методология анализа рождаемости и факторов, ее определяющих (на примере Казахстана)»: диссертация на соискание степени канд. экон. наук. - М., МЭСИ, 1998.

16. Рахметова Р. У. Моделирование уровня жизни населения. – Алматы: ТОО «Принт», 2007.

17. Эконометрика: учебник. Под ред. Рахметовой Р.У. и Дубровой Т.А. Алматы, Экономика. 2011.

18. Рахметова Р.У., Абенова К.А. Моделирование демографического роста в Казахстане/ //сб. Моделирование труда и информационное обеспечение экономических процессов в АПК //Воронежский государственный аграрный университет им. К. Д. Глинки, 2011, стр. 86-87.

19. Козлова О.А., Макарова М.Н., Архангельский В.Н. Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России.// Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. №1. стр.76-90 <https://doi.org/10.52180/1999->

9836_2024_20_1_7_76_90

20. Маркс К., Энгельс Ф. «Немецкая идеология». Соч. Том 3. С.27Becker G. A Theory of the Allocation of Time», *Economic Journal*, 1965.

21. Статья «Теория распределения времени» («A Theory of the Allocation of Time») в «Экономическом журнале» («*Economic Journal*») за 1965 г.

22. Becker G. An Economic Analysis of Fertility. In: *Demographic and Economic Change in Developed Countries*. Princeton, 1960.

23. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. Пер. с англ./ Сост. науч. ред., послесл. Р.И. Капелюшников; предисл. М.И.Левин.- М.: ГУ ВШЭ, 2003.- 672 с.

24. Демографические ежегодники, Бюро национальной статистики АСПиР РК. [Электронный ресурс] URL: <https://stat.gov.kz/ru/publication/collections/?year=2007&name=16809&period=> (дата обращения -30 октября 2024 года)

Михнова П.В.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА АРХИТЕКТУРНУЮ ТИПОЛОГИЮ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ

Аннотация

Архитектура развивается в соответствии с историческим контекстом, включающим разные факторы. В современных условиях глобальных изменений существенно расширилась номенклатура зданий разного функционального назначения. Основным потребителем жилой архитектуры является семья или домохозяйство, поэтому на формирование типов жилых зданий и квартир влияют в первую очередь социально-демографические процессы, которые приводят к появлению новых

социальных практик, сообществ, трендов. Анализ архитектурно-планировочных решений для жилья выявляет связь с особенностями семей, хозяйственным укладом, образом жизни и социальными нормами. Разнообразие домохозяйств от одного человека до многопоколенной семьи или объединения людей, не связанных родством, но со схожими интересами формирует запрос на соответствующую материально-пространственную среду обитания.

В советских учебниках по архитектурному проектированию жилых зданий демографические аспекты ограничивались связью количества человек и половозрастной структуры семьи с количеством спальных комнат. Современные условия выявляют необходимость более глубоких исследований в определении оптимальных типов жилья для разных целевых потребителей. Имеет значение образ жизни, уровень доходов, сфера деятельности и образование, состояние здоровья и другие характеристики проживающих совместно людей.

Такой тип жилых зданий как дуплекс или квадрохаус оптимально подходит для расширенной семьи, облегчив жизнь людям поколения «сэндвич». Квартиры-студии и коливинги соответствуют образу жизни кидалтов и синглтонов, а также сообществам по интересам. Кохаузинги с общей открытой территорией создают благоприятные условия как для многодетных семей с возможностью поочередного присмотра, так и для проживания людей третьего поколения, являясь более гуманной и позитивной альтернативой домам престарелых.

Оптимально подобранный формат жилья для разных людей/ семей/сообществ или одного человека в разные периоды его жизни во многом определяет общий уровень благополучия.

Ключевые слова: архитектурная типология, поколение «сэндвич», синглтоны, кидалты, люди третьего поколения.

Abstract

Architecture develops in accordance with the historical context,

which includes various factors. In the current conditions of global change, the range of buildings with different functional purposes has expanded. The main consumer of residential architecture is the family or household, so the formation of types of residential buildings and apartments is primarily influenced by socio-demographic processes that lead to the emergence of new social practices, communities, and trends. An analysis of architectural and planning solutions for housing reveals a connection with the characteristics of families, economic conditions, lifestyle, and social norms. The diversity of households, ranging from single-person households to multigenerational families or groups of people who are not related but have similar interests, shapes the demand for an appropriate material and spatial living environment.

In Soviet textbooks on architectural design of residential buildings, demographic aspects were limited to the relationship between the gender and age structure and number of people in a family with the number of bedrooms. Modern conditions reveal the need for more in-depth research in determining the optimal types of housing for different target consumers. Lifestyle, income level, field of activity and education, health status, and other characteristics of people living together are important.

This type of residential building, such as a duplex or quad house, is ideal for extended families, making life easier for the sandwich generation. Studio apartments or co-living spaces suit the lifestyle of adults and singletons, as well as communities with similar interests. Co-housing with shared open spaces creates favorable conditions for large families, allowing them to take turns looking after each other, as well as for third-generation residents, providing a more humane and positive alternative to nursing homes.

An optimally selected housing format for different people/families/communities or for a single person at different stages of their life largely determines their overall level of well-being.

Keywords: architectural typology, «sandwich» generation, singletons, adults, third-generation people.

Архитектура означает формирование жизненных процессов.
В. Гропиус, архитектор

Архитектура в каждый исторический период формируется в соответствии с экономическими и политическими условиями, социальными нормами, строительными возможностями, эстетическими взглядами. В современных условиях архитектурно-строительная сфера развивается стремительными темпами за счет инновационных конструкций и материалов, передовых технологий, цифровизации. Усложняется типология архитектуры, расширяется номенклатура зданий и сооружений: активно строятся новые здания, проводятся мероприятия по реконструкции и реновации существующих. Эти процессы касаются всех типов архитектуры – жилой, общественной, промышленной и городской среды в целом. На формирование новых типов жилых зданий и квартир влияют, в первую очередь, социально-демографические факторы, так как семья или домохозяйство выступают основными потребителями жилой архитектуры.

В статье рассмотрены такие демографические процессы как старение населения, позднее вступление в брак и позднее рождение детей, что приводит к появлению новых домохозяйств и сообществ, трендов, социальных практик.

Методы исследования включают:

- изучение работ по социологии заботы и гендерным исследованиям (Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. и др.);
- анализ новых форм жилья, выявление связи между социально-демографическими процессами и архитектурными тенденциями;
- руководство курсовыми и дипломными проектами, диссертационными магистерскими исследованиями, направленными на архитектурное проектирование для конкретных социальных групп (поколение «сэндвич», соседские сообщества,

маломобильные группы населения, люди третьего возраста и пр.).

Со второй половины XX века демографические аспекты в архитектурном проектировании жилых зданий в Советском Союзе ограничивались связью количества человек и половозрастной структуры семьи с количеством спальных комнат. При этом была принята определенная иерархия комнат: самая большая – общая комната или гостиная, на втором по площади месте – «родительская спальня» и, далее, могло быть несколько меньших комнат для детей или старших родственников (рисунок 1). Некоторые спальные комнаты оборудовали в соответствии с текущими нуждами семьи (гостевая, мастерская, библиотека и пр.).

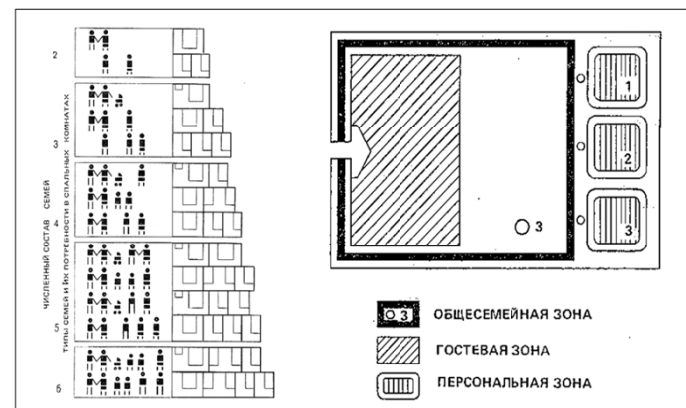

Рисунок 1 – Набор спальных комнат, соответствующий составу семей (слева). Принципы зонирования жилой ячейки (справа) [1, с. 220, 214].

Сегодня основной сегмент на рынке жилья – это многоквартирные жилые дома. По сравнению с советским периодом значительно расширилась квартирография: появились студии, европланировки, квартиры с мастер спальней и несколькими

санузлами, квартиры с террасами и пр. Новые формы домохозяйств – многопоколенные семьи, объединения родственников или друзей и выявление таких групп как поколение «сэндвич», «кидалты» и «синглтоны», «люди третьего возраста» – требуют новых соответствующих планировочных решений.

Поколение «сэндвич» – это люди среднего возраста, которые вынуждены заботиться о взрослеющих детях и пожилых родителях одновременно. Этот термин впервые употребила социальная работница Дороти Миллер в 1981 году, к «сэндвичам» она относит людей в возрасте от 45 до 65 лет. Поколение «сэндвич» появилось из-за демографических изменений. По данным ООН, только за последние 70 лет продолжительность жизни в мире увеличилась на 23 года. Вместе с этим люди стали позже вступать в брак и позже заводить детей. Выявляются также «Клуб-сэндвич» – это люди, которые зажаты уже с трех сторон: между стареющими родителями, взрослыми детьми и внуками. Л. Суркова, к. псих. наук отмечает, что «Сэндвичи» становятся заложниками обстоятельств: у них не остается времени на себя, возможности осознавать свои потребности, нет времени просто отдохнуть. Они работают исключительно на то, чтобы кормить верх и низ сэндвича [2].

В подавляющем большинстве заботу о младшем и старшем поколении берут на себя женщины. Это сказывается на их карьере, физическом и ментальном здоровье. Люди этой группы стараются оптимальнее организовать свою жизнь: перевести пожилого родственника к себе, объединить двух людей, нуждающихся в присмотре, отправить к родственнику жить ребенка-подростка и пр. Следует учитывать, что совместное проживание в одной квартире связано с риском психологической напряженности, поэтому риелторам часто приходится решать сложные схемы по обмену квартир, чтобы две квартиры оказались рядом: в одном доме, подъезде или даже на одной лестничной площадке.

Оптимизировать жизнь людям поколения «сэндвич», а зна-

чит и их младшим и старшим родственникам возможно с помощью следующих типов жилых зданий.

Блокированный дом. Дуплекс. Квадрохаус. Несмотря на то, что в Европе и Америке таунхаусы и их разновидности распространены давно, в России строительство малоэтажной жилой застройки начало появляться только в конце 1990-х годов. Ранее такой тип предназначался для загородной жизни, однако сегодня блокированный жилой дом набирает популярность и часто располагается в центре мегаполиса. Дом объединяет плюсы городской и загородной жизни: доступность всех возможностей города и высокоразвитой инфраструктуры, при этом есть отдельный вход и небольшой участок. Разновидностью блокированного дома является дуплекс, триплекс и квадрохаус, где соответственно два, три и четыре смежных блок-квартиры (рисунок 2). Это идеальный вариант для проживания нескольких поколений родственников. Дуплексы появились изначально в Англии в XIX веке именно для отселения повзрослевших детей. При проживании в одном доме двух семей, можно предусмотреть две кухонные зоны, что позволит всем чувствовать себя более независимым, при этом у людей среднего поколения будет больше времени на непосредственное общение и заботу о всех, и останутся ресурсы на свою жизнь.

Урбан вилла. Еще одним подходящим типом является городская вилла (урбан вилла). В отличие от блокированного дома с отдельным входом, урбан вилла это - многоквартирный дом средней этажности с одной секцией (подъездом). В таком доме может быть около 10-20 квартир, что также удобно для расселения родственников (рисунок 2). При условии оговоренных правил и границ, такое соседское проживание связано с взаимной помощью и заботой, существенно может облегчить нагрузку на поколение «сэндвич».

Рисунок 2 – Блокированный дом-дуплекс (слева, в центре).
Урбан вилла (справа) [3, 4, 5].

Для старшего поколения такие дома подходят из-за комфортной этажности, малого количества соседей, придомовых участков, тихого двора, а для молодого и среднего поколения – расположение в черте города, с возможностью учебы и работы.

В противоположность расширенным семьям с поколением «сэндвич» все больше молодых людей предпочитают одиночное проживание, в паре без детей или только с одним ребенком. Здесь следует рассмотреть синглтонов и кидалтов.

Синглтоны – люди, предпочитающие жить отдельно от других, сознательно отказывающиеся от брака и образующие своеобразную семью из одного человека. Доля домохозяйств в России, которые состоят из одного человека, превысила 40% – их более 27,5 миллиона (перепись населения от 2021 года). Это может быть следствием экономических кризисов, политической нестабильности, социальной напряженности, реакцией на быстро меняющийся мир или же осознанным выбором на вполне благополучном фоне.

Кидалты – это взрослые люди с детскими увлечениями (мультфильмы, супергерои, коллекционные игрушки и пр.). Поколение миллениалов больше сосредоточено на карьере и досуге, чем на создании семьи. По словам политолога Е. Шульман люди живут дольше, они остаются социально активными беспрецедентно долго, период детства и юности растягивается. Еще в позапрошлом веке 30-летний человек считался зрелым,

то сейчас он кажется нам очень молодым, почти подростком. Пары, желающие стать родителями, предпочитают иметь только одного ребенка. Parents Magazine назвал этот тренд «Один и готово». Другие же предпочитают заводить домашнего питомца. При этом «взрослые дети» имеют хорошее образование и заработок, знают несколько иностранных языков, участвуют в волонтерских движениях, экологических, политических и прочих акциях. Они покупают себе игры (головоломки, видеоигры), занимаются экстремальными видами спорта, проводят разнообразный досуг [6].

Для таких людей востребованы малогабаритные квартиры-студии, так как человек проводит дома мало времени, а в путешествиях – хостелы. Также набирают популярность коливинги. Однако следует отметить, если раннее взросление – признак бедности, то затянувшееся детство, наоборот, признак благополучия, поэтому зачастую кидалты – люди среднего и высшего класса, которые могут себе позволить дорогие увлечения, путешествия и траты только на себя. Соответственно вариантов жилого пространства для таких людей очень много на разный бюджет: от комнаты в коммунальной квартире до пентхауса.

Коливинг – это отчасти знакомая форма дома-коммуны. Жилое пространство представляет собой приватные одно- или двухместные комнаты с санузлами, общие зоны. Формат полюбился молодым, несемейным людям, так это дешевле и есть компания для совместного досуга (рисунок 3). По принципу коливингов устроены хостелы, как более дешевый и современный вариант временного размещения.

В первую очередь, совместным проживанием такого типа интересуются миллениалы и последующие поколения. В XXI веке больше одиночек, молодые люди стали более самостоятельными и меньше нуждаются в крепких социальных связях. Тем не менее, общение необходимо, и такие форматы жилья дают возможность плодотворного общения с единомышленни-

ками, но вместе с этим – и уединения, что невозможно в обычной семье [7].

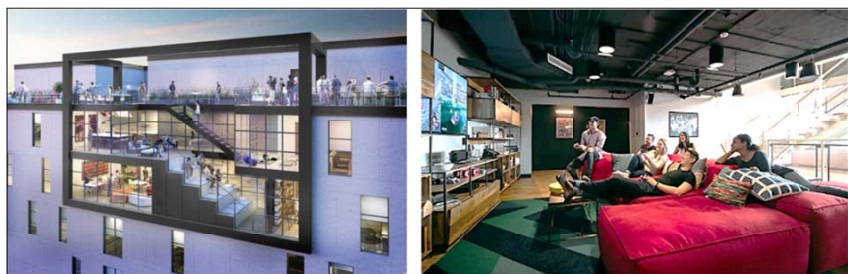

Рисунок 3 – Коливинг для людей одной возрастной группы и схожим образом жизни [8, 9].

Временное проживание в коливинге – это возможность начать самостоятельную жизнь, сепарироваться от родителей, пока полноценная квартира финансово не доступна. Также коливинги очень удобны для экспатов, или людей, временно работающих на одном проекте.

Люди третьего возраста – пожилые люди, вышедшие на пенсию или работающие, сохраняющие стремление к самореализации и активному образу жизни. Увеличение продолжительности жизни приводит к тому, что пенсионеры ведут полноценную жизнь в течение многих лет. Вместо «пожилые» вошло более мягкое социально-психологическое определение «люди третьего возраста», смещая акцент с пассивного зависимого образа жизни на новый активный этап, когда уже нет ежедневной работы, дети выросли, а интерес к жизни не угас. Так появился новый тип домохозяйства – объединение пенсионеров, в основном, женщин. Продолжительность жизни мужчин меньше и многие женщины в пенсионном возрасте остаются одни. Этот опыт активно развивается в мировой практике и получил название тренда «золотых девочек» по названию одноименного американского телесериала 1980-х годов, где четыре пенсионерки объединились под одной крышей.

Кохаузинг – форма коллективного проживания, созданная и управляемая людьми, которые в нем живут. В отличие от коливинга это больше идейная община. В кохаузинге теснее бытовая взаимовключенность, что больше похоже на семью. Кохаузинги обычно имеют свою территорию, где осуществляется совместный присмотр за детьми, праздники, уход за цветами или огородом. Кохаузинг является оптимальной формой для совместного проживания пожилых людей. Плюсами такого проживания является развитие культуры самоуправления среди пожилых жителей, снижение потребности в медицинских и социальных услугах.

В Лондоне с 2002 года работает группа Older Women's Cohousing (OWCH-«Совместное жилье для пожилых женщин»), которая помогает женщинам старше 50 лет знакомиться для совместного проживания. Комьюнити управляет 25 квартирами с общим садом, где женщины без собственного жилья могут проживать совместно, деля пространство и расходы. «Дружба вне семьи особенно значима для пожилых людей: она не перегружена ролевыми ожиданиями и дает больше свободы», – поясняет клинический психолог сервиса психотерапии Alter Юлия Пестерева [10].

Совместное проживание – скандинавская идея, набирающая популярность в Великобритании, где жители сотрудничают в проектировании и управлении своими сообществами. Члены OWCH работают вместе уже много лет, выдвигая идею создания сообщества поддержки для женщин в дальнейшей жизни. В 2010 году на основе соучаствующего проектирования (заказчик приглашается на все этапы разработки проекта) архитекторы для OWCH разработали Т-образную планировку, сосредоточенную вокруг общих помещений и общественных садов, которая придавала каждому дому свой собственный вид и солнечный свет (рисунок 4). Места общего пользования у входа являются центром сообщества. Уютный конференц-зал общего дома, кухня и просторные обеденные зоны дополнены

другими практичными удобствами, такими как прачечная и сушилка, расположенные во внутреннем дворе, а также комната для гостей с балконом, которая служит более тихим местом для проведения совещаний. Центром внимания является большой центральный сад и мастерскими для рукоделия [11].

Рисунок 4 – Проект «Совместное жилье для пожилых женщин», Лондон [11].

Для совместного проживания пенсионеров также подходит коливинг. Если их история началась как арендное жилье для вчерашних студентов, то сегодня стали появляться коливинги для старшего поколения. Так, в Лондоне коливинг для пожилых расположен в самом центре города, в районе Баттерси. Комплекс Battersea Place выходит окнами на одноименный парк. Это кондоминиум – то есть, имея множество собственников, он управляется единой управляющей компанией. При этом проект был создан в формате Life Care Residences – это сеть специализированных резиденций для пожилых состоятельных людей. Совместный быт и забота проявляется в разнообразных активностях: резиденты этого закрытого клуба по вечерам играют в бридж, слушают музыку, смотрят кино, показывают друг другу семейные фото, принимают гостей и много другое, что придумает комьюнити-менеджер. Такой формат намного привлекательнее дома престарелых [12].

В мировой практике известны случаи реализации идеи коли-

винга среди знакомых людей. Например, в Китае семь подруг, которые знакомы уже около 20 лет купили особняк в пригороде Гуанчжоу. В доме есть отдельные спальни для каждой, имеются и общие зоны – бассейн и павильон для чайных церемоний.

Жилая архитектура исторически отражала жизнь людей в полной мере, не случайно по жилищу можно составить представление о быте, ценностях, строительных возможностях того или иного народа в определенный период времени. Коливинги отражают современные реалии, характеризующиеся мобильностью, цифровизацией, экономикой совместного потребления и пр. [13, с. 402].

Следует отметить, что упомянутые формы не новы в истории. Коливинги – это в прошлом дома-коммуны и отчасти коммунальные квартиры. Проживание женщин вместе известно еще со средневековья, когда похожими «союзами» становились религиозные сестринства. В XVIII веке Ш. Фурье разработал утопическую идею об объединении в Фаланстеры – дворца особого типа, коммуны из 1600-1800 человек, трудящихся вместе для взаимной выгоды. Однако, следует выявить существенную разницу: в случае, например, с домами-коммунами инициатива шла «сверху», от государственной идеологии и целью было обобществление быта, уравнивание советских граждан в образе жизни. Идея пожилым женщинам жить вместе идет «снизу», от самих целевых потребителей.

Таким образом, демографические процессы, связанные со старением населения и поздним взрослением приводят к разнообразию домохозяйств и появлением характерных поколений, что находит отражение в развитии новых типов жилых зданий и планировочных решений (таблица 1).

Выявление поколения «сэндвич» подсветило необходимость развития института заботы, чтобы уход за близкими не ложился грузом на одного человека, а частично перешел на уровень общественных институтов. Во многом облегчить и разгрузить человека, зажатого с двух сторон, могут архитек-

турно-планировочные решения (дуплекс, квадрохауз, урбан-вилла). Нежелание жить в одиночестве, не быть обузой детям и внукам вылилось в тренд объединения пожилых людей, преимущественно женщин для совместного проживания в кохаузингах или коливингах. В последних, наравне с компактными квартирами-студиями могут жить и молодые люди, синглтоны и кидалты, много путешествующие и непритязательные в быту.

Таблица 1 – Соответствие новых типов жилья разным потребителям.

Целевая группа	Тип жилого здания, квартиры	Примечание
Многопоколенные семьи Объединения родственников	Блокированный дом, в т.ч. дуплекс и квадрохауз Урбан-вилла	Плюсы загородной и городской жизни Уменьшение нагрузки на поколение «сэндвич»
Кидалты Синглтоны Экспаты Мигранты Сообщества по интересам	Коливинг Квартира-студия	Общие бытовые пространства Схожий образ жизни Одна возрастная группа Экономия на аренде квартиры Возможность путешествовать
Люди третьего возраста Многодетные семьи	Кохаузинг	Общие бытовые пространства Общая открытая территория Взаимная забота и поддержка Совместный досуг

Следует отметить неоднозначное отношение в обществе к некоторым типам жилья, как следствие непринятия соответствующего образа жизни. Наибольшую критику вызывает

развитие коливингов и квартир-студий, так как эти типы поддерживают спрос на одиночное проживание, пары без детей или совместное проживание группы молодых людей. Однако такие варианты проживания ни в коем случае не заменяют 2-, 3-, 4-комнатные квартиры или индивидуальные жилые дома для традиционных нуклеарных семей, а лишь дополняют рынок жилья, реагируя на актуальные социальные потребности. Квартиры-студии и коливинги можно рассматривать как стартовую недвижимость и временное проживание для тех, у кого нет возможности на полноценную отдельную квартиру. Потребности и приоритеты каждого человека или семьи индивидуальны и меняются в течение жизни и от того, насколько оптимально будет подобран формат жилья в тот или иной период, зависит уровень благополучия человека, семьи и в целом общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Яргина З.Н, Хачатрянц К.К. Социальные основы архитектурного проектирования: Учеб. для вузов. – М.: Стройиздат, 1990.–343 с.:ил.
2. Жизнь ради других: что такое поколение «сэндвич». Сайт РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/> (дата обращения: 12.07.2025)
3. Дуплекс и все его основные особенности [Электронный ресурс] <https://www.dkrealty.ru/> (дата обращения: 12.09.2025)
4. Двух-этажный дом 9х16 до 260 м² по проекту КАХОЛОНГ [Электронный ресурс] <https://bog-ecoran.ru/> (дата обращения: 15.09.2025)
5. Что такое урбан-виллы? Разбираемся в преимуществах и недостатках нового типа жилья. URL: <https://pr-flat.ru/blog/kak-vygodno-i-bystro-prodat-svoyu-kvartiru-v-ekaterinburge/> (дата обращения: 12.09.2025)
6. Кидалты: почему взрослые впадают в детство. Сайт РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/> (Дата обращения:

12.09.2025)

7. Коливинг – расскажем все. [Электронный ресурс] <https://www.sravni.ru/> (дата обращения: 16.09.2025)

8. Изучаем новый формат для жизни [Электронный ресурс] <https://pr-flat.ru/blog/chto-takoe-koliving-izuchaem-novyy-format-dlya-zhizni/> (дата обращения: 16.09.2025)

9. Что такое коливинг? [Электронный ресурс] <https://colife.ru/coliving-colife-moskva> (дата обращения: 16.09.2025)

10. А. Бобина, «Тренд золотых девочек»: как женщины ищут компаньонку для совместной жизни на пенсии. – Сайт Forbes.ru [Электронный ресурс] <https://www.forbes.ru/forbes-woman/> (дата обращения: 12.07.2025)

11. Older Women's Cohousing. [Электронный ресурс] <https://www.owch.org.uk/> (дата обращения: 12.07.2025)

12. Коливинги для пожилых. Как устроены сообщества для обеспеченных стариков и когда они появятся у нас? Сайт «Рамблер». – [Электронный ресурс] <https://finance.rambler.ru/realty/> (дата обращения: 12.07.2025)

13. Яковенко, Д. С. Коливинг: архитектура как отражение образа жизни / Д. С. Яковенко, П.В. Михнова // Актуальные проблемы недропользования: тезисы докладов XVIII Международного форума-конкурса студентов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 15–21 мая 2022 года. Том 3. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский горный университет, 2022. – С. 400-402. – EDN TLHUGU

Мицух С.В., Бургарт Л. А.

КАЗАХСТАН КАК ТУРИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЛЯ ГЕРМАНИИ: ИДЕЯ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА К РАЗВИТИЮ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы развития въездного туризма в Казахстане. На основе анализа статистических сведений и материалов исследований представлена картина современного состояния основных видов туризма в Казахстане, при этом особое внимание уделяется въездному туризму из дальнего зарубежья. Посредством метода интервью исследуются преимущества, потенциал, недостатки и проблемы Казахстана как туристического направления, а также возможности формирования и продвижения казахстанского туристского продукта для отдельной страны – Германии.

Ключевые слова: Въездной туризм в Казахстане, туристическое направление, туризм из дальнего зарубежья, казахстанский туристский продукт, германские туристы.

Abstract

The article discusses the problems of inbound tourism development in Kazakhstan. Based on the analysis of statistical data and research materials, the article presents a picture of the current state of the main types of tourism in Kazakhstan, with a special focus on inbound tourism from foreign countries. Through the interview method, the article explores the advantages, potential, disadvantages, and problems of Kazakhstan as a tourist destination, as well as the possibilities of creating and promoting the Kazakhstani tourist product for a specific country, Germany.

Keywords: Entering tourism in Kazakhstan, tourist destination, tourism from foreign countries, Kazakhstani tourist product,

German tourists.

Туризм в современном мире является одной из главных составляющих мирового хозяйства и играет существенную роль в экономике многих стран мира. Казахстан также стремится стать развитой туристической страной. Интерес к Казахстану, как к туристическому направлению, в последние годы заметно вырос. Государство заинтересовано в развитии въездного туризма, особенно из стран дальнего зарубежья. В то же время в туристской отрасли Казахстана по-прежнему существует немало проблем, препятствующих привлечению иностранных туристов и успешному продвижению национального турпродукта на мировом рынке. Проявляющие интерес к Казахстану туристы из Германии, Китая, Индии, США и т.д. отличаются по менталитету, целям, потребностям, запросам и ожиданиям. Сегодня меняются подходы к проблеме привлечения иностранных туристов в страну. Современные концепции и идеи предполагают подход ко всем посетителям не с единой программой, а дифференцированно, ориентируясь на конкретный спрос, специфические интересы и менталитет зарубежных туристов.

Цель данного исследования: изучить и представить современное состояние, потенциал, возможности формирования и продвижения казахстанского туристского продукта для отдельной страны – Германии.

Основную базу работы составили следующие источники и литература:

1. Официальные статистические материалы, сведения и данные о состоянии туризма в Казахстане.
2. Концепция развития туристской отрасли Республики Казахстан на 2023-2029 гг. [1].
3. Данные интервью с посетителями из Германии и бывшими казахстанскими немцами.
4. Современные исследования, статьи и публикации, издан-

ные в последние 5-7 лет, которые можно разделить на 3 основные группы:

4.1 Общие научные работы, аналитические исследования, материалы последних научных конференций о состоянии туризма и туристической отрасли в Казахстане на современном этапе, в которых представлена информация о развитии туризма в Казахстане в целом, его туристическом потенциале, освещаются основные проблемы сферы туризма, а также представлен въездной туризм, как одно из направлений туризма [2].

4.2 Исследования по проблемам развития въездного туризма в Казахстане, в центре внимания которых именно направление въездного туризма, проблемы и перспективы его развития, вопросы формирования туристического имиджа Казахстана [3].

4.3 Публикации о въездном туризме и туристах из Германии в периодической печати и средствах массовой информации.

5. Электронные ресурсы, содержащие информацию о Казахстане для туристов из Германии на немецком языке.

6. Видеоматериалы различных блогов о поездках туристов из Германии в Казахстан на немецком языке.

Существует множество классификаций туризма. Всемирная туристская организация (ЮНВТО) предлагает классификацию туризма по территориальному аспекту: «Посетители могут путешествовать в пределах своих стран постоянного проживания или за их пределы. При этом они должны пересекать национальные и административные границы (за исключением случаев поездок в дачные дома). Для целей определения экономики (или места), в которых будет наблюдаться экономический эффект от туризма, важно квалифицировать туризм с точки зрения пересечения таких границ» [4]. То есть, критерием является факт пересечения государственных границ. Исходя из этого критерия, ЮНВТО выделяет три вида туризма и описывает данные виды туризма следующим образом: «Внутренняя поездка — это поездка, основное место назначения которой находится в пределах страны постоянного проживания посе-

тителя. Въездная или выездная поездка — это поездка, основное место назначения которой находится за пределами страны постоянного проживания посетителя» [4, с. 45-46].

Очень важно определить методику учета потока въездного туризма. ЮНВТО отмечает: «В случае въездного туризма (как и в случае въездных путешествий в целом) объектом наблюдений обычно являются «поездки», а именно передвижения нерезидентов через международные границы» [4, с. 50-51].

В Казахстане можно выделить две методики определения численности въездных туристов. Методика №1 учитывает все въезды в страну лиц, не проживающих постоянно на ее территории. Методика №2 учитывает только тех въезжающих туристов, которые использовали официальные места размещения (отели, санатории, базы отдыха и т.д.). Обе методики имеют свои недостатки. В первом случае часто учитываются и те лица, которые въехали для работы, последующего трудоустройства и не имеют к туризму никакого отношения (нелегальные трудовые мигранты). Вторая методика упускает из вида гостевых туристов, посетителей, которые используют неофициальные, частные места размещения (квартиры, апартаменты и т.п.). В данной работе будут использованы статистические данные учета по первой методике, с некоторой корректировкой. Эти данные включают всех посетивших Казахстан в течение года. Необходимо отметить, что статистические данные не являются абсолютно полными и максимально точными, нередко есть расхождения и разночтения в сведениях. Казахстану нужно усовершенствовать методику учета въездных туристов.

Для анализа состояния туризма в Казахстане мы использовали статистические данные за период 2018-2023 гг. [5]. При этом для сопоставления использовали данные за 2018 г., так как это последний год до начала «пандемии коронавируса», когда турпотоки еще не находились под влиянием карантинных ограничений, и данные за 2023 г., когда окончательно были сняты ограничения и турпотоки вернулись в естествен-

ное состояние.

В Казахстане представлены все три вида туризма. Страна имеет огромный потенциал для развития не только внутреннего, но и въездного туризма: выгодное географическое расположение, разнообразие природы и ландшафтов, богатое и уникальное историко-культурное наследие. Но насколько этот потенциал используется сегодня, и каково реальное состояние въездного туризма в Казахстане?

В 2018 г. общий турпоток в Казахстане составил 23,3 млн. человек. Из них 10,7 млн. – выездной туризм, 8,7 млн. – въездной туризм, 4,6 млн. – внутренний туризм [5]. В 2019 г. начались карантинные ограничения из-за «коронавируса». На протяжении 2-х лет туристическая отрасль по всему миру находилась в кризисе. Лишь с конца 2022 г. турпотоки начали восстанавливаться до «предпандемийного» уровня. В 2023 г. общий турпоток в Казахстане составил 29,3 млн. человек. Мы видим увеличение, в сравнении с 2018 г., на 6 млн. человек. По всем трем видам отмечается рост показателей: выездной туризм вырос на 500 тыс. и составил 10,5 млн., въездной туризм также вырос на 500 тыс. и составил 9,2 млн., внутренний туризм вырос на 5 млн. и составил 9,6 млн. человек (Приложение 1).

Столбчатая диаграмма (Приложение 1) наглядно представляет динамику развития трех видов туризма в Казахстане, и позволяет провести их сравнительный анализ. Динамика в целом положительная по всем трем видам. В 2018 г. на первом месте по численности находился выездной туризм. Вторую строчку занимал въездной, а на третьем месте находился внутренний туризм. К 2023 г. выездной туризм по-прежнему преобладает, внутренний туризм поднялся на второе место, а въездной туризм сместился на третье место (Приложение 2).

Рассмотрим более подробно ситуацию по въездному туризму. На графике (Приложение 3) представлена динамика численности въездных туристов в Казахстане в период 2018-2023гг. Уже в 2019 г. началось снижение численности въезд-

ных туристов, с 8,7 млн. человек до 8,5 млн. Затем произошло резкое сокращение в 2020 и 2021 гг. из-за «пандемии» до 1,3 млн. человек. В 2022 г. численность въездных туристов увеличилась до 4,7 млн. И только в 2023 г. въездной турпоток восстановился и даже увеличился до 9,2 млн. человек (Приложение 3). На первый взгляд это неплохие показатели и довольно большое число туристов. Но если мы рассмотрим состав въездных туристов по странам происхождения, который представлен на диаграмме (Приложение 4), то увидим, что основная масса въездных туристов приезжает в Казахстан из стран СНГ (более 90%). В 2023 г. Казахстан посетили 3,6 млн. человек из Узбекистана, 2 млн. - из России, 1,6 млн. - из Кыргызстана и 700 тыс. - из Таджикистана [6]. При этом значительная часть посетителей из стран Средней Азии на самом деле являются не туристами, а трудовыми мигрантами.

Лишь небольшая доля приходится на страны дальнего зарубежья. В 2018 г. туристы из дальнего зарубежья составили лишь около 7% (610000 человек) (Приложение 5). Из них 121 тыс. - из Турции, 101 тыс. - из Германии, 77 тыс. из Китая и по 32 тыс. из Индии и США. В 2023 г. мы видим, что численность туристов из дальнего зарубежья возросла и составила около 1 млн. человек (Приложение 5). Из них 367,4 тыс. - из Китая, 85 тыс. - из Германии, 78 тыс. - из Индии, 35,6 тыс. - из Южной Кореи и 10,5 тыс.- из ОАЭ [7]. Доля туристов из дальнего зарубежья по-прежнему невелика и составляет около 10 % (Приложение 4). Это говорит о том, что въездной туризм в Казахстане развит недостаточно и в туристической области есть значительные проблемы.

Какие причины препятствуют развитию въездного туризма из дальнего зарубежья? «Развитие въездного туризма и конкурентоспособность страны находятся в прямой зависимости от таких факторов, как:

- 1) состояние экономики государства;
- 2) объем туристских ресурсов;

- 3) визовая система для иностранных туристов;
- 4) уровень развития сферы туроператорского продукта и услуг;
- 5) качество продукта в туристских дестинациях;
- 6) развитие транспорта и инфраструктуры;
- 7) государственная политика в сфере туризма;
- 8) эффективный маркетинг» [8, с. 88].

Проблемы в выделенных сферах отражаются и на внутреннем, и на въездном туризме Казахстана. Несмотря на высокую общую численность въездных посетителей Казахстана и положительную динамику, доля туристов из дальнего зарубежья пока невелика. Нужно решить целый комплекс ключевых проблем туристской отрасли Казахстана в целом. Но при этом также важно определить конкретные меры для развития въездного туризма.

Въездной туризм является важной частью экономики многих стран мира. Он обеспечивает приток иностранного капитала, способствует созданию рабочих мест, развитию инфраструктуры, культурному обмену. Поэтому Казахстан также стремится к развитию въездного туризма. Особым приоритетом является въездной туризм из дальнего зарубежья, который, как мы видели, пока развит недостаточно. Туристы из экономически развитых стран Запада и Востока могут обеспечить более высокие доходы туристской отрасли Казахстана.

Развитие въездного туризма и увеличение потока посетителей из стран дальнего зарубежья является приоритетным направлением государственных концепций [1] и программ туристской отрасли Казахстана в последние годы [9].

На современном этапе меняются подходы к проблеме привлечения иностранных туристов в страну. На состоявшемся в июне 2024 г. в Аккорде совещании по проблемам развития туризма в Казахстане эксперты высказали очень интересные, важные идеи и новые взгляды на проблему. Например, говорилось о том, что Казахстану нужно сначала определить какого

туриста он ждет, поставить конкретные цели, а не просто создавать туристические объекты и турпродукты. Основатель исследовательской компании Incide Travel Еркин Тикенов и эксперт по проектному управлению Анвар Ахметжанов считают, что необходимо начинать с налаживания турпотоков и понимания потребностей туристов. Для этого нужно четко определить, для каких туристов и с каких рынков мы развиваем туризм, почему туристы из определенных стран выбирают Казахстан в качестве туристического направления и что именно их интересует. Наряду со строительством дорог и объектов, нужно учитывать также и предпочтения туристов. «Какого гостя мы ждем? Туриста, который хочет отдохнуть на пляже, или того, кто хочет узнать новое, содержательное, историю, культуру, ознакомиться с кухней?» [10]. Эксперты считают, что вначале нужно работать не с предложением, а со спросом, понимая, почему тот или иной гость из определенной страны едет в Казахстан [10]. Они предлагают определить целевые группы туристов и проанализировать их предпочтения, решить за каких туристов будет бороться Казахстан на международном рынке, и с кем будет конкурировать. Была высказана очень важная идея о том, что «нужно понимать нашу аутентичность и уникальность для каждого типа гостя, лучше изучать мотивы туристов и наличие турпродуктов для них» [11].

Исходя из современных концепций и идей привлечения иностранных туристов в Казахстан, которые предполагают подход ко всем посетителям не с единой программой, а дифференцированно, ориентируясь на конкретный спрос, специфические интересы, потребности и национальный менталитет зарубежных туристов, предлагаем рассмотреть Казахстан как туристическое направление для отдельно взятой страны – Германии. Данный выбор не случаен. Германия одна из крупнейших стран Европы с численностью населения в 84,6 млн. человек. По этому показателю она занимает первое место в Европейском Союзе и 17 место в мире. Германия – экономический

центр Европы, по уровню ВВП она занимает 5 место в мире. Германия является развитой туристической страной. Жители Германии любят путешествовать. В 2023 г. 44 млн. жителей Германии отдыхали за рубежом. На путешествия от 5 и более дней туристы из Германии потратили в 2023 г. более 87 млрд. евро [12]. Именно Германия на протяжении многих лет показывала постоянный рост численности въездных туристов в РК и до «пандемии» занимала первое место в сегменте стран дальнего зарубежья. Лишь в 2023 г. после установления Казахстаном безвизового режима для Китая, Германия уступила пальму первенства, но по-прежнему входит в топ-3 стран по въездному туризму. По данным статистики в 2023 г. Казахстан посетило 367 тыс. граждан Китая, 85 тыс. – граждан Германии и 78 тыс. граждан Индии [7].

Германия занимает особое место в сегменте въездного туризма в РК и это объясняется целым рядом предпосылок:

1. Исторические связи Казахстана и Германии. В результате массовой эмиграции этнических немцев в конце 1990- начале 2000-х гг. на территории Германии сегодня проживает около 1 млн. бывших казахстанских немцев. По данным Переписи населения РК 2021 г. в Казахстане проживает 226 тыс. этнических немцев. Вместе с бывшими казахстанскими немцами в Германии они являются мостом, соединяющим две страны особой связью.

2. Политические и дипломатические связи. Дипломатические связи между двумя ФРГ и РК насчитывают уже 32 года. Германия стала одной из первых стран, для граждан которых Казахстан в 2014 г. ввел безвизовый режим на 15 дней. С декабря 2016 г. Казахстан увеличил срок безвизового режима до 30 дней. Введение безвизового режима привело к резкому увеличению турпотока из Германии [13]. Также туристы из Германии могут оформить в казахстанских представительствах за рубежом туристическую визу на более длительный срок до 90 дней. Процедура оформления также не является сложной.

3. Экономические и деловые связи. Между Казахстаном и Германией развивается торгово-экономическое сотрудничество. В 2023 г. взаимный товарооборот составил – 3,9 млрд. долларов. На Казахстан приходится 80% торгового объема Германии в Центральной Азии [14]. Сегодня в Казахстане насчитывается более одной тысячи действующих компаний с участием немецкого капитала. Германия входит в число 10 самых крупных торговых партнеров Казахстана. Представители немецкого бизнеса регулярно посещают Астану, Алматы и регионы Казахстана. Таким образом, существует потенциал для развития делового туризма.

4. Культурно-гуманитарные связи. Германия и Казахстан активно развивают культурное сотрудничество в разных областях.

Казахстан и Германия тесно взаимодействуют во многих сферах, и это не может не влиять на особенности развития въездного туризма из Германии. График (Приложение 6) представляет динамику въездного туризма из Германии в 2017-2023 гг. Мы видим, что вплоть до «пандемии» шло ежегодное увеличение турпотока. В 2018 г. и 2019 г. численность въездных туристов из Германии составила более 100 тыс. человек. Затем последовал резкий спад из-за карантина в 2020-2021 гг. до 19 тыс. человек. К 2023 г. турпоток вырос до 85 тыс. человек, но пока не достиг допандемийного уровня (Приложение 6). На сегодняшний день можно сказать, что на 1000 зарубежных поездок туристов из Германии по миру на Казахстан приходится около 2 поездок. По данным Министерства туризма и спорта Казахстана расходы иностранных туристов (тех, которые официально останавливались в местах размещения), составили за 9 месяцев 2024 г. 4,1 млрд. тенге, в среднем на человека 180 тыс. тенге за среднее время пребывания – в четыре ночи. Самые высокие расходы были у туристов из ОАЭ и Германии, соответственно, 571 тыс. и 570 тыс. тенге на одного человека [15].

К сожалению, нет точных статистических данных о структуре въездного туризма из Германии. Основная доля, безусловно, приходится на гостевой туризм (бывшие казахстанские немцы и члены их семей едут в гости к своим родным и друзьям). Некоторые наши бывшие соотечественники при этом совмещают гостевую поездку с посещением курортных зон и национальных парков. Однако, есть и те, кто ограничиваются гостевой целью, визитами к родственникам, что связано со слабой информированностью самих въезжающих и принимающих их родственников о внутренних турпродуктах регионов и страны. Также есть среди въездных посетителей из Германии деловые туристы и туристы, посещающие Казахстан с иными туристическими целями (познавательный, экотуризм, культурный, спортивный и другие виды туризма). Но их численность гораздо ниже.

В целом можно сказать, что, несмотря на то, что Германия по количеству въездных туристов в Казахстане входит в число стран-лидеров, объем турпотока пока еще не велик и в его структуре преобладает гостевой туризм, потенциал взаимосвязей двух стран используется пока недостаточно.

Для того чтобы рассмотреть возможности развития Казахстана как туристического направления для Германии, необходимо сначала изучить спрос: установить предпочтения, интересы, запросы, мотивы немецких туристов, их представления о Казахстане, ожидания и опасения. С этой целью были проведены интервью, а также изучены уже опубликованные мнения граждан Германии о Казахстане как туристической стране.

В интервью приняло участие 15 человек (4 мужчин и 11 женщин). Возраст респондентов от 32 лет до 61 года. Участников интервью можно разделить на 3 группы:

- 1) коренные немцы - граждане Германии, которые посещали Казахстан преимущественно с рабочими целями;
- 2) коренные немцы - граждане Германии, которые никогда не были в Казахстане;

3) бывшие казахстанские немцы, проживающие в Германии.

Большая часть респондентов знакома с Казахстаном, имеет определенную информацию о стране и одновременно знает менталитет и интересы потенциальных немецких туристов. Респондентам предлагалось ответить на 7 основных вопросов:

1) Бывали ли Вы в Казахстане, и с какой целью?

2) Считаете ли Вы Казахстан привлекательным туристическим направлением для Германии?

3) Какие плюсы и преимущества имеет Казахстан как туристическая страна?

4) Недостатки и минусы Казахстана для немецкого туриста.

5) Достаточно ли в Германии информации о Казахстане как туристическом направлении?

6) Что могло бы заинтересовать немецких туристов в Казахстане, какой вид туризма?

7) Что больше всего пугает потенциальных туристов из Германии в Казахстане?

На основе анализа проведенных интервью были получены следующие результаты:

1) Практически все респонденты считают Казахстан привлекательным и даже очень привлекательным туристическим направлением для Германии: «Казахстан является очень привлекательной туристической страной для Германии. Это экзотично, неизведанно, загадочно. Это очень интересно и привлекательно для туристов и многие хотели бы изведать такие страны как Казахстан, Узбекистан, Монголия. Это для них что-то совершенно новое и интерес присутствует очень большой. Люди хотят экзотики, и шансов у Казахстана здесь очень много». Один из респондентов отметил, что Казахстан, как туристическое направление, привлекателен не для всех категорий, но «для туристов, которые любят приключения, Казахстан был бы хорошей возможностью».

2) Среди преимуществ Казахстана как туристского направления большинство респондентов (12 из 15) назвали природу

(разнообразии природы, ландшафтов, широта страны, нетронутость природы, неизведанность, немногочисленность природных объектов). Респонденты отмечали: «Реки, озера, горнолыжные зоны не переполнены, немногочисленны»; «Страна поражает своей разнообразной природой: горы и каньоны, пустыни и степи, озера и леса»; «Казахстан богат удивительными, прекрасными местами, его природа разнообразна - от бескрайних степей до высоких гор»; «Страна не переполнена туристами. В определенных местах можно наслаждаться нетронутой природой. Ты не окружен постоянно толпой из тысяч туристов»; «Большая территория: Казахстан может предложить ландшафты на любой вкус от степи до тайги, от гор до пустынь и каньонов». На втором месте среди преимуществ (11 из 15) – этнокультура (национальная культура казахов, история и традиции кочевников, быт, национальная кухня (казахская и русская), многообразие этносов, интересная история). Респонденты выделяли «кочевую культуру казахского народа, юрты, казахскую кухню, города Великого Шелкового пути, интересную историю, например, Музей Абая, Карлаг». И замкнули топ-3 преимуществ – гостеприимство и доброжелательность (8 из 15). По мнению респондентов: «О казахском гостеприимстве можно слагать оды. Гостеприимство в крови у казахского и русского народа». Они называли гостеприимство жителей Казахстана «впечатляющим». Кроме того, среди преимуществ респонденты называли: безвизовый въезд, загадочность страны, наличие таких метрополий как Астана и Алматы, наличие международных аэропортов и прямого рейса, политическую стабильность, а также отсутствие языкового барьера для русскоговорящих туристов. Респонденты отметили удобное расположение Казахстана в качестве «перевалочного» пункта для путешествия в другие страны, например, в Китай, а также новизну. Кроме того, была отмечена дешевизна туристического направления: «В переводе на евро Казахстан для немецкого туриста очень дешевая страна. Немецкие туристы очень любят ездить в де-

шевые страны, где они за свои евро могут позволить себе гораздо больше, чем могут позволить себе в Германии, в Европе, и это большое преимущество». Также были проанализированы уже опубликованные мнения немецких туристов о Казахстане: статьи, заметки, видео блоги о путешествиях в Казахстан. Кристиан Гроссе (налоговый консультант, журналист, путешественник, был в Казахстане 7 раз) отмечает: «Казахстан для меня это – бескрайние дали, красивые ландшафты, особенная культура и кухня. Я действительно стал фанатом казахской кухни» [16]. Дагмар Шрайбер (путешественница, известный специалист по Казахстану): «Люди приезжают в Казахстан для того, чтобы посмотреть то, чего у них уже нет, а в Казахстане – пока есть» [17], «Казахстан впечатляет туристов наследием Шелкового пути, космическим туризмом, советским наследием и современной архитектурой» [18].

3) В тоже время респонденты отмечали недостатки и минусы Казахстана как туристического направления. Прежде всего, они называли языковой барьер - слабое знание английского и немецкого языка персоналом и в стране в целом (8 из 15). На втором месте (6 из 15) - некачественная инфраструктура и низкий уровень сервиса. Респонденты отмечают: «В некоторых отелях недостаточно чисто. Часто немцам нужна простота, простая обстановка, но при этом должно быть чисто»; «Мало хороших дорог, придорожных туалетов, нет или мало организованных площадок для пауз»; «Из-за того, что страна огромная и транспортное сообщение еще не на высоком уровне, затруднено передвижение туристов по Казахстану. Не хватает инфраструктуры, сервиса для того, чтобы удовлетворить любого туриста». На третьем месте среди недостатков (5 из 15) - долгий путь из Германии в Казахстан (длительный перелет, мало прямых рейсов). Кроме того, среди минусов были названы: «большое скопление мусора, другой менталитет, недостаток информации и сложность оформления туров, погодные условия, оформление визы (многие не знают о безвизовом

въезде), сложности для поездки с детьми, высокие цены в ресторанах, коррупция и предвзятое отношение к иностранцам, дорогие авиабилеты». Многие бывшие казахстанские немцы и члены их семей имеют желание посетить Казахстан, но их сдерживают высокие цены на авиабилеты, недостаточное количество прямых рейсов. Этот фактор также негативно влияет на турпотоки.

4) На вопрос о том, что больше всего пугает потенциальных туристов из Германии в Казахстане, 7 человек из 15 назвали языковой барьер, 6 назвали уровень медицины (в случае катастрофы или заболевания) и состояние гигиены (санитарные условия). Также некоторые респонденты называли «низкие стандарты на периферии, проблемы личной безопасности, коррупцию, чужой менталитет, неудобное авиасообщение и дальнюю дорогу, политическую нестабильность, криминальный рейтинг стран СНГ, авторитарное государство».

Таким образом, анализ данных интервью подтверждает, что жители Германии оценивают Казахстан, как туристическое направление, в целом позитивно. Хотя они и выделяют ряд недостатков и опасений, преимуществ у данного туристического направления при этом все же больше, и оно является привлекательным для Германии.

Для развития туристического направления и увеличения въездного турпотока особенно важны маркетинг и информация. Рассмотрим, как выглядит ситуация с казахстанским турпродуктом на рынке Германии. Анализ данных интервью показывает дефицит информации о Казахстане, как о стране в целом, так и о туристическом направлении. Почти все респонденты ответили, что информации о Казахстане, как о туристическом направлении, мало, недостаточно, либо нет совсем. В ответах они отмечали: «Реклама казахстанского туризма очень редко в Германии встречается. Иногда продают туристические поездки/пакеты в Среднюю Азию, которые включают южный Казахстан. Такие экзотические поездки очень дорогие»; «В

Германии не слышал о турах в Казахстан, нет информации. Многие не знают, как получить визу. Нет информации о достопримечательностях. Многие люди в Германии даже не имеют представления о Казахстане, где это, что там можно увидеть. Многие думают, что там живут только русские и казахстанские немцы.»; «Информации о Казахстане в Германии, можно сказать, что нет... В Грузию уже поехали массово, думаю, потому, что они себя лучше презентуют. Нужна реклама на хорошем уровне. Нужно, чтобы на большом уровне шла агитационно-просветительская работа. Первые турбюро начали предлагать туры Казахстан-Монголия, просто Казахстан»; «В последнее время информации стало больше. Есть прямые рейсы из Европы в Казахстан».

Из-за отсутствия актуальной информации у некоторых жителей Германии нередко возникают негативные ассоциации с Казахстаном, либо же они вообще не знают ничего о стране. Информация о преимуществах Казахстана, как туристического направления, остается недоступной для широких слоев населения. Многие до сих пор не знают о наличии безвизового режима для поездок в Казахстан сроком до 30 дней и считают, что могут возникнуть трудности при оформлении визы. В основном более осведомлены те, кто был в Казахстане с рабочей визой, сталкивался с информацией на сайте Казахстанского консульства. Все эти факторы не способствуют увеличению турпотока из Германии в Казахстан.

На современном этапе предпринимаются шаги для повышения информированности о туристском потенциале страны и продвижения турпродуктов. Казахстан в последние годы все чаще принимает участие в международных туристических выставках, таких как – ITB-Berlin, IMEX Frankfurt. Организуются фотовыставки, тематические встречи, посвященные Казахстану, но их недостаточно [19].

Одними из важнейших ресурсов для туризма являются справочные информационные издания, в частности путеводители.

В 2003 г. был издан первый путеводитель о Казахстане на немецком языке в Германии [20]. Это действительно уникальное издание. Его автором стала Дагмар Шрайбер – немецкая путешественница, которая впервые приехала в Казахстан в 1994 г. для проведения социологических исследований, влюбилась в эту страну и жила в Казахстане около 20 лет. За ее активную гражданскую позицию по защите природы «Кок-Жайлау» она подверглась нападкам и преследованиям и была вынуждена в 2014 г. покинуть страну, но в 2018 г. снова смогла вернуться и получила заслуженную награду. Дагмар Шрайбер - эксперт в области туризма, дважды заслуженный деятель туризма РК, работала в Казахстанской Туристской Ассоциации, занимается продвижением экотуризма и активного туризма. Она много путешествовала по стране, собранные ею материалы легли в основу путеводителя. Особую ценность изданию придает то, что автор знает Казахстан изнутри, имеет многолетний личный опыт жизни в стране и путешествий по многим ее уголкам и дает очень точные характеристики. Ее путеводитель насчитывает уже несколько изданий и, к сожалению, до сегодняшнего дня является единственным полным путеводителем о Казахстане. Как не парадоксально, но Казахстан сам пока не имеет такого путеводителя.

В современном мире особую роль в развитии туризма имеют Интернет ресурсы. В Казахстане создан Национальный туристический портал, который предоставляет информацию о стране, ее туристическом потенциале и турпродуктах на 8 языках. Также в Интернете появились статьи, отчеты и видео блоги немецких туристов о путешествиях в Казахстан. Удалось установить несколько туристических фирм в Германии, которые предлагают на своих сайтах туры в Среднюю Азию и Казахстан.

Казахстану необходимо выходить на рынок Германии с турпродуктами, сформированными под конкретный спрос немецких туристов. Анализ данных интервью показывает, что в

основном туристов из Германии может заинтересовать природный (экотуризм) и этнотуризм. Эти два вида туризма отметила большая часть участников интервью. «Думаю, что природа в Казахстане для немецких туристов притягательнее, чем города. Широта степей и нетронутая природа во всевозможных формах очень притягательная и захватывающая». Туристов интересуют горы, степи, пустыни, национальные парки Казахстана. Некоторые респонденты хотели бы иметь микст из этих двух или нескольких видов туризма: «Я бы охотно однажды пожила несколько дней в юрте, отправилась бы с гидом в дикую природу, покаталась бы на лошадях, посмотрела бы охоту с беркутами и послушала бы национальную музыку»; «Походы и прогулки в горы или, например, на лошадях», «Национальная кухня, культура разных этносов»; «Немцы хотят видеть не блистающую столицу, они хотят увидеть и узнать страну в ее красоте»; «Первые туристы, которые сейчас едут в Казахстан, это молодые или люди среднего возраста, а таких интересует и история, и культура, и история кочевников. Юрты – это же такая экзотика, интерес страшный. Конечно же, ландшафты. А молодых людей интересует еще и ночная жизнь в городах»; «Многие предпочитают активный отдых в сочетании с познавательным элементом». Некоторые респонденты выделили также культурно–познавательный туризм (исторические экскурсии, города Великого Шелкового пути, Музей Абая, памятники истории – Ак Баур, можно посещать места, связанные с историей немцев Казахстана (депортированные немцы в советское время, Карлаг). Кроме того, потенциальных туристов интересуют различные виды специализированного туризма (параглайдинг (парапланеризм), трассы для велосипедистов по стране, скалолазание, маршруты для пеших паломников и байкеров через Казахстан, охота, рыбалка, конный туризм, альпинизм, горный туризм). При этом респонденты отмечают, что им нужны «путешествия в организованных турах, продуманных маршрутах (полет, отель, поездки по стране)». Практически никто из ре-

спондентов не отметил пляжный туризм в Казахстане. Казахстан не располагает такими ресурсами, как Турция, Египет, Таиланд, Испания и другие страны, и не может быть интересен немецким туристам в качестве направления пляжного отдыха. Это подтверждают и зарубежные эксперты: «Существует туризм пляжный, на берегах морей и озер. На этот вид туризма Казахстан претендовать не может. Но у вас есть свои преимущества - нетронутая природа, горы Джунгарского Алатау, Заилийского Алатау. В мире становится популярным экотуризм. Экотуризм и туризм по Шелковому пути - вот два направления, по которым вы могли бы работать» [21]. Для немецких граждан, особенно бывших казахстанских немцев, небезразлична судьба их народа, история немецких поселений в Казахстане, история лагерей ГУЛАГ. Одни лишь гостевые туристы могут дать Казахстану несколько сотен тысяч посещений в год. Для этой категории туристов не существует языкового барьера, так они владеют русским языком. Сдерживающим фактором являются цены на авиабилеты и недостаточное количество авиарейсов. Казахстан знаменит и как место запуска космических ракет. Космодром Байконур и музей космонавтики могут также заинтересовать немецких туристов. Имеет перспективы и научно-популярный туризм. Есть категории немецких туристов, которых интересует флора, фауна Казахстана, его история, археология, география, геология. Интересна идея туров в период цветения тюльпанов. Существуют мнения, что именно в области так называемого «научно-популярного туризма» Казахстан может найти свою нишу. Есть у Казахстана перспективы и в сфере делового туризма. Исходя из этих интересов и предпочтений, Казахстан должен разработать и предложить турпродукты для туристов из Германии. При разработке турпродуктов важно учесть, какие именно категории немецких туристов может привлечь Казахстан. Исходя из данных интервью, можно сказать, что Казахстан является привлекательным направлением и может предложить турпродукты для молодых

людей и людей среднего возраста, семей без детей или с детьми старше 14 лет, но также и некоторых представителей старших возрастных групп, которые предпочитают активный отдых и экзотику. Не менее важным моментом является менталитет туристов из Германии. Во-первых, немцы очень ценят порядок, поэтому важно, чтобы туры были хорошо распланированы и организованы, а также, чтобы информация о турпродукте была достаточно детализирована. Особое значение придается хорошему сопровождению. Для немецких туристов важны гиды и персонал, владеющий английским или немецким языком. Немцы, в большинстве своем, достаточно пунктуальны, поэтому для них важна хорошая, продуманная, четкая организация. Во-вторых, важным моментом для немецких туристов является чистота, гигиена и безопасность. В основном им нужна не роскошь, а чистота и уют. В-третьих, в современной Германии очень ценится все природное и натуральное: нетронутая, первозданная природа, экодомики, натуральные продукты и т.п. Также особенно популярным в Германии становится этнотуризм. Одной из главных ошибок отечественных турфирм, по мнению экспертов, является создание для западных туристов «европейских условий». Гостям предлагают европейскую кухню, номера гостиниц в европейском стиле и т.д., а туристы на самом деле хотят погрузиться в культуру Казахстана, в его этнику. «Людей интересует возможность получить какой-то уникальный опыт». Есть немало тех, кого привлекает экзотика новой, неизведанной страны. Многие немцы ведут спортивный образ жизни и предпочитают активный отдых, спортивный туризм. Отдельную многочисленную группу составляют бывшие казахстанские немцы, которых также можно заинтересовать предложениями сочетания гостевой поездки и туров. Все эти моменты важны при формировании турпродуктов для туристов из Германии.

Для развития турпотока Казахстану нужно предпринять ряд важных мер. Необходимо улучшить логистику: увеличить ко-

личество авиарейсов из Германии, открыть маршруты из разных городов, сделать более доступными цены на авиабилеты. Сервис и инфраструктура предлагаемых турпродуктов должны соответствовать уровню качества. Важно создать мощную информационную поддержку для турпродуктов и имиджа страны. Эксперты считают, что для привлечения туристов в Казахстан, нельзя ограничиваться только лишь участием в международных туристических ярмарках, которые проходят раз в год. Необходимо постоянное присутствие на туристическом рынке. Для это нужны повсеместно развернутые представительства в Германии. Эти представительства должны вести активную информационную и просветительскую работу. Эту миссию не могут взять на себя казахстанские дипломатические представительства. Информация о преимуществах Казахстана, как туристического направления, должна быть доступной широким слоям населения в Германии. Людям должно быть известно о безвизовом въезде, о прямых авиарейсах, о многообразии природы, ландшафтов, богатстве истории и культуры страны и т.д. Небольшие буклеты, рекламные проспекты можно распространять через авиакомпанию Air Astana, пограничные пункты пропуска. Именно из-за недостатка информации далеко не в полной мере используется имеющийся у двух стран потенциал для увеличения турпотока из Германии в Казахстан. Важно развивать конкретные партнерские связи с различными структурами и фирмами Германии, которые могут быть заинтересованы в развитии турпотоков в Казахстан. Например, организовать ознакомительные туры для представителей германских турфирм. Также необходимо эффективнее использовать потенциал довольно значительного числа проживающих в Германии бывших казахстанских немцев и активнее развивать гостевой туризм. Нужно наладить связи с организациями, связанными с немцами Казахстана в Германии, а также с этническими немцами в Казахстане.

Таким образом, для развития турпотока из Германии Казах-

стану нужно решить 3 главные задачи: 1) обеспечить необходимую информационную поддержку страны и ее туристского потенциала в Германии; 2) подготовить качественные турпродукты под интересы и запросы разных категорий немецких туристов; 3) разработать эффективный маркетинг для продвижения этих турпродуктов на германском рынке.

Данное исследование на примере Германии подтверждает, что для развития въездного туризма из дальнего зарубежья в Казахстан необходим дифференцированный подход, позволяющий определить спрос и сформировать конкретные турпродукты, которые затем можно будет продвигать на рынке определенной страны. Безусловно, отдельные аспекты данной темы нуждаются в дополнительном более глубоком и широком изучении. В целом, можно сделать предварительное заключение о том, что идея развития Казахстана в качестве туристического направления для Германии является реалистичной и перспективной.

Приложение 1

Таблица – Динамика численности туристов в Казахстане (2018-2023 гг.).

Вид туризма	2018		2023	
	Человек (млн.)	%	Человек (млн.)	%
Выездной	10	42,9	10,5	35,8
Въездной	8,7	37,3	9,2	31,3
Внутренний	4,6	19,7	9,6	32,7
Всего	23,3	100	29,3	100

Примечание - таблица составлена автором по данным статистики: [5,6].

Приложение 2

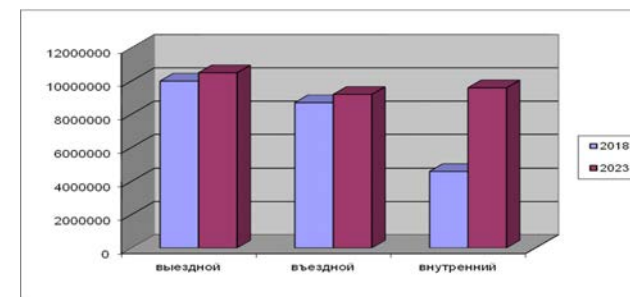

Диаграмма – Динамика численности туристов в Казахстане (2018-2023 гг.).

Примечание - диаграмма составлена по данным таблицы 1.

Приложение 3

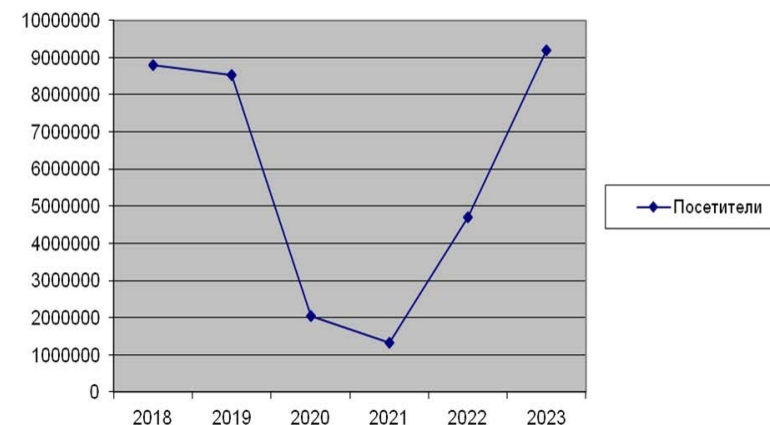

Диаграмма – Динамика численности посетителей въездного туризма в Казахстане (2018-2023 гг.)

Примечание - график составлен автором на основе источников [5,6].

Приложение 4

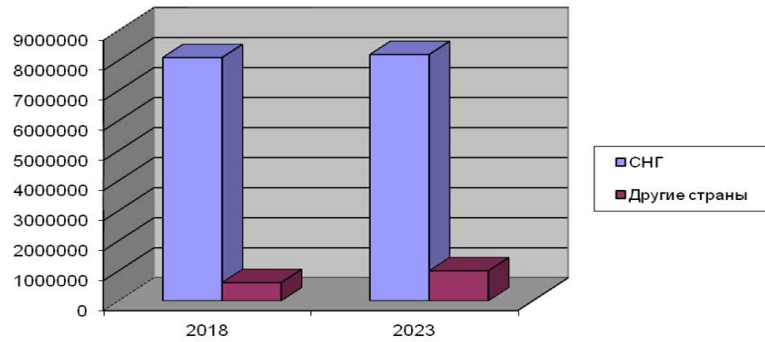

Диаграмма – Посетители въездного туризма в Казахстане по странам происхождения (2018-2023 гг.)

Примечание - диаграмма составлена автором на основе источников [5,6].

Приложение 5

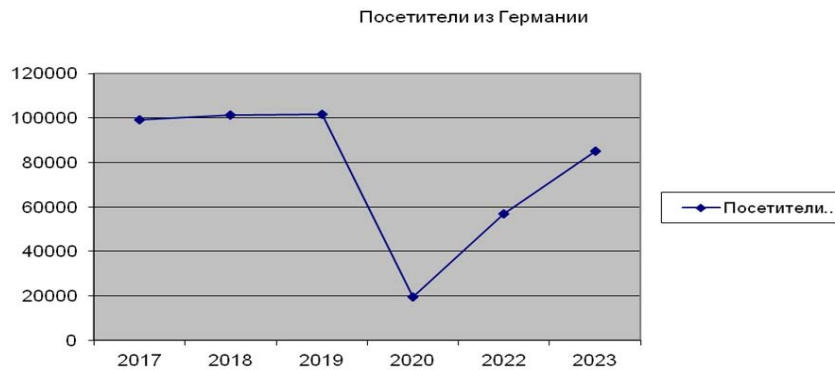

Диаграмма – Динамика численности посетителей из Германии (2017-2023 гг.)

Примечание - график составлен автором на основе источников [5,6].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Концепция развития туристской отрасли Республики Казахстана на 2023-2029 гг. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000262>. Дата обращения: 25.09.2024.
2. Вечкинзова Е.А., Дарибекова А.С. Проблемы и перспективы развития туристической отрасли Казахстана // Креативная экономика. – 2021. – Том 15. – № 8. – С. 3403–3420. doi:10.18334/се.15.8.113256// <https://1economic.ru/lib/113256>. Дата обращения: 16.10.2024; Турсынова Т.Т. Туризм в Казахстане: перспективы развития в современных условиях. Вестник ЕНУ имени Л.Н. Гумилева. Серия Химия. География. Экология. № 2(143)/2023. <https://rep.enu.kz/handle/enu/5267>. Дата обрац.: 16.10.2024; Аубакирова Ж.Я., Айтбембетова А.Б., Сидоренко Е.Н. Конкурентоспособность туристической отрасли Казахстана в условиях технологической модернизации// The Journal of Economic Research & Business Administration. №4 (126). 2018. С. 190-201. https://elibrary.kaznu.kz/wp-content/uploads/2021/06/vestnik-kaznu.-seriya-ekonomicheskaya_2018-126-4.pdf Дата обращения: 21.10.2024; Анализ индустрии туризма в Республике Казахстан // https://kaztour-association.com/wpcontent/uploads/2022/02/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%B8_%D0%B2%D1%8A%D0%B5%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B9%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC.pdf Дата обращения: 16.10.2024; Султанбекова А. Развитие туристической отрасли в Республике Казахстан. КИСИ. Астана, 2023. <https://kisi.kz/wp-content/uploads/2023/12/turizm-v-kazahstane-14-12-23-2.pdf> Дата обращения: 21.10.2024.
3. Смыкова М.Р., Сохатская Н.П. Оценка привлекательности туризма Казахстана// Вестник Карагандинского университета. Серия «Экономика». №4(64)/2011.С.84-89. <https://>

rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/8910/%D0%A1%D0%BC%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%9E%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0_4-64-2011.pdf?sequence=1&isAllowed=y Дата обращения: 16.10.2024; Аймурзина Б.Т., Каменова М.Ж., Омарова А.Т., Шокан Р. Казахстанский рынок въездного туризма: проблемы его развития// Central Asian Economic Review. 2018;(5-6). С. 324-333. <https://caer.narxoz.kz/jour/article/view/229/230> Дата обращения: 18.10.2024; Айтмагамбетова С. С. Имидж Казахстана как фактор развития внешнего рынка туристских услуг. Евразийский национальный университет Общество, экономика, управление. 2018. Том 3, № 1. С. 6-9. <https://journals.csu.ru/index.php/management/article/view/2393>. Дата обращения: 18.10.2024; Оспанов Г.М. Анализ имиджа Казахстана на мировом туристском рынке //Фундаментальные исследования. – 2013. – № 1-2. – С. 495-498; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=30978>. Дата обращения: 25.09.2024; Иманбекова Б.Т. Организационно-экономические аспекты развития въездного туризма как фактор развития национальной экономики: практика Алма-Атинской области. Дис. на соиск. степ. доктора философии. Алматы, 2022. 138с. <https://www.kaznu.kz/content/files/pages/folder17928/%D0%9E%D1%82%D0%B7%D1%8B%D0%B2%20%20%D0%98%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf> Дата обращения: 16.10.2024; Исследование со сбором данных для продвижения индустрии туризма в странах Центральной Азии. Заключительный доклад Японского Агентства международного сотрудничества (JICA). Январь 2022. <https://openjicareport.jica.go.jp/pdf/12363982.pdf> Дата обращения: 18.10.2024.

4. «Международные рекомендации по статистике туризма, 2008 год: Руководство по составлению статистики» [https://unstats.un.org/unsd/tourism/publications/IRTS%202008%20Compilation%20Guide%20\(R\).pdf](https://unstats.un.org/unsd/tourism/publications/IRTS%202008%20Compilation%20Guide%20(R).pdf) Дата обращения: 23.10.2024.

5. [ne-14-12-23-2.pdf Дата обращения: 11.01.2024; <https://qaztourism.kz/upload/iblock/7af/7afde0eaeace68fbfd6bede8e5c8ce18.pdf> Дата обращения: 23.10.2024.

6. <https://www.aa.com.tr/ru/%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0> Дата обращения: 25.09.2024.

7. <https://inbusiness.kz/ru/last/kazahstan-pokoryaet-mirovye-turisticheskie-rejtingi-i-privlekaet-novyh-turistov> Дата обращения: 25.09.2024; Статистические сведения Пограничной службы КНБ РК, «Туризм Казахстана» за 2021 г. и Бюро национальной статистики \(БНС\) АСПиР РК за 2023 г. <https://inbusiness.kz/ru/news/kak-aviakompanii-kazahstana-vyezzhayut-iz-pandemii-na-vyezdnom-turizme> Дата обращения: 01.11.2024.

8. Смыкова М.Р., Сохатская Н.П. Оценка привлекательности туризма Казахстана// Вестник Карагандинского университета. Серия «Экономика». №4\(64\)/2011. С.84-89.

9. \[https://adilet.zan.kz/rus/docs/P010000333_\]\(https://adilet.zan.kz/rus/docs/P010000333_\) Дата обращения: 25.09.2024.

10. <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-razvitiyu-turizma-1352435> Дата обращения: 21.10.2024.

11. <https://ru.sputnik.kz/20240620/90-turistov-v-kazahstan-priezzhayut-iz-rossii-kak-respublike-stat-turisticheskim-magnitom-45084045.html> Дата обращения: 21.10.2024.

12. <https://www.dw.com/ru/turisticseskij-bum-v-germanii-nemcy-na-otpuske-ne-ekonomat/a-68456200> Дата обращения: 13.11.2024 .

13. <https://profi.travel/news/29756/details> Дата обращения: 15.10.2024.

14. <https://www.inform.kz/ru/astana-berlin-sovmestnie-dostizheniya-za-32-goda-sotrudnichestva> Дата обращения: 12.11.2024.

15. <https://kaztag.kz/ru/news/shchedrye-turisty-iz-oae-i-germanii-tratyat-v-kazahstane-za-chetvero-sutok-okolo-t600-tys> Дата об-](https://kisi.kz/wp-content/uploads/2023/12/turizm-v-kazahsta-</p></div><div data-bbox=)

- ращения: 12.11.2024.
16. <https://24.kz/ru/news/social/item/626187-что-привлекает-немецких-туристов-в-казахстане> Дата обращения: 15.11.2024.
17. https://www.facebook.com/KazakhstanPressClub/posts/320463918064684/?_rdr Дата обращения: 12.10.2024.
18. Рахмидинова Жанель. Туризм Казахстана глазами журналиста из США // <https://someplace.kz/zhanel-rakhmidinova> Дата обращения: 15.10.2024.
19. <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-berlin?lang=ru> Дата обращения: 25.09.2024.
20. Dagmar Schreiber. Reiseführer Kasachstan: Mit Almaty, Nur-Sultan, Tien Schan und Kaspischem Meer Taschenbuch/ Trescher Verlag. – 18. Dezember 2019. - 504 S.
21. Туризм в Казахстане глазами иностранных экспертов https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31059517&pos=19;-27#pos=19;-27 Дата обращения: 12.11.2024.

Мкртчян Н.В.

ИММИГРАЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ВКЛАД В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Аннотация

В статье приводится обзор масштабов и структурных составляющих иммиграции в Россию за период 1990-2023 гг. По оценкам, за этот период она составила 17,6 млн. человек, а миграционный прирост – от 8 млн (по данным текущего учета населения) до 11,5 млн (с учетом пересчетов от итогов переписей населения). Иммиграция пополняла население России молодым населением, в наиболее активном трудоспособном и репродуктивном возрасте. Образовательный состав иммигрантов претерпевал изменения: в 1990-е гг. он практически не от-

личался от постоянного населения России, в последние 10-15 лет в структуре иммигрантов доля лиц в высшем и среднем профессиональным образованием существенно снизилась. Среди иммигрантов высока доля занятых на неквалифицированных работах, доля специалистов и руководителей сравнительно невелика.

Иммиграция мало повлияла на этнический состав населения России, доля русских в котором устойчиво составляет 80-82%, однако это связано не столько с составом иммигрантов, сколько с этноассимиляционными процессами в пользу государствообразующего народа. Но при этом, даже с учетом проблем с полнотой учета национальной (этнической) принадлежности населения в ходе постсоветских переписей, они отмечают увеличение численности узбеков, киргизов, таджиков, азербайджанцев и армян в России.

Несмотря на значительные масштабы иммиграции и ее роль в компенсации сокращения населения России от депопуляции, миграционный прирост населения России компенсировал снижение численности трудоспособного населения лишь на 18-20%. Иммиграция не способна сгладить волнообразные деформации возрастной структуры населения и предотвратить его старение.

Ключевые слова: иммиграция, международная миграция, демографические процессы, этнический состав населения, возрастная структура.

Abstract

This article provides an overview of the scale and structural components of immigration to Russia for the period 1990-2023. It is estimated that during this period, it amounted to 17.6 million people, with net migration growth ranging from 8 million (according to current population census data) to 11.5 million (taking into account recalculations based on population census results). Immigration has replenished Russia's population with young people, those in

their most active working and reproductive ages. The educational composition of immigrants has undergone changes: in the 1990s, it was virtually indistinguishable from that of the resident population of Russia; in the last 10-15 years, the proportion of people with higher and secondary vocational education in the immigrant population has significantly decreased. Among immigrants, a high proportion are employed in unskilled jobs, while the proportion of specialists and managers is comparatively small. Immigration has had little impact on the ethnic composition of Russia's population, with Russians consistently representing 80-82% of the population. However, this is due less to the composition of the immigrant population than to ethnic assimilation processes favoring the state-forming people. Even taking into account the problems with the completeness of the national (ethnic) censuses during post-Soviet censuses, they note an increase in the number of Uzbeks, Kyrgyz, Tajiks, Azerbaijanis, and Armenians in Russia.

Despite the significant scale of immigration and its role in compensating for Russia's population decline due to depopulation, the net migration increase in Russia's population has only offset the decline in the working-age population by 18-20%. Immigration is unable to smooth out the undulating deformations in the population's age structure and prevent its aging.

Keywords: immigration, international migration, demographic processes, ethnic composition of the population, age structure.

Из фактически закрытой страны в течение последних советских десятилетий Россия превратилась в страну достаточно масштабной иммиграции. «Открытие» границ практически совпало с распадом СССР и формированием на его территории 15 новых независимых государств. За пределами России оказалось, по разным оценкам, около 30 млн «этнических» россиян (русских и представителей народов, имеющих на территории России свои национальные автономии). Кроме того, Россия объявила себя правопреемницей СССР, а широкое распростра-

нение русского языка на постсоветском пространстве, большое число экономических, культурных, социально-бытовых связей, отсутствие границ в первые постсоветские годы обеспечили ее интенсивные миграционные связи со всеми постсоветскими странами. Помимо этого, на территории бывшего СССР тлели и разгорались очаги этнополитических конфликтов, которые, особенно в первые годы, породили потоки массовой вынужденной миграции, прежде всего – в Россию, которая поначалу, до первой и второй Чеченских войн, рассматривалась как «островок стабильности».

За период с 1990 по 2023 гг. въезд в Россию, согласно данным текущего учета долговременной миграции, разработку данных которого осуществляет Росстат, составила 17,6 млн человек. Эта цифра может считаться завышенной, т.к. за столь продолжительный период времени немало людей могли въехать в Россию не один раз (статистика учитывает не людей, а получение прописки (постановку на миграционный учет). С другой стороны, учитываемые Росстатом данные в 1990-е и 2000-е гг. не включали многих мигрантов, де-факто длительно, годами проживающих в России, но не оформляющих регистрацию по месту жительства [1]. В отдельные годы число прибывающих в Россию международных мигрантов (регистрируемых Росстатом) не превышало 150 тыс. человек (рис. 1), что имело мало общего с действительностью. На параметры учтенной иммиграции в России оказывало большое влияние изменение методики статистического учета, претерпевавшего серьезные изменения в 2000-м, 2007-м, 2011-м гг. [2; 3; 4] и ряде последних лет. Кроме того, контингент иммигрантов в России за столь длительный период времени сокращался за счет естественных причин.

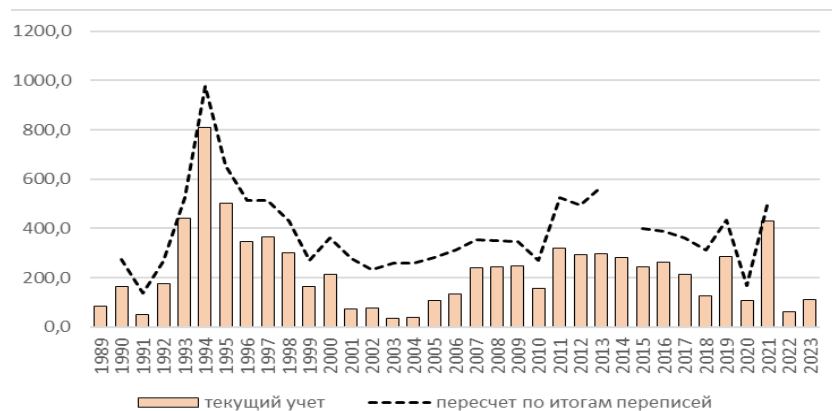

Рисунок 1 – Иммиграция в Россию в 1990-2023 гг., тыс. человек.

Источник: Росстат, за 1990-1996 гг. - расчеты Е.М. Андреева (НИУ ВШЭ) на основе данных Росстата.

Последнее к настоящему времени и самое кардинальное изменение методики учета иммиграции в России предпринято Росстатом в 2011 г., долговременными мигрантами с этого года стали считать не только оформивших в России регистрацию по месту жительства, но и регистрацию по месту пребывания на срок 9 месяцев и более. Тем самым Россия приблизилась международным рекомендациям по учету долговременной миграции, а статистика пополнилась за счет ранее латентных форм де-факто долговременной миграции (например, учебной миграции и др.)²

Альтернативным и, по крайней мере номинально, не менее важным источником информации об иммиграции в Россию и ее составляющих являются три постсоветские переписи населения. По их итогам Росстат корректирует параметры миграционного прироста населения России за межпереписной период. Считается, что эти пересчеты дают более адекватное представление о масштабах иммиграции в России и влиянии международной миграции на динамику численности населения страны. За период 1989-2002 гг. Росстат скорректировал миграционный прирост населения России на 1,7 млн. человек в большую сторону, за 2003-2010 гг. – почти на 1 млн. человек, за 2011-2021 гг. – почти на 1,6 млн. человек (рис. 2, табл. 1). С корректировками за первые два межпереписных периода многие эксперты были согласны, т.к. очевиден был масштабный недоучет иммиграции. Однако с корректировками по итогам Всероссийской переписи 2020 г. согласиться сложно, т.к., с одной стороны, перепись в условиях не завершившейся пандемии COVID-19 была проведена с большими проблемами [5], что сильно снизило качество собранных в ходе нее данных, а с другой стороны, учет миграции в 2010-е гг. претерпел существенные изменения, которые существенно снизили масштабы недоучета иммиграции, и даже сделали возможным ее переучет [6]. Росстат не публикует корректировки прибытий (иммиграции) и убытий (эмиграции) из России, однако считается, что эти корректировки касаются иммиграции. Т.е. в отдельные периоды, согласно данным Росстата, эти корректировки превышали 200 тыс. человек в год (табл. 1)

представление о масштабах иммиграции в России и влиянии международной миграции на динамику численности населения страны. За период 1989-2002 гг. Росстат скорректировал миграционный прирост населения России на 1,7 млн. человек в большую сторону, за 2003-2010 гг. – почти на 1 млн. человек, за 2011-2021 гг. – почти на 1,6 млн. человек (рис. 2, табл. 1). С корректировками за первые два межпереписных периода многие эксперты были согласны, т.к. очевиден был масштабный недоучет иммиграции. Однако с корректировками по итогам Всероссийской переписи 2020 г. согласиться сложно, т.к., с одной стороны, перепись в условиях не завершившейся пандемии COVID-19 была проведена с большими проблемами [5], что сильно снизило качество собранных в ходе нее данных, а с другой стороны, учет миграции в 2010-е гг. претерпел существенные изменения, которые существенно снизили масштабы недоучета иммиграции, и даже сделали возможным ее переучет [6]. Росстат не публикует корректировки прибытий (иммиграции) и убытий (эмиграции) из России, однако считается, что эти корректировки касаются иммиграции. Т.е. в отдельные периоды, согласно данным Росстата, эти корректировки превышали 200 тыс. человек в год (табл. 1)

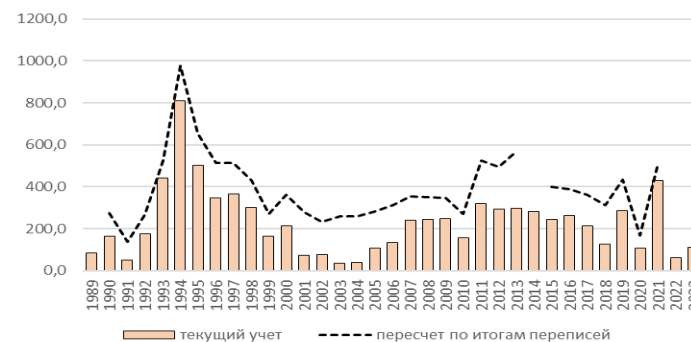

Рисунок 2 – Миграционный прирост населения России, 1989-2023 гг., тыс. человек.

Источник: Росстат

Таблица 1 – Миграционный прирост населения России в 1990-2023 гг., тыс. человек.

	за период		в среднем за год	
	текущий учет	пересчет от итогов ВПН	текущий учет	пересчет от итогов ВПН
1990-1995	2145,2	2835,3	357,5	472,6
1996-2000	1389,2	2088,5	277,8	417,7
2001-2005	332,1	1310,3	66,4	262,1
2006-2010	1019,9	1636,7	204,0	327,3
2011-2015	1436,3	1989,3	287,3	397,9
2016-2020	990,3	1662,5	198,1	332,5
2021-2023	601,8	...	200,6	...

Источник: Росстат

Даже с учетом корректировок от итогов переписей видно, что иммиграция в Россию даже в начале 1990-х гг. редко, когда достигала 1 млн человек в год. В 2010-е и начале 2020 гг. масштабы учитываемой иммиграции увеличились по сравнению с 2010-ми гг., однако они не превышали 650-700 тыс. человек в год, что составляет менее 0,5% населения России. Учитывая, что немало иммигрантов прибывают на длительный, превышающий 1 год срок (на учебу, длительную работу по контракту), но в итоге не остаются жить в России, масштабы иммиграции в Россию нельзя назвать высокими. Так, по показателю миграционного прироста на 1000 населения Россия сильно уступает США, Канаде, Австралии, Израилю, а также большому числу европейских стран.

Данные переписей населения позволяют оценить масштабы «пожизненной» миграции (о неоднозначности этого показателя миграции см. [7]), применительно к иммиграции это означает число (контингент³) людей, родившихся за границей. Именно

3. Среди показателей миграции выделяются характеризующие потоки

этот критерий лежит в основе выделения контингентов международных мигрантов, проживающих в той или иной стране («пожизненных» иммигрантов) регулярно публикуемых ООН [7]. По оценкам, основанным на данных ВПН-2010, в среднем 95% уроженцев других стран в России являются гражданами нашей страны, аналогичный показатель для Соединенных Штатов Америки существенно ниже: в 2016 г. из почти 44 млн уроженцев других государств, проживающих постоянно в США, только 49% были натурализованными гражданами [8].

Согласно данным переписи 2002 г., в России проживали 12,4 млн человек, родившихся за пределами страны, в 2010 г. их число сократилось до 11,2 млн, а в 2021 г. – до 6,9 млн человек. Мы полагаем, что это – свидетельство недоучета иммиграции в ходе данного ценса. Одновременно со снижением чисел уроженцев других стран в публикуемых данных увеличивалась доля не указавших место рождения, что, однако, не дает оснований относить этот прирост на неучтенных «пожизненных» международных мигрантов. Мы склонны считать, что увеличение доли этой категории населения связано со снижением качества проведения переписей, с получением информации о части населения из административных источников вместо традиционного метода личного опроса, в ходе которого выясняются многие важные характеристики населения, не содержащиеся в административных данных. Особенно резкое увеличение числа лиц, не указавших место рождения, зафиксировано последней, 2020 г., переписью населения.

О масштабах иммиграции могут косвенно свидетельствовать материалы переписей о национальном (этническом) составе населения. Однако релевантность этих данных невысока как вследствие большого числа людей, не указавших в переписях национальность (этническую принадлежность), так и в

(лица, прибывшие или выбывшие в течение заданного интервала времени) и контингенты (число лиц с определенными миграционными характеристиками на конкретную дату)

силу процесса смены этнической идентичности [9]. Масштабы этноассимиляционных процессов велики, и не только в России. Так, согласно данным переписи 2001 г. в Украине, численность русских сократилась с 11,4 млн человек в 1989 г. до 8,3 млн человек в 2001 г. [10], и это сокращение нельзя объяснить ни депопуляцией, ни миграцией между странами. Подобные процессы происходили в России и в других постсоветских странах. Однако нельзя не отметить, что, несмотря на это, в России увеличивалась численность многих титульных народов ряда постсоветских стран: армян, узбеков, киргизов, таджиков и др., и этот рост связан с иммиграцией в Россию в постсоветский период. Об этом же свидетельствуют и результаты переписей населения в постсоветских странах [11].

Иммиграция по странам

На протяжении более чем трех постсоветских десятилетий в иммиграции в Россию явно преобладали выходцы из стран бывшего СССР (рис. 3). Самым постоянным миграционным партнером России являлась Украина, доля иммигрантов из этой страны составляла 10-20%, в отдельные годы доходя до 30%. Миграция из Казахстана – второй страны по численности этнических русских, проживающих за пределами России на момент распада СССР, была очень высокой вплоть до середины 2000-х гг., затем она заметно сократилась по мере исчерпания потенциала этнической репатриации. В то же время, увеличилась роль иммиграции из стран Средней Азии, причем поначалу в этом потоке доминировали выходцы из Узбекистана, но в последние годы на первое место вышел Таджикистан. Иммиграция из стран Закавказья также составляла достаточно стабильную долю в общем потоке, порядка 15%, но в уже в 2010-е гг. в ней доминировал поток из Армении.

Поток из стран Балтии в Россию был заметным лишь в начале 1990-х гг., но, по мере преодоления шока после распада СССР и вхождения этих стран в ЕС он сократился до практи-

чески незначимых величин. Поток из стран дальнего зарубежья невелик и в настоящее время представлен в большей мере выходцами из крупнейших по населению стран Азии – Китая и Индии, а также Вьетнама и отдельных стран с крайне нестабильными политическими режимами (Афганистан, Сирия и т.п.). Судя по структурным характеристикам потоков из этих стран, они представлены в основном студентами, привлечение которых в российские вузы в 2010-е гг. и в настоящее время устойч

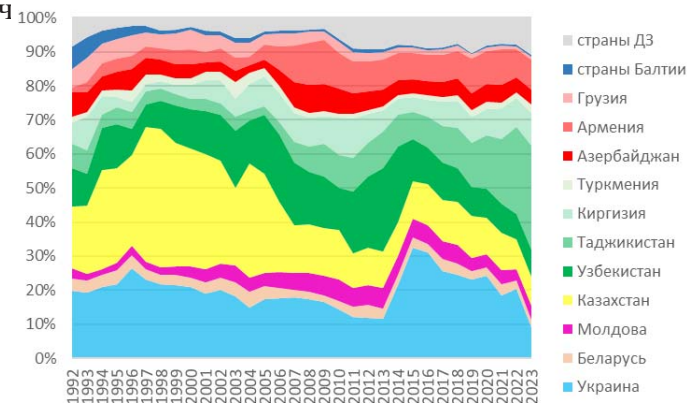

Рисунок 3 – Иммиграция в Россию по странам, 1992-2023 гг., %

Источник: Росстат, данные текущего учета

О переписях как источнике информации о миграции населения говорилось выше. Согласно данным переписи населения 2002 г., в России увеличилось число уроженцев многих постсоветских стран, что отражало рост иммиграции в Россию в 1990-е гг. Особенно сильно, в разы, увеличилось число уроженцев Армении, Грузии, Таджикистана (табл. 2). Но уже к следующей переписи такого быстрого роста не фиксировалось, однако число уроженцев Киргизии, Узбекистана и Таджикистана показало значимый рост. Вместе с тем, даже за первый межпереписной период в России снизилось число уроженцев Украины, Белоруссии и Литвы, а число уроженцев Латвии и Эстонии практически не изменилось. За второй межперепис-

ной период (2003-2010 гг.) зафиксировано снижение числа уроженцев Азербайджана, Белоруссии, Грузии и стран Балтии. Последняя, 2020 г. перепись показала снижение числа уроженцев всех постсоветских стран (даже Таджикистана), однако это связано с проблемами проведения данной переписи. Последовательно снижалось число проживающих в России уроженцев других стран, что может свидетельствовать о неполном охвате переписью данной категории населения, а также снижения притока мигрантов из этих стран даже по сравнению с позднесоветским периодом.

Таблица 2 – Население России по месту рождения, 1989-2021 гг., тыс. человек.

	1989	2002	2010	2021
Зарубежные страны*	...	12443,0	11194,7	6895,9
Постсоветские страны	10478,0	11976,8	10786,5	392,6
Азербайджан	478,6	846,1	743,9	373,9
Армения	151,5	481,3	511,2	348,9
Белоруссия	1408,6	935,8	740,9	44,3
Грузия	423,0	629,0	551,7	257,7
Казахстан	1825,0	2585,0	2481,9	1547,2
Киргизия	260,9	463,5	573,3	380,4
Латвия	99,9	102,5	86,7	47,5
Литва	116,1	86,2	68,9	33,8
Молдавия	228,8	277,5	285,3	189,4
Таджикистан	153,8	383,1	452,2	422,9
Туркмения	140,6	175,3	180,0	105,5
Узбекистан	529,8	918,0	1111,7	843,5
Украина	4595,8	3560,0	2942,0	1686,8
Эстония	65,5	67,4	57,0	31,1
Другие страны мира*	994,1	466,2	408,2	234,6
Заграница и не указавшие место рождения	994,1
Территория не указана	...	1581,2	4545,5	23715,4

Примечание: в 1989 г. данные по родившимся за границей и не указав-

шим место рождения опубликованы совместно, что не дает возможности определить численность родившихся за пределами России

Источник: переписи населения 1989, 2002, 2010 и 2020 гг.

Информация об этническом составе миграционных потоков в России перестала собираться с середины 2000-х гг. В 1990-х гг. иммиграция была представлена в основном русскими и представителями титульных народов России, однако в 2000-е гг., по мере исчерпания потенциала этнической репатриации, их доля перестала быть доминирующей.

Данные переписей дают косвенные представления об этническом составе иммигрантов из отдельных стран в Россию и его влиянии на этнический состав принимающей страны. Россия считается многонациональной страной, но русские явно преобладают в ее населении, их доля почти не меняется с позднесоветского времени, составляя 81-82% от всех указавших этническую принадлежность. Еще 13-14,5% составляет доля т.н. «титульных» народов России и коренных малочисленных народов, а также народов, не имеющих своих этнических территорий, но проживающих в России долгое время (немцы, цыгане, евреи (если не считать Еврейскую АО этнической территорией)). Доля народов, проживающих преимущественно в других постсоветских странах, напротив, снизилась, с 5,3% до 3,4%, видимо, за счет «разъезда по этническим квартирам», но в основном – за счет смены идентичности, уже упомянутой выше. Снизилась по сравнению с позднесоветским временем численность народов, проживающих преимущественно в странах дальнего зарубежья. Отметим, что этнический состав населения современной России оценивается весьма приблизительно, т.к. в последней переписи (2020 г.) 11,6% населения не указали этническую принадлежность, прежде всего потому, что были переписаны по административным источникам.

Тем не менее, численность отдельных «некоренных» для России народов существенно увеличилась в сравнении с 1989

г. (табл. 3). Даже с учетом проблем с полнотой учета национальной (этнической) принадлежности населения в ходе постсоветских переписей, увеличение численности узбеков, киргизов, таджиков, азербайджанцев и армян в России нельзя объяснить процессами естественного движения населения (рождаемостью⁴ и смертностью). Этот рост мог быть большим, если бы не имел место процесс смены этнической идентичности в пользу русских в смешанных семьях.

Таблица 3 – Изменение численности крупных народов стран бывшего СССР, проживающих в России, 1989-2021 гг.

	1989-2010		1989-2021	
	тыс. человек	в %	тыс. человек	в %
Русские	-8778,4	92,7	-14234,0	88,1
Украинцы	-2434,9	44,2	-3478,9	20,3
Белорусы	-684,8	43,2	-998,2	17,2
Узбеки	163,0	228,4	196,4	254,8
Казахи	11,9	101,9	-43,9	93,1
Грузины	28,2	121,6	-17,0	87,0
Азербайджанцы*	269,5	180,2	142,1	142,3
Литовцы	-39,1	44,6	-57,2	18,8
Молдаване	-16,3	90,6	-95,2	44,9
Латыши	-26,8	42,9	-37,9	19,0
Киргизы	61,7	247,8	96,0	330,1
Таджики	162,5	525,2	312,5	917,9
Армяне	652,1	222,5	415,9	178,1
Туркмены	-2,9	92,8	1,6	104,0
Эстонцы	-28,3	39,0	-38,3	17,4

* включая тальшей

Источник: Всесоюзная перепись населения 1989 г. и Всероссийские переписи населения 2010 и 2020 гг.

Иммиграция не привела к значимому увеличению числен-

4. В естественное движение населения в России иностранные граждане вносят также определенный вклад [12; 13].

ности в России ни одного из народов стран дальнего зарубежья. Так, несмотря на в разной степени обоснованные опасения [14], китайцы не стали значимым элементом этнического ландшафта России, хотя в сравнении с позднесоветским временем к 2010 г. их численность в России выросла в 5,6 раз, но в абсолютном выражении этот рост был с 5,2 тыс. человек в 1989 г. до 28,9 тыс. в 2010 г., а в 2021 г. их численность сократилась до 19,6 тыс. человек. Даже со всеми возможными поправками на недоучет китайцев и иных мигрантских общин переписями этот рост несравним с теми возможностями роста диаспоры, которые имел крупнейший народ мира в стране, имеющей с Китаем протяженную границу. Пока не видно предпосылок у тому, что «китайцы с большой степенью вероятности к середине века могут стать вторым по численности народом России, обойдя в этом отношении татар» [15].

Социально-демографические характеристики иммигрантов

Иммиграция, как и во многих странах, пополняет население России преимущественно молодым трудоспособным населением (табл. 4, рис. 4). Из общего числа прибывших в 2011-2023 гг. 7,4 млн. человек 85,3% были в трудоспособных возрастах, основная часть – в наиболее активных трудоспособных и репродуктивных. Во всех возрастах, кроме пожилых, мужчины-иммигранты преобладали над женщинами, особенно явно – в наиболее молодых возрастах. В целом иммиграция способствует сглаживанию проблемы старения населения, однако, как и в других странах, предотвратить его не может. Как показывали исследования, проведенные еще на рубеже XX и XXI веков [16], миграция не решает проблему старения населения.

Таблица 4 – Распределение иммигрантов в России по укрупненным возрастным группам, 2011-2023 гг.

Возрастные группы	Оба пола		мужчины		женщины	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%
0-14	702,9	9,5	368,2	8,6	334,7	10,6
15-29	2478,2	33,4	1550,3	36,3	927,9	29,5
30-49	2855,1	38,5	1727,8	40,5	1127,3	35,8
50-64	991,4	13,4	497,0	11,6	494,4	15,7
65+	390,0	5,3	127,7	3,0	262,3	8,3
ИТОГО	7417,5	100,0	4271,0	100,0	3146,6	100,0

Источник: Росстат

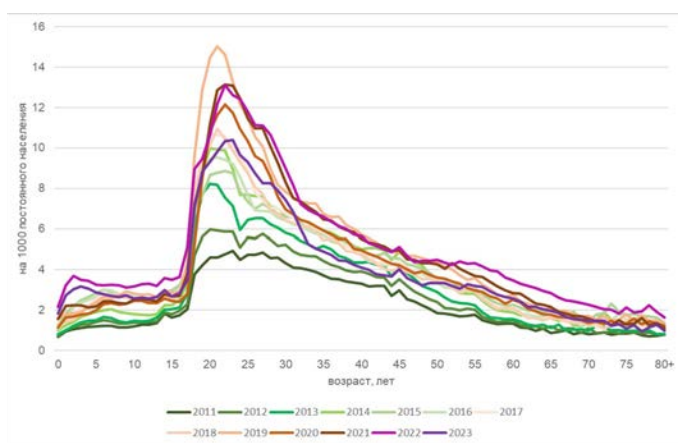

Рисунок 4 – Возрастные коэффициенты прибытий международных мигрантов, 2011-2023 гг., на 1000 населения соответствующего возраста.

Источник: Росстат

Возрастное распределение иммиграционного потока в Россию имеет страновые особенности. Мигрантов из постсо-

ветских стран характеризует возрастной профиль с плавным пиком, приходящимся на возраста 20-35 лет. В большинстве мигранты из этих стран прибывают в Россию либо после получения образования в своих странах, либо для продолжения образования.

В отличие от них, иммигранты из дальнего зарубежья (в среднем по всему большому спектру стран) прибывают в более молодых возрастах, пик их прибытий приходится явно на возраст 20-24 года. Это – явный профиль учебной миграции, характерный для многих зарубежных стран [17]. В потоке иммигрантов мало детей, их доля существенно ниже, чем в населении России. Странно поэтому выглядит озабоченность органов государственной власти России проблемой обучения детей мигрантов в российских школах, вплоть до введения запрета к приему в образовательные учреждения детей иностранцев, плохо владеющих русским языком, а также ужесточение пребывания в России семей мигрантов, чьи дети нарушают правопорядок [18; 19].

За 2011-2023 гг., согласно данным текущего учета Росстата, миграционный прирост населения России составил немногим более 3 млн. человек, согласно корректировкам от итогов переписи населения 2020 г. – более 4,6 млн. человек. Влияние миграции на изменение численности населения России за 2011-2023 гг. велико, она позволила почти полностью компенсировать потери от депопуляции, а с учетом пересчетов от итогов переписи населения – даже обеспечить рост населения. Миграция привела к росту численности прежде всего молодого населения, например, увеличение численности населения в возрасте 15-39 лет составило 1618,7 тыс. человек (921,7 и 697 тыс. мужчин и женщин, соответственно) за 2011-2023 гг., но не смогла значимо сгладить волны возрастной структуры населения (рис. 5). Так, численность женщин в возрасте 27 лет в начале 2024 г. была на 526 тыс. человек меньше, чем на начало 2011 г., а миграционный прирост числа женщин данного воз-

раста составил за 2011-2023 гг. 35,8 тыс. человек.

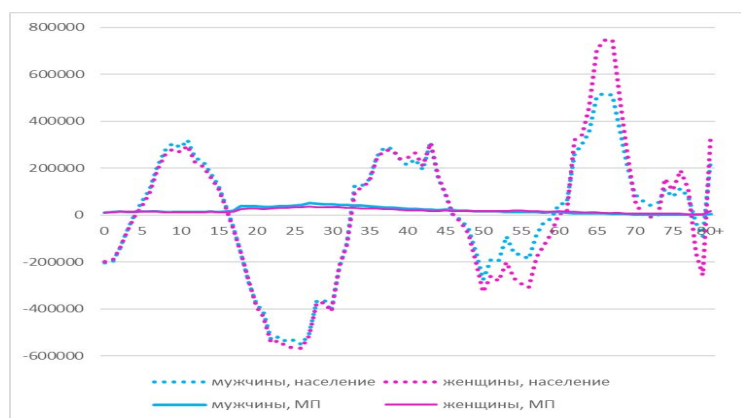

Рисунок 5 – Изменение численности населения и суммарный миграционный прирост населения по 1-летним возрастным группам за 2011-2023 гг., человек.

Примечание: Население России в границах до 2014 г.

Росстат разрабатывает данные о причинах миграции населения в возрасте 14 лет и старше⁵. За 2011-2023 гг. «иные причины» отметили 8,8% иммигрантов, в т.ч. 1,6% уточнили, что основанием для переезда было приобретение жилья; не дали ответа 8,8%; причины личного, семейного характера указали 42,3%, из них определенные основания миграции указали лишь 8,5%. В итоге за данный период неопределенные причины переезда в Россию указали почти половина (49,5%) иммигрантов. Соответственно, на остальные (определенные) причины иммиграции пришлось немногим более половина причин. Из них самой распространенной была «работа» (работа супруга), на которую пришлось 54,5% всех определенных причин иммиграции. Еще 16,4% - определенные семейные

5. Исследователи редко обращают внимание на публикуемые Росстатом причины миграции, т.к. среди них много неопределенных, и велика доля не указавших причины. Подробнее см. [20]

причины (вступление в брак, к детям/родителям), 16% причин миграции пришлось на учебные. Согласно данным текущего учета, за 2011-2023 гг. в Россию въехало 543 тыс. долговременных учебных мигрантов, в последние годы их прибывает 60-65 тыс. ежегодно. В отдельные годы (2015-2016 гг.) среди причин резко возросла «обострение межнациональных отношений, в целом же на нее приходится 5,7%.

Доля населения России в возрасте 15 лет и старше с высшим и послевузовским образованием в 2010 г., по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., составляла 23,4%, доля лиц с неполным высшим – 4,6%. (от всех указавших уровень образования). Среднее и начальное профессиональное образование имели 36,8% населения. По результатам ВПН-2020, доля населения России с высшим и послевузовским образованием от всех указавших увеличилась до 26,7%, неполное высшее образование имели 2,3%, среднее профессиональное – 39,5%. Среди иммигрантов доля лиц с высшим и послевузовским образованием была ниже, особенно в последние годы (табл. 5). Среди иммигрантов процент имеющих среднее профессиональное образование не так сильно отличался от показателя для постоянного населения России.

Таблица 5 – Распределение иммигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню в 2004-2023 гг.

	2004-2010	2011-2015	2016-2020	2021-2022
Всего	1371,8	2256,0	2748,2	1760,9
высшее и послевузовское	233,0	343,2	397,6	179,7
Неполное высшее профессиональное (незаконченное высшее)	38,1	58,4	83,2	114,8
Среднее профессиональное (среднее специальное)	362,9	548,9	593,8	417,2

Продолжение таблицы №5				
Среднее (полное) общее	444,8	641,1	570,9	631,4
Основное общее (неполное среднее)	141,7	134,6	120,1	130,0
начальное и не имеющие образования	33,7	40,3	33,7	30,2
Не указавшие образование	117,7	489,5	948,8	257,7
	в % от всех указавших уровень образования			
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
высшее и послевузовское	18,6	19,4	22,1	12,0
Неполное высшее профессиональное (незаконченное высшее)	3,0	3,3	4,6	7,6
Среднее профессиональное (среднее специальное)	28,9	31,1	33,0	27,8
Среднее (полное) общее	35,5	36,3	31,7	42,0
Основное общее (неполное среднее)	11,3	7,6	6,7	8,6
начальное и не имеющие образования	2,7	2,3	1,9	2,0
Не указавшие образование	9,4	27,7	52,7	17,1

Источник: Росстат

Уровень образования сильно зависит от стран, из которых прибывали иммигранты. Так, в 2004-2010 гг. наиболее высокой долей лиц с высшим образованием характеризовался поток из стран дальнего зарубежья – 28,7% против 18,2% для прибывших из стран СНГ. Среди стран СНГ самым высоким уровнем образования отличались иммигранты из Белоруссии (27,2%) и Украины (21,5%). Самая низкая доля лиц с высшим и послевузовским образованием была у иммигрантов из Азербайджана,

Таджикистана и Армении, а среди стран дальнего зарубежья – из Афганистана.

В 2011-2023 гг. среди выходцев из стран СНГ самая высокая доля лиц с высшим и послевузовским образованием отмечалась у иммигрантов из Украины и Белоруссии – 29,1% и 29,6%, соответственно, она превышала долю высокообразованных россиян (данные ВПН-2010 и ВПН-2020). Иммигранты из Казахстана имели долю лиц с высшим образованием 26,4%, т.е. примерно на уровне населения России, немного не дотягивали до него прибывшие из Молдовы (20,8%). У иммигрантов из остальных стран СНГ уровень образования был существенно (в 2 и более раза) ниже российского, самой низкой долей высокообразованных отличались иммигранты из Таджикистана (8,4%). Среди иммигрантов из Таджикистана ниже всего также доля лиц со средним и начальным профессиональным образованием, выше всего – с неполным средним и начальным образованием. Таджикистан в последние годы – основной миграционный донор России, уровень образования мигрантов из этой страны сильно влияет на общий образовательный уровень иммигрантов.

В то же время, среди иммигрантов из стран дальнего зарубежья уровень образования существенно снизился по сравнению с 2000-ми гг. В 2011-2023 гг. среди них доля лиц с высшим и послевузовским образованием составляет лишь 18,3%. Среди иммигрантов существенно увеличилось число студентов, при въезде в страну их уровень образования не завершен. Но в основном снижение уровня образования иммигрантов объясняется изменением состава стран иммиграции.

Занятость иммигрантов, их влияние на рынок труда

Долговременная международная миграция вносит значимый вклад в компенсацию потерь населения России в трудоспособном возрасте. Однако этот вклад не стоит переоценивать: миграционный прирост населения России компенсировал

снижение численности этой группы населения на 18-20%, причем этот уровень «поддержки» не меняется при разных подходах к границе этого возраста (табл. 6). Даже с учетом того, что приток за 2011-2023 гг. 2,0-2,4 млн человек может быть скорректирован в большую сторону с учетом результатов переписи населения 2020 г. до 3,0-3,5 млн, это не превысит 32% потерь населения в трудоспособных возрастах.

Таблица 6 – Соотношение изменения численности населения России трудоспособных возрастов и миграционного прироста, 2011-2020 гг.

возраст	Население России - без учета миграции, млн человек			Миграционный прирост, млн человек			% компенсации потерь
	мужчины и женщины	Мужчины	Женщины	мужчины и женщины	Мужчины	Женщины	
15-54(59)	-11,9	-6,0	-5,9	2,2	1,3	1,0	18,9
15-59(64)	-12,0	-5,1	-7,0	2,4	1,3	1,0	19,8
20-54(59)	-11,0	-5,6	-5,5	2,0	1,2	0,9	18,4
20-59(64)	-11,1	-4,6	-6,5	2,2	1,2	1,0	19,4

Как было показано выше, миграция не способна значительно повлиять на волновые изменения отдельных групп трудоспособного населения, например, решить проблему нехватки молодежи на российском рынке труда. Для этого приток только молодого населения должен был в десятки раз превосходить наблюдаемые значения. Поэтому в решении обеспечения страны трудовыми ресурсами возможно только за счет привлечения временных трудовых мигрантов.

Что же касается потока иммигрантов, прибывающих в Россию, разрабатываются определенные статистические данные относительно их участия на рынке труда. При этом информация, собираемая до 2018 г., была более полной, чем с 2019 г., когда Росстат сократил статистическую разработку этих данных.

Из общего числа иммигрантов в возрасте 14 лет и старше, указавших занятие, за период 2011-2018 гг. 50,3% до переселения в Россию работали на родине (осуществляли трудовую деятельность), 11,5% учились, в т.ч. 1,7% - обучались в вузе. Соответственно, согласно этим данным, 38,1% не работали и не учились, при этом доля лиц пожилых возрастов среди иммигрантов, как было показано выше, невелика. По данным ВПН-2010, среди населения России в возрасте 15-72 лет, указавших занятие, занятыми в экономике являлись 63,2%, согласно ВПН-2020, среди населения России в возрасте 15 лет и старше, указавших статус занятости, были занятыми 59,2%. Получается, что среди иммигрантов до приезда в Россию значительная доля не имели экономической активности, если данные, разрабатываемые Росстатом, не искажают реальное положение дел.

Среди иммигрантов, имеющих высшее образование, до приезда в Россию работали 62,1%, среднее профессиональное – 60,1%, начальное профессиональное – 62,5%. В то же время, среди не имеющих профессионального образования работали менее 40%, часть из них, видимо, приехали в Россию на учебу или сразу после окончания школы, не успев поработать на родине.

В 2011-2018 гг. среди иммигрантов, указавших занятие и вид деятельности, 4,3% до переезда были руководителями, 29,3% - специалистами, 7,1% - иными служащими. На рабочих должностях были заняты 51% иммигрантов, 8,3% были самозанятыми.

С 2019 г. Росстат изменил перечень предоставляемой информации о занятиях мигрантов (не только международных, но и внутренних), исключив из него сведения об уровне образования и в целом сократив. Согласно этим данным, за период 2019-2023 гг. занятия указали 57,6% внутрироссийских мигрантов и 59,7% международных. При этом среди внутрироссийских мигрантов доля работавших до переезда руководителями и специалистами высшего уровня квалификации была

существенно выше, чем среди международных, примерно паритетной была доля специалистов средней квалификации. В отдельных занятиях, требующих средней квалификации (в сфере обслуживания и торговли, промышленности, строительства, транспорта) участие международных мигрантов до приезда в Россию было выше, чем среди внутрироссийских мигрантов. Доля неквалифицированных рабочих, напротив, среди международных мигрантов была велика и во много раз превышала таковую у внутрироссийских.

Анализ по странам происхождения мигрантов показывает, что сопоставимой с российской долей руководителей и специалистов высокой квалификации характеризовались иммигранты из Украины, Беларуси и Казахстана, несколько уступали внутрироссийским мигрантам выходцы из Молдовы и Туркменистана. Мигранты из остальных постсоветских стран до приезда в Россию были заняты преимущественно на работах, требующих невысокой квалификации. Уровень квалификации у немногочисленных мигрантов из развитых стран - Австралии, США, Канады, Великобритании, «старых» стран ЕС, Израиля, Японии был существенно выше, чем среди внутрироссийских мигрантов (только среди мигрантов из Германии их доля в потоке была на российском уровне). Выше, чем среди внутрироссийских мигрантов, доля специалистов высшей квалификации была у иммигрантов из Ирана и ряда арабских стран, на российском уровне – у иммигрантов из Турции, немного ниже – из Индии. Низкая доля высококвалифицированных специалистов была в потоке из Афганистана, Китая, Вьетнама, КНДР.

Таким образом, вклад иммиграции в компенсацию демографических потерь российского рынка труда в целом значим, в большей мере позволяет пополнять дефицит работников средней и низкой квалификации.

Выводы

Россия приняла за три постсоветских десятилетия внуши-

тельный по масштабам приток иммигрантов, который был комплементарен ее населению, несмотря на формы, которые принимали миграционные потоки. По мере отдаления от времени распада СССР менялись направления иммиграции, в последнее десятилетие преобладал приток из Средней Азии. Этот поток отличался от русской репатриации своим профессионально-квалификационными характеристиками, но нельзя сказать, что это не было «на руку» российскому рынку труда. Однако если компенсировать убыль населения иммиграции удавалось, то предотвратить сокращение численности трудоспособного населения она не могла, тем более – сгладить волновую динамику возрастного состава населения России.

Иммиграция не привела к значимым изменениям этнического состава населения России, прежде всего по причине этноассимиляционных процессов в пользу титульной нации. Вместе с тем, в стране появились новые крупные группы меньшинств, которые, по всей вероятности, находятся в достаточно тесном взаимодействии со странами своего происхождения.

Не видно причин, которые бы способствовали изменению состава основных стран – миграционных партнеров России, перспективы роста иммиграции не просматриваются. Повышение миграционной привлекательности страны не является сколь ни будь приоритетной задачей властей России, иммиграция воспринимается, скорее, как проблема. Но даже в этих условиях есть поле для работы по адаптации мигрантов в принимающий социум, развитие отдельных каналов иммиграции – например, учебной (стоит работать над тем, чтобы закончившие российские учреждения профессионального образования иностранцы чаще оставались в стране). Также стоит пересмотреть избыточные ужесточения, принятые в отношении иммигрантов, прежде всего – детей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Чудиновских О.С. О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. 2004. № 10. С. 27-36
2. Мкртчян Н.В. Возможные причины снижения иммиграции в Россию в 2000-2001 годах // Вопросы статистики. 2003, №5, с. 47-50
3. Население России 2007. Пятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. Ред. А.Г. Вишневский. М., Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009, 296 с.
4. Население России 2013. Двадцать первый ежегодный демографический доклад. / Отв. ред. С.В. Захаров. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2015, 428 с.
5. Андреев Е.М., Чурилова Е.В. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет. Демографическое обозрение, 2023, № 10(3). С. 4-20. DOI: 10.17323/demreview.v10i3.17967
6. Чудиновских О.С. О пересмотре Рекомендаций ООН 1998 года по статистике миграции и российском контексте // Вопросы статистики. 2019; 26(8). С. 61-76
7. Абылкаликов С.И. Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 42-49
8. Чудиновских О.С. Статистика приобретения гражданства как отражение особенностей миграционной политики России // Вопросы статистики. 2018, 25(9), с. 3-26
9. Мкртчян Н.В. Влияние миграции на изменение этнического состава населения России и ее регионов: предварительная оценка итогов переписи-2002 // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004. Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М.: УОП ИЭА РАН, 2005. с. 51-60
10. Тархов С.А. Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность. Сборник докладов/Под редакцией В.А. Шупера. М.: Эслан, 2004. с. 144-164
11. Мкртчян Н., Сарыгулов Б. Изменение этнического состава населения [Кыргызстана] // Население Кыргызстана в начале XXI в. / Под ред. М.Б. Денисенко. Бишкек, 2011. С. 82-92
12. Бирюкова С.С. Методология оценки вклада мигрантов в воспроизводство населения России на базе данных, основанных на записях актов гражданского состояния // Вопросы статистики, 2013, №4 с. 38-44
13. Население России 2016. Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. С.В. Захаров. М., Изд. дом Высшей школы экономики. 2018, 448 с.
14. Зайончковская Ж.А. Иммиграция: альтернативы нет // Нужны ли иммигранты российскому обществу? / под ред. В.И. Мукомеля, Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 7-30
15. Зайончковская Ж.А. Китайская иммиграция через призму рынка труда // Российский демографический журнал. 1998 №1. С. 12-18
16. Денисенко М.Б. Может ли помочь развитым странам замещающая миграция? // Мир России, 2003 №2, с. 147-156
17. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Внутренняя долговременная миграция населения в России и других странах // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. №2. С. 74-80
18. Путин запретил принимать в школы детей мигрантов, не сдавших тесты по русскому // Коммерсантъ, 28 декабря 2024 г.
19. Зубов И. Родители мигрантов ответят за проступки детей: их тоже будут высылать из России // Новые известия, 25 декабря 2024 года
20. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональ-

ной миграции в России //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 130—153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>

Омурова Ж.О., Каулбекова Р.А.

ТЮРКСОЙ И КУЛЬТУРНОЕ СБЛИЖЕНИЕ ТЮРКСКИХ СТРАН

Аннотация

Данная статья посвящена анализу деятельности Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) в процессе культурного сближения и интеграции тюркских стран. В условиях глобализации и растущего интереса к сохранению этнокультурной самобытности народов, ТЮРКСОЙ выступает в качестве важнейшей платформы для укрепления связей между тюркскими государствами, объединенных общими историческими корнями, языковыми и культурными традициями. Анализируются культурные инициативы и проекты ТЮРКСОЙ, направленные на укрепление единства и идентичности тюркского мира. Также в статье затрагиваются вызовы и перспективы, с которыми сталкивается ТЮРКСОЙ в процессе реализации своей миссии.

Ключевые слова: Тюркские страны, сближение, интеграция, ТЮРКСОЙ, культура, организация, перспективы.

Abstract

This article analyzes the activities of the International Organization of Turkic Culture (TURKSOY) in the process of cultural rapprochement and integration of Turkic countries. In the context of globalization and growing interest in preserving the ethnocultural identity of peoples, TURKSOY acts as an important platform for strengthening ties between Turkic states united by

common historical roots, linguistic and cultural traditions. The article analyzes the cultural initiatives and projects of TURKSOY aimed at strengthening the unity and identity of the Turkic world. The article also touches upon the challenges and prospects that TURKSOY faces in the process of implementing its mission.

Keywords: Turkic countries, rapprochement, integration, TURKSOY, culture, organization, prospects.

На фоне усиливающихся глобализационных процессов и роста интереса к укреплению культурной идентичности, сотрудничество тюркских стран в гуманитарной и культурной сферах приобретает особое значение. Международная организация ТЮРКСОЙ выступает важным механизмом сохранения и популяризации общего культурного наследия тюркоязычных народов, способствуя формированию единого культурного пространства. В условиях геополитических изменений и необходимости укрепления связей между братскими народами тюркского мира, изучение процессов культурной интеграции через деятельность ТЮРКСОЙ становится особенно востребованным.

Тюркский мир занимает значительную часть Евразийского континента. Демографические данные свидетельствуют, что сегодня на планете живет свыше 200 миллионов человек тюркского происхождения, объединенных идентичностью этногенеза, ментальности, языка, истории, литературы, духовной и материальной культуры, уклада жизни, традиций, обычаев и обрядов своих народов [1].

Тюркоязычное пространство на всем протяжении истории было средоточием многообразия культур, своеобразным мостом в диалоге цивилизаций «Запад – Восток». В этом контексте сейчас особую значимость приобретают меры по выявлению социоидентичности тюркоязычных народов, сохранению, изучению и преумножению их культурного многообразия. Именно эти задачи являются главными слагаемыми

организации ТЮРКСОЙ, которая разрабатывает и проводит в жизнь на региональном и международном уровне актуальные программы.

ТЮРКСОЙ – это (Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi) международная организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства. Страны, объединенные общими духовными корнями, стремились к новым формам сотрудничества. Задача этой международной структуры состояла в сохранении и популяризации общей тюркской культуры во всем мире [2].

Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) была создана 12 июля 1993 года по инициативе министров культуры Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Турции и Узбекистана. Учредительный документ ТЮРКСОЙ подписан 12 июля 1993 года в городе Алматы (Республика Казахстан). Высшим органом является Постоянный совет, в состав которого входят министры культуры тюркских стран. 14 стран являются членами ТЮРКСОЙ; 6 из них являются основателями организации и 8 стран – наблюдателями [3]. Для управления организацией из числа членов совета назначается координатор, генеральный секретарь ТЮРКСОЙ – сроком на три года [2].

Целью создания ТЮРКСОЙ стало сохранение, развитие и популяризация общего культурного наследия тюркских народов, а также укрепление взаимопонимания и дружбы между странами-участниками. Со временем организация приобрела статус авторитетной международной структуры, регулярно координирующей проведение фестивалей, выставок, научных конференций, публикаций и других культурных инициатив.

Сегодня ТЮРКСОЙ объединяет не только основные тюркоязычные государства, но и активно взаимодействует с автономными тюркскими регионами в составе других стран. Сегодня под эгидой ТЮРКСОЙ проходят мероприятия самых разных

форматов и направлений: концерты классической и народной музыки, выставки фотографов и художников, фестивали театральных трупп, музыкальных и танцевальных коллективов и других представителей искусства тюркского мира. Международные творческие лаборатории, мастер-классы, творческие встречи, соревнования по национальным видам спорта и др [4].

Основными направлениями ТЮРКСОЙ являются проведение международных культурных мероприятий, включая фестивали, симпозиумы, научно-практические конференции, Дни культуры, литературные вечера, выставки, концерты и творческие встречи и др. Яркими примерами деятельности организации являются проведение Дней культуры тюркских стран, объявление тюркских культурных столиц (таких как Ош, Тараз, Шеки, Шуша и др.), а также организация международного фестиваля «Наурыз», который ежегодно собирает деятелей культуры и искусства из разных тюркоязычных стран [5]. Значимыми проектами стали Год ТЮРКСОЙ, посвященный выдающимся тюркским деятелям (например, юбилеям Ч. Айтматова, М. Ауэзова, Юнуса Эмре, Караханлы, Ходжи Ахмеда Ясави и др.) [6], а также молодежные поэтические фестивали, направленные на поддержку нового поколения тюркских литераторов.

Особое внимание в своей работе ТЮРКСОЙ уделяет развитию механизмов культурной дипломатии — как стратегического инструмента укрепления гуманитарных связей, продвижения идей единства, духовной преемственности и формирования общего тюркского культурного пространства.

Публика во многих странах мира восторгается международными коллективами, работающими под эгидой ТЮРКСОЙ, которые успешно пропагандируют тюркскую народную музыку на мировых сценах. Молодежный камерный оркестр и Молодежный камерный хор три раза становились золотыми призерами Европейских хоровых игр, зрителей многих стран покоряет своим талантом и Оркестр народных инструментов.

В 2022 году было принято решение о включении Международного кинофестиваля тюркского мира «Коркут Ата» в список мероприятий и его проведении в городах, объявленных культурными столицами тюркского мира [2].

Деятельность этой международной организации регулярно поддерживается главами государств тюркоязычных стран. В качестве примера можно привести итоговые документы, принятые на саммитах Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ныне – Организация тюркских государств, ОТГ), где подчеркивается значимость культурного сотрудничества и роль ТЮРКСОЙ.

Так, в итоговой декларации Саммита в Нахичевани (2009 год) было отмечено стремление к укреплению единого культурного пространства [7].

На Саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств в Бишкеке (2019 год) особое внимание было уделено поддержке тюркского культурного наследия, в том числе инициативам ТЮРКСОЙ по сохранению нематериальной культуры [8].

На Саммите ОТГ в Самарканде (2022 год) главы государств выразили поддержку деятельности ТЮРКСОЙ в вопросах межгосударственного культурного обмена, проведения Года тюркской культуры, выбора культурных столиц тюркского мира и других гуманитарных проектов. Все проведенные саммиты дали результаты на пути восстановления совместной культуры, традиций, истории, национально-духовных ценностей, открыли широкие перспективы для дальнейшего сотрудничества [9]. Деятельность ТЮРКСОЙ контролируется на уровне министров культуры в саммитах [10].

С 2012 года одной из важной инициативой объединения является ежегодное объявление одного из городов стран – участников столиц культуры тюркского мира. Города, получившие в разные годы это почетное звание, стали местом встречи культуры тюркских народов [11].

№	год	Столица	Государства
1	2012	Астана	Республика Казахстан [11]
2	2013	Эскишехир	Турецкая республика
3	2014	Казань, Татарстан	Российская Федерация
4	2015	Мары	Республика Туркменистан[23]
5	2016	Шеки	Республика Азербайджан
6	2017	Туркестан	Республика Казахстан
7	2018	Кастамону	Турецкая республика
8	2019	Ош	Кыргызская Республика[13]
9	2020	Хива	Республика Узбекистан
10	2022	Бурса	Турецкая республика
11	2023	Шуша	Республика Азербайджан

В 2024 году туркменский город Аннау был объявлен культурной столицей тюркского мира. Также этот год объявлен в тюркском мире годом великого поэта и мыслителя Махтумкули. Соответствующие решения зафиксированы в итоговой декларации 39-го заседания Постоянного Совета ТЮРКСОЙ, которое прошло 5 ноября в турецкой Бурсе – нынешней культурной столице тюркского мира [14]. Город Актау в Казахстане объявлен культурной столицей тюркского мира на 2025 год. Решение принято на 41-м заседании государств-членов Международной организации по развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ) в Ашхабаде [15].

В 2025 году Международная организация ТЮРКСОЙ проведет серию мероприятий, посвященных национальной литературе Кыргызстана. С 28 по 30 мая в городе Ош впервые состоится Фестиваль поэзии молодых поэтов тюркского мира имени Жолона Мамытова. Особое внимание в этом году будет уделено кыргызскому поэту Алыкулу Осмонову в связи с 110-летием со дня его рождения. В честь этой даты запланирован ряд культурных событий в разных странах. Так, с 15 по 20 октября в Бишкеке пройдет литературный фестиваль, а с 15 по

20 мая в турецком городе Элязыг – фестиваль и литературный форум поэтов тюркского мира [16].

В октябре в Будапеште (Венгрия) пройдут Дни поэзии Алыкула Осмонова, в рамках которых состоится презентация его поэтического сборника на венгерском языке. Кроме того, мероприятия в честь поэта также планируются в Ташкенте (Узбекистан), Алматы (Казахстан) и Баку (Азербайджан). Одним из важных событий станет мероприятие в поддержку Дома-музея Алыкула Осмонова в Чолпон-Ате. Также в Анкаре (Турция) состоится презентация книги другого выдающегося кыргызского поэта – Арстанбека Буйлаш уулу, переведенной на турецкий язык [16].

Ежегодно ТЮРКСОЙ организует встречи художников, оперные фестивали, литературные конгрессы и другие форумы, которые уже стали традиционной площадкой обмена опытом деятелей культуры и науки тюркского мира. За время своего существования ТЮРКСОЙ реализовала множество успешных национальных и международных проектов, направленных на развитие культурного диалога и взаимодействия между тюркскими народами, а также на популяризацию их богатого наследия на мировой арене.

Несмотря на активную деятельность, ТЮРКСОЙ сталкивается с рядом вызовов и трудностей, сдерживающих процесс культурной интеграции тюркских стран. К числу таких вызовов относятся ограниченное финансирование, различия в уровне культурной политики и инфраструктуры между странами-участницами, а также языковой барьер между тюркскими народами. Кроме того, политические разногласия, возникающие время от времени между государствами-членами, могут негативно сказываться на согласованности усилий. Недостаточное вовлечение молодежи, слабое использование цифровых технологий и ограниченное международное признание деятельности ТЮРКСОЙ также остаются актуальными проблемами. Преодоление этих вызовов требует системного подхода,

координации на межгосударственном уровне и адаптации к современным культурным и информационным тенденциям.

Важным направлением будущей работы организации становится цифровизация культурного наследия [17]: создание онлайн-платформ, архивов, виртуальных музеев и образовательных ресурсов, доступных для широкой международной аудитории. Это особенно актуально в условиях стремительного развития информационных технологий и роста интереса к дистанционному формату культурного обмена. А также расширение географии культурных инициатив с вовлечением не только государств – полноправных членов, но и наблюдателей, а также тюркских диаспор в странах Европы, Азии и Северной Америки [18].

Одним из значимых перспективных векторов может стать развитие молодежных программ: «Молодежь тюркского мира», проведение международных летних школ, творческих лабораторий, стажировок, конкурсов и грантов, направленных на вовлечение молодого поколения в процессы культурной интеграции [19]. Формирование «тюркского культурного пространства будущего» во многом будет зависеть от уровня образования, взаимопонимания и сотрудничества между молодыми представителями тюркских народов.

Также перспективным является углубление взаимодействия с другими международными структурами – ЮНЕСКО, ИСЕСКО, ТЮРКПА, ОТГ – для синергии в сфере сохранения нематериального культурного наследия и реализации совместных гуманитарных проектов. Совместные инициативы с университетами, научными институтами и творческими союзами могут придать более устойчивый и научно обоснованный характер культурной политике ТЮРКСОЙ.

Таким образом, ТЮРКСОЙ, несмотря на существующие трудности и вызовы, продолжает активно реализовывать свою миссию, направленную на культурное сближение и укрепление единства тюркских народов. ТЮРКСОЙ выступает не

только как культурная организация, но и как стратегический механизм гуманитарной интеграции тюркских стран. Благодаря своей активной и системной деятельности в сферах культуры, искусства, образования и межнационального диалога, организация вносит весомый вклад в формирование общего культурного пространства тюркского мира. Поддержка на уровне глав государств, реализация значимых проектов и расширение международного присутствия свидетельствуют о стратегической важности ТЮРКСОЙ в современном геокультурном пространстве. Перспективы деятельности ТЮРКСОЙ свидетельствуют о ее способности адаптироваться к современным вызовам – от цифровизации до глобализации культурных процессов. Организация продолжает развиваться как важный инструмент «мягкой силы» тюркских стран, формируя устойчивую модель культурной интеграции, основанную на традициях, но открытую будущему.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Духовный мост, объединяющий страны...[Электронный ресурс] <https://www.gov.kz/memleket/entities/sko-sayasat/press/news/details/878018?lang=ru> (дата обращения 06.11.2024)
2. Узбекистан – ТЮРКСОЙ: развитие культурной дипломатии для пропаганды великого наследия предков [Электронный ресурс] <https://www.newscentralasia.net/2023/06/22/uzbekistan-tyurksoy-razvitiye-kulturnoy-diplomatii-dlya-prodvizheniya-velikogo-naslediya-predkov/> (дата обращения 06.11.2024)
3. Государства-члены Тюркской [Электронный ресурс] <https://www.turksoy.org/ru-RU/gosudarstva-chleny-tyurksoj>
4. ТЮРКСОЙ: от культурного кода – к региональной безопасности и экономическим связям [Электронный ресурс] Informburo.kz <https://informburo.kz/stati/tyurksoi-ot-kulturnogo-koda-k-regionalnoi-bezopasnosti-i-ekonomiceskim-svyazyam> (дата обращения 06.03.2023)

5. ТЮРКСОЙ: представители 15 стран вместе празднуют Наурыз [Электронный ресурс] <https://silkwaytv.kz/ru/masshtabnye-prazdnovaniya-nauryza-startovali-v-turtsii> <https://silkwaytv.kz/ru/masshtabnye-prazdnovaniya-nauryza-startovali-v-turtsii> (дата обращения 18.03.2022)
6. Поздравляем ТЮРКСОЙ с юбилейной датой. Сегодня первую международную организацию культуры тюркских стран знают во многих столицах и городах мира [Электронный ресурс] <https://bakuinform.az/ru/news/pozdravljaem-tjurksoj-s-jubilejnoj-datoj.-segodnja-pervuju-mezhdunarodnuju-organizaciju-kultury-tjurkskih-stran-znajut-vo-mnogih-stolicah-i-gorodah-mira> (дата обращения 22.07.2023)
7. Реалии Нахичеванской декларации. [Электронный ресурс] <https://science.gov.az/ru/news/open/1390> <https://science.gov.az/ru/news/open/1390> (дата обращения 31.10.2014)
8. Саммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств: итоги работы [Электронный ресурс] https://www.inform.kz/ru/sammit-soveta-sotrudnichestva-tyurkoyazychnyh-gosudarstv-itogi-raboty_a3378900 (дата обращения 04.09.2018)
9. Саммит Организации тюркских государств в Самарканде: между иллюзией и реальностью. [Электронный ресурс] <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/sammit-organizatsii-tyurkskikh-gosudarstv-v-samarkande-mezhdu-illyuziey-i-realnostyu/> (дата обращения 23.11.2022)
10. Заседание Постоянного совета министров культуры ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] <https://atalar.ru/prohodit-zasedanie-postoyannogo-soveta-ministrov-kultury-tyurksoj.html> (дата обращения: 05.12.2017)
11. Türk Dili Konusan Ülkeler Isbirligi Konseyi - “2012 astana türk dünyasi kültür başkentİ” açılış töreni yapıldı. (24 октября 2012). (дата обращения: 22.12.2016).
12. Turkmenistan’s city of Mary declared cultural capital of Turkic world for 2015 [Электронный ресурс] Turkmenistan.ru. www.turkmenistan.ru. (дата обращения: 22.12.2016).

13. Кыргызский город Ош объявлен культурной столицей тюркского мира в 2019 году [Электронный ресурс] <https://mk-turkey.ru/culture/2018/12/19/mot-kyrgyzskij-gorod-osh-obyavlen-kulturnoj.html> (дата обращения: 19.12. 2019)
14. 2024 год объявлен в тюркском мире годом Махтумкули, город Аннану станет его культурной столицей. [Электронный ресурс] <https://www.newscentralasia.net/2022/11/07/2024-god-obyavlen-v-tyurkskom-mire-godom-makhtumkuli-a-gorod-annau-stanet-yego-kulturnoy-stolitsey/> (дата обращения 07.11.2022)
15. Актау объявлен культурной столицей тюркского мира 2025 года на заседании ТЮРКСОЙ. [Электронный ресурс] <https://news.tek.fm/news/209307>
16. ТЮРКСОЙ объявила 2025 год годом памяти Алыкула Осмонова в честь 110-летия кыргызского поэта [Электронный ресурс] <https://report.kg/obschestvo/12063-tjurksoj-objavila-2025-god-godom-pamjati-alykula-osmonova-v-chest-110-letija-kyrgyzskogo-pojeta.html>
17. Актоты Раимкулова: Будет создана цифровая платформа тюркского культурного наследия <https://report.az/ru/kulturnaaya-politika/aktoty-raimkulova-budet-sozdana-cifrovaya-platforma-tyurkskogo-kulturnogo-naslediya/> (дата обращения 02.05.2024)
18. Перспективы и основы тюркской интеграции [Электронный ресурс] <https://kazpravda.kz/n/perspektivy-i-osnovy-tyurkskoj-integratsii/> (дата обращения 14. 10. 2022)
19. ТЮРКСОЙ приступил к реализации Программы “Молодежь тюркского мира” в Кыргызстане <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/tyurksoj-pristupil-k-realizacii-programmy-molodezh-tyurkskogo-mira-v-kyrgyzstane-g4tk> (дата обращения 27.11.2024)

Саипова К.Д.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация

В данной работе рассматривается вопрос демографической безопасности Центральной Азии через призму исторического развития и современных вызовов. Анализируются ключевые демографические процессы региона, включая миграционные потоки, уровень рождаемости и смертности, а также этнические и социальные изменения, которые формировали демографическую ситуацию в прошлом. Особое внимание уделяется выявлению актуальных рисков и угроз, связанных с демографическими сдвигами, включая рост населения, урбанизацию, изменения в структуре трудовых ресурсов и влияние миграции на стабильность и безопасность регионов. Исследование направлено на выявление факторов, способствующих укреплению или ослаблению демографической безопасности, а также на выработку рекомендаций для обеспечения устойчивого развития и социальной стабильности в Центральной Азии.

Ключевые слова: Демографическая безопасность, Центральная Азия, исторический аспект, современные риски, миграция, рост населения, урбанизация, социальная стабильность, этнические изменения, устойчивое развитие.

Abstract

This study examines the issue of demographic security in Central Asia through the lens of historical development and contemporary challenges. It analyzes key demographic processes in the region, including migration flows, birth and death rates, as well as ethnic and social changes that have shaped the demographic situation in the past. Special attention is given to identifying current risks and

threats related to demographic shifts, such as population growth, urbanization, changes in the labor force structure, and the impact of migration on regional stability and security. The research aims to identify factors that either strengthen or weaken demographic security, as well as to develop recommendations for ensuring sustainable development and social stability in Central Asia.

Keywords: Demographic security, Central Asia, historical aspect, contemporary risks, migration, population growth, urbanization, social stability, ethnic changes, sustainable development.

История Центральной Азии представляет собой сложное переплетение имперских амбиций, массовых миграций, этнических трансформаций и идеологических столкновений, все из которых напрямую влияли на демографическую ситуацию региона. Демографическая безопасность здесь – не просто вопрос численности населения. Это вопрос выживания наций, сохранения культурной идентичности и обеспечения устойчивого развития в условиях исторически сложившейся нестабильности.

В дореволюционную эпоху территории современных Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана населялись преимущественно кочевыми и полукочевыми племенами. Демографическая структура была определена клановой и племенной организацией общества, религиозными нормами и сезонными миграциями. Однако уже в конце XIX – начале XX века царская Россия начала активно вмешиваться в этнический состав региона, осуществляя переселение русских и других славянских народов на плодородные земли Центральной Азии, особенно в Семиречье и Ферганскую долину. Это послужило первым импульсом к изменению этнического баланса, что впоследствии отразилось на идентичности коренных народов [1, с.45].

С установлением советской власти в 1920-х годах началась новая волна демографических трансформаций. Насильствен-

ная коллективизация и голод (в особенности голод 1930–1933 годов в Казахстане) привели к масштабным человеческим потерям. В Казахстане погибло, по разным оценкам, от 1 до 2 миллионов человек, преимущественно казахов – более четверти всего народа. Это стало одним из самых трагичных демографических ударов по региону в XX веке. Параллельно происходили депортации целых народов – крымских татар, чеченцев, ингушей, корейцев, немцев Поволжья – в степи и горы Центральной Азии, что резко изменила этническую карту региона.

Советская индустриализация, урбанизация и развитие инфраструктуры породили резкий рост населения в городах, в основном за счет миграций из других частей СССР. Рождаемость в республиках оставалась высокой, особенно в Узбекистане и Таджикистане, несмотря на общее снижение по Союзу. Но под конец советского периода Центральная Азия стала все больше выделяться своей молодостью: доля молодого населения была значительно выше, чем в европейской части СССР.

После распада Советского Союза в 1991 году регион столкнулся с острым кризисом – экономическим, политическим и демографическим. Массовая миграция русскоязычного населения в Россию изменила соотношение этнических групп, особенно в Казахстане, где доля русских снизилась с почти 40 % в 1989 году до менее 20 % к 2020-м. Это сопровождалось ростом роли титульных наций и возрождением интереса к национальной культуре и языку. Вместе с тем экономические трудности вынудили миллионы центральноазиатцев искать работу за границей – прежде всего в России, а в последние годы и в Южной Корее, Турции, странах Персидского залива.

В XXI веке демографическая безопасность региона вновь оказалась под угрозой – теперь в условиях глобализации, нарастания международной нестабильности и климатических изменений. Высокая рождаемость сохраняется, особенно в Таджикистане, где коэффициент фертильности превышает 3 ребенка на женщину, в то время как в Казахстане и Узбеки-

стане он начинает снижаться, особенно в урбанизированных слоях. Растущее население требует рабочих мест, образования, медицинского обслуживания – но инфраструктура и экономические модели, во многом унаследованные от плановой экономики СССР, не справляются с вызовами [2, с.112].

Демографическая ситуация в Узбекистане характеризуется устойчивым ростом численности населения, что подтверждается увеличением с 37,1 млн человек в середине 2024 года до более 37,5 млн к началу 2025 года. Такой рост создает значительные вызовы и возможности для обеспечения демографической безопасности страны.

Высокая доля молодежи (около 32% населения младше 15 лет) свидетельствует о наличии большого потенциала для развития человеческого капитала, но в то же время требует значительных ресурсов на образование, здравоохранение и создание рабочих мест. Доля населения трудоспособного возраста (56,4%) указывает на возможность экономического роста, при условии эффективного использования этого ресурса и развития рынка труда [3, с.27].

Уровень рождаемости остается достаточно высоким – 26,4 на 1000 человек, что поддерживает естественный прирост населения. Однако это также требует адекватного планирования социальных и экономических программ для обеспечения качества жизни растущего населения.

Снижение смертности (на 1,8% за первое полугодие 2025 года) является позитивным фактором, отражающим улучшение системы здравоохранения и общих условий жизни [4, с.15].

Миграционные процессы остаются важным элементом демографической динамики. Отток населения, в основном в Казахстан и Россию, может создавать определенные риски для социальной и экономической стабильности, особенно если уезжают трудоспособные граждане. В то же время миграционные потоки создают вызовы в управлении ресурсами и инфраструктурой.

В целом, демографическая безопасность Узбекистана зависит от способности государства эффективно реагировать на вызовы, связанные с быстрым ростом населения, высокой долей молодежи и миграционными процессами. Укрепление социальной инфраструктуры, развитие образования и здравоохранения, а также создание рабочих мест являются ключевыми направлениями для обеспечения устойчивого развития и стабильности [6].

Таким образом, история демографической безопасности Центральной Азии – это история борьбы за идентичность и выживание в условиях внешнего давления, внутренних кризисов и природных ограничений. Советское прошлое оставило двойственное наследие: с одной стороны – модернизация, урбанизация, развитие инфраструктуры; с другой – искусственно созданные границы, этнические напряженности и зависимость от внешних центров власти. Современные угрозы, такие как массовая миграция, радикализация молодежи, изменение климата и сокращение водных ресурсов, лишь усиливают структурные проблемы, корни которых уходят в историю.

Понимание исторических демографических травм и тенденций необходимо для выработки стратегий устойчивого развития. Без учета исторического контекста невозможно сформировать эффективную политику в сфере образования, занятости, здравоохранения и международного согласия, что делает демографическую безопасность не просто статистическим понятием, а стратегическим приоритетом для всего региона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахмедов, Т.Р. *Демографические процессы в Центральной Азии: исторический и современный аспекты*. – Ташкент: Изд-во Узбекистана, 2019. – С. 45–78.
2. Каримова, Л.Н. *Социально-экономическое развитие и демография Узбекистана*. – Самарканд: Самаркандский гос. ун-т,

2021. – С. 112–135.

3. Джумаев, Ш.С. *Урбанизация и молодежная политика в Узбекистане*. – Ташкент: Академия наук, 2022. – С. 27–50.

4. World Bank. *Uzbekistan Demographic and Social Trends Report*. – Washington, DC, 2023. – P. 15–43.

5. United Nations. *World Population Prospects 2022*. – New York, 2022. – P. 120–140.

6. Газета.uz. «Демографическая ситуация в Узбекистане: текущие данные и прогнозы», 2024. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/08/01/demography/> (дата обращения: 29.08.2025).

Сабергалиев А.А.

ЭТНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА ПОСЛЕ РАСПАДА СССР: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация

В статье анализируются этнические изменения населения Казахстана в постсоветский период, проблемы интеграции различных этнических групп, а также особенности межэтнических отношений и культурной идентичности в условиях независимости. Рассматривается влияние распада СССР, миграционные процессы и роль государственной политики в формировании межэтнической гармонии в регионе.

Ключевые слова: этнические изменения, Казахстан, межэтнические отношения, интеграция, культурная идентичность, миграция, распад СССР.

Abstract

The article analyzes ethnic changes in the population of Kazakhstan in the post-Soviet period, the problems of integration of various ethnic groups, as well as the peculiarities of interethnic

relations and cultural identity in conditions of independence. The impact of the collapse of the USSR, migration processes and the role of state policy in the formation of interethnic harmony in the region are considered.

Keywords: ethnic changes, Kazakhstan, interethnic relations, integration, cultural identity, migration, collapse of the USSR.

Постсоветский период стал важным этапом для изменения этнического состава населения Казахстана в целом и Западного Казахстана в частности. Эти изменения обусловлены рядом факторов, таких как миграционные потоки, экономические и политические реформы, а также специфическими социальными процессами, происходящими на фоне распада Советского Союза. Целью данной работы является анализ этнических изменений в регионе в контексте проблем интеграции и межэтнических отношений, а также исследование роли культурной идентичности в постсоветский период.

После распада Советского Союза и образования независимого Казахстана в 1991 году этнический состав населения Западного Казахстана претерпел значительные изменения. Эти трансформации обусловлены комплексом факторов, в том числе социально-экономическими и политическими процессами, характерными для постсоветского пространства. Одним из ключевых факторов, оказавших влияние на демографическую структуру региона, стали миграционные потоки, которые, в свою очередь, определялись изменениями в государственной политике, экономической ситуацией в стране и внешними геополитическими условиями [1].

Так, одним из самых заметных и драматичных процессов в Западном Казахстане после распада СССР стало массовое переселение русскоязычного населения (русские, украинцы, немцы и другие этнические группы) в Россию. Это явление связано с несколькими ключевыми аспектами.

Во-первых, экономические трудности. В первые годы неза-

висимости Казахстан столкнулся с экономическим кризисом, связанным с переходом к рыночной экономике. Это привело к снижению уровня жизни, безработице и социальным трудностям, что особенно сильно сказалось на городах Западного Казахстана, традиционно ориентированных на тяжелую промышленность [2]. Проблемы с трудовой занятостью, дефицит рабочих мест и ухудшение социальных условий заставили многих представителей русскоязычных этнических групп искать новые возможности в России, где ситуация была более стабильной.

Во-вторых, политическая нестабильность. В издании «Демоскоп» говорится, что в условиях распада СССР и политических преобразований, многие русские, как и другие этнические меньшинства, чувствовали неуверенность в будущем, так как не могли точно предсказать, как изменится их положение в новой независимой республике. Вдобавок, вопросы гражданства, язык, культурная интеграция и роль русского языка в новом государстве вызывали опасения у части населения. Казахстан обеспечил 35% репатриантов в Россию, несмотря на то, что в 1989 году на его территории проживало лишь 24,5% русских внутри СССР – что соответствует коэффициенту потерь 1,5 [3].

В-третьих, миграционная политика Российской Федерации. В то время как Казахстан проводил политику «казахстанизации» в сфере образования, языка и культурной идентичности [4], Россия активно стимулировала возвращение этнических русских на свою территорию. Российские власти предоставляли льготы для репатриантов, что сделало миграцию в Россию привлекательной для части русскоязычного населения Казахстана [5].

Эти процессы привели к тому, что численность русскоязычных этнических групп в Западном Казахстане начала резко снижаться. Особенно активно этот процесс был выражен в 1990-е годы, когда число русских и украинцев сокращалось как за счет естественного убывания (высокая смертность, низкая

рождаемость), так и в результате массовой миграции в Россию. Продемонстрируем изменение численности русских в Казахстане в 1979-1998 гг. (см.: табл. 1).

Так, в 1991 г. численность населения ЗКО составляла 616,8 тыс. человек [6].

Одновременно с исходом русскоязычного населения из Казахстана наблюдается волна миграции казахов как внутри страны, так и из-за рубежа. Это явление также играло ключевую роль в изменении этнического состава Западного Казахстана.

Таблица 1 – Изменение численности и нетто-миграция русских в Казахстане в 1979-1998 гг.

Страна	Численность русских			Нетто-миграция*			
	тыс. человек		%	тыс. человек		%	
	1979	1989	1989/ 1979	1979- 1988	1990- 1998	1979- 1988	1990- 1998
Казахстан	5991	6228	103,9	-190	-1006	-3	-16

В результате экономических реформ и восстановления традиционных связей с казахами из других регионов Казахстана, особенно с Южного Казахстана и Центральной Азии, в Западный Казахстан начали переселяться казахи. Перепись населения 1999 года зафиксировала 7696,9 тыс. казахов, что составляет 53,4 % от общего числа населения [7].

В 1990-х годах, когда в других регионах наблюдалась большая плотность населения и высокие конкуренции за ресурсы, Западный Казахстан становился привлекательным регионом для переселенцев. Миграция казахов была связана с улучшением их социально-экономического положения, увеличением рабочих мест в сельском хозяйстве и нефтяной промышленности, а также в других секторах экономики.

Особенно сильным было влияние миграции казахов из Узбекистана, Кыргызстана и Китая. В 1990-е годы, в связи с распадом СССР, многие этнические казахи, которые до этого находились за пределами исторической родины, начали возвращаться в Казахстан в рамках программы переселения. Это способствовало увеличению численности казахского населения в Западном Казахстане, а также изменению социальной и культурной динамики в регионе. В период с 1992 по 1994 год из Республики Казахстан выбыло 1 125 тыс. человек, из которых 73% направились в СНГ. За тот же временной промежуток в страну прибыло 343 тыс. человек, при этом 91% из них составили мигранты из стран Содружества Независимых Государств. С 1995 года в Казахстане наметилась устойчивая тенденция к снижению объемов внешней миграции населения, выражающаяся в уменьшении количества эмигрантов и, соответственно, в сокращении отрицательного сальдо миграции. Так, по состоянию на 1999 год число выбывших из страны сократилось в 2,9 раза по сравнению с уровнем 1994 года, а отрицательное сальдо миграции уменьшилось более чем в три раза [8].

Казахстанский закон о гражданстве, принятие программ репатриации и другие государственные инициативы по поддержке переселенцев оказали значительное влияние на этнический состав региона. Регионы Западного Казахстана, как районы с большим потенциалом для развития сельского хозяйства и промышленности, стали предпочтительными для многих мигрантов.

На основе переписей населения можно выделить несколько ключевых тенденций в изменении этнического состава Западного Казахстана за годы независимости:

- Снижение доли русскоязычных этнических групп. С 1989 года (перепись населения СССР) по 2009 год (перепись населения Казахстана) численность русских, украинцев и других славянских народов в регионе значительно сократилась. Это

снижение происходило за счет эмиграции в Россию, а также из-за естественного уменьшения численности (низкая рождаемость, высокая смертность).

- Рост численности казахов. За счет внутренней и внешней миграции, а также повышения рождаемости среди казахов, наблюдается устойчивый рост казахского населения в Западном Казахстане. Это особенно заметно в сельской местности, где казахи традиционно составляют основную часть населения. В городах, однако, доля казахов в первые годы независимости была несколько ниже, но постепенно ситуация изменилась.

- Уменьшение доли других этнических групп. Другие этнические группы, такие как немцы, татары и чеченцы, также сократились в численности, хотя в меньшей степени. Однако их влияние в социальной и культурной жизни региона продолжало сохраняться, несмотря на демографические изменения.

Таким образом, постсоветский период в истории Западного Казахстана стал временем значительных изменений в этнической структуре региона. Проблемы интеграции и межэтнических отношений остаются актуальными и требуют дальнейшего внимания со стороны государственных и местных органов власти. Важно продолжить работу по укреплению межэтнической гармонии и уважения к культурным различиям, что является залогом стабильности и развития региона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеенко А.Н. Этнодемографические процессы и эмиграция из суверенного Казахстана: причины и перспективы. /Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии / Под ред. Г. Витковской. - М: Центр Карнеги, 1998.
2. Касымова Н.К., Протасова О.Вл. Анализ основных показателей развития экономики Республики Казахстан за годы независимости // Инновационная экономика: перспективы развития и

совершенствования. 2018. №7 (33).

3. Электронная версия бюллетеня Население и общество // Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН // Седьмой ежегодный демографический доклад население России 1999. - URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r99/razdel6g4_1.html (Дата обращения: 27.07.2025).

4. Хименес Т.С. «Казахстанизация» Казахстана: языковая политика, национализм и этнические меньшинства // Россия и мусульманский мир. 2015. №1 (271).

5. Красинец Е.С. Возвратная миграция в Россию: тенденции прошлого и реалии настоящего // Народонаселение. 2022. №1.

6. Жаркенова А.М. Тенденции и динамика изменения численности населения Республики Казахстан В 1991-2014 гг. // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права № 1 / 2015.

7. Алексеенко А.Н. Первая перепись населения в суверенном Казахстане: некоторые итоги и оценки // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. Материалы конференции (8-9 сентября 2000 г., Санкт-Петербург). Под редакцией Г. Витковской, Ж. Зайончковской. «АдамантЪ», 2001. с. 82-97.

8. Игнатьева Л.Н. Миграционная политика Казахстана (90-е гг. XX в. - начало XXI в.) // Общество: философия, история, культура. 2022. №6 (98).

9. Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана (XVIII – начало XXI вв.) – Алматы, 2004, 408 с.

Столярова Э. О., Аубакирова Ж. С., Краснобаева Н. Л.

СЕМЬЯ КАК СОЦИООБРАЗУЮЩИЙ ИНСТИТУТ В ЗЕРКАЛЕ КАЗАХСТАНСКИХ СМИ

(Статья выполнена в рамках реализации грантового научного проекта AP26198919 «Казахстанская семья в системе общественных отношений: потенциал и проблемы межинституционального взаимодействия в условиях модернизации», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан)

Аннотация

В статье представлены результаты первого этапа контент-анализа казахстанских электронных СМИ (объект исследования – популярный интернет-ресурс Tengrinews.kz, глубина анализа: сентябрь 2024 - сентябрь 2025 гг.). Предметная область исследования – казахстанская семья в системе межинституциональных связей и в контексте процессов модернизации и урбанизации. Авторы предполагают, что процессы трансформации семейных институтов находят отражение в тематике публикаций, их популярности у аудитории, а также в частоте контекстных связей с другими общественными институтами и сферами социальной жизнедеятельности. Для анализа полученных данных использованы конкретные количественные и качественные параметры оценки публикаций – формат (статья/заметка, наличие иллюстративных материалов, характер подачи темы публикации, просмотры, комментарии и др.).

Материалы исследования позволяют сделать ряд выводов о рациональных и эмоциональных коннотациях понятия «казахстанская семья», отражающих взаимное влияние СМИ и общественного мнения.

Ключевые слова: Семья, государство, правоохранительная

система, традиции, модернизация.

Abstract

The article presents the results of the first stage of content analysis of Kazakhstani electronic media (the object of research is the popular Internet resource Tengrinews.kz, the depth of analysis: September 2024 - September 2025). The subject area of research is the Kazakhstani family in the system of inter-institutional ties and in the context of modernization and urbanization processes. The authors suggest that the processes of transformation of family institutions are reflected in the topic of publications, their popularity among the audience, as well as in the frequency of contextual connections with other public institutions and spheres of social life. To analyze the data obtained, specific quantitative and qualitative parameters for evaluating publications were used - format (article/note, availability of illustrative materials, nature of submission of the topic of publication, views, comments, etc.).

The research materials make it possible to draw a number of conclusions about the rational and emotional connotations of the concept of «Kazakhstani family,» reflecting the mutual influence of the media and public opinion.

Keywords: Family, state, law enforcement system, traditions, modernization.

Семья является важнейшим социообразующим институтом и не может не находить своего отражения в средствах массовой информации. Информационное пространство объективно выполняет две значимые функции: отражает состояние общественных настроений с одной стороны, и оказывает большое влияние на формирование общественного мнения – с другой. В условиях массовой цифровизации роль СМИ в процессах формирования общественных представлений чрезвычайно возрастает. Это, однако, может приводить как к позитивным, так и негативным результатам – формирование устойчивых

стереотипов, упрощающих, а порой, искажающих реальность, накладывает отпечаток на семейно-брачные и репродуктивные установки. Если речь идет о молодежи, то СМИ становятся сильнейшим социализирующим фактором.

Анализ материалов популярных СМИ позволяет выявить характерные трактовки и смысловые коннотации семьи как формы организации социальной жизни и семейных ценностей, а также указания на модернизационные вариации, получившие распространение в казахстанском информационном пространстве.

Предметом данного исследования стало отражение в интернет-СМИ состояния семейных институтов и их взаимодействия с внешней социальной средой в условиях урбанизации и модернизации.

Статья основана на материалах пилотного этапа (исследование будет продолжено), полученных из одного из самых популярных интернет-ресурсов в Казахстане - Tengrinews.kz (глубина анализа 1 год: сентябрь 2024 - сентябрь 2025 гг.). В соответствии с программой исследования были отобраны 151 публикация, тематически связанная с предметом исследования – семья в контексте взаимодействия с другими социальными институтами и структурами и процессами казахстанского общества.

Количественные характеристики полученных материалов.

Материалы, посвященные семье, по объему и формату разделились на две группы – 63 заметки и 87 статей (один материал атрибутирован как репортаж с места событий) (рисунок 1).

Под статьей понимается материал большего объема и глубины подачи материала, в нем часто поднимаются проблемные вопросы, формулируются оценки и выводы. Заметка – это небольшой материал, имеющий в основном информационный посыл.

Визуальное сопровождение (иллюстрации к материалу): 92 материала сопровождаются фотографиями, 16 материалов со-

держат тематические видео ролики (рисунок 2).

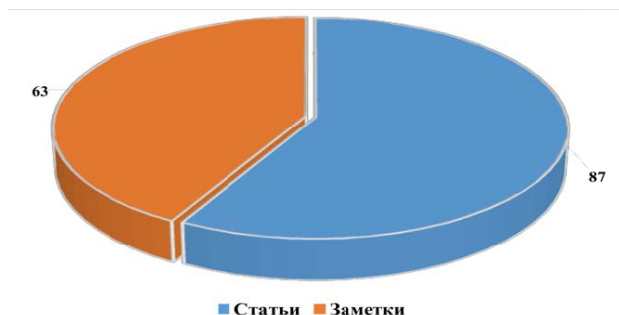

Рисунок 1 – Объем и формат материалов.

Отличительной особенностью современных СМИ становится все более частое использование иллюстраций, сгенерированных AI. При этом, такие картинки выглядят неотличимо от реальных фотографий. И, если не обращать внимание на подпись, то вероятно, большинство читателей воспринимает их именно так.

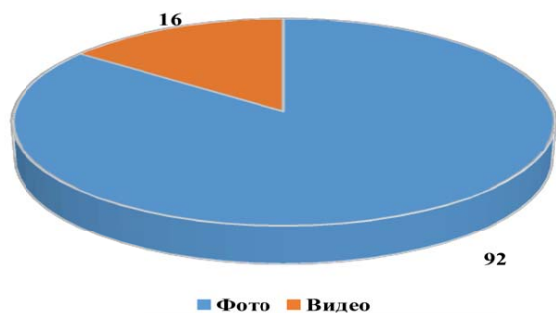

Рисунок 2 – Иллюстративное сопровождение опубликованных материалов.

Характер подачи материалов свидетельствует о большом внимании к проблемам семьи и сильной эмоциональной окраске этой темы – 84 (55%), материала поднимают проблемные вопросы и содержат критику, 44 (29%) - поданы в позитивном

ключе, 23 (15%) материала сообщают информацию нейтрально (рисунок 3). Фиксируется явное преобладание проблемно-критических материалов.

Рисунок 3 – Характер подачи материалов.

На отобранные 151 материал приходится 3 595 664 просмотра, в среднем по 23 812 просмотров на публикацию. Но, усредненные данные не позволяют выявить, какие материалы привлекли наибольшее внимание, а какие оказались интересны наименьшему числу читателей. Поэтому далее представлены лидеры и антилидеры по популярности у аудитории ресурса.

Материал, набравший наибольшее число просмотров – 152 795, был опубликован 28.08.2025 г. и посвящен проблеме социально-экономического гендерного неравенства. Его заголовок очень информативен и красноречив: «У бедности женское лицо. Как патриархат загнал казахстанок в зависимость и нищету».

По формату эта публикация – большая проблемная статья, структурированная по отдельным вопросам и насыщенная статистическими данными в качестве аргументов. Этот же материал лидирует и по количеству комментариев – 146. На самом деле их значительно больше, под некоторыми комментариями разворачиваются непримиримо-эмоциональные споры. Сталкиваются две позиции: комментаторы, которые согласны с материалами статьи и авторскими выводами, и те, кто их опровергает. По сути, «точкой разлома» становится отношение к двум разным моделям семейного института – патриархальной

традиционной и модернизированной партнерской. Разговор ведется «на повышенных тонах», с сильным межличностным накалом, обе стороны не склонны прислушиваться к аргументам друг друга. В комментариях нет признаков готовности к компромиссу, тем более нет поиска консенсуса.

На другой стороне рейтинга популярности материал, который просмотрели лишь 162 человека. Он был опубликован год назад (6 октября 2024 года), но за это время не привлек большого внимания. Его заголовок

«Династия железнодорожников с общим стажем в 826 лет приняла участие в референдуме в Алматы», содержание – информация об участии традиционной расширенной семьи в референдуме по вопросу строительства АЭС. Никто из немногочисленных читателей не оставил комментария под этой заметкой. Можно предположить, что такого рода материалы, информационно-нейтральные, отражающие чисто политические события и не поднимающие проблемные вопросы, не вызывают большого интереса у читателей Tengry.

Как уже отмечалось, проблемные и критические материалы, связанные с вопросами семьи, относятся к наиболее просматриваемым и обсуждаемым. Тем не менее, среди материалов, атрибутированных как позитивные, также встречаются лидеры по просмотрам. Заметку «10 дней праздника: Казахстан возвращает традиции Великой степи» прочитали 93 258 человек. Но, хотя в тексте нет указания на проблемы, в комментариях (34) были высказаны очень разные, порой противоречащие друг другу, мнения. Можно сравнить: «С возрождением Великой Степи! С наступающим Новым годом! С Наурыз!», «Поддерживаю добрые, старые традиции», «Урааа! Наурыз становится еще круче! А представьте если каждый день так праздновать будем, ваще огонь же будет!» (сохранено авторское написание) и «Экономика не сегодня, так завтра загнется, своего ничего нет, зато праздников на три страны хватит, да еще и останется», «Опять надо кредит на праздник брать», «Слишком много

праздников, работать надо, не покладая рук, особенно молодым!». И вновь, суть спора заключается в отношении к традициям и их месту в современных условиях. Видимо, этот дискурс во многом определяет общественные настроения и мнения в Казахстане.

Анализ различных аспектов жизни казахстанских семей позволяет очертить основной круг наиболее острых вопросов, волнующих читателей. В первую очередь к ним относятся внешние и внутренние угрозы семье, детям, женщинам. В качестве примера внешних угроз часто выступают ситуации с буллингом в школах, недобросовестное отношение к здоровью детей и других членов семьи и невозможность или чрезвычайная сложность для родных изменить ситуацию и защитить близких от насилия – «Родные убитого школьника рассказали о дедовщине», «Ударивший подростка ножом алматинец может отделаться штрафом в 55 тысяч тенге», «10 миллионов тенге отсудили родители за страдания малолетней дочери», «Не пустили 12-летнюю девочку в самолет: на сколько оштрафовали авиакомпанию», «Детей не пуцу». «Прекратить ремонт в школе требуют родители учеников в Костанайской области» и др.

В публикациях находят отражение также риски и угрозы, которые существуют внутри семьи: «Послеродовая депрессия: как ее распознать и что должны делать близкие», «Казахстанка ударила ножом дочь из-за невыученных уроков» - внутрисемейное пространство не позиционируется как полностью защищенное.

Если рассматривать опубликованные за год материалы через призму взаимодействия семьи и других социальных институтов, то можно выявить наиболее часто встречающиеся связи – правоохранительные органы, образовательные учреждения, коммунально-бытовые системы. Так как почти две трети отобранных и проанализированных публикаций носят проблемно-критический характер, то вопросы взаимодействия семьи и других общественных институтов в основном рассматрива-

ются в ключе неэффективности или недостаточной эффективности. Отметим, что, по мнению авторов, это не определяет реальный характер общественного межинституционального взаимодействия. Это говорит лишь о том, что такая подача материала привлекает большее внимание аудитории.

Среди наиболее острых проблем – безопасность детей в общественных пространствах (школьный двор, улица, придворные территории) и дома (пожары, обрушения, затопления зданий).

Наиболее обсуждаемые темы – гендерные семейные роли, отношения между членами семьи, следование традициям, отказ от традиций или сложные формы модернизации семейных практик, которые содержат в себе элементы неорхаики.

Тема семьи подается, в большей степени, в проблемно-критическом, даже негативном ключе – количественное соотношение проблемных и позитивных материалов 2 к 1 (рис. 3).

Базовый дискурс, в рамках которого происходит столкновение мнений в комментариях, также отражает переходное состояние семейных институтов и повседневных практик: противопоставление традиций и модернизации, а также неорхаичные практики, то есть вариации, сохраняющие свои архаические смыслы и игнорирующие изменившиеся социальные условия.

Возвращаясь к задачам контент-анализа, определенным в соответствующей программе, можно сделать ряд следующих предварительных замечаний.

Цели и формы морально-нравственной социализации (базовые ценностные ориентиры, наличие/отсутствие проговариваемой логической связи между ценностями и нормами: хорошо-плохо, можно-нельзя), светский или религиозный характер обоснования морально-нравственных ценностей:

- Основной формой обоснования морально-нравственных ценностей выступают этнические традиции. Модернизированно-светская или религиозная аргументация практически отсутствуют. Можно предположить, что духовно-мистические

или рационально-прагматические ценности в силу своего прямого противоречия редко находят массовую поддержку в озвученных общественных настроениях. Апелляция к этническим традициям выглядит наиболее одобряемой и социально приемлемой.

Цели и формы политической социализации (распределение власти и ответственности между членами семьи; механизмы принятия общесемейных решений), а также Цели и формы гендерной социализации (определение гендерных ролей, наличие/отсутствие проговариваемого логического обоснования):

- Вопросы распределения власти и права принятия решений (что, по сути, является вопросом внутрисемейной политики, так как власть – есть ключевой политический вопрос) и вопросы гендерной социализации (то есть, установление общественных моделей приемлемого поведения для представителей разных гендеров) оказываются тесно связанными. Во всех проанализированных материалах этот предмет рассматривается как выбор между традиционными патриархальными образцами и практиками, с одной стороны, и модернизированными вариантами гендерного баланса и внутрисемейного партнерства с другой. В первом случае четко прослеживается стремление сохранить внутрисемейную иерархическую (вертикальную) структуру, во втором – выражается стремление к структурам вне иерархии (горизонтальным). Первые апеллируют к традициям, вторые – к актуальным условиям социально-экономического развития.

Цели и формы социокультурной социализации (ориентиры, приоритеты и границы – этнические, надэтнические, цивилизационные и др.):

- Нельзя не отметить, что основной социокультурный фон ориентирован на казахские этнические традиции. Традиции других этносов практически отсутствуют в изученном информационном поле. Идеи поликультурности казахстанского пространства, как ресурса дальнейшего устойчивого развития со-

циума не находят соответствующего отображения. При этом, сама информационная среда, как минимум, двуязычна, и уже поэтому содержит в себе сильные элементы глобализированной и гибридной культуры. Однако, этот факт не анализируется в изученном материале.

Цели и формы экономической социализации (источники семейного бюджета, распределение расходов, прозрачность бюджета для разных членов семьи, оценка роли и вклада в семейную экономику):

- Эта часть жизни каждой казахстанской семьи отражена ограниченно и однобоко – речь, в основном, идет о малообеспеченных семьях, государственных пособиях и благотворительной помощи со стороны крупных компаний. При этом экономическая жизнь семей среднего класса, тем более экономическая социализация и воспитание новых форм потребительского мышления пока не получили должного освещения в популярных СМИ.

Цели и формы профессионально-образовательной социализации (профессиональные семейные традиции/преемственность, образовательные ориентиры и их обоснование, влияние на выбор профессии родственниками):

- Хотя эта тематика представлена в ряде публикаций, сами публикации такого рода не пользуются вниманием читателей. Вероятно, сама подача материала не столько отражает современное состояние и проблемы казахстанских семей (например, семейный бизнес), сколько напоминает по своему посылу материалы о профессиональных династиях, характерные еще для советского периода в истории Казахстана.

Цели и формы экологической социализации (примеры и практики экологически ответственного или экологически безответственного поведения, формирование экологически ответственного потребления):

- Позитивные примеры распространения бытовых семейных практик, ориентированных на ответственное экологиче-

ское потребление, отсутствуют в проанализированных материалах. В целом тема экологии в связке с семейными институтами представлена слабо, если не сказать, что такой подход фактически отсутствует. Вероятно, экологическая проблематика представлена во взаимосвязи с другими институтами, но авторы не могут это утверждать, так как программа исследования, ее цель и задачи выводят такие публикации за предметное поле настоящего контент-анализа.

На данном этапе предварительная гипотеза: «Представления о «типичной казахстанской семье» имеет региональную специфику, которая выражается в вербализации «репродуктивной нормы», оценке роли этнических и/или религиозных компонентов в семейном воспитании, фиксации различных семейных проблем социального генезиса (семья и государство, семья и образование, семья и здравоохранение)» получила лишь частичное подтверждение. Исследование наиболее популярных СМИ через призму характерных трактовок и смысловых коннотаций семейных институтов, семейных ценностей, традиций, повседневных практик в условиях модернизации, как и вопросов эффективности/неэффективности взаимодействия семейных институтов и внешнего социального пространства будут продолжены по мере дальнейшей реализации проекта.

Тогамбаев Н. Қ.

**ИНСТИТУТ СЕМЬИ И БРАКА РЕПАТРИАНТОВ КАК
ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**
(на примере ВКО, Израиля и Республики Корея)

Аннотация

Работа выполнена в рамках диссертационного исследования автора на соискание степени магистра по теме «Влияние репа-

триации на социальную и культурную жизнь в Восточно-Казахстанской области». В статье исследуется роль института семьи и брака в процессах социокультурной адаптации и этнодемографической трансформации репатриантов, возвращающихся на историческую родину. Основное внимание уделено анализу семейных структур, моделей родства и брачных стратегий этнических казахов (кандасов) в Восточно - Казахстанской области, рассматриваемых как ключевые механизмы воспроизводства культурных норм и социальной идентичности. На основе междисциплинарного подхода историко-социологического, политологического и культурологического анализа выявлены закономерности адаптации через семейные и брачные институты, их влияние на уровень интеграции в принимающее сообщество и сохранение этнокультурной самобытности.

Особое внимание уделено проблеме внутригрупповых браков среди репатриантов, которые, с одной стороны, способствуют сохранению традиционной культуры, а с другой – ограничивают масштабы межэтнической и межрегиональной интеграции. На материале сравнительного анализа опыта Израиля и Республики Корея показано, что аналогичные тенденции наблюдаются в обществах с активными репатриационными программами: устойчивость семейных и брачных сетей способствует культурной консолидации, но порой тормозит формирование единой гражданской идентичности.

В условиях полиэтничной среды Казахстана институт семьи выполняет не только адаптационную, но и демографическую функцию, обеспечивая стабильность репатриантских сообществ и укрепление национального капитала. Результаты исследования могут быть использованы при разработке государственной и региональной политики в сфере интеграции кандасов, а также в дальнейших этносоциологических и демографических исследованиях

Ключевые слова: репатриация, кандас, семья, брак, этническая идентичность, социокультурная адаптация, этнодемогра-

фическая трансформация, Восточно-Казахстанская область.

Abstract

This work is conducted within the framework of the author's master's thesis on «The Impact of Repatriation on the Social and Cultural Life in the East Kazakhstan Region». The article explores the role of the family and marriage institution in the processes of socio-cultural adaptation and ethno-demographic transformation of repatriates returning to their historical homeland. The study focuses on the analysis of family structures and marriage strategies among ethnic Kazakhs (qandas) in the East Kazakhstan Region, viewed as key mechanisms for the transmission of cultural norms and social identity. Using an interdisciplinary approach – historical, sociological, political, and cultural – the paper identifies patterns of adaptation through family and marriage institutions and their impact on integration into the host society while preserving ethnic uniqueness.

Special attention is paid to intra-community marriages among repatriates, which help preserve traditional culture but also limit interethnic and interregional integration. Comparative analysis with Israel and South Korea reveals similar patterns: strong kinship and marriage networks support cultural cohesion but can slow the formation of a shared civic identity.

In Kazakhstan's multiethnic environment, the family institution performs not only an adaptive but also a demographic function, ensuring community stability and reinforcing national capital. The results may inform state and regional policies on repatriate integration and future ethnosociological research.

Keywords: repatriation, qandas, family, marriage, ethnic identity, sociocultural adaptation, ethno-demographic transformation, East Kazakhstan Region.

Репатриация как процесс возвращения этнических групп на историческую родину является не только миграционным, но

и цивилизационным феноменом. В постсоветском Казахстане, где формирование независимого государства сопровождалось возрождением этнической идентичности, репатриация этнических казахов (қандасов) приобрела стратегическое значение [1, с. 12].

За три десятилетия независимости процесс возвращения қандасов превратился в важнейший фактор национального строительства. Однако практика показала, что успешность адаптации репатриантов определяется не столько административными и экономическими мерами, сколько действием глубоких социокультурных механизмов – прежде всего института семьи и брака. Именно семья выступает тем устойчивым звеном, которое связывает индивидуальный опыт переселенца с коллективной идентичностью народа, обеспечивая передачу культурного кода, норм поведения и этнических ценностей. Но экономическими и правовыми условиями, но и глубинными социокультурными механизмами, среди которых ключевую роль играет институт семьи и брака.

Семья в данном контексте выполняет не только адаптационную, но и интеграционную функцию: она становится пространством, где формируется новая система социальных связей и где происходит постепенное согласование традиционных норм с реалиями современного казахстанского общества. Через брачные стратегии, родственные связи и межпоколенческую коммуникацию реализуется процесс культурного взаимопроникновения, в результате которого репатрианты не только сохраняют свою самобытность, но и вносят вклад в обновление этнокультурной среды региона.

Таким образом, изучение института семьи и брака репатриантов позволяет рассматривать репатриацию не просто как движение населения, а как глубинный процесс социокультурной адаптации и этнодемографической трансформации, имеющий стратегическое значение для устойчивого развития Казахстана в целом и Восточно-Казахстанской области в частности.

Настоящая статья подготовлена в рамках авторского диссертационного исследования «*Влияние репатриации на социальную и культурную жизнь в Восточно-Казахстанской области*», посвященного анализу механизмов адаптации қандасов и этносоциальной трансформации региона. Представленные результаты отражают одну из ключевых проблем данного исследования – роль института семьи и брака в процессах социокультурной адаптации и этнодемографического воспроизводства.

Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий принципы этносоциологии, демографии и культурной антропологии. Институт семьи рассматривается как ключевой социальный механизм воспроизводства идентичности и адаптации в миграционных сообществах, что согласуется с концепциями структурно-функционального анализа (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) и теориями аккультурации и адаптации мигрантов (Дж. Берри, М. Гордон). При анализе казахстанского контекста учитываются положения современных отечественных исследований этнодемографических трансформаций и репатриации қандасов (А. Нысанбаев, Г. Маликова, Ж. Кожамбетова и др.). Эмпирическую базу составляют данные интервью с репатриантами Восточно-Казахстанской области (2025 гг.), а также сравнительные материалы по израильскому и корейскому опыту интеграции репатриантов.

Семья репатриантов в Казахстане как институт адаптации

С момента обретения независимости в 1991 году Казахстан реализует масштабную программу этнической репатриации, направленную на возвращение этнических казахов, проживающих за рубежом – в Китае, Монголии, Узбекистане, Иране, Турции и других странах. По данным Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, за 1991–2024 годы в страну прибыло более 1,1 миллиона қандасов, из

которых значительная часть осела в южных и восточных регионах страны [2, с. 4].

Восточно-Казахстанская область (ВКО) представляет собой один из наиболее показательных регионов для анализа адаптационных механизмов репатриантов. Здесь, в полиэтничной среде, особенно в Уланском и Глубоковском районах, семья становится ключевым институтом не только социальной интеграции, но и культурной трансмиссии. По результатам полевых интервью, проведенных в 2025 г., именно семейные и родственные связи чаще всего выступают первичными каналами включения кандасов в социально-экономическую жизнь: через них обеспечивается жилье, помощь с трудоустройством, получение образовательных и медицинских услуг [3].

Семья репатрианта в условиях ВКО выполняет ряд базовых функций:

1. Адаптационную — обеспечивает поддержку новых членов и передачу им норм поведения в принимающем обществе;
2. Культурно-идентификационную — сохраняет язык, обычаи и элементы традиционной культуры;
3. Экономическую — объединяет ресурсы и формирует коллективные стратегии выживания;
4. Демографическую — способствует росту населения в районах с естественной убылью.

Однако репатриационные семьи не являются однородными структурами. Между поколениями и даже между супругами часто наблюдаются ценностные различия, вызванные разным уровнем урбанизации, образования и социального опыта до возвращения. Женщины, особенно из числа репатрианток из Китая и Монголии, зачастую демонстрируют более традиционные модели поведения, в то время как молодое поколение, выросшее уже в Казахстане, склонно к более модернизированным установкам. Это создает внутренние конфликты, влияющие на успешность адаптации.

Особое внимание заслуживает тенденция к эндогамным

бракам — заключению браков внутри общины репатриантов. По данным интервью и локальных социологических наблюдений (Глубоковский, Уланский, Курчумский районы), более 60 % молодых кандасов выбирают супругов из числа представителей «своей» диаспоры. Такая стратегия объясняется рядом факторов:

- желанием сохранить культурную идентичность и языковую среду;
- неуверенностью в восприятии со стороны местных казахстанцев;
- роли старших родственников и общинных советов в выборе брачного партнера. С одной стороны, эндогамные браки укрепляют внутригрупповую солидарность, обеспечивая репатриантам эмоциональную и культурную устойчивость на ранних этапах адаптации. С другой — они замедляют процессы интеграции в более широкую социальную среду, воспроизводя закрытость общин и ограничивая межэтническое взаимодействие. По мнению ряда исследователей (Ж. Кожахметова, 2021; Г. Маликова, 2023), именно семейно-брачные установки являются индикатором глубины интеграции и маркером трансформации этнокультурных границ.

Для сравнения, в Израиле и Южной Корее, где также реализуются репатриационные программы (алия и возвращение кепхо соответственно), на ранних этапах наблюдались схожие процессы: высокие показатели эндогамии, внутригрупповая сплоченность и настороженность к «местным». Однако со временем государственная политика, направленная на образовательную, трудовую и гражданскую интеграцию, способствовала росту смешанных браков и появлению новой модели «гибридной идентичности» [Колчигин, 2020: 232].

В контексте Казахстана можно отметить, что успешная адаптация репатриантов требует комплексного подхода, где институт семьи рассматривается не только как хранитель традиции, но и как инструмент модернизации. В этом смысле поддерж-

ка семейных программ, доступ к образованию для женщин и молодежи, а также стимулирование межгрупповых взаимодействий способны превратить семью из фактора замкнутости – в фактор устойчивой интеграции и демографического возрождения.

Таким образом, семья репатриантов в Казахстане выступает не просто элементом социальной структуры, но и основным механизмом, через который осуществляется баланс между сохранением культурной самобытности и встраиванием в современное казахстанское общество.

Эмпирические данные и сравнительный анализ семейных стратегий репатриантов.

Для подтверждения выявленных тенденций были использованы результаты социологического опроса и интервью, проведенных в Восточно-Казахстанской области в 2025 гг. среди 186 репатриантов (кандасов), проживающих в Уланском, Глубоковском и Курчумском районах. Дополнительно проанализированы данные Министерства труда и социальной защиты населения РК и материалы региональных СМИ.

Таблица 1 – Основные характеристики семейно-брачных стратегий репатриантов в Восточно-Казахстанской области (2022–2024 гг.)

Показатель	Значение (%)	Комментарий
Эндогамные браки (внутри общины кандасов)	62,3	Наиболее характерны для репатриантов из Китая и Монголии; объясняются культурной замкнутостью и влиянием старших родственников.
Экзогамные браки (с местными жителями)	27,9	Чаще встречаются у молодежи до 30 лет, проживающей в городских центрах (Семей, Өскемен).

Продолжение таблицы №1		
Браки между представителями разных стран происхождения (КНР–Узбекистан, Монголия–и др.)	9,8	Свидетельствуют о формировании транснациональных сетей внутри репатриантского сообщества.
Семьи с тремя и более детьми	48,5	Демографический потенциал репатриантов выше среднего показателя по региону (28,7 %).
Семьи, где оба супруга трудоустроены	41,0	У мужчин – преимущественно в сфере сельского хозяйства, у женщин – в образовании и торговле.
Использование казахского языка в семье как основного	97,4	Подтверждает высокую культурную самосохранность, но также ограничивает интеграцию в русскоязычные среды.

Источник: полевые интервью автора, Восточно-Казахстанская область, 2025 гг.; также данные Министерства труда и социальной защиты РК (2023).

Полученные данные позволяют говорить о том, что эндогамные браки остаются преобладающей формой семейных союзов среди репатриантов, особенно в сельской местности. Это отражает стратегию культурного самоутверждения и стремление сохранить «чистоту происхождения», что характерно для первых поколений переселенцев.

При этом наблюдается постепенный рост смешанных браков среди второго поколения кандасов, особенно в городских районах. Этот процесс сопровождается усилением образовательной мобильности, включенностью в систему казахстанского высшего образования и ростом уровня межэтнических контактов. Для сопоставления: в Израиле в первые десятилет-

тия алии (1948–1970-е гг.) уровень эндогамии среди репатриантов из стран Востока достигал 75 %, тогда как к 2000-м годам снизился до 40 % за счет интеграции через систему образования и военную службу [4, с. 21]. В Южной Корее аналогичные тенденции отмечались среди возвращающихся донгпхо: при сохранении культурной идентичности уровень браков с местными жителями вырос с 15 % до 38 % за двадцать лет [5, с. 14].

Заслуживает внимания лингвистическая и концептуальная трансформация терминов, отражающих отношение общества к репатриантам. Так, до недавнего прошлого, чаще всего, когда речь шла о зарубежных корейцах, использовалось понятие «кепхо», однако оно несло в себе скрытый негативный подтекст как людей, не просто живущих за пределами «родины», но и потерявших с ней связь. Поэтому на смену ему пришел термин «донгпхо», который означает «братья, люди одного происхождения». Таким образом, «донгпхо» более точен в определении всей совокупности зарубежных корейцев и имеет коннотацию транснациональности, подчеркивающей общность всех зарубежных корейцев [6]. Подобная трансформация терминов произошла и в нашей стране, когда термин «оралман» заимел пренебрежительный окрас и был заменен на «қандас», дословно переводимый как «единокровный», что также оказало положительный эффект и подчеркнуло правильность трактовки репатриации как процесса национального становления и развития национального возрождения и культурного консолидационного развития общества.

Таким образом, Казахстан в целом воспроизводит мировую закономерность репатриации: семья на раннем этапе служит защитным барьером и гарантом идентичности, но с течением времени превращается в канал интеграции, обеспечивая формирование новой социально-гибридной общности.

Брачные стратегии и их влияние на адаптацию

Брак, особенно смешанный (межрегиональный или межэт-

нический), выступает индикатором глубины интеграции. В ВКО отмечается рост числа межэтнических браков, в том числе и браков между қандасами и местными жителями, что способствует культурному синтезу и укреплению внутриэтнической солидарности. Анализ данных по Казахстану показывает, что доля межэтнических браков растет – в 2024 году она составила около 18,2% от общего числа зарегистрированных браков, что может свидетельствовать о смягчении этнических барьеров [7].

При этом браки с представителями других этнических групп (русскими, украинцами, уйгурами и др.) носят более редкий, но социально значимый характер: они отражают процессы расширения культурных границ и формирования новой казахстанской идентичности.

Анализ интервью показывает, что репатрианты, вступающие в межэтнические браки, демонстрируют более высокий уровень языковой и профессиональной адаптации, чаще вовлечены в местные экономические сети и гражданские инициативы.

Таким образом, институт брака в казахстанском контексте становится не просто социальным явлением, а инструментом межкультурного диалога и формирования общественного согласия.

Сравнительный опыт Израиля и Республики Корея

Для более глубокого понимания роли семьи как института адаптации репатриантов целесообразно обратиться к странам, где аналогичные процессы реализуются в течение нескольких десятилетий и являются частью национальной стратегии этнокультурного возрождения. Наиболее показательные примеры – Израиль и Республика Корея.

Израильская политика алии (от ивр. – «восхождение») действует с момента провозглашения независимости государства в 1948 году. Ее ключевым принципом является «право на воз-

вращение» для всех евреев и их потомков, закрепленное в Законе о возвращении (1950 г.) [8, с. 29]. Государство выстраивает систему многоуровневой поддержки новых граждан: субсидии на жилье, курсы иврита (ульпаны), медицинское страхование, образовательные гранты и налоговые льготы.

Исследования Центра изучения миграции и интеграции при Еврейском агентстве (Jewish Agency, 2021) показывают, что именно семья является ключевым институтом успешной адаптации — особенно в первые 3–5 лет после приезда [9, с. 22]. Сохраняющиеся семейные сети обеспечивают не только материальную, но и эмоционально-культурную устойчивость репатриантов.

Кроме того, в Израиле интеграция носит институциональный характер: семейные ценности и культурные традиции репатриантов поддерживаются через государственные и религиозные институты – школы, синагоги, общинные центры. Это обеспечивает баланс между сохранением этнокультурной идентичности и включением в современное израильское общество.

Южнокорейская программа возвращения этнических корейцев (чосончжок, коре сарам) начала активно развиваться с конца 1990-х годов. Основная масса репатриантов прибывает из Китая, Узбекистана, Казахстана и России. Однако, в отличие от Израиля, Корея столкнулась с парадоксом культурной дистанции: несмотря на этническое родство, репатрианты нередко воспринимаются как «чужие свои» [10, с. 41].

Исследования Хан С. и Пак Ч. отмечают, что для большинства коре-сарам семья становится основной площадкой реконструкции идентичности. Именно в рамках семьи происходит социализация второго поколения – через язык, ритуалы, традиции, которые иначе теряются в урбанизированной среде [11, с. 53].

В отличие от израильской модели, где интеграция институционализована сверху, в Корее наблюдается снизу-вверх

организация репатриантских сообществ: создаются семейные ассоциации, кооперативы, сети взаимопомощи. Эти объединения выполняют функции социальной защиты, образования, трудового посредничества и культурной поддержки.

Сопоставление с Казахстаном и Восточно-Казахстанской областью в частности

Казахстанская политика репатриации этнических казахов во многом сочетает элементы обеих моделей. С израильской ее роднит идея исторической справедливости и духовного возвращения, а с корейской – необходимость преодоления культурной дистанции.

Однако, в отличие от Израиля, где государство полностью контролирует процесс адаптации, в Казахстане, особенно в полиэтничных регионах, таких как Восточно-Казахстанская область, центральную роль играет именно семья. Она становится не просто механизмом бытовой адаптации, но и носителем этнокультурных кодов, которые позволяют қандасам сохранять идентичность в русскоязычной и полиэтничной среде [12, с. 64].

В ходе полевых интервью (ВКО, 2025 гг.) установлено, что внутриобщинные браки по-прежнему преобладают среди первой волны репатриантов (особенно прибывших из Монголии и Китая), что способствует сохранению традиционных норм, но одновременно ограничивает социальную мобильность. Напротив, молодое поколение, получившее образование в Казахстане, демонстрирует тенденцию к смешанным бракам, что ведет к формированию гибридной этнокультурной идентичности, аналогичной израильскому и корейскому опыту. Таким образом, институт семьи репатриантов в Казахстане выполняет не только адаптационную, но и трансформационную функцию – становится пространством, где традиция встречается с модернизацией. Сопоставление с Израилем и Кореей показывает, что

успешная интеграция возможна при условии баланса между государственной поддержкой и сохранением автономии семейных структур. Для Казахстана, особенно для Восточно-Казахстанской области, этот баланс имеет ключевое значение для гармонизации межэтнических отношений и укрепления национальной идентичности.

Этнодемографические последствия и социокультурные трансформации

Семейная адаптация оказывает прямое влияние на этнодемографическую структуру региона. В Восточном Казахстане наблюдается:

- рост доли молодых семей с высокой рождаемостью среди кандасов;
- возрождение традиций многодетности;
- увеличение числа казахоязычных школ и культурных мероприятий.

Эти процессы приводят к этнокультурной консолидации и демографическому оживлению полиэтничных районов, ранее испытывавших миграционный отток. Кроме того, через институт семьи формируются новые модели взаимодействия

- «локальные идентичности», сочетающие элементы традиционной культуры и современной казахстанской гражданственности.

Семейная адаптация репатриантов оказывает комплексное воздействие на этнодемографическую структуру Восточного Казахстана. Репатриационные потоки способствуют не только демографическому восполнению регионов, испытывавших отток населения в 1990–2000-е годы, но и качественному изменению социальной и культурной среды. В первую очередь это выражается в изменении возрастной и семейной структуры: растет доля молодых семей с высоким репродуктивным потенциалом, увеличивается число детей школьного возраста, что, в

свою очередь, стимулирует развитие образовательной и культурной инфраструктуры.

В сельских районах, где доля кандасов особенно велика (Уланский, Глубоковский, Курчумский), наблюдается возрождение традиций многодетности и расширенной семьи. Возвращение к традиционным формам семейного уклада способствует укреплению межпоколенческих связей и передаче культурных норм в естественной среде общения. Для многих семей репатриантов характерна высокая внутренняя солидарность, взаимопомощь, коллективное ведение хозяйства, что укрепляет социальную устойчивость локальных сообществ.

Наряду с этим происходят качественные изменения в этнокультурной сфере. Рост численности казахоязычного населения в ряде районов Восточного Казахстана привел к расширению сети казахоязычных школ, детских садов, кружков и культурных центров. Увеличилось количество мероприятий, направленных на сохранение и популяризацию традиций – айтысов, национальных праздников, выставок прикладного искусства. Таким образом, репатриация стала фактором оживления культурной жизни и укрепления казахского культурного пространства в полиэтничной среде.

При этом наблюдается и встречная динамика – постепенная адаптация традиционных моделей семьи к современным социальным условиям. Среди второго поколения репатриантов возрастает образовательная мобильность, уровень участия женщин в общественной жизни и экономике, а также толерантность к смешанным бракам. Это формирует новые типы идентичности, условно обозначаемые как «локальные гибридные идентичности», в которых традиционные этнокультурные нормы сочетаются с современными ценностями казахстанского гражданства.

Эти процессы имеют не только культурное, но и стратегическое значение для региона. За счет естественного прироста населения и укрепления семейных структур снижается

демографическая нагрузка, повышается плотность заселения в сельской местности, что, в свою очередь, способствует сохранению инфраструктуры, школ и социальных объектов. Репатриация тем самым выполняет демографическую функцию восстановления периферийных территорий, которые ранее теряли население из-за миграции.

Важно подчеркнуть, что семейная адаптация оказывает влияние и на межэтнические отношения. В полиэтничных районах Восточного Казахстана семьи қандасов становятся проводниками диалога культур, интегрируя элементы местных традиций в собственные практики. Совместное участие в школьных и общественных мероприятиях способствует формированию доверия, взаимопонимания и культурного обмена между разными этническими группами.

Таким образом, репатриация этнических казахов в Восточный Казахстан представляет собой не только процесс возвращения на историческую родину, но и механизм этнодемографического обновления, культурного возрождения и формирования новых форм социальной идентичности. Институт семьи, выступая центральным элементом этой динамики, обеспечивает баланс между сохранением этнической самобытности и успешной интеграцией в современное казахстанское общество.

Заключение. Институт семьи и брака представляет собой центральное звено в механизме социокультурной адаптации и этнодемографической трансформации репатриантов. В казахстанском контексте, где этнополитическая стабильность и культурное многообразие сочетаются с задачами национального возрождения, именно семья становится естественным посредником между традицией и современностью. Через семейные практики репатрианты не только сохраняют языковую и культурную идентичность, но и формируют новые социальные роли, способствующие их интеграции в принимающее общество.

Результаты полевых исследований, проведенных в Восточ-

но-Казахстанской области, свидетельствуют о том, что семейная солидарность остается ключевым фактором адаптации қандасов, определяя их стратегии жизненного устройства, трудовой и образовательной мобильности. При этом прослеживается постепенная трансформация семейных моделей – от патриархальных к более гибким и партнерским формам, отражающим влияние городской среды и современного социокультурного контекста.

Сравнение с опытом Израиля и Республики Корея показывает, что репатриационная политика, опирающаяся на поддержку семейных институтов, обеспечивает не только более устойчивую интеграцию, но и служит катализатором формирования нового гражданского и культурного единства. В обоих случаях семья выступает связующим звеном между личной идентичностью и коллективной принадлежностью, создавая основу для воспроизводства национального капитала и социальной стабильности. Сравнительный анализ также показывает, что репатриационная политика, основанная на поддержке семьи, наиболее устойчива. Она способствует не только адаптации, но и формированию долгосрочного человеческого капитала, укреплению социальной сплоченности и национального единства.

Для Казахстана особое значение приобретает именно демографический аспект семейной адаптации. Рост числа молодых семей среди қандасов, возрождение многодетности, расширение казахоязычного образовательного пространства способствуют оживлению демографического потенциала восточных регионов страны, ранее подверженных оттоку населения. Семья репатрианта становится не просто ячейкой общества, но инструментом национального развития и укрепления этнокультурной целостности.

Таким образом, институт семьи и брака можно рассматривать как системообразующий фактор этнодемографической и культурной трансформации в условиях репатриации. Его

потенциал выходит за рамки частной сферы – он формирует социальную архитектуру общества, где интеграция и идентичность взаимно дополняют друг друга. В этом заключается стратегическая значимость семейной политики Казахстана, ориентированной на поддержку қандасов как важнейшего ресурса национального возрождения и устойчивого развития государства.

Результаты исследования могут служить теоретической и практической базой для совершенствования государственной политики Казахстана в области репатриации и этнокультурной интеграции, а также использоваться в разработке региональных программ, направленных на демографическое развитие и укрепление межэтнического согласия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Нысанбаев А. Н. Этнокультурная идентичность и национальное возрождение Казахстана. – Алматы: Ғылым, 2003. – 240 с.
2. По данным Министерства труда РК, за 1991–2024 годы в страну прибыло более 1,1 млн қандасов [2, с. 4].
3. Автор, Влияние репатриации на социальную и культурную жизнь в Восточно-Казахстанской области: диссертационная работа на соискание степени магистра. – ЕНУ им Л. Н. Гумилева, 2025.
4. Goldscheider, C. Israel's Changing Society: Population, Ethnicity, and Development. Boulder: Westview Press, 2002. – 275 с.
5. Kim, D.-S. Migration and Integration of Returnees in South Korea: Social Adaptation and Family Dynamics. Seoul: Korean Institute for Population Studies, 2018. – 186 с.
6. Герман Ким, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель Республики Казахстан, член казахстанской секции Консультативного Совета по мирному и демократиче-

скому объединению Кореи 16-го созыва. Статья «Объединение Кореи неизбежно», январь 2015.

7. Аружан Сердалина //Казахстанцы все чаще вступают в межэтнические браки, inform.kz. 06 сентябрь 2025.
8. Shavit, Y., & Cohen, Y. Repatriation and Social Integration in Israel: The Law of Return and Its Demographic Impact. // Israel Studies Review. – 2019. – Vol. 34(1). – P. 29–47.
9. Jewish Agency for Israel. Annual Report on Aliyah and Integration. – Jerusalem, 2021. – 78 p.
10. Han, S., Park, C. Ethnic Koreans in the Republic of Korea: Identity, Integration and Challenges. // Asian and Pacific Migration Journal. – 2020. – Vol. 29(2). – P. 39–58.
11. Kim, E. Diasporic Return and Family Integration in South Korea. // Journal of Korean Studies. – 2021. – Vol. 26(1). – P. 50–67.
12. Кожаметова Ж. Репатриация и формирование этнокультурной идентичности қандасов в Казахстане. // Вестник КазНУ. Серия социологическая. – 2020. – № 3. – С. 60–68.

Ualiyeva S.K., Shah Peerzada Furqan Ahmad

THE SOCIO-HISTORICAL ASPECTS OF ENSURING A HEALTHY LIFESTYLE FOR FOREIGN STUDENTS IN KAZAKHSTAN

Abstract

This article addresses the critical issue of maintaining a healthy lifestyle among foreign students in Kazakhstan. As an increasingly popular destination for international students, Kazakhstan offers a unique cultural and social environment that significantly influences health and well-being. The study examines the historical, social, traditional, and cultural factors affecting students' health and adaptation. A sociological study was conducted to assess the key

challenges foreign students face, including dietary adaptation, climate conditions, social integration, and access to healthcare services. The research highlights the importance of traditional Kazakh dietary habits, community support, and physical activities in promoting well-being. Survey results among 20 students reveal common difficulties, particularly among Indian, Pakistani, and Arabic students, in adapting to new food options, extreme weather, and navigating the healthcare system.

The findings suggest that universities must implement inclusive health programs, facilitate social integration, and offer multilingual medical support to enhance student well-being. Recommendations include expanding dietary accommodations, increasing awareness of traditional Kazakh health practices, and fostering cultural exchange to ease adaptation. By understanding and incorporating Kazakhstan's unique historical and cultural approaches to health, foreign students can significantly improve their quality of life. This study aims to inform universities and policymakers about effective strategies to create a supportive environment for international students. By integrating digital solutions, smart healthcare systems, students can improve their well-being while adapting to new cultural and academic environments. By embracing Kazakhstan's health-promoting traditions while addressing adaptation challenges, foreign students can maintain a balanced and healthy lifestyle during their academic journey.

Keywords: healthy lifestyle, survey, historical, social, traditional, cultural aspects.

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос поддержания здорового образа жизни среди иностранных студентов в Казахстане. Как все более популярное направление для иностранных студентов, Казахстан предлагает уникальную культурную и социальную среду, которая значительно влияет на здоровье и благополучие. В исследовании рассматриваются историче-

ские, социальные, традиционные и культурные факторы, влияющие на здоровье и адаптацию студентов. Было проведено социологическое исследование для оценки ключевых проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты, включая диетическую адаптацию, климатические условия, социальную интеграцию и доступ к медицинским услугам. Исследование подчеркивает важность традиционных казахских привычек питания, поддержки сообщества и физической активности в содействии благополучию. Результаты опроса среди 20 студентов показывают общие трудности, особенно среди индийских, пакистанских и арабских студентов, в адаптации к новым продуктам питания, экстремальным погодным условиям и навигации в системе здравоохранения.

Полученные данные свидетельствуют о том, что университеты должны реализовывать инклюзивные программы здравоохранения, способствовать социальной интеграции и предлагать многоязычную медицинскую поддержку для повышения благосостояния студентов. Рекомендации включают расширение условий питания, повышение осведомленности о традиционной казахстанской практике здравоохранения и содействие культурному обмену для облегчения адаптации. Благодаря пониманию и внедрению уникальных исторических и культурных подходов Казахстана к здоровью иностранные студенты могут значительно улучшить качество своей жизни. Это исследование направлено на информирование университетов и политиков об эффективных стратегиях создания благоприятной среды для иностранных студентов. Интегрируя цифровые решения, интеллектуальные системы здравоохранения, студенты могут улучшить свое благосостояние, адаптируясь к новой культурной и академической среде. Принимая казахстанские традиции укрепления здоровья при решении проблем адаптации, иностранные студенты могут поддерживать сбалансированный и здоровый образ жизни во время своего академического путешествия.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, опрос, исторические, социальные, традиционные, культурные аспекты.

Relevance. Kazakhstan is a culturally rich country with deep-rooted traditions that influence daily life, including health and well-being. Foreign students who arrive in Kazakhstan for higher education face various challenges, including cultural adaptation, dietary changes, and social integration, which impact their health and lifestyle choices. Understanding the historical, social, traditional, and cultural aspects of a healthy lifestyle in Kazakhstan is essential for international students to maintain physical and mental well-being during their stay. In recent years, studies on the health behaviors of international students have highlighted that adapting to new dietary habits, social structures, and physical activity routines significantly affects their overall health. Research conducted in various countries, such as the United States, Turkey, and China, indicates that foreign students often struggle with stress, dietary adjustments, and limited access to familiar health-promoting practices. Applying these global findings to Kazakhstan, a country with unique cultural and traditional health aspects, can help in creating effective adaptation strategies for foreign students.

Research goals. This paper aims to analyze the historical, social, traditional, and cultural factors that contribute to a healthy lifestyle in Kazakhstan and their impact on foreign students. The objective is to explore how these elements influence students' well-being, identify potential challenges, and provide recommendations for improving health adaptation strategies. Specifically, the study will: Examine historical influences on health and lifestyle in Kazakhstan. Investigate the role of social support in maintaining well-being. Analyze the impact of traditional dietary and healthcare practices. Explore cultural norms that shape health behaviors. Provide recommendations for universities and policymakers to facilitate foreign students' adaptation to a healthy lifestyle.

Materials and Methods. The study utilizes a combination

of academic literature, government health reports, and surveys conducted among international students studying in Kazakhstan. It also incorporates findings from global research papers that discuss the health behaviors of foreign students in different cultural settings. The materials include: Research Papers on International Student Health – Studies from the U.S., China, and Europe highlighting adaptation challenges [1-6]. These sources provide valuable insights into the challenges and factors influencing the health behaviors of international students, contributing to a comprehensive understanding of their adaptation process in Kazakhstan. Interviews and Surveys – Feedback from international students about their lifestyle changes in Kazakhstan.

Methods. The research employs qualitative and quantitative approaches: Literature Review. Analyzing global studies on foreign students' health behaviors and comparing them with Kazakhstan's context. Survey Analysis. Collecting responses from foreign students in Kazakhstan regarding dietary habits, social life, and physical activities. Comparative Analysis. Evaluating health adaptation strategies in Kazakhstan against those in other countries. Population: 40 foreign students currently enrolled at universities in Almaty, from various countries including India, China, Nigeria, and Turkey. Study Approach: A mixed-methods approach combining a structured online survey and follow-up semi-structured interviews.

Results and Discussion. For foreign students studying in a new country, an ideal situation for a healthy lifestyle should encompass physical, mental, and social well-being, along with structured support systems provided by universities and local communities. The ideal scenario ensures that international students not only adjust effectively but also thrive in their new environment without compromising their health.

Balanced and Culturally Inclusive Diet. Foreign students should have easy access to a diverse and nutritious diet that accommodates different cultural and dietary preferences. University cafeterias and local restaurants should offer: A variety of food options including

vegetarian, halal, and familiar cuisines for different cultural backgrounds. Nutritionally balanced meals with adequate protein, fiber, and essential nutrients to prevent deficiencies. Clear labeling of ingredients in multiple languages to help students make informed dietary choices. Additionally, orientation programs should educate students about local markets, where to buy familiar ingredients, and how to prepare meals that suit their dietary needs.

Comprehensive Health and Wellness Support. Healthcare accessibility is a major concern for international students. In an ideal situation, students should have: Multilingual healthcare services with English-speaking doctors or translators available at university health centers. Mental health counseling and support groups to help students deal with stress, homesickness, and academic pressure. Affordable or subsidized health insurance that covers general check-ups, emergencies, and mental health services. Preventive healthcare programs such as vaccination drives, regular health check-ups, and fitness initiatives. This support system ensures that students can maintain their physical and mental well-being without barriers due to language or financial constraints.

Social Integration and Cultural Inclusion. A strong sense of belonging is crucial for international students to maintain good mental health and overall well-being. Universities should foster an inclusive environment through: Buddy programs pairing international students with local peers for guidance and cultural exchange. Multicultural student clubs and events that celebrate different traditions and promote intercultural understanding. Networking opportunities such as mentorship programs, alumni meetups, and student community events. Safe spaces for diverse backgrounds where students can express themselves without fear of discrimination. Such initiatives help students develop friendships, build confidence, and reduce feelings of isolation.

Safe and Comfortable Living Conditions. Student accommodations should be: Affordable, well-maintained, and close to campus to reduce commuting stress. Equipped with heating and

air-conditioning to help students adjust to Kazakhstan's extreme climate. Inclusive of common areas where students can socialize and build supportive relationships.

Encouragement of Physical Activity and Outdoor Engagement. An ideal environment encourages students to stay physically active by providing: Well-equipped gyms and sports facilities at university campuses. Outdoor activities and excursions such as hiking trips, cultural tours, and group fitness sessions. University-sponsored fitness programs including yoga, meditation, and traditional Kazakh sports to promote a well-rounded healthy lifestyle. By ensuring these elements, universities and policymakers can create a holistic, supportive, and health-focused environment where international students can thrive physically, mentally, and socially during their academic journey in Kazakhstan.

Historical Aspects of a Healthy Lifestyle in Kazakhstan. Kazakhstan's history as a nomadic civilization has greatly influenced its approach to health and well-being. Traditional nomadic lifestyles required high levels of physical endurance, balanced nutrition, and resilience. Key historical factors affecting health include: **Dietary Practices:** Traditional Kazakh cuisine is rich in protein, with dairy and meat-based foods playing a significant role. Fermented dairy products like kumys (fermented mare's milk) and shubat (fermented camel's milk) have been consumed for centuries due to their nutritional and probiotic benefits. **Physical Activity:** The nomadic lifestyle involved horseback riding, hunting, and herding, which promoted physical fitness. Traditional sports like kokpar (horseback competition) and baiga (horse racing) also encouraged endurance and strength. **Traditional Medicine:** Herbal remedies and natural healing practices, such as the use of medicinal plants, were historically used to maintain health. Foreign students may find these historical elements unfamiliar but can benefit from integrating aspects such as fermented dairy consumption and outdoor physical activities into their lifestyle.

Social Aspects of a Healthy Lifestyle. Kazakhstan has a strong

community-based culture where social connections play a crucial role in health and well-being. Social factors affecting health include: Family and Community Support: In Kazakh culture, family is central to personal well-being. While foreign students lack immediate family support, universities can help bridge this gap by creating social networks. University Health Programs: Many universities in Kazakhstan offer fitness programs, mental health counseling, and wellness activities to support students' well-being. Social Gatherings and Mental Health: Hospitality is a significant aspect of Kazakh society. Engaging in communal meals and social gatherings can provide emotional stability for foreign students, reducing stress and anxiety.

Traditional Aspects of a Healthy Lifestyle. Kazakhstan's traditional health practices continue to influence modern lifestyles. Foreign students can benefit from integrating some of these traditions into their routine: Dietary Adjustments: Kazakh cuisine, rich in proteins and dairy, differs from Western and Asian diets. Adjusting to new food patterns, such as consuming fermented dairy products, lean meats, and whole grains, can contribute to a healthier diet. Herbal Medicine and Natural Remedies: Traditional Kazakh medicine includes the use of herbs like chamomile and thyme for digestive health and relaxation. Foreign students may explore herbal teas as natural remedies for stress. Seasonal Adaptation: Traditional Kazakh wisdom includes consuming seasonal foods to maintain balance in the body. For example, warmer foods are consumed in winter, while lighter foods are preferred in summer.

Cultural Aspects of a Healthy Lifestyle. Cultural norms significantly shape health behaviors. In Kazakhstan, several cultural elements contribute to a balanced lifestyle: Respect for Elders and Mental Health: The Kazakh tradition of valuing elders encourages a strong support system. Seeking advice from older individuals can provide guidance and mental stability. Cultural Festivals and Physical Activity: Events such as Nauryz (Kazakh New Year) involve physical activities, traditional sports, and communal eating,

promoting both physical and mental well-being. Religious and Spiritual Influence: Many Kazakhs follow Islam, which encourages moderation in eating, fasting for health benefits, and mindfulness practices. Foreign students from different backgrounds can learn from these aspects to maintain balance in their health routines.

Challenges and Adaptation Strategies for Foreign Students. Foreign students may face several challenges in maintaining a healthy lifestyle in Kazakhstan. Dietary Changes: Students from vegetarian or vegan backgrounds may struggle to find suitable food options. Solutions include seeking plant-based alternatives in local markets. Climate Adaptation: Kazakhstan has extreme weather conditions. Students should adjust by dressing appropriately, consuming seasonal foods, and staying active indoors during winter. Language Barriers and Healthcare Access: Limited knowledge of the Kazakh or Russian language may create difficulties in accessing healthcare services. Universities should offer health orientation programs to assist students.

Kazakhstan's rich history spans thousands of years, shaped by its nomadic heritage, Silk Road connections, Soviet-era industrialization, and modern independence. This historical trajectory provides valuable insights into resilience, adaptability, and a holistic approach to a healthy lifestyle. For foreign students in Kazakhstan, learning from this history can offer inspiration in maintaining well-being, balancing tradition with modernity, and fostering personal and social development.

The Nomadic Legacy and Resilience. Historically, the Kazakh people were nomadic, relying on livestock, seasonal migrations, and communal living for survival. This lifestyle emphasized physical endurance, adaptability, and resourcefulness. The harsh climate and vast steppes required strong survival skills, fostering a deep connection to nature and sustainable living. For foreign students, Kazakhstan's nomadic heritage serves as an inspiration to embrace resilience, adaptability, and self-sufficiency. The ability of nomads to thrive in extreme conditions highlights the importance

of perseverance in facing challenges such as cultural adjustments, academic pressures, and new social environments. By adopting a flexible mindset, students can overcome difficulties and integrate into Kazakh society more smoothly.

The Influence of the Silk Road and Cultural Exchange. Kazakhstan played a crucial role in the Silk Road, serving as a bridge between Asia and Europe. This period facilitated cultural exchange, trade, and the introduction of diverse traditions, including medicine, dietary practices, and philosophies. The Silk Road's history underscores the benefits of intercultural learning and open-mindedness. Foreign students can draw inspiration from this history by embracing diversity, engaging with different cultures, and appreciating new perspectives. Just as Kazakhstan historically welcomed travelers, students can find strength in open-mindedness, fostering friendships and professional networks that enhance their educational journey.

Kazakhstan's Post-Independence Development. Since gaining independence in 1991, Kazakhstan has made remarkable progress in economic growth, education, and healthcare. The country's strategic policies, such as the "Kazakhstan 2050" initiative, emphasize modernization while preserving cultural heritage. Investments in higher education and international collaborations have positioned Kazakhstan as a hub for global learning. For foreign students, Kazakhstan's journey toward modernization offers motivation to set long-term goals, embrace opportunities for growth, and actively contribute to a multicultural society. The country's commitment to education and innovation provides an encouraging environment for academic and professional success.

An integrated cultural approach. In a globalized world where students from diverse backgrounds come together for higher education, an integrated cultural approach can serve as an effective solution to the challenges of maintaining a healthy lifestyle in a foreign country. Kazakhstan, hosting students from India, Pakistan, Arab countries (Bahrain, Yemen, Saudi Arabia, Syria), and China,

provides a unique opportunity for cultural blending that can lead to better adaptation strategies for international students. By understanding and incorporating the best health practices from different cultures, a comprehensive and inclusive approach can be developed to ensure students' well-being.

1. **Cross-Cultural Dietary Adaptation.** One of the biggest challenges for foreign students is adjusting to new food habits. By combining dietary elements from different cultures, students can create a balanced and diverse meal plan that caters to their health needs. Indian and Pakistani cuisines focus on a variety of vegetarian and high-protein lentil-based meals, which can help students who struggle with the predominantly meat-heavy Kazakh diet. Arab cuisines, rich in lean meats, whole grains, and healthy fats from olive oil and nuts, provide a nutritionally dense alternative to processed foods. Chinese food traditions, emphasizing steamed vegetables, soups, and herbal remedies, offer digestive benefits and immune-boosting properties. By sharing cooking styles and local market knowledge, students can create a fusion of flavors and nutritional balance, ensuring they eat well without feeling disconnected from their native cuisine.

2. **Social and Emotional Well-Being through Cultural Exchange.** Adjusting to a new social structure can be overwhelming, but an integrated cultural approach fosters stronger social bonds by bringing students from different backgrounds together. Shared religious or cultural events such as Ramadan (Arab), Diwali (Indian), Chinese New Year, or Eid (Pakistani and Arab) help students connect and support each other emotionally. The concept of hospitality in Arab, Indian, and Pakistani cultures, where sharing meals is a sign of friendship, can be adopted to encourage group dining and social engagement. Tea culture, prevalent in China, India, and Arab countries, can be a comforting and relaxing social activity, fostering mental well-being through friendly discussions and gatherings.

By promoting intercultural friendships, students feel less isolated

and more supported, reducing homesickness and stress.

3. Integrating Traditional Medicine and Preventive Health Practices. Different cultures bring their own natural health remedies and wellness practices, which can be integrated into a common health adaptation strategy: Indian Ayurveda and Pakistani herbal medicine emphasize turmeric, ginger, and honey for immunity and digestion. Traditional Chinese Medicine (TCM) recommends herbal teas and acupuncture for stress relief and overall wellness. Arab health traditions incorporate dates, black seed oil, and herbal drinks for energy and immunity. By combining these natural practices, students can create personalized health routines that help them cope with climate changes, dietary shifts, and academic stress.

4. Physical Activities and Fitness Inspired by Cultural Traditions. Engaging in physical activities influenced by different cultures can make fitness more enjoyable and sustainable for students: Indian and Pakistani students can introduce yoga and meditation, known for stress reduction and flexibility. Chinese students can practice Tai Chi, promoting balance, relaxation, and longevity. Arab and Kazakh students can share their knowledge of horseback riding and martial arts as enjoyable sports and fitness routines. By incorporating different traditional exercises, students can maintain physical fitness in an enjoyable way while staying connected to their cultural roots.

Comparison with the Lifestyle in India, Pakistan, and Arab Countries, a healthy lifestyle varies significantly across different cultural and geographical regions. The transition to life in Kazakhstan presents unique challenges for international students, especially those from India, Pakistan, and Arab countries, due to differences in diet, climate, healthcare, and social customs. By comparing lifestyle habits in these countries with those in Kazakhstan, we can better understand the difficulties foreign students face and the strategies they use to adapt.

Dietary Differences and Adaptation Challenges. One of the most notable differences is in dietary habits. In India and Pakistan, meals

are heavily based on spices, lentils, rice, and various vegetarian options. Many Indians, particularly Hindus, follow a vegetarian diet, which makes adaptation in Kazakhstan challenging due to the predominance of meat-based dishes such as beshbarmak and kazy (horse meat sausage). Pakistani students, who are accustomed to spicy foods, also find Kazakh cuisine relatively bland. In contrast, students from Arab countries, where meat is a staple food, adapt more easily, although they sometimes struggle with unfamiliar flavors and the limited availability of traditional Middle Eastern dishes like hummus, falafel, and kebabs. Halal food availability is another concern. While Kazakhstan has a significant Muslim population, halal options are not as widespread or explicitly labeled as in Pakistan or Arab countries, requiring Muslim students to be cautious when dining out. Indian students, especially vegetarians, struggle the most due to the limited availability of plant-based meals in university canteens and local restaurants.

Healthcare Accessibility and Cultural Norms. Healthcare systems in India, Pakistan, and Arab countries differ significantly from Kazakhstan's. In India and Pakistan, many students are accustomed to easily accessible pharmacies and affordable private healthcare options. In contrast, Kazakhstan's healthcare system, which primarily operates in Kazakh and Russian, presents language barriers. Students from Arab countries generally find it easier to access medical services due to the availability of some English-speaking doctors. By understanding these differences, universities and policymakers in Kazakhstan can implement measures to support international students' health and well-being more effectively.

Survey Results. The survey conducted among 20 international students from India, Arab countries, and Pakistan highlighted key challenges and adaptation strategies related to maintaining a healthy lifestyle in Kazakhstan. One of the most significant difficulties reported was dietary adaptation. Indian students, particularly vegetarians, found it hard to access suitable food options, while Pakistani and Arabic students struggled with unfamiliar flavors and

missing traditional spices. Despite this, some students explored Kazakh foods such as kumys (fermented mare's milk) and herbal teas, though overall adaptation to local cuisine remained mixed. Climate adjustment was another major challenge. Most students, particularly those from warmer regions, found Kazakhstan's extreme winters difficult to handle. Indian students (80%) and Pakistani students (70%) reported significant struggles with cold weather, while Arabic students found the dry climate challenging.

Many students had to change their clothing habits and adopt seasonal dietary adjustments to cope with the harsh winters. Access to healthcare services was another concern. Students who lacked proficiency in Kazakh or Russian faced difficulties in understanding medical prescriptions and communicating with healthcare professionals. Indian and Pakistani students encountered more challenges compared to Arabic students, who benefited from the availability of English-speaking doctors. Many students expressed the need for improved multilingual healthcare services to enhance accessibility. Social integration played a crucial role in health adaptation. Arabic students found it easier to integrate due to shared religious and cultural values, while Indian and Pakistani students relied more on university networks and international student communities for support. Physical activity levels varied, with 70% of Arabic students participating in walking or gym workouts, while Indian and Pakistani students engaged in sports or jogging. Overall, successful adaptation strategies included home cooking, joining cultural groups, participating in social events, and engaging in physical activities. Students also recommended universities improve dietary accommodations and provide better health-related resources, including mental health support and multilingual medical assistance.

As the world continues to evolve with rapid technological advancements and changing societal dynamics, it is essential to explore how modern innovations can enhance and simplify aspects of a healthy lifestyle for foreign students in Kazakhstan.

By integrating digital solutions, smart healthcare systems, and progressive education models, students can improve their well-being while adapting to new cultural and academic environments.

Digital Health and Smart Healthcare Systems. Technology has revolutionized healthcare, making it more accessible and efficient. With the rise of telemedicine, students can consult doctors remotely without the need for physical visits, ensuring that health concerns are addressed promptly. Mobile health applications help track nutrition, physical activity, and mental well-being, allowing students to maintain a balanced lifestyle even in a foreign country. In Kazakhstan, the introduction of digital healthcare services has improved access to medical facilities, with many clinics and hospitals offering online consultations and electronic health records. Foreign students can benefit from these innovations by using health apps for scheduling appointments, monitoring fitness goals, and even accessing mental health counseling services.

Artificial Intelligence and Personalized Well-Being. Artificial intelligence (AI) is transforming personal health management. AI-powered tools can analyze individual health data and provide customized recommendations for diet, exercise, and stress management. For foreign students, AI-driven platforms can offer tailored advice based on their unique lifestyle, climate adaptation needs, and dietary preferences. For instance, AI chatbots can provide quick medical advice, recommend healthy meal options based on local cuisine, or suggest stress-relief techniques that align with students' cultural backgrounds. These advancements ensure that maintaining a healthy lifestyle is easier and more personalized than ever before.

Smart Nutrition and Sustainable Eating. With changing food habits and increased awareness of sustainability, modern technologies can help students adopt healthier eating practices. Smart nutrition applications can suggest meal plans based on local food availability, dietary restrictions, and nutritional needs. In Kazakhstan, where traditional food is rich in meat and dairy,

such apps can help students make informed dietary choices that align with their health goals. Sustainable agriculture and lab-grown meat technologies are also emerging trends that will shape the future of food. By incorporating alternative protein sources and eco-friendly food solutions, students can maintain a nutritious diet while reducing their environmental footprint. Universities can further support these efforts by offering plant-based meal options and promoting food sustainability initiatives.

Virtual Reality and Fitness Innovation. Staying physically active is crucial for a healthy lifestyle, and technology has introduced new ways to make exercise more engaging. Virtual reality (VR) fitness programs allow students to participate in interactive workouts from the comfort of their dorms. Wearable fitness devices track physical activity, heart rate, and sleep patterns, helping students stay accountable for their health. Kazakhstan's universities can incorporate smart gyms equipped with AI-driven personal trainers and VR-based sports programs to encourage students to stay active. With technology bridging the gap between convenience and physical fitness, maintaining an active lifestyle becomes more accessible even for those with busy academic schedules.

Mental Health and AI-Powered Support Systems Mental health remains a critical aspect of student well-being. With the increasing use of AI in mental health support, students can access virtual counseling services, meditation apps, and mood-tracking tools to manage stress and anxiety. AI-driven platforms can also detect early signs of depression and recommend coping strategies or professional help when needed. Kazakhstan's educational institutions can enhance student support by integrating AI-powered chatbots and mental wellness programs into their counseling services. Encouraging digital mental health initiatives will ensure that students receive timely and effective support, even in challenging times.

The integration of artificial intelligence (AI) into daily life has significantly impacted how individuals manage health and wellness.

For foreign students living and studying in Kazakhstan, adapting to a new cultural and academic environment often comes with lifestyle disruptions, such as dietary changes, altered sleep patterns, stress, and reduced physical activity. In cities like Almaty, which host a large population of international students, the availability and accessibility of AI-driven health tools provide a new avenue for maintaining healthy habits. These tools include personalized fitness apps, dietary trackers, mental health platforms, and sleep monitoring technologies. This study explores how AI can contribute to fostering a healthier lifestyle for foreign students in Kazakhstan and examines both its advantages and limitations in this context.

Tools Assessed: Fitness tracking apps (e.g., Google Fit, Fitbit), nutrition apps (e.g., MyFitnessPal, Yazio), mental wellness apps (e.g., Calm, Headspace), and sleep trackers. **Data Analysis:** Quantitative data from surveys were analyzed using basic statistical methods, while qualitative data from interviews were examined using thematic content analysis.

Among the 40 surveyed foreign students: 32 students (80%) used at least one AI-powered tool related to health or lifestyle. 24 students (60%) used AI-driven fitness trackers. Most reported that these apps helped them structure exercise routines and track daily movement. Several noted using smartwatches that sync with AI apps to monitor heart rate, step count, and calories burned.

18 students (45%) used nutrition applications. Many appreciated AI-generated meal suggestions based on personal goals (weight loss, muscle gain) or local food availability. Students found it helpful to scan food items or select meal plans that adjusted to their caloric and nutritional requirements.

20 students (50%) used AI-based sleep monitoring tools. These tools provided insights into sleep cycles and offered behavioral suggestions. Some reported improvements in sleep duration and quality after implementing app recommendations. 14 students (35%) engaged with mental health platforms powered by AI, particularly during exam periods or stressful seasonal transitions.

These tools offered guided meditations, mood tracking, and cognitive behavioral prompts.

The interviews provided deeper insights: Language barriers were the most frequently cited limitation. Some AI apps did not offer Russian or Kazakh interfaces, and some students struggled with medical or health terminology in English. Privacy concerns were raised by about one-third of participants, especially related to data sharing with third parties or apps requesting unnecessary personal details. Cultural mismatch was another theme; for example, some dietary suggestions were not relevant to local food options in Kazakhstan.

Despite these challenges, students overwhelmingly acknowledged the benefits of real-time feedback, data visualization, and behavioral nudges that helped them stay on track. A few noted that AI apps helped them create healthier routines than they had in their home countries, owing to the structure and accountability offered by digital tools. The overall sentiment was that AI health tools are helpful companions—though not substitutes—for professional healthcare and wellness services. Many students expressed interest in having university-endorsed platforms tailored to the unique needs of international students.

Conclusion. Kazakhstan's historical, social, traditional, and cultural elements significantly shape health and lifestyle choices. Foreign students can improve their well-being by understanding and integrating aspects of the local culture, such as dietary habits, physical activities, and social support systems. However, challenges like dietary adaptation, climate conditions, and healthcare access require targeted solutions. Universities and policymakers should take proactive measures, such as: providing culturally inclusive health programs; offering language support for healthcare access; encouraging participation in traditional physical activities and social events. By embracing Kazakhstan's health-promoting traditions while addressing adaptation challenges, foreign students can maintain a balanced and healthy lifestyle during their academic

journey. Artificial intelligence has emerged as a meaningful aid in helping foreign students in Almaty maintain and improve their health. With high levels of engagement in fitness, nutrition, and mental wellness apps, it is clear that AI tools can help bridge the gap between the need for individualized health support and the reality of being in a foreign environment.

REFERENCES:

1. Berry, J. W. (2005). Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 29(6), 697-712. // link: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
2. Hyun, J., Quinn, B., Madon, T., & Lustig, S. (2007). Mental health need, awareness, and use of counseling services among international graduate students. *Journal of American College Health*, 56(2), 109-118. (internet resource) link: <https://doi.org/10.3200/JACH.56.2.109-118>
3. Lin, C., Tong, Y., Bai, Y., Zhao, Z., & Quan, W. (2022). Prevalence and correlates of depression and anxiety among Chinese international students in US colleges during the COVID-19 pandemic: A cross-sectional study. *PLOS ONE*, 17(4), e0267081. (internet resource) link: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0267081>
4. Wang, Y., Li, T., Noltemeyer, A., Wang, A., Zhang, J., & Shaw, K. (2018). Cross-cultural adaptation of international college students in the United States. *Journal of International Students*, 8(2), 821-842. (internet resource) link: <https://doi.org/10.32674/jis.v8i2.116>
5. Yakushko, O., Davidson, M. M., & Sanford-Martens, T. C. (2008). Seeking help in a foreign land: International students' use patterns for a U.S. university counseling center. *Journal of College Counseling*, 11(1), 6-18. (internet resource) link: <https://doi.org/10.1002/j.2161-1882.2008.tb00020.x>
6. Li, M., & Bray, M. (2007). Cross-border flows of students for higher education: Push-pull factors and motivations of Mainland Chinese students in Hong Kong and Macau. *Higher Education*,

Чуркин М. К.

ИМПЕРСКИЕ СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СООБЩЕСТВА КОЛОНИАЛЬНЫХ ПОСРЕДНИКОВ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Аннотация

В статье, с опорой на представления российской власти и образованной части социума, репрезентируемые в общественно-политическом дискурсе, выявляются и обосновываются имперские стратегии конструирования сообщества колониальных посредников в Азиатской России во второй половине XIX – начале XX вв. Установлено, что акторы российской бюрократии и социума демонстрировали коммуникативное согласие в ориенталистской рецепции коренных народов азиатской периферии, означавшей необходимость разработки системных мер, направленных на «взросление» инородцев и постепенную их интеграцию в российский социум. В процессе территориальной экспансии, регионы на восточных окраинах империи маркировались как «собственный восток», а население как «свои инородцы», что определило основные «маршруты» коммуникации империи с автохтонным населением. В условиях территориальной отдаленности и политической изолированности новых земель, центральная власть передоверяла часть своих полномочий в сфере реализации политики населения имперским экспертам – сообществу, составленному из представителей региональной бюрократии, общественных деятелей, ученых, публицистов и т.д. Доказано, что круг потенциальных колониальных посредников не ограничивался потомками

титулованной знати, вовлекаемой в практики административного управления, военной деятельности и образовательных проектов России на востоке страны. Активная деятельность Русской православной церкви в Азиатской России предполагала включение наиболее образованного сегмента коренного населения в работу, направленную на христианизацию и религиозное просвещение индигенных народов. Высказано предположение, что модель колониального посредничества, реализуемая коренными группами населения в различных областях имперской организации колонизируемого пространства, не была идеальной и имела множество уязвимых мест. Практики русского образования и воспитания, транслируемые акторами империи, имели двоякие последствия и не всегда подтверждали факт аккультурации передовой национальной интеллигенции. Являясь носителями дуальной идентичности, выдающиеся представители коренных этнических групп самостоятельно определяли границы, за которыми коллаборация с имперской властью становилась невозможной, что ставило под вопрос продуктивность их деятельности как посредников между российской администрацией и соплеменниками.

Ключевые слова: Российская империя, Азиатская Россия, коренное население, колониальное посредничество, власть, интеллигенция, имперские эксперты, общественно-политический дискурс

Abstract

The article, based on the ideas of the Russian government and the educated part of society, represented in the socio-political discourse, identifies and substantiates imperial strategies for constructing a community of colonial intermediaries in Asian Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. It has been established that actors of the Russian bureaucracy and society demonstrated communicative agreement in the orientalist reception of the indigenous peoples of the Asian periphery, which meant the

need to develop systemic measures aimed at the “maturation” of foreigners and their gradual integration into Russian society. In the process of territorial expansion, the regions on the eastern outskirts of the empire were marked as «our own east», and the population as «our own foreigners», which determined the main «routes» of communication between the empire and the autochthonous population. In the conditions of territorial remoteness and political isolation of the new lands, the central government delegated part of its powers in the sphere of implementing population policy to imperial experts - a community composed of representatives of the regional bureaucracy, public figures, scientists, publicists, etc. It has been proven that the circle of potential colonial intermediaries was not limited to the descendants of the titled nobility involved in the practices of administrative management, military activities and educational projects of Russia in the east of the country. The active work of the Russian Orthodox Church in Asian Russia implied the inclusion of the most educated segment of the indigenous population in the work aimed at Christianization and religious education of the indigenous peoples. It is suggested that the model of colonial mediation, implemented by indigenous groups in various areas of the imperial organization of the colonized space, was not ideal and had many vulnerabilities. The practices of Russian education and upbringing, transmitted by the actors of the empire, had dual consequences and did not always confirm the fact of acculturation of the advanced national intelligentsia. As bearers of dual identity, outstanding representatives of indigenous ethnic groups independently determined the boundaries beyond which collaboration with the imperial power became impossible, which called into question the productivity of their activities as intermediaries between the Russian administration and their fellow tribesmen.

Keywords: Russian Empire, Asian Russia, indigenous population, colonial mediation, power, intelligentsia, imperial experts, socio-political discourse

В историографической традиции, колониальный опыт Российской империи в отношении азиатской периферии, маркируемой властью в качестве «собственного востока», рассматривался, с разной степенью политической ангажированности, в контексте взаимоотношений имперских администраций с индигенным населением. В этой «оптике» интерес исследователей фокусировался на сюжетах, связанных с организацией управления территориями и новыми подданными, принадлежавшими к иному этническому, религиозному, социально-экономическому типу и модели общественных отношений [1], [2], [3].

В данной связи, одним из центральных в постколониальных штудиях является сюжет о формировании колониальных знаний, определявших представления российской власти и общества о новых подданных. Рассматриваемый в статье хронологический отрезок второй половины XIX – начала XX вв. стал временем активной территориальной экспансии России в отношении периферийных, в имперском понимании, пространств Степного края (Казахстана) и Туркестана, идеологическим обоснованием которой выступали идеи, сложившиеся под влиянием европейского Просвещения и ставшие обоснованием цивилизаторской миссии России в границах «собственного востока».

Столкнувшись в ходе продвижения вглубь среднеазиатских пространств с численно преобладавшим коренным населением, ведущем по преимуществу кочевой образ жизни и находившемся в культурном отношении в сфере влияния исламских пропагандистов, имперские власти, ориентируясь на выводы экспертов вносили существенные коррективы в реализацию проектов «освоения» периферийных регионов «русской Азии». Российский востоковед и государственный деятель В.В. Григорьев, комментируя в 1874 г. исторический опыт имперских административных практик в Средней Азии, утверждал, что «...в политическом отношении, главной ошибкой было то, что

на ханов киргизских смотрели как на европейских государей, а на султанство – как на феодальную аристократию, вследствие чего полагали, что если ханы и султаны будут на нашей стороне, то покорен будет нами и народ» [4, с.17]. Данный пассаж предельно точно фиксировал ориенталистское восприятие в российском образованном обществе азиатского фронта и особой цивилизующей миссии Российской империи по отношению к окраинам. Еще в 1840-х гг., В.В. Григорьев, рассуждая о призвании русского народа, писал о необходимости «... научить грубых детей лесов и пустынь признавать благотворную власть закона, ценить гражданственность выше приманок своевольной свободы» [4, с.7]. При этом, востоковед задавал сакраментальный вопрос: «Кто ближе нас к Азии, и кто имеет с ними такую обширную площадь соприкосновения?... Европейцы должны переплывать моря и океаны, чтобы достигнуть только окраин азиатского материка...мы можем всегда иметь с ними постоянное общение сушей, не выходя из пределов своей земли...» [4, с.8].

Рецепция азиатских территорий, прилегающих к восточным границам России, равно как и новых подданных в категориях ориентализма, являлась имманентным признаком общественного сознания и была свойственна как представителям «охранительного», национал-консервативного спектра политической жизни, так и сообществам российских либералов, в том числе сибирской региональной интеллигенции. Выдающийся ориенталист и педагог Н.И. Ильминский, создатель проекта образования инородцев с использованием родного языка, писал: «С инородцами надобно дело начать с начала, и на массу инородцев смотреть как на детей, которые собрались учиться и которым учитель должен преподавать элементарные знания, развивать их ум и воспитывать их религиозное чувство» [5, с. 6-7]. Сибирский либерал и областник Н.М. Ядринцев, определяя коренные группы населения Азиатской России как «младших братьев», указывал, что «если они выкажут способности,

то не могут быть отрицаемы для них и общечеловеческие права, и блага высшего человеческого существования» [6, с. 8]. У Н.М. Ядринцева находим: «Дайте ему прежде всего описание его жизни, его кочевья, описание его племени, его нравов и его истории, пусть он увидит описанным самого себя и то, что к нему ближе, пусть он узнает, что его племя совершило, и что ему следует совершить» [6, с. 242]. Н.И. Веселовский, в предисловии к собранию сочинений Ч.Ч. Валиханова, изданного в 1904 г., писал: «Русские ориенталисты единогласно признавали в его лице феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов» [7, с. 1]. В этом литературном пассаже, на наш взгляд, неявно обозначены представления российской образованной публики и части научного сообщества об элитарном сегменте инородческого населения, которое пройдя через имперские образовательные институты, преодолело границу «детства», позиционируемую в дискурсе романтического национализма как обязательное условие приобщения к цивилизации. В представлениях российских интеллектуалов, «взросление» и «обрусение» лучших выходцев из инородческой среды как потенциальных посредников между массой индигенного населения и колониальной администрацией, рассматривались как пролонгированный и обусловленный многими факторами процесс. Ученый и путешественник М.И. Венюков полагал, что успехи развития науки, прежде всего этнографических исследований в Сибири и Центральной Азии, географии и статистики, станут тем зданием, «...из сени которого выйдут новые туземные деятели науки, от которых можно ожидать, что они наконец припаяют среднеазиатские русские владения к самой России, ...дадут нашему политическому положению в Средней Азии более прочности, чем десятки дорогостоящих укреплений...» [8, с. 162]. В целом, общим знаменателем для европеизированной российской интеллигенции в понимании так называемых нецивилизованных народов являлся тезис о воспитании «сво-

их инородцев», которых нужно преобразить и цивилизовать, сохранив при этом их собственную национально-культурную идентичность [9, с. 101].

Таким образом, дискурс «взросления», отразивший представления российского общества о коренных народах азиатской периферии России, становился основанием для формирования принципов имперской политики преодоления культурных различий и инкорпорации в российский социум автохтонных народов окраин. В дискурсивной системе координат ключевым становился сюжет об эффективности сообщества колониальных посредников, мобилизуемых из среды титулованной аристократии, наиболее активно включаемой в сферу культурного и политического влияния Российской империи. Становление дискурса колониального посредничества и разработки элементов политики населения реализовывалось в специфических условиях российской экспансии на восточных окраинах: территориальной отдаленности объекта колониальной политики, ограниченных возможностей для прямого воспроизводства имперских практик управления. В сложившейся ситуации государство вынуждено было делегировать часть своих полномочий региональным сообществом, наделяя их представителей неофициальными полномочиями имперских экспертов и возлагая на них ответственность за вовлечение выходцев из коренного населения в различные сферы функционирования империи в окраинных регионах: управленческие, военные, образовательные и т.д.

Именно экспертное сообщество, составленное из представителей образованной российской интеллигенции (светской и церковной) являлось в Западной Сибири, Степном крае и Туркестане разработчиком и транслятором имперской политики интеграции широких масс индигенного населения в социальные, политические и культурные структуры российского общества во второй половине XIX – начале XX вв. В рамках этой работы отчетливо прослеживаются и основные имперские

стратегии конструирования сообщества колониальных посредников в Азиатской России в исследуемый период:

В рамках первой стратегии, имперские эксперты, создавая образ «своих» инородцев как будущих колониальных посредников, выстраивали соответствующую логику инкорпорации своих подопечных в цивилизованное общество. В воспоминаниях востоковедов и областников их персонажи – способные инородцы, первоначально экзотизировались. Н.М. Ядринцев, в биографическом эссе о Ч.Ч. Валиханове, сообщал: «Чокан был привезен в Омск осенью 1847 г...ни слова не знал по-русски..., но им интересовались многие: киргизский мальчик, и при том такой способный, уже рисует, прежде чем поступить в заведение» [10, с. VI; XII]. В воспоминаниях Н.И. Ильминского, образ будущего казахского просветителя и педагога Ибрая Алтынсарина в стартовый период его личного и профессионального становления, как бы вырастает из профанной, сугубо бытовой обстановки дома Ильминского, в которой действует экзотический персонаж: «С утра до обеда дамы занимались рукоделием, а Алтынсарин читал им книги художественного содержания. Когда он ошибался в ударении или встречал неизвестное ему слово, слушательницы его поправляли и объясняли; чтению перемешивалось постоянно с разговором. Мало по малу, Алтынсарин так свyksя и сдружился с нами, что принял наше предложение оставаться обедать, хотя он был в высшей степени застенчив и совестлив» [11, с. 21-22].

Оказавшись в русской социальной среде, молодые аристократы продолжали находиться в своеобразной зоне опеки, а круг их наставников расширялся. В биографических сведениях Ч.Ч. Валиханова, И.А. Алтынсарина, Г.Б. Валиханова содержится местами подробная, местами точечная информация о «проводниках» потомков титулованной знати, в число которых входили ученые, публицисты, общественные деятели – Н. И. Веселовский, В.В. Григорьев, Н.И. Ильминский, Н.М. Ядринцев, С.Я. Капустин, Г.Н. Потанин. В некотором смыс-

ле венчали «галерею наставников» региональные чиновники высших рангов, что косвенно свидетельствовало о подготовке колониальных посредников как важном сюжете имперской политики и способе коммуникации с инородцами. Так, Ч. Валиханов оказался в Омске в 1847 г., куда был доставлен переводчиком с киргизского языка В.И. Дабшинским, состоявшим при пограничном начальнике Сибирского ведомства [10, с. VI]; И.А. Алтынсарин начинал свою карьеру младшим толмачом при областном управлении Оренбургских киргизов, которое возглавлял российский ученый-ориенталист, тайный советник В.В. Григорьев, лично опекавший своего служащего-инородца [11, с. 20]; поступление в сибирский кадетский корпус Г. Валиханова - внука последнего хана Большой и Средней киргиз-кайсацких (казахских) орд султана Губайдуллы, было инициировано западно-сибирским генерал-губернатором Г.Х. Гасфортом [12]. Покровительство и внимание со стороны высшей бюрократии преследовало вполне конкретную цель: использовать авторитет и влияние обрусевших, образованных и воспитанных по европейским и российским стандартам инородцев в военной, управленческой и образовательной сферах с учетом ситуации, складывавшейся в кочевых сообществах. Часто, как в случае с Ч. Ч. Валихановым, убежденные в лояльности инородцев империи местные власти, поручали выходцам из аристократической среды ответственные разведывательные миссии (путешествие в Кашгар). Г. Валиханов, выполняя личные поручения Г.Х. Гасфорта, был направлен к Черному Иртышу для убеждения племени Семыз-Наймановского и других родов вступить в подданство России [13, с. 18].

Вместе с тем, сервильность русской власти, которую демонстрировали титулованные инородцы, имела и свои естественные пределы. В ситуациях дискриминационных действий империи по отношению к их соплеменникам, или отсутствия адекватного своему уровню общества, отработанный механизм колониального посредничества начинал давать сбой. Ч.

Валиханов и Г. Валиханов, несмотря на давний внутриклановый конфликт, проявили единодушную реакцию на «резню» в Пишкеке, устроенную генералом М. Черняевым при взятии города, оставив место службы и отправившись соответственно в г. Верный и аул Тезек [14, с. XXIX – XXX]. И. Алтынсарин, служивший по гражданскому образовательному ведомству (переводчик, учитель, инспектор русско-инородческих школ), согласно воспоминаниям Н.И. Ильминского, крайне болезненно реагировал на дефицит коммуникативной среды, необходимый для поддержания навыков русскоязычной речи. Раздоры и сплетни друг о друге, распространенные в Оренбургском укреплении травмировали его, заставляя сомневаться в пользе своего служения. Справедливости ради скажем, что в случае с Алтынсариним положительный эффект имела его принадлежность к образовательному сообществу и влияние не только в инородческой, но и русской административной среде. Собрав кружок молодых киргизов, выходцев из кочевой среды, он сумел разъяснить им смысл Высочайше утвержденного временного положения об управлении киргизами 1868 г., а те, в свою очередь, разъехались по аулам, доказывая соотечественникам благотворность правительственного решения, что позволило сохранить порядок и спокойствие на местах [11, с. 37-38].

Немаловажным фактором купирования включенности «туземной» аристократии в дело колониального посредничества на восточных окраинах, являлась актуализация их этнокультурной идентичности, которая в травматических ситуациях как бы «пересиливала» уже сформированную идентичность титулованных инородцев как российских общественно-политических, административных и военных деятелей. Как отмечал Н.И. Ильминский, Ибрай Алтынсарин крайне болезненно реагировал на нелюбимые отзывы о своем народе: «...киргиз дикарь, колотырник, живёт грабежом...; жестоко хандрит и по вечерам уходит на берег Тургая и смогнул в безпредельную степь, пустынную и голую, предаваясь грустным мыслям

и мечтам...» [11, с. 33-34]. Г.Н. Потанин в биографическом очерке о последнем периоде жизни Ч. Валиханова, вспоминал сказанное его героем: «...я не могу жениться на русской девушке, потому что хочу служить своему киргизскому народу, а для этого должен остаться мусульманином...» [14, с. XXXIII]. Там же у Потанина, находим: «Он говорил, что прежде всего, любит свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество...» [14, с. XXXI – XXXII]. Оценка личности и приоритетов титулованных инородцев на русской службе, рельефно артикулирована Н. М. Ядринцевым, в рецепции областником последних дней жизни Ч.Ч. Валиханова: «В минуту разочарования, он идет как Алеко Пушкина, в шалаш кочевников, где нравы проще и чище, ...после обольщений столиц и света...даровитый киргиз перед смертью возвращается к своему очагу и его окружает та же торжественная тишина степи» [10, с. XXXVIII – XXXIX].

Вторая стратегия, стала органичным следствием военного утверждения России в новых этнорегионах, когда создание укрепленных линий приблизило коренные народы к имперским границам. Уже с середины XIX столетия этот процесс существенно разнообразил модели выстраивания взаимоотношений и управления инородческим населением. Продвижение русской оседлости в направлении Алтая и последовательное смещение вектора колонизации к Степному краю и Туркестану сопровождалось преобладанием индигенного (языческого и мусульманского) населения над русскими (православными) переселенцами, что приводило к усложнению идеологии колониального посредничества и расширению круга местных инородческих акторов, включенных в реализацию имперского проекта седентаризации кочевников и их культурной интеграции в российский социум.

Власти Российской империи, действуя в тесном содружестве с Русской православной церковью, рассматривали религиозное просвещение инородцев как один из способов культуртрегер-

ства и социальной инкорпорации инородцев, продвигая миссионерство в ближайшей к Европейской России Западной Сибири, и ограничивая как в Степном крае, или вовсе исключая, как в Туркестане. Н.И. Ильминский, чья просветительно-миссионерская идеология стала решающим фактором национально-культурной мобилизации инородцев, полагал необходимым вовлечение передовых и одаренных людей из среды коренного населения в распространение христианского просвещения среди широких масс аборигенов восточных окраин империи [11, с. 28]. Однако, оптимизм и радужные надежды педагога разделяли далеко не все. Сибирские областники, в частности Н.М. Ядринцев, считали, что вовлечение выходцев из инородческого населения в миссионерскую деятельность, чаще всего происходило по двум причинам: труд миссионера был крайне непривлекателен для российских священнослужителей в силу тяжелых условий работы и малой оплаты; кроме того, для способных инородцев, окончивших русско-туземные школы, служба в миссии была зачастую единственным вариантом трудоустройства и профессиональной реализации [6, с. 239].

Вместе с тем, большинство имперских экспертов – представители чиновной бюрократии, ученые, публицисты, признавали такой сценарий колониального посредничества довольно продуктивным, поскольку хорошее знание инородцами-миссионерами местных условий, адаптированность к природной и социальной среде, в которой разворачивалась миссионерская работа, позволяли РПЦ через своих посредников выстраивать коммуникацию с различными группами коренного населения, в том числе дислоцированными отдаленно от административных центров. Не менее существенным являлся и фактор профессиональной подготовки инородцев к исполнению посреднических функций как религиозных просветителей. Так, из 93 миссионеров Алтайской духовной миссии, оставивших свидетельства о своей деятельности в период с 1888 по 1917 гг., 49 человек были выходцами из инородцев. При этом, пода-

вляющее большинство (40 человек) закончили Бийское катехизаторское училище, стабильно работая в должностях учителей, переводчиков священников, псаломщиков, рядовых миссионеров [15, с. 176-187]. Несмотря на то, что грамотность среди инородцев, принявших христианство и служивших в миссиях стала распространяться только во второй половине XIX в., к началу XX столетия, как уверенно считают современные исследователи, кряшены, занявшие заметное место среди народных учителей и священнослужителей, значились среди наиболее образованных нерусских народов страны [16, с. 6]. Более того, как многие религиозные неопиты, инородцы-миссионеры отличались большей требовательностью к себе и настойчивостью в деле распространения христианства и бытового просвещения среди своих соплеменников. Миссионер-инородец Алтайской духовной миссии Михаил Чевалков в автобиографические воспоминания включил множество сюжетов, связанных с просветительскими акциями в среде коренных народов Алтая, в которых поражает не только настойчивость в продвижении православия, характерная для сообщества, но и диапазон профессионального интереса миссионера в его культуртрегерской практике. М. Чевалков подробно свидетельствовал о своем участии в судебных делах алтайцев и посредничестве между обычно-правовыми традициями инородцев и гражданско-правовыми установлениями; тесных контактах с коренными жителями и объяснении им преимуществ земледельческого русского хозяйства над промысловыми занятиями и т.д. [17, с. 1-94].

Подобно выходцам из титулованной знати, путь к выполнению функций колониальных посредников незнатных инородцев был связан с наставничеством и опекой, предоставляемой российскими общественными и церковными деятелями. М. Чевалков еще в детском возрасте попал под влияние главы Алтайской духовной миссии архимандрита Макария (Глухарева), а период зрелости – путешественника и ученого-востоковеда

В.В. Радлова, посодействовавшего развитию литературных способностей молодого телеута. Значимым фактом биографии Чевалкова стало переселение его семьи в г. Улала (с 1932 г. – Горно-Алтайск), являвшуюся центром миссионерского подвижничества в Западной Сибири. Именно в коммуникативном пространстве русской православной среды происходило формирование мировоззрения М. Чевалкова, прежде всего – религиозного, который в автобиографии фиксировал результаты контактов с приверженцами православия: «...я стал скорбеть в душе и осуждать сам себя. Когда мои родители камлали, и, если в это время заходил кто-нибудь из русских, мне становилось стыдно перед ними. Я скорбел в душе, что вера наша нехороша. Тогда мне было 9 лет» [17, с. 3].

Было бы неверным полагать, что модель колониального посредничества, реализуемая инородцами-миссионерами, была идеальна и не имела уязвимых мест. Н.М. Ядринцев писал о невысоком качестве начальной подготовки инородцев миссионерских школах, обусловленном дефицитом квалифицированных преподавателей, а также малым количеством самих школ в пределах Азиатской России [6, с. 238]. По мнению Ядринцева, миссионерство и миссионерские проповеди часто формировали в коренном населении антирусские настроения: «...представители культуры и духовного просвещения не были на высоте своего призвания; напротив, в глухих инородческих районах сами проповедники миссионеры опускались и не были примером благочестия и нравственности» [6, с. 226]. Н.И. Ильминский, ведший активную переписку с кряшенами регулярно получал письма от своих вчерашних подопечных, в которых обсуждались не вопросы веры и практической работы на почве религиозного просветительства, а домашнего хозяйства, материального благополучия и финансовой поддержки учителей и священников-инородцев [16, с. 11-12]. По справедливому замечанию американского историка Пола Верта, в продолжении XIX столетия, коренное население было поставлено в условие

активного освоения культурных ресурсов, получаемых от имперских властей, что далеко не всегда сопровождалось аккультурацией, но становилось для инородцев важным инструментом поддержания и актуализации собственной этнокультурной идентичности [18, с.57]. В письмах, воспоминаниях, дневниках миссионеров-инородцев рельефно очерчен мотив этнической принадлежности авторов текстов. М. Чевалков начинает и заканчивает свое автобиографическое повествование с генеалогии рода, апеллируя к своим детям: «Вот, - дети, я написал о моих предках, чтоб вы не забыли!» [17, с. 1]. Составители сборника писем кряшен Н.И. Ильминскому указывают на характерную особенность многих эпистолярных текстов: «Встречаются здесь и такие вещи: начнет человек писать по-русски, но вдруг на полупhrase перескакивает на родной язык, и мысли выражает яснее и определеннее» [16, с. 10-11].

Подводя общий итог, отметим, что имперский опыт реализации политики населения в Азиатской России был тесно связан с дискурсивными актами конструирования сообществ колониальных посредников из представителей автохтонного населения. Усилиями российских интеллектуалов – имперских экспертов: ученых, общественных деятелей, педагогов, путешественников и публицистов, формировались и распространялись представления о «своих инородцах», которых необходимо было цивилизовать и вовлечь в строительство империи. Имперские эксперты, включенные в дело конструирования «своих инородцев» в качестве «строительного» материала видели, прежде всего, прямых потомков аристократических слоев общества коренных обитателей азиатской периферии России, всячески поддерживая и сопровождая их аккультурацию, с последующим привлечением к выполнению функций инородцев на российской государственной службе.

Низовой сегмент инородческого населения вовлекался в миссионерскую деятельность при посредничестве ведущих ученых-востоковедов и деятелей РПЦ. Получив специальное

образование и специфическое церковное воспитание, способные инородцы реализовывали функции колониальных посредников, участвуя в религиозно-просветительских акциях, работая учителями миссионерских школ и т.д.

Анализ содержания дискурса позволяет говорить об условности и частой непредсказуемости результатов вовлечения инородческих представителей в колониальное посредничество, что было обусловлено конфликтом идентичностей. Осваивая культурные ресурсы империи, образованные инородцы сохраняли собственную этнокультурную идентичность, травматично воспринимая любые формы насилия в отношении своих соплеменников, что в значительной степени снижало их инструментальный потенциал как участников строительства империи на восточных окраинах страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кирмзе Ш.Б. Империя законности. Юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 432 с.
2. Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500-1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
3. Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.
4. Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесенная исправляющим должность профессором В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.
5. Ильминский Н.И. О переводе православных христианских книг на инородческие языки: Практические замечания Н. Ильминского. Казань: Университетская типография, 1875. 47 с.
6. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 336 с.

7. Веселовской Н.И. Заметка // Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. I – III.
8. Венюков М.И. Россия и Восток. СПб.: Тип. Безобразова и Комп., 1877. 296 с.
9. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.
10. Ядринцев Н.М. Биографические сведения о Ч. Валиханове // Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. XXXV – XXXIX.
11. Ильминский Н.И. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1891. 396 с.
12. Быков П.В. Г. Валиханов. Биографический очерк // Нива. 1891. № 11. С.258-259.
13. Удербаяева С.К. Казахские чиновники Туркестанского края. Алматы, 2020. 200 с.
14. Потанин Г.Н. Биографические сведения о Ч. Валиханове // Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. IV – XXXIV.
15. Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов. Барнаул, 2016. 204 с.
16. Письма крещен Н.И. Ильминскому. М.: Б.и., 2014. 459 с.
17. Памятное завещание. Автобиография миссионера Алтайской духовной миссии священника М.В. Чевалкова. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1894. 94 с.
18. Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.

Щавелева М.В., Глинская Т.Н., Голикова В.В.

ИНВАЛИДНОСТЬ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

Авторы на основе изучения нормативной правовой базы, касающейся демографической и Национальной безопасности Республики Беларусь, официальных статистических данных рассматривают роль инвалидности детского населения как внутренний источник угрозы национальной и демографической безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, демографическая безопасность, социальная безопасность, инвалидность, детское население, угроза, медицинская абилитация.

Abstract

Based on the study of the regulatory legal framework concerning demographic and national security of the Republic of Belarus and official statistical data, the authors consider the role of disability of the child population as an internal source of threat to national and demographic security.

Keywords: national security, demographic security, social security, disability, child population, threat, medical habilitation.

Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности» (далее – Закон) принят 04 января 2002 г. В Законе определено, что «демографическая безопасность – состояние защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие Республики Беларусь в соответствии с ее национальными демографическими интересами» [1]. К демографическим угрозам Законом отнесены: депопуляция, старение населения, нерегулируемые миграционные процессы и

деградация института семьи. Также Законом сформулированы 9 основных показателей демографических угроз: нетто-коэффициент воспроизводства населения; коэффициент депопуляции; суммарный коэффициент рождаемости; коэффициенты смертности населения трудоспособного возраста, в том числе коэффициент смертности мужчин и женщин трудоспособного возраста; ожидаемая продолжительность предстоящей жизни; коэффициент старения населения; сальдо миграционного обмена между городской и сельской местностью, в том числе по полу, возрасту, уровню образования; численность нелегальных мигрантов; коэффициентами брачности и разводимости [1].

Параллельно с работой над Законом, вопросы демографической безопасности (ДБ) были акцентированы во второй Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь №390 от 17.07.2001.

В третьей Концепции национальной безопасности (Указ Президента Республики Беларусь №575 от 09.11.2010) ДБ впервые была выделена отдельным блоком, ей дано определение: «демографическая безопасность – состояние защищенности общества и государства от демографических явлений и тенденций, социально-экономические последствия которых оказывают негативное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь» [2].

Решением №5 Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 была утверждена новая Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, где в определении ДБ акцентировано внимание на интересах личности и развитии человеческого потенциала. «Демографическая безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от воздействия демографических угроз, обеспечивающее стабилизацию численности населения, развитие человеческого потенциала страны, сохранение семейных и межпоколенческих связей» [3]. Национальными интересами в демографической

сфере определены:

«стабилизация численности населения и создание предпосылок для его устойчивого роста на основе последовательного увеличения рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, снижения смертности;

повышение общего уровня здоровья населения, охрана здоровья матери и ребенка;

укрепление института семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации потребности в детях, их воспитания, развитие системы поддержки семей с детьми и улучшение условий их жизнедеятельности;

оптимизация внешних миграционных потоков, обеспечение положительного сальдо миграции» [3].

Обеспечение национальной безопасности (НБ) государства – это комплексный процесс, когда ДБ и другие компоненты безопасности государства (политический, социальный, экономический, военный и пр.) взаимосвязаны и взаимозависимы.

Так, понятие социальной безопасности подразумевает «состояние защищенности личности, общества и государства от воздействия социальных угроз, обеспечивающее сохранение жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей белорусского народа», рост заболеваемости и увеличение числа инвалидов рассматриваются как внутренние источники угроз НБ страны в социальной сфере. При этом снижение общего уровня здоровья населения, его отдельных половозрастных групп признаны внутренним источником угроз НБ страны и в демографической сфере.

Таким образом, здоровье населения (общественное здоровье) является и должно рассматриваться как основа демографической, и в целом, национальной безопасности любого государства. С этой точки зрения, следует еще раз обратиться к индикаторам общественного здоровья: медико-демографические показатели, показатели заболеваемости, показатели качества жизни и показатели инвалидности.

Одной из значимых проблем общественного здоровья является инвалидность. Инвалидность – это медико-социальная проблема, вызванная медицинскими причинами, ухудшением состояния здоровья, когда изначально медицинские проблемы ведут к значительным социальным последствиям для общества. При этом инвалидность – одна из составляющих человеческого существования. Почти каждый человек в течение жизни может иметь временные или постоянные нарушения функционирования, вероятность и выраженность этих нарушений и вызванных ими трудностей у лиц, доживающих до старческого возраста, наблюдается в гораздо большем объеме. Отражением этих нарушений и трудностей в медико-социальном аспекте выступает инвалидность.

Понятие и принятие значимости проблем инвалидности для общества привело к объявлению Организацией Объединенных Наций (ООН) 1981 года Международным годом инвалидов. С 1983 по 1992 год под эгидой ООН проходило Всемирное десятилетие инвалидов. В декабре 2006 г. ООН принята Конвенция о правах инвалидов, которая признала, что инвалидность – это эволюционирующее понятие и, по сути, инвалидность «является результатом взаимодействия, которое происходит между имеющимися нарушениями здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами и которое мешает их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими» [5].

В 2011 г. Всемирной организацией здравоохранения и Всемирным банком представлен Всемирный доклад об инвалидности. В докладе была озвучена доля инвалидов в общей структуре мирового населения – 15% населения Земли (на тот момент более 1 млрд. человек). Доклад констатировал, что показатели инвалидности возрастают, в т.ч. в связи со старением населения и ростом бремени хронических нарушений здоровья.

Таким образом, инвалидность, как медико-социальная проблема отражается на состоянии ДБ и НБ каждого государства.

На фоне сформировавшегося отношения к инвалидности как важнейшей медико-социальной проблеме (достаточно сказать о принципе Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятой Генассамблеей ООН в 2015 году, – «никого не оставить позади») все больше внимания уделяется проблемам детской инвалидности. Это объясняется увеличением числа детей-инвалидов, целым рядом социально-экономических причин, а также причинами нравственного порядка. Так, статья 23 Конвенции о правах ребенка (1989 год) в своей первой части указывает: «Государства-участники признают, что неполноценный в умственном или физическом отношении ребенок должен вести полноценную и достойную жизнь в условиях, которые обеспечивают его достоинство, способствуют его уверенности в себе и облегчают его активное участие в жизни общества» [4].

Конвенция о правах инвалидов (статья 7) гласит: «1. Государства-участники принимают все необходимые меры для обеспечения полного осуществления детьми-инвалидами всех прав человека и основных свобод наравне с другими детьми. 2. Во всех действиях в отношении детей-инвалидов первоочередное внимание уделяется высшим интересам ребенка. 3. Государства-участники обеспечивают, чтобы дети-инвалиды имели право свободно выражать по всем затрагивающим их вопросам свои взгляды, которые получают должную весомость, соответствующую их возрасту и зрелости, наравне с другими детьми и получать помощь, соответствующую инвалидности и возрасту, в реализации этого права» [5].

Статья 47 Конституции Республики Беларусь провозглашает: «Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом.

Государство проявляет особую заботу о ветеранах войны и труда, о лицах, утративших здоровье при защите государствен-

ных и общественных интересов, а также об инвалидах и пожилых людях.

Инвалидам обеспечиваются равные возможности для осуществления прав и свобод человека и гражданина. Государством реализуется политика социальной интеграции инвалидов, создания доступной среды и улучшения качества их жизни, поддержки семей с инвалидами» [6].

Данная статья Конституции претерпела существенные изменения по сравнению со своей первоначальной редакцией, принятой в 1994 году. Одно из изменений – появление в статье 3-й части, касающейся прав и свобод инвалидов, их социальной интеграции, поддержки семей с инвалидами. Все вышеперечисленное повлекло обновление и расширение нормативной правовой базы, направленной на защиту интересов лиц, имеющих инвалидность, в т.ч. детей-инвалидов.

Инвалидность детского населения в Республике Беларусь рассматривается как значимая медико-социальная проблема, требующая постоянного мониторинга и поиска на его основе оптимальных путей решения. Одним из вопросов мониторинга детской инвалидности выступает определение ее показателя (уровня) и структуры причин ее возникновения.

По официальным данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, уровень первичной инвалидности детского населения за последние 5 лет (2020 – 2024 гг.) увеличился на 31,08% - до 29,1 на 10000 детского населения [7]. К причинам роста уровня детской инвалидности можно отнести: ухудшение состояния здоровья и наличие поведенческих факторов риска у населения репродуктивного возраста, улучшение выхаживания недоношенных и маловесных детей, снижение младенческой смертности и пр. С точки зрения расчетов показателей инвалидности на их увеличение может повлиять и снижение численности детского населения. Нельзя не остановиться и на таких причинах как расширение показаний к установлению инвалидности, применение при установлении

инвалидности «синдрома социальной компенсации», а также стремление как можно раньше начать мероприятия по медицинской абилитации и медицинской реабилитации на фоне социальной поддержки государством семей с детьми-инвалидами.

Уровень первичной инвалидности детского населения в 2024 году в Республике Беларусь был в 2,46 раза меньше первичной инвалидности лиц в возрасте 18 лет и старше (71,6 на 10000 населения соответствующего возраста). В последней группе уровень первичной инвалидности увеличился за анализируемый 5-летний период на 15,3% [7].

Разница показателей первичной инвалидности детского населения между отдельными регионами превышала в 2024 году 2х-кратную: Брестская область – 18,6; Минская – 38,5 на 10000 детского населения. Для взрослого населения таких резких межрегиональных различий в уровне первичной инвалидности не наблюдается. Также не были столь ярко выражены межрегиональные различия в уровне первичной инвалидности детского населения и в 2020 году [7].

Отдельного глубокого анализа требует складывающаяся в настоящее время в стране структура причин детской инвалидности. По итогам 2023 года 3 первых ранговых места в структуре причин детской инвалидности распределились следующим образом: психические расстройства (расстройства психики и поведения), врожденные аномалии, болезни нервной системы [8]. Показатель первичной инвалидности вследствие психических расстройств в течение нескольких лет «опережает» инвалидность по причине пороков развития. Значимый вклад в увеличение первичной инвалидности вследствие психических расстройств вносят расстройства аутистического спектра (РАС). РАС признан значимой медико-социальной проблемой во многих странах. Так, в США РАС встречается у 1 из 31 детей, более 25% из них страдают глубоким или тяжелым аутизмом [9]. Как отметил министр здравоохранения и социальных

служб США (HHS) Роберт Ф. Кеннеди-младший «Эпидемия аутизма достигла беспрецедентных в истории человечества масштабов, поскольку она затрагивает молодежь» [9].

Инвалидность населения влияет на состояние ДБ и НБ государства. Детская инвалидность актуализирует данное влияние как через раннее «включение» абилитационных и реабилитационных мероприятий, направленных на снижение данного влияния, так и через накопление отрицательных последствий детской инвалидности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. О демографической безопасности. Закон Республики Беларусь №89-З от 04 января 2002 года
2. Об утверждении Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь №575 от 09 ноября 2011 года.
3. Об утверждении Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь: Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2025 года №5.
4. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
5. Конвенция о правах инвалидов: Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на респ. Референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875>
7. Национальный статистический Комитет Республики Беларусь. Интерактивная информационно-аналитическая система

распространения официальной статистической информации. Режим доступа: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/10615>

8. Голикова, В. Как устанавливается инвалидность детям в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://24health.by/kak-oformlyayut-detskuyu-invalidnost-v-belarusi/>

9. Autism Epidemic Runs Rampant, New Data Shows 1 in 31 Children Afflicted [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.hhs.gov/press-room/autism-epidemic-runs-rampant-new-data-shows-grants.html>

Шмидт В.

ПРОБЛЕМАТИКА ГОЛОДА 1921 – 1922 гг. В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ ГЕРМАНИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ И ПОЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ НА ВОЛГЕ (ХРОНИКА СОБЫТИЙ)

Аннотация

В статье на основе анализа материалов региональной прессы Германии можно проследить этапы социально – экономического и политического характера, сложившиеся в поволжских колониях в начале 1920 – х гг. Исследование и привлечение материалов региональной прессы Германии позволяет определить не только масштаб трагедии, но и последствия для последующего развития немецких колоний на Волге. Публикации немецкой прессы по вопросам развития голода в немецких колониях Поволжья является ценным информативным источником для более расширенного исследования вопросов голода 1920 – х годов в Поволжье.

Ключевые слова: голод, немецкие колонии Поволжья, со-

ветская Россия, региональная пресса Германии.

Abstract

In the article, based on the analysis of materials from the regional press of Germany, one can trace the stages of a socio-economic and political nature that developed in the Volga colonies in the early 20s. The author of the article attempted to collect certain factual material directly related to the topic of the famine of 1921 published on the pages of the regional press of Germany. Research and use of materials from the regional press of Germany allows us to determine not only the scale of the tragedy, but also the consequences for the subsequent development of the German colonies on the Volga. Publications of the German press on the development of the famine in the German colonies of the Volga region are a particularly valuable source of information for a more extensive study of the issues of the famine of the 1920s in the Volga region.

Keywords: famine, German colonies of the Volga region, Soviet Russia, regional press of Germany.

Несмотря на то, что о голоде 1921 года было написано достаточно, имеется много фактов, о которых современники имеют далеко не полное представление прежде всего о его масштабах и последствиях для последующего экономического и социального, а также демографического развития. Между тем, исследование вопросов, связанных с голодом 1920 – х гг. в области немцев Поволжья и важных проблем, связанных с ним по материалам периодической печати Германии, позволяет дополнить наши представления о развитии немецких колоний Поволжья в послереволюционный период. При этом незаслужено обделена вниманием региональная пресса Германии, так как именно она позволяет установить факты и детали, имеющие первостепенное значение для проведения исторической реконструкции.

Материалы, относящиеся к голоду, начинают появляться в региональной прессе летом 1921 года в форме небольших заметок. Первые сообщения о развитии голода стали поступать в редакции газет в конце мая 1921 года. В этих сообщениях указывалось, что состояние озимых в районе Поволжья плачевны. Причиной такого состояния является засуха, начавшаяся в мае – июне 1921 года, которая уничтожила не только всходы озимых, но и всходы летнего урожая. Засухой было охвачено 36 губерний России. В июне – июле 1921 года засуха распространилась на Оренбургскую область и степные районы Киргизской Республики (современная территория Казахстана).

По мнению региональных газет Германии, только засуха и неурожай не могли стать единственными причинами голода, большое значение имела неправильная хозяйственная политика большевиков. В связи с возникшей катастрофой в немецких колониях Поволжья писатель Бернхард Бартельс в книге «Die deutschen Bauern in Russland einst und jetzt» писал: «Причинами неурожая с одной стороны был период засухи, а с другой мировая война и Гражданская война, которые способствовали дезорганизации сельского хозяйства немецких колоний. Число беженцев из немецких колоний составляет 80 000 человек, умерло от голода от 50 000 до 70 000 человек» [1, с.70].

Уже зимой 1921 года практически вся Россия была охвачена голодом. Через многочисленные сообщения было подтверждено, что в районах Волги практически нет урожая. Что касается немецких колоний на Волге, то еще в 1920 году с помощью насилия и принуждения тысячи тонн пшеницы были вывезены [3, с.19].

Весной 1921 года появляются первые признаки надвигающегося голода. Ситуация с продовольствием продолжала ухудшаться. Обострение продовольственного положения способствовало росту цен на продуктовые и промышленные товары, которые выросли почти в 200 раз.

По этому поводу 5 мая 1921 года «Iserlohner Kreisanzeiger

und Zeitung» опубликовала развернутую статью, написанную членом экспедиции помощи Германского Красного Креста Фишером. Автор статьи писал, что «400 гр. обычного черного хлеба на рынке в Саратове в январе стоило 12 000 рублей, в мае его можно купить за 120 000 рублей. Для других продуктов питания цены также высоки. Очень редко можно в вымерших деревнях увидеть жителей на дороге. Большинство из них остаются в домах, так как слабы, часть умирает от голода, многие больны в результате эпидемии тифа. Здесь также имеется многочисленное число сообщений о каннибализме» [4]. Всего из немецкого Поволжья было вывезено более 1 млн. пудов хлеба [5, с.431 - 437].

Свидетельством тяжелого положения в немецких колониях на Волге также являлись письма колонистов, приходящие в Германию. Так, в письме из Хуссенбаха от 24 июня 1921 года сообщалось «Когда нашей старой Родиной не будет оказана помощь, то мы, немцы в России, погибнем. Умирают тысячи колонистов от голода и различных эпидемических заболеваний. В Гримме ежедневно хоронят 50 – 60 трупов. Но еще страшнее, когда не будет урожая» [6, с. 20].

4 июля 1921 года «Schwäbische Tagwacht» в статье «Голод в Советской России» сообщал, что «большевистская пресса в последнее время занята решением проблемы ухудшения продовольственного снабжения. Однако газета «Правда», опубликовавшая обширную статью по этому вопросу, рассматривает сложившуюся критическую ситуацию, которая охватила не только крупные города, но и деревню, как результат деятельности повстанческих банд. «Правда», как писала газета, не сообщает о вине советского правительства в сложившейся ситуации» [7].

18 июля 1921 года «Hannoverischer Kurier» опубликовал письмо – призыв Максима Горького и патриарха. Горький призывал оказать помощь голодающей России. Патриарх обращался к американскому кардиналу и США. В частности, патриарх

в своем призыве отмечал: «В России большая часть населения находится в состоянии голода. Урожайи во многих губерниях, которые являлись ранее постовщиками зерна, вследствие засухи уничтожены. В областях, где распространился голод, развились эпидемии. И я прошу об оказании необходимой помощи» [8].

Кроме сообщений об обращении М. Горького и патриарха, «Hannoverischer Kurier» сообщал также о том, что в результате экономической катастрофы и голода развилось массовое миграционное движение немецких крестьян из поволжских колоний.

27 июля 1921 года независимая ежедневная газета «Bergedorfer Zeitung» в передовой статье «Помощь голодающей России» затрагивала вопрос о вине Советского правительства в создавшейся ситуации. Газета писала, что «развившаяся катастрофа в России, вызванная развитием голода, должна вызвать сострадание у европейских народов. Причины катастрофы не следует искать в засухе, а главной виной является деятельность Советского правительства в отношении крестьянства» [9].

Летом 1921 года в районах Поволжья, Кавказа, Крыма засуха уничтожила посевы. Наиболее плодородные районы, которые являлись житницей страны, не только не дали хлеба, но и зерна для нового урожая.

1 августа 1921 года газета «Landbote» в комментарии о событиях, связанных с голодом в немецких колониях Поволжья опубликовала информацию о том, что положение в областях где развился голод катастрофическое: «Особенно от голода пострадали области немецких колоний на Волге. Смертность чудовищная. Поволжские немцы покидают насиженные места и пускаются в путь в поисках хлеба. В Москве также находятся беженцы из Поволжья, которые надеются на оказание помощи для организации их выезда в Германию. Однако в результате Версальского договора Германия не может оказать не-

обходимую помощь, но через международную прессу можно привлечь внимание немецкого правительства к сложившейся ситуации и принятию мер по оказанию помощи беженцам из голодных областей, оказавшихся в Москве, и организацию их выезда в Германию» [10].

2 августа 1921 года газета «Westfälische Merkur» опубликовала информацию о том, что «советская пресса сделала заявление, что дефицит зерна составляет 5 800 000 пудов. В связи с этим 40 000 000 человек угрожает голод. По всей России не имеется губерний и округов, где для крестьянина было бы достаточно урожая. Урожай пропал не только на Волге, но также и в других губерниях. Можно наблюдать массовую миграцию крестьян, которые бегут из округов, охваченных голодом» [11].

Ниже приведенная таблица показывает динамику численности голодающего населения немецких колоний на Волге в период с 1921 по 1922 годы [12, с. 129].

Таблица 1 - Динамика численности голодающего населения немецких колоний на Волге в период с 1921 по 1922 годы.

Месяц	Число голодающих	Число голодающих от общего числа населения (%)
Август	33, 373	56, 7
Сентябрь	46, 820	79,6
Октябрь	52, 630	89,5
Ноябрь	55, 117	93, 7
Декабрь	56, 219	95,6
Январь	57, 017	96, 9

3 августа 1921 года «Bergisch Gladbacher Volkszeitung» в статье «Россия призывает о помощи» информировала читателя: «Засуха в районах Волги и Урала полностью уничтожила посевы, урожая в этих районах практически не ожидается. О положении населения можно судить из различных писем. Так,

например, в письме крестьянина из района Вольска Саратовской губернии сообщается о том, что «В последние годы урожаем составлял 10 – 15 пудов с десятины. И семена, которые принадлежали для посева были съедены. Народ питается травой и различными суррогатами. Если не придет необходимая помощь, то умрет от голода 2 500 человек» [13]. В результате сложившейся ситуации, вызванной голодом, развилось миграционное движение из охваченных голодом областей в соседние губернии.

5 августа 1921 года «Jerversches Wochenblatt» давал пояснения к ситуации, возникшей в немецких колониях на Волге. Газета отмечала, что «немецкие колонии лежат в середине области, охваченной голодом и поэтому отрезаны от ввоза пшеницы из областей, находящихся в лучшем положении. Многочисленные немецкие семьи бросают насиженные места и желают эмигрировать в Германию» [14].

9 августа 1921 года «Deutsche Allgemeine Zeitung», рассматривая вопрос движения беженцев, публикует информацию о том, что «в связи с развившимся голодом в области немецких колоний на Волге там господствует паника, которая вызвала волну миграции. Дороги переполнены голодающими беженцами, которых возглавляют священники. В многочисленных деревнях Самарской губернии жители, покидая дома, их сжигают. В округах, которые граничат с округами, охваченными голодом, жители этих округов с помощью насилия стремятся прекратить движение беженцев» [15].

Редакция газеты «Hannoverischer Kurier» возвращаясь к проблемам голодного бедствия в России опубликовала передовую статью «К голоду в России»: «Нужда в областях, охваченных голодом на Волге должна пробудить внимание миллионов к чудовищной трагедии, так как области, охваченные голодом, нуждаются в незамедлительной помощи. В сообщениях о положении в немецких колониях на Волге упоминалось, что в результате засухи 70% полей выгорели, а оставшиеся 30% не-

тронутых засухой могут в лучшем случае дать 5 пудов зерна с десятины, поэтому необходима организация государственной помощи с питанием. Число немецких колонистов, которым должна быть оказана государственная помощь, составляет 300 000 человек» [16].

19 сентября 1921 года «Rhein -und Ruhrzeitung» в статье «Голодающие немецкие колонисты в России» сообщала: «Особенно сильное бедствие, вызванное развитием голода, охватило округа Самарской губернии. Голод сильно повлиял на беженцев, которые покинули места проживания вследствие голода и скопились в Самаре в лагере для беженцев. Среди беженцев от голода имеется желание уехать в Омск, Москву и Минск, другие же имеют желание вернуться в Германию» [17]. Более 10 000 хозяйств были покинуты беженцами вследствие голода [18, с. 27].

О голоде в немецких колониях на Волге также имелись сообщения в газетах, издававшихся Евангелической церковью. 13 ноября 1921 года газета «Evangelisches Kirchen – und Volksblatt» в статье «О голоде в немецких колониях на Волге», основанной на докладе пастора Шлейнинга, информировала читателя о том, что «Богатый урожай 1919 года, который был достаточен на годы, был реквизирован продотрядами. Неурожай 1920 года способствовал развитию среди немецких колонистов на Волге тяжелого положения. В связи с неурожаем 1920 года во многих немецких колониях были сокращены посевные площади на 10%, что привело к еще более худшему положению» [19].

В январе 1922 года «Buchauer Zeitung» в статье «150 000 немцев Поволжья голодает» сообщала: «...в апреле 1921 года в Берлине был образован «Союз помощи поволжским немцам», задачей которого являлась оказание помощи и спасения немцев Поволжья от голодной смерти. Но так, как Германия была не в состоянии оказать помощь, представители Союза обратились к переселенцам с Волги в Южной и Северной Америке. В

общей сложности голодает 150 000 немцев Поволжья. И около 4 000 находятся на русско – польской границе. По последним сообщениям из немецких колоний на Волге положение там не улучшится, если не придет необходимая помощь. В марте 1921 года были первые случаи смертей от голода. Так, например, в колонии Хоффенталь, где проживает 3 000 жителей, умирало ежедневно 6 человек. А в колонии Зеельманн с населением 12 000 жителей умирало ежедневно 12 человек». Поэтому «Союз помощи немцев Поволжья» просит министерство иностранных дел Германии о «выдаче разрешения для 10 000 детей поволжских немцев в возрасте от 6 до 12 лет на въезд в Германию» [20].

3 марта 1922 года газета «Bernsberger Volkszeitung» информировала читателя о том, что «450 000 немцев Поволжья голодают. Если в 1914 году в немецких колониях на Волге проживало 750 000 немецких колонистов, то сегодня их численность составляет 300 000. Причинами сокращения численности населения в немецких колониях на Волге явилась не только война и революция, но и голод, эпидемии. В июне 1921 года голодало 204 деревни в немецких колониях на Волге, число голодающих составляло 5 000 человек. В июле 1921 года от голода страдали 280 000 человек. В августе 1921 года в немецких колониях на Волге насчитывалось 146 000 голодающих детей. 90 % населения немецких колоний употребляет в пищу траву, собак, кошек, крыс, лягушек и другие суррогаты» [21].

18 марта 1922 года «Kölnische Zeitung» сообщала о том, что Ф. Нансен заверил, что приходящие слухи из России о каннибализме являются правдивыми. Нансен рассказал о многочисленных случаях каннибализма, особенно в регионе Поволжья [22].

29 марта 1922 года в приложении к газете «Westfälische Neuesten Nachrichten» о немецких колониях на Волге сообщалось, что «в результате голода имеются случаи каннибализма, что подтверждается ведомственными сообщениями» [23].

16 июня 1922 года «Der Landbote» публикует информацию о состоянии немецких колоний на Волге перед Первой мировой войной и в период господства большевизма. В заметке отмечалось, что перед Первой мировой войной в области немцев Поволжья производилось 25 – 30 млн. пудов зерна. Когда советское правительство утверждает, что создавшееся положение среди немецких колонистов на Волге является наследием жестокой политики царизма, а также результатом Гражданской войны, то это чистейшая ложь. В большинстве это бессознательная экономическая политика советского правительства по отношению к немецким колониям на Волге. Голод развился еще ко времени сбора урожая 1921 года и уже в январе и феврале 1921 года советское правительство имело конкретные сведения о начале голодного бедствия» [24].

В данной статье приведен не весь комплекс газетных публикаций региональной прессы по проблемам голода 1920 – х годов в немецких колониях Поволжья. Однако и приведенные материалы свидетельствуют о том, что данная проблема была актуальной в публикациях региональной прессы, которая сыграла одну из важнейших ролей в организации гуманитарной помощи голодающей России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bartels Bernhard. Die deutschen Bauern in Russland einst und jetzt. Moskau 1928
2. Bier Friedrich. Aus dem Leiden Tagen der deutschen Wolgakolonien. Darmstadt 1922
3. Reimisch F.H. Die deutschen Wolgakolonien. Von ihrer Gründung bis zu den Tagen ihrer Leidenszeit. Berlin 1922
4. Iserlohner Kreisanzeiger und Zeitung vom 5.05.1921, № 105
5. Герман А. А. «Военный коммунизм» в немецкие деревни Поволжья (1918 – 1921 гг.) // Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измере-

ние: материалы V международной научной конференции. Москва 2016

6. Reimisch F.H. Die deutschen Wolgakolonien. Von ihrer Gründung bis zu den Tagen ihrer Leidenszeit. Berlin 1922
7. Schwäbische Tagwacht vom 4.07.1921, № 127
8. Hannoverischer Kurier vom 18.07. 1921, № 331
9. Bergedorfer Zeitung vom 27. 07. 1921, № 173
10. Landbote vom 1.08.1921, № 89
11. Westfälische Merkur vom 2.08.1921, № 352
12. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. Часть I. Автономная область 1918 – 1924. Саратов 1992
13. Bergisch Gladbacher Volkszeitung vom 3.08. 1921, № 175
14. Jeversches Wochenblatt vom 5.08.1921, № 181
15. Deutsche Allgemeine Zeitung vom 9.08.1921, № 369
16. Hannoverischer Kurier vom 12.08. 1921, № 374
17. Rhein -und Ruhrzeitung vom 19.09. 1921, № 398
18. Гросс Э. Автономная социалистическая советская республика Немцев Поволжья. Покровск 1926
19. Evangelisches Kirchen – und Volksblatt vom 13.11.1921, № 46
20. Buchauer Zeitung vom 2.01.1922, № 1
21. Bernsberger Volkszeitung vom 3.03. 1922, № 75
22. Kölnische Zeitung vom 18.03. 1922, № 198 a
23. Westfälische Neuesten Nachrichten (Beilage) vom 29.03.1922, № 75
24. Der Landbote vom 16.06.1922, № 70

АКТОВЫЕ ЗАПИСИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Аннотация

Архивы хранители историко-культурного наследия и национального достояния народа – это бесценный источник ретроспективной документальной информации. Государство может потерять богатство, казну, как это часто бывает в истории. Но все это со временем можно восполнить и восстановить. Но невозможно восстановить потерянные архивные документы. Государственный архив Восточно-Казахстанской области хранит документы, которые являются неотъемлемой частью Национального архивного фонда Республики Казахстан. Главное в работе государственного архива с момента его образования в 1940 году, являлось не только сохранить, но и приумножить и передать будущим поколениям документы, как на материальных носителях, так и на электронных, в которых отражена история нашего края. В данной статье дается характеристика актовых записей гражданского состояния, как исторических источников, которые могут быть использованы для изучения демографических процессов, и стать основой для генеалогических исследований.

Ключевые слова: архив, источник, память, акты гражданского состояния.

Abstract

The archives of the keepers of the historical and cultural heritage and the national heritage of the people are an invaluable source of retrospective documentary information. The state can lose wealth, the treasury, as is often the case in history. But all this can be replenished and restored over time. But you cannot recover lost archived documents. The State Archive of the East Kazakhstan

region stores documents that are an integral part of the National Archival Fund of the Republic of Kazakhstan. The main thing in the work of the state archive since its formation in 1940 was not only to preserve, but also to multiply and transfer to future generations documents, both on material media and on electronic ones, which reflect the history of our region. This article describes the act records of civil status as historical sources that can be used to study demographic processes, and become the basis for genealogical research.

Keywords: archive, source, memory, acts of civil status.

До 1918 года факты рождения, крещения, бракосочетания, смерти и отпевания прихожан фиксировались в метрических книгах религиозных учреждений.

После установления советской власти были приняты меры к изъятию метрических книг и размещению их в архивах отделов записей актов гражданского состояния (ЗАГС). В соответствии с «Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве», принятом 16 сентября 1918 года, действие данного Кодекса распространилось и на Казахстан, регистрация актов гражданского состояния полностью передана гражданской власти, проведение религиозных обрядов считалось частным делом граждан.

Делопроизводство по актам гражданского состояния осуществляли губернские и уездные и волостные комитеты Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и киргизских депутатов. В некоторых случаях актовые записи продолжали вести в метрических книгах. Так, в метрических книгах Александровской церкви города Зайсан записи велись до 1928 года.

Декретом Совета народных комиссаров Казахской АССР от 5 марта 1921, которым была официально учреждена система регистрации актов гражданского состояния, разработаны формы бланков актовых записей брака, рождения и смерти.

№ записи	Место и число рождения	Место рождения ребенка	Пол ребенка	Имя и фамилия ребенка	Имя, фамилия и род занятий родит.	Постоянное местожит.		Возраст родителей	Который ребенок по числу являющийся у данных родителей	ОСОБЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ
						матери	отца			
10	Александровск	Александровск	Мужской	Александровский Александр	Александровский Александр	Александровск	Александровск	30 лет	1	
11	Александровск	Александровск	Женский	Александровская Анна	Александровская Анна	Александровск	Александровск	25 лет	1	

Фото 1 – Образец актовой записи о рождении (1921 г.)

Запись была довольно информативной, она содержала информацию о дате и месте рождения младенца, имен его родителей, рода их деятельности, места жительства, каким по счету был данный ребенок. В актовых записях о смерти имелись отметки о месте смерти и ее причине. В метрических книгах записей о бракосочетании указывались место проживания и социальный статус родителей молодых людей вступающих в брак.

В 1926 году в форму актовой записи о рождении внесены две графы: «Национальность» и «Социальное положение». Графа «Национальность» была разбита на две строки. В верхней части строки значились такие варианты: 0) великоросс, 1) украинец, 2) белорусс, 3) еврей, 4) армянин, 5) грузин, 6) татарин, 7) киргиз, 8) мордвин, 9) башкир. В нижней строке перечислялись другие варианты национальной принадлежности: 1) чуваш, 2) немец, 3) вотяк, 4) узбек, 5) туркмен, 6) таджик, 7) латыш, 8) поляк, 9)...

Социальное положение определялось следующими вариантами: 0) иждивенец 1) рабочий (батрак), 2) крестьянин, 3)

кустарь (хозяин, рабочий), 4) служащий, 5) свободной профессии, 6) торговец (хозяин, служащий), или 7).... В социальном положении у женщин добавлялся вариант «домашняя хозяйка».

В бланках актовых записей о смерти и браке, графы «национальность» и «социальное положение» аналогичны, как и в актовых записях о рождении.

Уездный отдел записей актов гражданского состояния при
Уездном Земельном отделении Мещуки
Семипалатинской губернии 1926 г.

№ записи: 235

Графа: 118

Запись о рождении.

1. № записи	Общий	Для мужского пола	Для женского пола
2. Число и месяц совершения записи	8 Мая 1926 г.		
3. Пол ребенка	Мужской		
4. Фамилия и имя ребенка	Голоменев Анатолий		
5. Число, месяц и год рождения	6 Мая 1926 г.		
6. Место рождения (губерния, уезд, город, волость и село)	губ. Семипалатинская г. Земельное		
7. Фамилия и имя	по отцу		СВЕДЕНИЯ по матери
	Голоменевы Анатолий		Анна
8. Возраст (число, месяц и год рождения)	40		33
9. Постоянное местожительство (указать подробный адрес)	г. Земельное ул. Ленина, 88		
10. Род занятий	Служащий		Домохозяйка
11. Который ребенок у данных родителей	По числу родившихся		По числу оставшихся в живых
	1		1

Фото 2 – Образец актовой записи о рождении (1926 г.)

В 30-ые годы были внесены изменения в бланки актовых записей. В бланке 1932 года добавляется графа «Профессия (должность, занятие, ремесло пр. и другие источники существования)». Данная графа и графа «Национальность» вписывались вручную, из графы «социальное положение» исчезает «иждивенец».

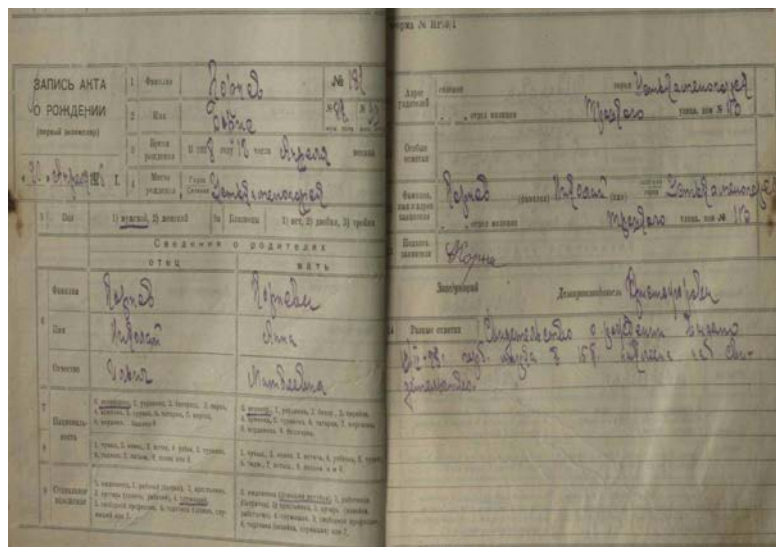

Фото 3 – Образец актовой записи о рождении (1928 г.)

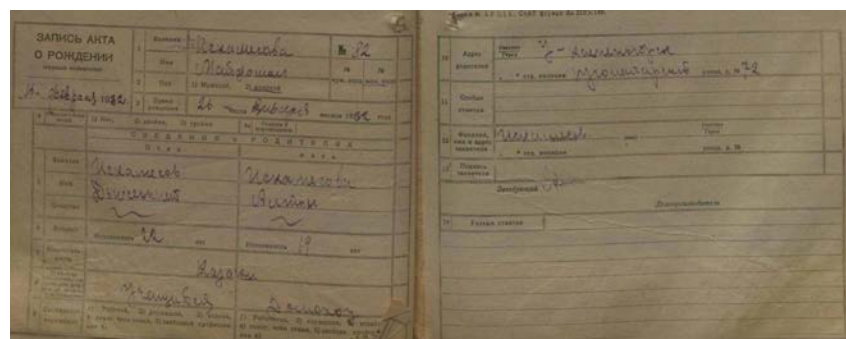

Фото 4 – Образец актовой записи о рождении (1932 г.)

В 1935 году из бланков актовых записей о рождении убрали графу «социальное положение», была введена графа «Занятие (специальность, должность, ремесло)», заполняемая вручную. Отдельно указывалось место работы, введена графа «Сколько времени живут родители в данном месте».

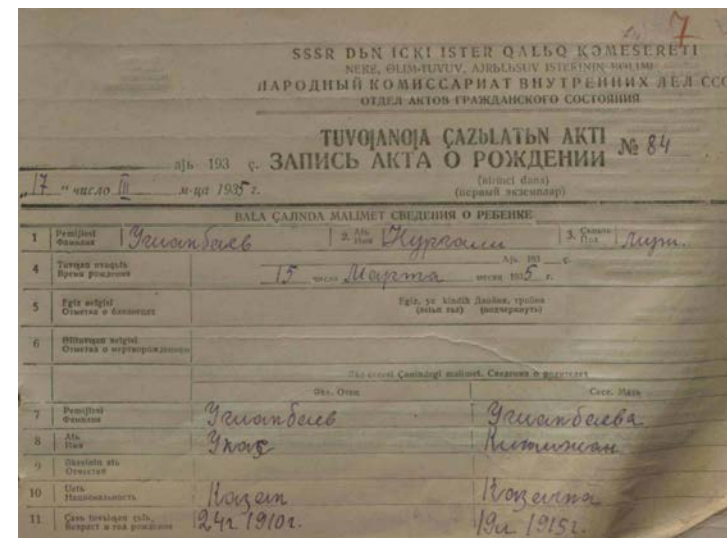

Фото 5 – Лицевая часть актовой записи о рождении (1935 г.)

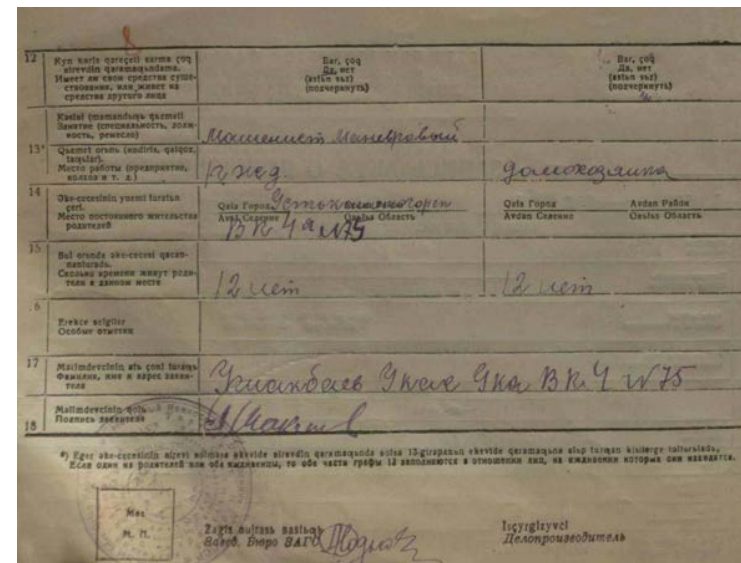

Фото 6 – Обратная часть актовой записи о рождении (1935 г.)

В начале 1940-ых годов произошло очередное изменение в бланках актовых записей о рождении, смерти и браке, бланк становится больше похожим на анкету.

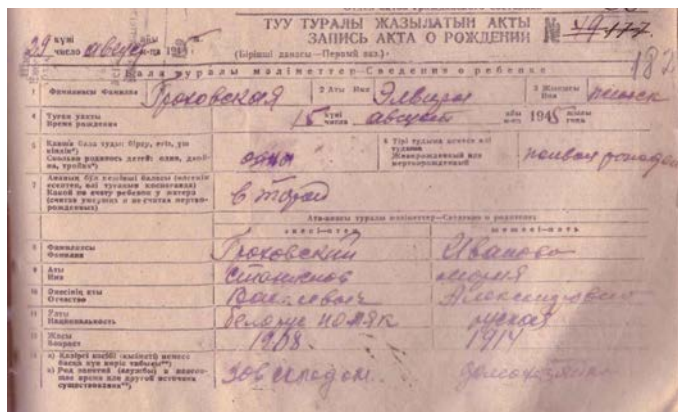

Фото 7 – Лицевая часть актовой записи о рождении (1940 г.)

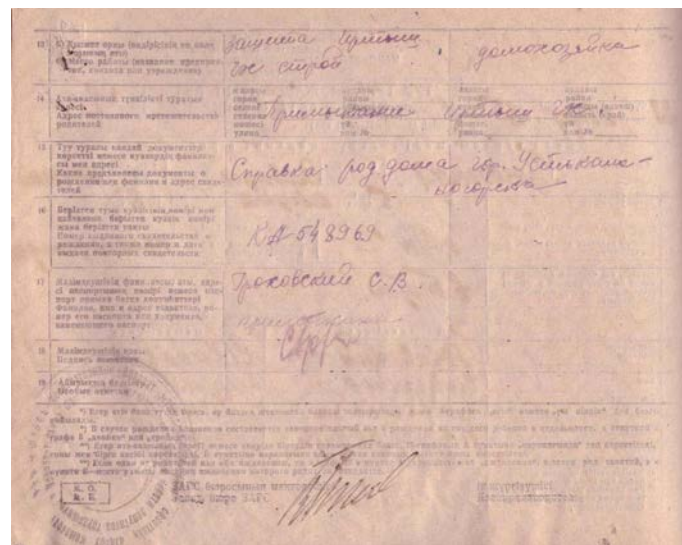

Фото 8 – Обратная часть актовой записи о рождении (1940 г.)

Вводится графа «Сколько родилось детей: один, двойня, тройня», вместо графы «Отметка о близнецах», добавляется новая графа «Какой по счету ребенок у матери (считая умерших и не считая мертворожденных)».

В бланке актовой записи о рождении появляются новые графы в актовых записях о рождении: «Какие предъявлены документы о рождении или фамилия и адрес свидетелей», «Номер выданного свидетельства о рождении, а так же номер и дата выдачи повторных свидетельств», «Фамилия имя и адрес заявителя, номер его паспорта или документа, заменяющего паспорт». Актовые записи о смерти дополняются графами: «Какие предъявлены врачебные документы о смерти, кем и когда выданы, за каким номером, свидетели», «Номер паспорта и военного билета умершего и справка о том, куда и когда они сданы». В бланке к определенным графам даются примечания, как нужно их заполнять.

До 1935 года делопроизводство актов гражданского состояния велось на русском языке, с 1935 года на русском и казахском языке на основе латинского графикой, после принятия в 1940 году нового казахского алфавита, бланки заполнялись на казахском языке на основе русской графики (кириллицы).

С введением паспортной системы в СССР, которая распространилась и на территории Казахской АССР (ССР), для получения паспорта гражданам необходимо было предъявить свидетельство о рождении, что стало причиной появления восстановленных актовых записей. Восстановленные актовые записи заполнялись в тех случаях, когда у гражданина отсутствовал документ, подтверждающий дату рождения.

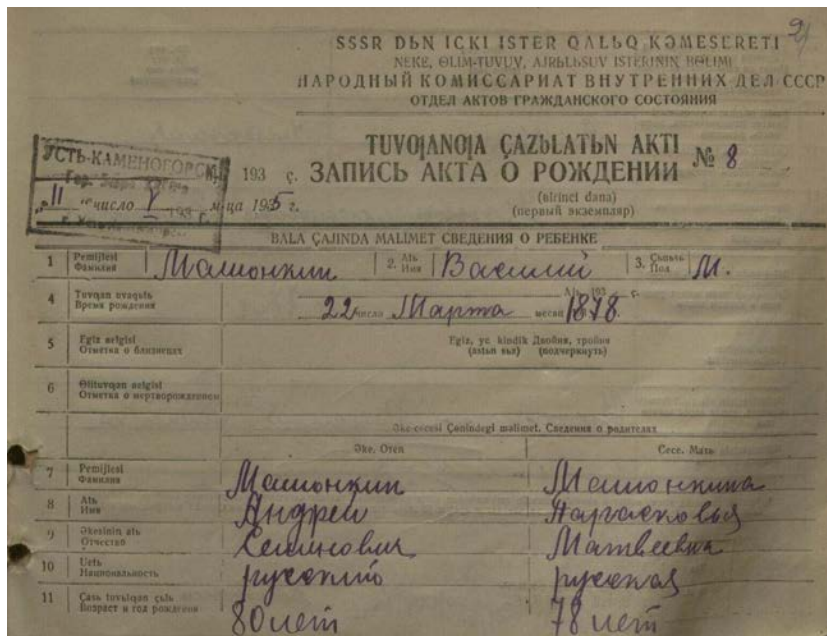

Фото 9 – Образец восстановленной актовой записи о рождении (1935 г.)

Книги записей гражданского состояния, введенные в советский период, являются одним из наиболее интересных и самых достоверных источников генеалогической и биографической информации.

Актовые книги хранятся в ведомственных архивах отделов регистрации актов гражданского состояния (РАГС) 75 лет. По истечении указанного срока книги передаются на постоянное хранение в государственные архивы. Сегодня в государственном архиве Восточно-Казахстанской области находятся актовые записи гражданского состояния по 1949 год.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАВКО. Ф.190. Усть-Каменогорское городское бюро записей актов гражданского состояния
2. Алейникова А.И. История создания и развития государственной службы органов ЗАГС в России // интернет ресурсы.
3. Ардашова Е. Об организации работ по передачи на государственное хранение книг государственной регистрации актов гражданского состояния // интернет ресурсы.

Эбель Е.М.

РОЛЬ КООПЕРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация

В начале XX в. кооперация в Западной Сибири сыграла значительную роль в формировании этнокультурного пространства региона. Создание кооперативов усиливало интеграцию различных этнических групп, обеспечивало доступ к ресурсам и услугам, что способствовало экономическому развитию и социальной сплоченности. Кооперативные движения способствовали обмену культурными традициями и практиками, укрепляя идентичность местных сообществ. В условиях социально-экономических изменений кооперация стала важным инструментом для сохранения и трансляции этнокультурных ценностей, что способствовало формированию многообразного культурного ландшафта Западной Сибири. Таким образом, кооперация оказала влияние на динамику этнических отношений и культурное взаимодействие в регионе.

Ключевые слова: кооперация, этнокультурное пространство, Западная Сибирь, начало XX века, этнические группы, тради-

ционная культура, межэтнические отношения, модернизация, самоорганизация, коренные народы.

Abstract

In the early 20th century, cooperation in Western Siberia played a significant role in shaping the region's ethno-cultural landscape. The establishment of cooperatives facilitated the integration of diverse ethnic groups, providing access to resources and services that contributed to economic development and social cohesion. Cooperative movements also facilitated the exchange of cultural traditions and practices, strengthening the identity of local communities. In the context of socio-economic changes, cooperation became an important tool for preserving and transmitting ethno-cultural values, contributing to the diverse cultural landscape of Western Siberia. Thus, cooperation has influenced the dynamics of ethnic relations and cultural interaction in the region.

Keywords: cooperation, ethnocultural space, Western Siberia, early 20th century, ethnic groups, traditional culture, interethnic relations, modernization, self-organization, indigenous peoples.

Кооперация в начале XX в. в Западной Сибири играла важную роль в формировании этнокультурного пространства через культурно-просветительскую деятельность и вовлечение населения в кооперативные организации. Это было связано с тем, что кооперация как внеполитическое общественное движение имела финансовые возможности и направляла значительную часть капиталов на нужды общества, в том числе на удовлетворение культурных потребностей. Кооперативное движение в Западной Сибири начала XX в. представляло собой сложный феномен, сочетающий в себе элементы модернизации и стремление к сохранению этнокультурной самобытности. Их роль в формировании этнокультурного пространства региона была многоаспектной и определяющей, так как она способствовала местному населению адаптироваться к новым условиям рын-

ка. Кооперация не только способствовала культурному обмену, но и играла важную роль в экономических процессах региона. Кооперативные организации обеспечивали доступ к кредитам, что позволяло местным жителям развивать свои хозяйства и улучшать уровень жизни. Кроме того, кооперация способствовала созданию рабочих мест и развитию инфраструктуры, что в свою очередь укрепляло экономические связи между этническими группами.

Кооперативы в Западной Сибири объединяли представителей разных национальностей, что содействовало культурному обмену и взаимопониманию. Так, в рамках потребительских кооперативов представители разных этнических групп могли совместно участвовать в торговле и обмене товарами. Это взаимодействие оказывало содействие формированию общего культурного пространства, где происходило заимствование традиций, обычаев и языков.

Е.М. Чедурова раскрыла роль культурно-просветительных обществ, которые содействовали распространению кооперативных идей среди местного населения. Кооперативные товарищества и союзы проводили просветительскую работу, т.е. устраивали «дни кооперации» с выпуском однодневных газет, организовывали курсы по кооперации и кооперативному счетоводству, выставки [1, с.108]. Также при кооперативных обществах и товариществах открывались книжные склады, распространявшие литературу по кооперации и сельскому хозяйству, Союзы кооперативов организовывали издание кооперативных журналов, таких как, еженедельный журнал «Алтайский крестьянин», «Дело народа» «Крестьянский союз» и литературу по кооперации [2, с.26-27].

В «Докладе о деятельности культурно-просветительного отдела алтайских кооперативов за 1917 г.» были приведены анкетные данные, охватившие 23 организации. Анализ анкетных данных показал, что в 15 кооперативных обществах проводились чтения и беседы, с числом участников от 20 до 200 чело-

век. В 5 кооперативах были организованы спектакли, которые собрали до 300-350 зрителей. Подписка на газеты и журналы осуществлялась в 16 кооперативных обществах. Библиотеки, как центры знаний и информации, функционировали в 18 населенных пунктах, при этом 10 библиотек находились при кооперативных школах, 5 библиотек действовали при Народных домах, а 3 – при кооперативах [3, с.30].

Е.М. Чедурова указывает на значимую роль кооперативных товариществ в становлении сельской культуры. Она отмечает, что именно эти объединения стали центрами, где были заложены основы для развития кооперативных клубов, библиотек, драматических кружков, и изб-читален, демонстрируя комплексный подход к культурному просвещению населения [1, с.108].

Вовлечение крестьянских хозяйств в кооперативные организации и объединения, которые способствовали повышению производительности труда путем использования в хозяйствах усовершенствованной сельскохозяйственной техники и новых аграрных технологий.

Вначале XX в. кооперативное движение в Западной Сибири становится важным фактором не только для социально-экономической модернизации, но и для формирования этнокультурного пространства региона. Объединяя население для решения общих экономических задач, кооперативы способствовали повышению уровня жизни, укреплению социальной солидарности, распространению грамотности и просвещения. Они играли значительную роль в сохранении и развитии традиционных форм хозяйствования, формировании новой идентичности и укреплении межэтнических связей.

Исследование специфики деятельности сельскохозяйственных, кредитных, потребительских, промысловых кооперативов, а также их взаимодействия, позволит получить более полное представление о многогранности их влияния на этнокультурное пространство. Так, потребительские кооперативы

способствовали распространению сельхозинвентаря и культурных образцов, в то время как сельскохозяйственные кооперативы – укреплению традиционных форм хозяйствования и передаче сельскохозяйственных знаний среди местного населения, которое шло через специальные школы. Исследование архивных источников позволяет реконструировать картину развития сельскохозяйственного образования в Сибири на рубеже XIX-XX вв. К началу первого десятилетия XX столетия функционировало шесть профильных учебных заведений: Томская (образована в 1898 г.), Иркутская (1899 г.), Каинская (1902 г.), Омская (1903 г.), Беловская (1904 г.) и Тобольская (1909 г.). Каинская, Омская и Беловская были школами молочного хозяйства. В них в 1909 г. обучались 30 учеников. В Томской, Иркутской и Тобольской – 120 учеников [1, с.109]. В 1916–1917 гг. открылись Повалихинская, Локтевская школы и Тюменцевская показательная мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин [4, Л. 37].

Дальнейшее развитие сети сельскохозяйственных учебных заведений прослеживается в период 1916–1917 годов, когда были открыты Повалихинская и Локтевская школы. Параллельно с этим, для обеспечения технической поддержки аграрного сектора, была создана Тюменцевская показательная мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин [4, Л. 37]. Архивные данные позволяют сделать вывод о значительном прогрессе в области сельскохозяйственного образования в Сибири вначале XX в., что, безусловно, способствовало развитию аграрного сектора региона.

Анализ роли кооперации в формировании этнокультурного пространства Западной Сибири требует междисциплинарного подхода, объединяющего методы исторической, социологической, экономической и культурологической науки. Только такой комплексный подход позволит всесторонне оценить значение этого явления для региона и его населения. Изучение архивных материалов, статистических данных, мемуаров

участников кооперативного движения, а также фольклорных и этнографических источников, позволит реконструировать сложную картину взаимодействия экономических, социальных и культурных процессов, в центре которых находилась кооперация. В целом, кооперация в Западной Сибири начала XX в. предстает не просто как экономический инструмент, но и как мощный катализатор социальных, культурных трансформаций, оказавший существенное влияние на формирование идентичности и самосознания народов региона. Также необходимо обратить внимание на роль кооперации в контексте политики русификации и интеграции коренных народов в общероссийское пространство. С одной стороны, кооперативы, создаваемые при поддержке государства, могли использоваться как инструмент распространения русского языка и культуры, а также как способ приобщения коренных народов к капиталистическим отношениям. С другой стороны, кооперация предоставляла коренным народам возможность сохранить свою самобытность, защитить свои экономические интересы и развивать собственные формы хозяйствования, адаптированные к новым условиям.

Кооперативы в Западной Сибири выступали не только как экономические единицы, но и как важные социальные акторы, способствующие формированию активного гражданского общества. Их сотрудничество с различными общественными организациями создавало условия для комплексного развития региона, укрепляя социальные связи и способствуя культурному обмену. В результате, кооперативы стали важным элементом в процессе формирования этнокультурного пространства, способствуя интеграции различных сообществ и культурных традиций. Взаимодействие кооперативов с культурно-просветительскими обществами и благотворительными фондами создавало платформу для реализации образовательных программ, выставок, фестивалей и других мероприятий, направленных на популяризацию местной культуры и традиций.

Следовательно, можно констатировать, что кооперативное движение в Западной Сибири начала XX в. представляло собой сложное и многогранное явление, оказавшее существенное влияние на формирование этнокультурного пространства региона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Чедурова Е. М. Кооперация Западной Сибири и ее культурно-просветительная деятельность в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 108-110; Чедурова Е.М. Западносибирская кооперация в период реформ и революции начала XX в.: идеология, законотворчество, агротехнологии. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского ун-та, 2014. 272 с.
2. Алтайский крестьянин. 1917. № 28.
3. Доклад о деятельности культурно-просветительного отдела алтайских кооперативов за 1917 г. общим собранием алтайских кооперативных союзов. Барнаул, 1918.
4. Тобольский филиал государственного архива Тюменской области. Ф. 417. Оп. 1. Д. 121.

СТАТЬИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Бескемпірова Ә.М., Абдумажитқызы Д.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНІҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ТҰРАҚТЫЛЫҒЫ ЖӘНЕ КӨШІ-ҚОН ҚАУШТЕРІ

Андатпа

Бұл мақалада Орталық Азия елдеріндегі демографиялық тұрақтылықтың қазіргі жағдайы мен көші-қон үдерістерінің аймақтық қауіпсіздікке әсері қарастырылған. Автор халық са-

нының өсу қарқынын, жас құрылымындағы өзгерістерді, урбанизация мен еңбек көші-қонының бағыттарын талдай отырып, демографиялық теңгерімсіздіктің әлеуметтік-экономикалық салдарын көрсетеді. Сонымен қатар, көші-қон ағындарының күшеюі аймақтың тұрақты дамуына қалай ықпал ететіні анықталады. Зерттеу нәтижесінде Орталық Азия елдерінің демографиялық тұрақтылығын қамтамасыз ету үшін мемлекеттік саясат пен аймақтық ынтымақтастықтың маңыздылығы атап өтіледі.

Кілт сөздер: демографиялық тұрақтылық, көші-қон, халық саны, урбанизация, еңбек көші-қоны, аймақтық қауіпсіздік, Орталық Азия.

Abstract

This article discusses the current state of demographic stability in Central Asian countries and the impact of migration processes on regional security. The author shows the socio-economic consequences of demographic imbalance, analyzing the rate of population growth, changes in the age structure, directions of urbanization and labor migration. In addition, it is determined how the intensification of migration flows contributes to the sustainable development of the region. As a result of the study, the importance of Public Policy and regional cooperation to ensure the demographic stability of Central Asian countries is emphasized.

Keywords: demographic stability, migration, population, urbanization, labor migration, regional security, Central Asia.

Қазіргі таңда демографиялық тұрақтылық мәселесі тек жекелеген мемлекеттер үшін ғана емес, тұтас аймақтық деңгейде өзекті болып отыр. Әсіресе Орталық Азия елдері үшін халық санының табиғи өсімі, көші-қон қозғалысы, урбанизация мен еңбек ресурстарының теңгерімсіздігі елдердің әлеуметтік-экономикалық және ұлттық қауіпсіздігіне тікелей әсер етеді.

Кеңес Одағы ыдырағаннан кейінгі кезеңде бұл елдер әртүр-

лі демографиялық жолмен дамып келеді: кейбір мемлекеттерде халық саны қарқынды өссе (Тәжікстан, Өзбекстан), басқаларында тұрақсыз немесе баяу өсім байқалады (Қазақстан, Қырғызстан, Түрікменстан). Сонымен қатар, шетелге еңбек көші-қонының кең таралуы және ішкі көші-қон үдерістері аймақтың демографиялық бейнесін түбегейлі өзгертті

Осы мақалада Орталық Азия елдерінің демографиялық ахуалы, көші-қон себептері мен салдары, сондай-ақ аймақтық демографиялық қауіпсіздікті қамтамасыз ету жолдары қарастырылады.

Орталық Азияға кіретін бес мемлекет - Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан, Тәжікстан және Түрікменстан - географиялық жағынан бір аймақта орналасқанымен, олардың демографиялық даму ерекшеліктері елеулі айырмашылықтарға ие [1].

Халық саны мен өсім қарқыны: 2025 жылға қарай аймақтың жалпы халқы шамамен 78 миллион адамды құрайды. Өзбекстан мен Тәжікстанда табиғи өсім жоғары, туу деңгейі орташа есеппен 1 000 адамға шаққанда 22-25 туылған бала шамасында. Ал Қазақстан мен Қырғызстанда бұл көрсеткіш 18-20 шамасында. Түрікменстанда туу мен өлім деңгейінің айырмасы азайып келеді.

Көптеген елдерде халықтың жартысына жуығы 30 жасқа дейінгі жастар. Бұл еңбек нарығына қысымды арттырып, жаңа жұмыс орындарын ашу қажеттілігін күшейтеді. Жас құрылымының «жас» сипаты демографиялық әлеуетті арттырғанымен, экономикалық мүмкіндіктермен қамтамасыз етілмесе, әлеуметтік шиеленіс қаупін туғызады.

Аймақ елдерінде урбанизация деңгейі әртүрлі. Қазақстанда халықтың шамамен 60%-ы қалада тұрса, Тәжікстан мен Қырғызстанда бұл көрсеткіш 30–35% шамасында. Қалаларға көшу көбіне экономикалық себептермен байланысты: жастар ауылдық аймақтардан ірі қалаларға жұмыс пен білім іздеп ағылады. Нәтижесінде ауылдық жерлерде еңбек күші азайып, әлеуметтік инфрақұрылым әлсіреуде.

Орталық Азия елдері соңғы жылдары көші-қонның барлық түрін - сыртқы, ішкі және маусымдық көші-қонды - бастан өткеріп отыр.

Ең өзекті мәселе - еңбек көші-қоны. Әсіресе Тәжікстан, Қырғызстан және Өзбекстан халқының едәуір бөлігі шетелге, негізінен Ресейге және Қазақстанға жұмыс іздеп кетеді. Бұл елдерде еңбек мигранттарының аударымдары жалпы ішкі өнімнің 20–30%-ын құрайды. Мысалы, Тәжікстан экономикасы жыл сайын шамамен 2,5 миллиард АҚШ долларын шетелдегі еңбек мигранттарының аударымдарынан алады [2].

Бірақ бұл үдерістің жағымсыз жақтары да бар: еңбекке қабілетті жастардың кетуі елдің ішкі өндіріс әлеуетін төмендетеді, ал отбасы мүшелерінің бөлінуі әлеуметтік тұрақсыздыққа әкелуі мүмкін.

Ішкі көші-қон: Қазақстанда ішкі көші-қонның негізгі бағыты - оңтүстіктен солтүстікке, ауылдан қалаға қоныс аудару. Бұл урбанизация мен аймақтық теңсіздік мәселелерін туындатады.

Кері көші-қон және этникалық қозғалыстар: Кей елдерде шетелден оралмандар мен этникалық топтардың қайта көшуі байқалады. Қазақстанда «оралмандарды қабылдау бағдарламасы» демографиялық теңгерімді сақтауда оң әсерін тигізіп отыр.

Көші-қонның әлеуметтік және экономикалық салдары. Көші-қонның аймақтық тұрақтылыққа тигізетін әсері күрделі әрі көпқырлы. Бір жағынан, сыртқы көші-қон халықты жұмыспен қамтудың бір тетігі ретінде қарастырылса, екінші жағынан, ол елдің экономикалық және еңбек әлеуетін әлсіретеді [3].

Позитивті әсерлері:

- Халықаралық еңбек нарығымен байланыс орнайды;
- Шетелден келетін қаржы аударымдары халықтың тұрмыс деңгейін көтереді;
- Тәжірибе мен білім алмасу жүзеге асады.

Негативті әсерлері:

- Еңбекке қабілетті жастардың кетуі;
- Отбасылардың бөлінуі және әлеуметтік дағдарыстар;
- Қала мен ауыл арасындағы теңсіздіктің артуы;
- Урбанизация салдарынан экологиялық және инфрақұрылымдық жүктеменің күшеюі.

Демографиялық тұрақтылықты қамтамасыз ету шаралары. Орталық Азия елдерінің демографиялық қауіпсіздігін сақтау үшін мемлекетаралық үйлесімді саясат қажет. Төмендегідей бағыттар ұсынылады:

- Еңбек нарығын әртараптандыру және жаңа жұмыс орындарын ашу;
- Жастарды кәсіптік даярлау және ішкі еңбек нарығында ұстау саясатын күшейту;
- Көші-қон процестерін заңды реттеу, еңбек мигранттарының құқықтарын қорғау;
- Аймақтық демографиялық мониторинг жүйесін енгізу;
- Отбасылық саясат пен туу көрсеткішін қолдау бағдарламаларын жетілдіру [4].

Демографиялық тұрақтылықты сақтау тек ішкі саясаттың міндеті емес, сонымен қатар аймақтық ынтымақтастықтың да маңызды бағыты болып табылады. Орталық Азия елдері географиялық, тарихи және мәдени тұрғыдан бір-бірімен тығыз байланысты. Сондықтан көші-қон, халық өсімі және еңбек нарығы мәселелерін шешуде өзара келісілген аймақтық саясат қажет.

Аймақтық деңгейдегі бастамалар:

- Орталық Азия экономикалық форумы мен ШЫҰ (Шанхай ынтымақтастық ұйымы) аясында еңбек көші-қоны және демографиялық даму бойынша бірлескен келісімдер жасалуда;
- ЕАЭО құрамындағы Қазақстан мен Қырғызстан үшін еңбек көші-қонына қатысты құқықтық механизмдер жеңілдетілген;
- БҰҰ мен Дүниежүзілік банк қолдауымен демографиялық деректерді жинау және мониторинг жүргізу жүйелері енгізіліп

келеді

Дегенмен, бұл ынтымақтастық көбіне декларативті сипатта қалып отыр. Себебі көші-қон мәселелері әр елдің ішкі экономикалық жағдайына тәуелді. Мысалы, Қазақстан аймақ ішінде еңбек күші тартушы ел ретінде ерекшеленсе, Тәжікстан мен Қырғызстан керісінше еңбекші мигранттар көзіне айналған [5].

Аймақтық деңгейде демографиялық саясаттың үйлесімділігі төмен болғандықтан, кейбір әлеуметтік теңсіздік пен еңбек ресурстарының дисбалансы тереңдеп отыр. Сондықтан болашақта ортақ демографиялық стратегия әзірлеу, көші-қон деректерінің бірыңғай базасын құру және еңбек келісімдерін өзара мойындау жүйесін жетілдіру маңызды.

Демографиялық тұрақсыздықтың ұлттық қауіпсіздікке әсері. Демографиялық үрдістердің тұрақсыздығы тікелей ұлттық қауіпсіздікке қауіп төндіреді. Халық санының тым жылдам немесе керісінше баяу өсуі әлеуметтік және экономикалық тепе-теңдікті бұзады.

Мысалы:

- Тәжікстан мен Өзбекстанда халық санының жылдам өсуі білім беру мен денсаулық сақтау салаларына қысым түсіруде;

- Қазақстанда аймақтар арасындағы халық тығыздығының айырмашылығы еңбек ресурстарының тең бөлінбеуіне және инфрақұрылымдық мәселелерге себеп болуда;

- Қырғызстанда сыртқы еңбек көші-қонының артуы ел ішіндегі білікті кадр тапшылығын туындатуда [6].

Демографиялық қауіпсіздік - бұл тек халық саны емес, сонымен қатар адам капиталының сапасы. Егер халықтың білім деңгейі мен кәсіби біліктілігі төмен болса, елдің экономикалық дамуы тежеледі. Сондықтан демографиялық саясат білім, денсаулық және әлеуметтік қолдау бағдарламаларымен тығыз байланыста болуы қажет.

Урбанизация және экологиялық тәуекелдер. Демографиялық өсім мен көші-қонның айқын көрінісі - урбанизация. Қалаларға

халықтың шамадан тыс шоғырлануы инфрақұрылым мен экологиялық жүйеге үлкен салмақ түсіреді.

Мысалы, Алматы, Астана, Ташкент, Бішкек сияқты ірі қалалар соңғы 10 жылда бірнеше есе өсті. Бұл үрдіс:

- тұрғын үй тапшылығын;

- көлік қозғалысының тығыздығын;

- ауаның ластануын;

- жасыл аймақтардың азаюын туындатты [7].

Сонымен қатар, ауылдық жерлердің босап қалуы азық-түлік қауіпсіздігі мен ауыл шаруашылығы өнімдерінің азаю қаупін арттырады.

Сондықтан урбанизация үдерісін дұрыс басқару - демографиялық тұрақтылықтың маңызды бөлігі. Мемлекеттер аймақтық даму бағдарламалары, шағын қалаларды қолдау жобалары және экологиялық тұрақты урбанизация саясатын жүзеге асыруы тиіс.

Орталық Азия елдерінің демографиялық тұрақтылығы - аймақтық қауіпсіздіктің маңызды құрамдас бөлігі. Көші-қонның бақылаусыз жүруі, жастардың жаппай эмиграциясы мен урбанизацияның қарқынды өсуі ұзақ мерзімді әлеуметтік-экономикалық қауіптерге алып келуі мүмкін. Сондықтан елдер арасындағы демографиялық саясатты үйлестіру, еңбек көші-қонын реттеу және халықтың өмір сүру сапасын арттыру арқылы ғана тұрақты даму мен демографиялық қауіпсіздік қамтамасыз етіледі [8].

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Бекенова А. Орталық Азиядағы демографиялық үрдістер мен көші-қон динамикасы. - Алматы: Қазақ университеті, 2023.
2. United Nations Population Fund (UNFPA). Population Dynamics in Central Asia, 2024.
3. Қалиев Ж. Аймақтық көші-қон және еңбек нарығы мәселе-

лері. - Астана, 2022.

4. World Bank. Migration and Remittances Data for Central Asia, 2024.

5. Назарбекова Г. Демографиялық қауіпсіздік және аймақтық тұрақтылық. - Тараз: ТарМУ баспасы, 2021.

6. Asian Development Bank. Urbanization and Labor Mobility in Central Asia, 2023.

7. Қазақстан Республикасының Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігі. Демографиялық ахуал туралы ұлттық баяндама, 2024

8. Назарбекова Г. Демографиялық қауіпсіздік және аймақтық тұрақтылық. - Тараз: ТарМУ баспасы, 2021.

Адарина А. А.

МИГРАЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАЗАХОВ НА ТЕРРИТОРИЮ АЛТАЙСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация

Данная статья посвящена миграции казахских кочевых групп на территорию Алтайского горного округа во второй половине XVIII – середине XIX века. В статье проводится анализ ключевых предпосылок и причин миграции, характеризующиеся разгромом Джунгарского ханства и необходимостью освоения новых территорий, пригодных для пастбищ. Рассматриваются проблемы правового регулирования и характер взаимоотношений переселенцев с местным населением. Кроме того, в статье анализируются научные труды современных и советских историков, позволяющие воссоздать картину массового переселения казахских кочевых групп в указанном регионе. Полученные результаты позволяют углубленно осмыслить роль миграционных процессов в формировании современных

национальных границ и культурно-демографической структуры региона.

Ключевые слова: миграционные процессы, казахи, Алтайский горный округ, казахская диаспора.

Abstract

This article focuses on the migration of Kazakh nomadic groups to the Altai Mountain District in the second half of the 18th century and the mid-19th century. The article analyzes the key factors and reasons for the migration, which were driven by the defeat of the Dzungar Khanate and the need to expand into new pastureland areas. The article also examines the legal issues and the interactions between the migrants and the local population. Additionally, the article analyzes the research conducted by contemporary and Soviet historians, which provides valuable insights into the mass migration of Kazakh nomadic groups in this region. The results obtained allow us to gain a deeper understanding of the role of migration processes in shaping modern national borders and the cultural and demographic structure of the region.

Keywords: migration processes, Kazakhs, the Altai Mountains, the Kazakh diaspora.

Миграционные процессы различных народов представляют собой интересное явление, которое играет ключевую роль в формировании современных национальных границ, развитии культуры, изменении демографической ситуации в стране или в конкретном регионе. Изучение миграционных процессов – важный аспект исторической науки, так как оно позволяет лучше понять динамику развития регионов, формирование в них полиэтничного состава и культурных взаимодействий. Такие процессы, как миграция, бывают вызваны разнообразием социально-экономических, политических и природных факторов. Одним из ярких примеров миграции определенной этнической группы служит переселение казахского населения

на территорию Алтайского горного округа во второй половине XVIII – середине XIX века, вызванная необходимостью освоения новых земельных угодий, в связи с нехваткой пастбищ. Именно в этот период начинается формирование казахской диаспоры в Горном Алтае.

Алтай, наделенный богатыми ресурсами и благоприятными условиями для скотоводства, издавна привлекал внимание кочевых народов, стремящихся расширить пастбищные угодья и улучшить условия проживания. Первые значительные миграционные потоки казахов в алтайские волости относятся к середине XVIII века. Волна миграционного движения казахов в данный период была вызвана разгромом Джунгарского ханства (1755-1759 гг.) и изменением традиционных маршрутов кочевания. Еще в первой половине XVII века казахские кочевые владения, активно сопротивлявшиеся джунгарам, продвинулись ближе к южно-сибирскому региону российского влияния. После падения Джунгарского ханства отсутствие угрозы со стороны джунгар, а также развитие русско-казахских отношений и начало процесса присоединения казахских жузов в состав Российской империи, позволило казахам начать хозяйственно осваиваться на новых территориях, где не было земельной тесноты и связанной с ней борьбы за пастбища. Основной маршрут миграций казахов проходил вдоль южных границ Сибири, достигая территорий, прилегающих к Горному Алтаю. Так, с середины XVIII века российская власть и сибирская администрация столкнулись с масштабным переселением казахов, которая на первоначальном этапе являлась «незаконной», то есть носила стихийный характер и не имела конкретной регламентации.

Поскольку Алтайский горный округ являлся горно-рудным районом и относился к категории кабинетских земель, он строго охранялся от внешнего вмешательства. Как свидетельствует И. В. Анисимова, первые потоки вторжений казахов на территорию заводского ведомства носили разрушительный,

грабительский характер и причиняли существенный урон становлению промышленности горного округа и его населению [1, с. 13]. Для разрешения данной проблемы было необходимо разработать регламентированный порядок миграционных перемещений казахских кочевых групп. Российская власть приступила к разработке мер по упорядочению миграционного процесса. Ряд правительственных указов и постановлений администрации горного округа 1740-1760-х гг. запрещали казахам переход за линию укреплений, но освоение пограничных территорий продолжалось [5, с. 20]. Ведомство Алтайского горного округа негативно относилось к миграционным процессам казахов, ссылаясь на то, что такие миграционные потоки приводят к увеличению этнических конфликтов в регионе и отрицательно влияют на экономическое и социальное развитие алтайского и русского населения. Несмотря на стремление региональных властей ограничить миграционные процессы и закрыть Алтайский горный округ от переселения кочевников, казахское население региона ежегодно увеличивалось, что, в итоге привело к необходимости регламентации их правового статуса [2, с. 501].

К концу XVIII в. казахам было дано право свободных перекочевок внутрь Сибири, несмотря на то, что данная политика ущемляла интересы Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа, который оказался в сфере миграционного движения казахов [1, с. 15].

В XIX веке расхождение позиций центральных и местных властей по вопросу о регламентации миграционного движения казахов становится более заметным. Администрация округа была против присутствия казахов на его территории, и требовало от центральной власти принять ряд решений, запрещающих переселение казахов в пределы округа. Данную позицию местное правительство аргументировало наличием угроз этнической безопасности, усилением межэтнических конфликтов, вызванных в первую очередь наносимым крестьянским

хозяйствам ущербом [1, с. 16.]. Согласно исследованию, И. В. Анисимовой, ярким примером недовольства местной власти миграционными процессами является неоднократные обращения начальника Колывано-Воскресенских горных заводов П. К. Фролова в вышестоящие инстанции о необходимости либо выселить казахов, мигрировавших на подведомственную ему территорию, либо регламентировать их положение и статус [2, с. 505]. Тем не менее, центральная власть, не желающая осложнять отношения с Казахскими жузами, игнорировала просьбы местных властей и давала переселенцам все больше возможностей для перекочевок. Администрация округа критиковало такую политику центральной власти. Горное ведомство обосновывало свою негативную позицию по вопросу миграции казахов тем, что переселенцы, ввиду особенностей своего образа жизни, испытывали сложности в адаптации к местным гражданским правовым нормам. Они посягали на собственность местного крестьянского населения – похищали лошадей, истребляли на полях хлебные посевы, самовольно пася скот на крестьянских лугах, что приводило к возникновению конфликтов между казахами и местными. Как утверждает И. В. Октябрьская, к середине XIX века попытки казахов обосноваться на кабинетских землях встречали активные сопротивления, исключение делалось лишь для тех, кто вступал в крестьянское сословие с обязательным выполнением заводских работ и повинностей [5, с. 24]. Кроме того, в 1824 г. было принято постановление, которое запрещало казахам кочевать на принадлежащих заводскому ведомству землях. Однако, несмотря на официальную позицию Кабинета и руководства Горным ведомством, запрещающую переселения, остановить миграционные процессы региональные власти были не в состоянии [5, с. 24].

Прибывая на новые земли, казахские переселенцы сталкивались с необходимостью адаптации к новым условиям окружающей среды, и взаимодействовать с местным населением.

Несмотря на негативное отношение местной администрации и возникающие конфликты с местным населением, казахи активно осваивали территории Южной Сибири и вели свое хозяйство. Уже к середине XIX века казахские кочевья занимали всю юго-западную часть Алтайского горного округа. С 1850-х гг. казахи особенно активно стали осваивать северо-западные районы Горного Алтая [4, с. 132]. Чтобы избежать столкновений и вражды между этническими группами, предводители переселенцев и местного населения заключали соглашения о порядке миграции на территорию Алтайского горного округа. Как отмечает А. В. Коновалов, известно, что в начале XIX в. предводители казахских кочевых групп договорились с алтайскими зайсанами о переселении пятидесяти юрт, однако на территории Чуйской степи расположилось около ста юрт, а к 1890 г. их количество увеличилось до двухсот. Казахи заняли большую, чем было предусмотрено договором, территорию, что вызвало недовольство теленгитов, но серьезных столкновений и споров из-за пастбищ не было [3, с. 5-6].

Вышеизложенные конфликтные ситуации и трудности, возникшие при миграции казахов, не остановили переселенцев. Они основались и прочно закрепились на территории Южной Сибири, в частности, в Горном Алтае, впоследствии чего их стали называть алтайскими (чуйскими) казахами. Несмотря на то, что изначально коренное население Горного Алтая негативно отнеслось к переселениям казахов ввиду ряда факторов, тем не менее, общность традиций и обычаев позволила установить впоследствии дружественные отношения между этническими группами.

В настоящее время казахи занимают третье место по численности среди народов Республики Алтай, уступая лишь русским и алтайцам. По данным переписи 2025 г. численность населения Республики Алтай составляет 210, 1 тыс. человек, в том числе казахов – 13, 6 тыс. человек (6,20%) [7].

На сегодняшний день большая часть алтайских (чуйских)

казахов проживает в Кош-Агачском районе, граничащих с Монголией, Китаем и Казахстаном и представляют собой этническую группу, которая сохранила свои традиции, культуру и язык. Прожив два столетия в Чуйской степи, казахи уже являются неотъемлемой частью полиэтничного состава Республики Алтай, который стал для них малой родиной. Об этом свидетельствует события конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда казахи-переселенцы из Горного Алтая и Монголии возвращались в Северо-Восточный Казахстан – территорию исхода предков второй половины XIX в. [6, с. 317]. Политика по возвращению казахов на этническую родину не имела успеха, многие не смогли прижиться на новом месте и вернулись обратно, ведь Алтай стал для чуйских казахов домом, к экономическим и социокультурным условиям которого они уже адаптировались.

Таким образом, изучение миграционных процессов казахов в Горный Алтай в XVIII-XIX вв. показывает сложную картину взаимодействия разных этнических групп, экономические и политические факторы, влияющие на движение населения. Возникшие вследствие миграций конфликты и столкновения свидетельствуют о трудностях интеграции нового населения в регион. Несмотря на сопротивление местных властей и конфликты с коренными жителями, казахи осели на территории Южной Сибири, став важной частью полиэтничного состава Республики Алтай. В настоящее время казахи занимают третье место по численности среди народов региона, продолжая сохранять собственную уникальную культуру и традиции, что подчеркивает важность анализа исторических миграционных явлений для адекватного восприятия современных демографических и культурных реалий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анисимова, И. В. История формирования казахской диаспо-

- ры Алтайского (горного) округа: Вторая половина XVIII – начало XX в.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук / Анисимова Инна Владимировна; Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2004. – 25 с.
2. Анисимова, И. В. Проблемы правового регулирования миграции казахов в Алтайский горный округ во второй половине XVIII – середине XIX в.: общеимперская и региональная практика / И. В. Анисимова // Мир Большого Алтая. – 2018. – №4 (4). – С. 499-510.
3. Коновалов, А. В. Казахи южного Алтая / А. В. Коновалов. – Алма-Ата. – Наука, 1986. – 144 с.
4. Октябрьская, И. В. Зима. История Туратинских казахов / И. В. Октябрьская // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1 (25). – С.132-144.
5. Октябрьская, И. В. Казахи Алтая: Этнополитические и социокультурные процессы в пограничных районах Южной Сибири XIX-XX вв.: специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология»: автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук / Октябрьская Ирина Вячеславовна; Институт археологии и этнографии РАН. – Новосибирск, 2004. – 46 с.
6. Тадина, Н. А. «Моя родина – Калмакстан»: новый образ как результат взаимовлияний алтайцев и казахов Горного Алтая / Н. А. Тадина // Этносоциальные процессы во внутренней Евразии. – 2008. – Вып. 9. – С. 316-322.
7. Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому Краю и Республике Алтай: официальный сайт. – Барнаул. – URL: <https://22.rosstat.gov.ru/folder/33349> (дата обращения: 02.10.2025).

ҚАЗАҚСТАН ХАЛҚЫНЫҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ЭТНОСАЯСИ ӨЗГЕРІСТЕРІ: САНДЫҚ КӨРСЕТКІШТЕР МЕН ӘЛЕУМЕТТІК ФАКТОРЛАР

Андатпа

Бұл зерттеуде Қазақстан халқының этнодемографиялық құрамы мен көші-қон үдерістерінің 1991–2009 жылдар аралығындағы дамуы қарастырылады. Автор 1989 және 1999 жылғы халық санағы деректеріне сүйене отырып, қазақ халқының үлесі айтарлықтай артқанын, бұл өсім негізінен табиғи өсім және оралмандардың келуі арқылы жүзеге асқанын көрсетеді. Сондай-ақ, көші-қон үдерісінде қазақтардың елге оралуы, ал орыс және неміс ұлттарының сыртқа көшуі айқын байқалған. Елімізде 130-дан астам ұлт пен ұлыс өмір сүреді, бірақ олардың басым бөлігін қазақтар, орыстар, украиндар, өзбектер, немістер, татарлар, ұйғырлар және белорустар құрайды. Сонымен қатар, халықтың тілдік құрамы да зерттеліп, мемлекеттік тілді меңгеру деңгейі мен оның ауыл және қала халқы арасындағы айырмашылықтары талданады. Жалпы, жұмыста этнодемографиялық өзгерістер мен тілдік факторлар Қазақстандағы ұлтаралық қатынастардың маңызды аспектілері ретінде сипатталады.

Кілт сөздер: демография, халық, миграция, ұлт, санақ, табиғи өсім.

Abstract

This study examines the ethnodemographic composition of the population of Kazakhstan and the development of migration processes in the period from 1991 to 2009. Based on the data of the 1989 and 1999 censuses, the author shows that the share of the Kazakh population increased significantly, this growth was mainly due to natural growth and the arrival of oralmans. Also,

in the process of migration, the return of Kazakhs to the country, and the migration of Russian and German nationalities is clearly observed. More than 130 nationalities and nationalities live in the country, but most of them are Kazakhs, Russians, Ukrainians, Uzbeks, Germans, Tatars, Uighurs and Belarusians. In addition, the linguistic composition of the population is also studied, the level of proficiency in the state language and its differences between the rural and urban population are analyzed. In general, the work describes ethnodemographic changes and linguistic factors as the most important aspects of interethnic relations in Kazakhstan.

Keywords: demography, population, migration, nationality, census, natural growth.

Қазақстан халықтарының этникалық-құрылымдық динамикасы мәселесін қарастыру жағдайында негізгі мәселесін көрсету өте маңызды мәсел болып табылады. 1990-жылдары Қазақстанда демографиялық жағдайдың қауырт нашарлауы, туудың азаюы мен өлімнің артуы нәтижесінде табиғи өсім қарқынының төмендеуі, республикадан ел-жұрттың белсенді қоныс аударуы заманымыздың нақты көрінісі болып алды. Нәтижесінде, соңғы 10 жылда, Қазақстан халқының саны 1 миллионнан астам адамға азайды. Қауіпті «депопуляция» термині ғылыми және көпшілік әдебиетте берік орнықты, бұқаралық сана дағдысына айналды.

Қазақстандағы этно демографиялық көші-қон процестерінің тарихына қатысты зерттеулерді мазмұны мен ой тұжырымдарына қарай шартты түрде үш топқа жіктеуге болады: Бірінші топқа көші-қонның алуан түрлі қырларын, соның бірі оның теориясы мен методологиясы мәселелерін зерделеген еңбектерді жатқызамыз.

Екінші топ көші-қон процестерінің құқықтық, экономикалық және әлеуметтік-саяси мәселелерін баяндайтын еңбектер мен мақалалар.

Үшінші топ біздің тақырыбымызға неғұрлым жақын келетін

Қазақстандағы демографиялық ахуалды сипаттап, ондағы көкейтесті мәселелерді дәл көрсете алған зерттеулер.

Әрине, Қазақстандағы көші-қон (миграция) процестерінің тарихына қатысы бар ойлар мен тұжырымдар басқа да мазмұндағы зерттеулерде кездесе беретіні ақиқат. Бірақ, олардағы деректер мен ой-тұжырымдар зерттеліп отырған тақырыптың тарихнамасына айтулы үлес қоса алмағаны әбден түсінікті.

Қоныс аударудың алуан түрлі қырларын қарастырған бірінші топтың өкілдері мәселенің тарихнамасын зерделеуде біраз істерді тындырғанын атап өтеміз. 1990 жылдары көші-қон қозғалысы проблемалары бойынша көптеген жұмыстар пайда болды, алайда көпшілігінде олар географиялық тұрғыдан емес, қайта қоғамдық-саяси тұрғыдан және негізінен кеңестік дәуірді қарастырған еңбектер болды. Қазақстан өкіметінің көші-қон саясатында арнайы үрдіс ретінде тұрғындарды жоспарлы түрде қоныстандыру болмасада ішінара әлеуметтік – экономикалық шолу бұл негізгі мәселелердің бірі болды. сондай-ақ, социологтардың, экономистердің, демографтардың да қалам тартқанын көрсетеді [1,201].

Тақырыптың түп төркіні тұрғындарға келіп тірелетіндіктен, олардың Қазақстандағы саны, құрамы, орналасуы 1991-2009 жж. аралығындағы санақтардың деректеріне сәйкес зерттелді [2,36]. Бірақ, 1990 жылдарға дейін Қазақстандағы тарихи демографиялық мәселелер, соның ішінде әміршіл жүйе жағдайындағы көші-қон мәселесі толығымен ашылмады. 1990-1998 жылдары Қазақстан халқының демографиялық дамуы мәселелерін арнайы қарастырған зерттеулер жарық көре бастады. Бұл еңбектерде халықтың этнодемографиялық дамуындағы өзгерістердің себебінің бірі – көші-қон процесі қарастырылды.

Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық даму мәселелерінің көші-қонға, демографияға тиесілі жерлері, мысалы республикадағы жұмысшы табы мен шаруаларды қалыптастыру мен дамыту мәселесіне М.Х. Асылбеков, С.Нұрмұхамедов, Н.Г. Пан үшеуінің, Б.Н. Әбішева, А.Б. Балақаев, Г.Ф. Дахшлей-

гер, К.Н. Нұрпейіс, С.Б. Нұрмұхамедов Ю.И. Романовтың, С.Б. Баишевтің еңбектері арналды [3,16]. Бірақ, бұл құнды зерттеулердің барлығында 1990-2000жж. арасындағы Қазақстанда жүрген көші-қон үрдістері мен олардың негізгі нәтижелері зерттеудің негізгі мақсаты болмаған. Ол еңбектерде көші-қон процесі тарихи болған процесс ретінде қарастырылғанымен, көші-қон ерекшеліктері, халықтың орналасуы мен құрамындағы өзгерістері жете зерттелмеген.

XX ғ. соңында ауыл халқының 1960-1990 жж. өсу қарқыны мен ұлттық құрамы, аймақтарға шоғырлануы, экономикалық аудандарға топтастырылуы, көші-қон мен халық құрамының ішкі үрдістік ерекшеліктері қарастырылған Н.В. Алексеенконың, Н.З. Тәкімбаеваның санақ материалдарына негізделген докторлық диссертациялары қорғалды [4,95].

Ресейлік және алыс шетелдік ғалымдардың еңбектерінде де Қазақстандағы демографиялық ахуал, оның ішінде көші-қон үрдістеріне байланысты бірқатар мәселелер қарастырылады (Р. Конквест, С.Г. Уиткрофт, Х. Дэвис, М.Б. Олкотт, А.Р. Льюс, Н.Р. Роулэнд, Н.Ф. Бугай, М.П. Малышева, В.С. Познанский, С.И. Брук, Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, И.Н. Кисилев және т.б.).

Сондай-ақ, бұл мәселе Б.Р. Найманбаевтың, К.Қ. Смаилованың, Қ.А. Енсеневтың кандидаттық диссертациялары мен А.М. Нұрмағанбетованың зерттеулерінде көрініс тапты. [5,17].

Қазақстандағы халық санының бүкіл одақтық және ұлттық санақ нәтижелері бойынша динамикасын өскенін көруге болады. Қазақстандағы негізгі ұлт өкілдерінің сандық өсімі 20-шы жылдардың ортасынан бастап кетуге қарағанда келудің басым түсуі арқасында миграциялық сальдоның оң мәнге ие болуы, табиғи өсім, автономды республикаға айналуынан кейін республиканың іс жүзінде әкімшілік шекараларының ұлғаюы сияқты себептерден болды.

1989 жылдың 12-қаңтарында КСРО халқының соңғы санағы жүрді. Қазақстан халқының саны 14 млн. 464 мың адам-

ды құрады. Аса ірі ұлт өкілдерінің үлесі мынадай түрде болды: қазақтар – 6535 мың, 39,7%; орыстар – 6228 мың, 37,8%; украиндар – 896 мың, 5,4%; немістер – 957 мың, 5,8% татарлар – 328 мың, 2,0%; өзбектер – 332 мың, 2,0%; белорустар – 183,1,1%, ұйғырлар – 185, 1,1%, кәрістер – 303,3 мың, 0,6% және әзірбайжандар – 90 мың, 0,5%.

Қазақстанда соңғы ресми деректер бойынша 130 ұлттар мен ұлыстар тұрады. Олардың ішінде 8 ұлт – қазақтар, орыстар, украиндар, өзбектер, немістер, татарлар, ұйғырлар және белорустар саны жағынан көп болып табылады, олардың үлесіне елдегі барлық халықтың 95,7%-ы келеді.

1989 жылғы халық санағының қорытындыларымен салыстырғанда, қазақтардың үлесі 13,7%-ға өсіп, 7985,0 мың адамды құрады. 1999 жылғы бірінші ұлттық халық санағының нәтижелері бойынша Қазақстан халқының ұлттық құрамын 3-суреттен көруге болады [6,59].

Байырғы ұлт санының өсуі, ең алдымен, халықтың қолайлы жас құрылымының арқасындағы табиғи өсім есебінен, сондай-ақ, аздап оралмандар репатрианттар легінің есебінен болды. 2006 жылдың желтоқсанындағы мәліметтер бойынша, иммигранттар арасындағы қазақтардың үлес салмағы 74,7 %, орыстар –13,2 %, немістер – 0,9 % құрады. Қазақстаннан тыс елдерге кеткендер санындағы орыстардың үлес салмағы – 67,6 %, немістер – 7,4 %, қазақтар – 6,6 % құрады.

Ұлттық санамен қатар этникалық бірліктің негізгі элементі – адамдардың басты сөйлесу құралы тіл болып табылады. Сондықтан, ғылымда көбіне халықты тілдік ерекшеліктеріне байланысты жіктейді. Еліміздің мемлекеттік тілі - қазақ тілі, сонымен қатар жиі қолданылып жүрген орыс тілі болып табылады. Бүгінгі таңда республикамызда мемлекеттік тілді дамыту жөніндегі мәселе зор қарқынмен қолға алынуда.

Соңғы санақ мәліметтері бойынша, Қазақстанда 13483,0 мың адам немесе халықтың жалпы санынан 90,2 % өз ұлтының тілін біледі. Республикада мемлекеттік тілді білетін халықтың

саны 9631,3 мың адамды, 64,4 % құрады. Ауылда мемлекеттік тілді білу деңгейі қала халқына қарағанда жоғары 77,0 %, қалада – 54,6 %.

Басқа ұлттардың тілін меңгеру ұлтаралық өзара түсіністікпен келісімнің негізін қалауға ықпал етеді. Қазақстандағы халықтың жартысынан көбі орыс тілін біледі, ол еліміздегі ең кең тараған тіл болып табылады. Дүниежүзілік қоғамдастыққа интеграциялану экономикалық және мәдени байланыстарды нығайтуға ықпал етеді, ал шетел тілдерін меңгеру осы байланыстардың қалыптасуының маңызды шарттарының бірі болып табылады. Осы тілдер арасында ағылшын тілі ең кең тарағаны болып, оны меңгергендер арасында қала тұрғындары басым келеді.

Қазақстан халқының құрамына және оның орналасуына 1940-жылдары Кеңес Одағының жүргізген халықты күшпен жер аудару және қуғындау саясаты айтарлықтай әсер етті. Бұл кезеңде республика аумағына неміс, корей, поляк, дүнген, шешен, ингуш, курд сияқты халықтар қоныс аударды.

Қазақстандағы қала халқының өсім көрсеткіші оның табиғи өсімінен айтарлықтай жоғары болса, ауылдық жерлерде керісінше, бұл көрсеткіш төмен. Ауылдық аймақтардан қалаға, тіпті шет елдерге көшу үрдісі байқалады, ал бұл процесс ауыл халқының табиғи өсімін айтарлықтай азайтады, өйткені әкімшілік тұрғыда ауылдық елді мекендер қалалық аймақтарға қосылып кетеді.

Халықтың табиғи қозғалысының негізгі көрсеткіштері туудың және өлім-жітімнің арасындағы айырмашылықты көрсететін табиғи өсім болып табылады. Табиғи өсім халықтың тұрақты өсуін қамтамасыз ететін маңызды индикатор болып табылады.

Қазақстанда табиғи өсім халықтың ұдайы өсу процесінде маңызды рөл атқарады, және оның көрсеткіші механикалық өсімнен 1,3 есеге артып отыр. Халық саны жыл сайын орташа есеппен 25 мың адамға табиғи өсім есебінен ұлғайып отыр-

ды, ал ең жоғары көрсеткішке 300 мың адам шамасында жетті. Алайда соңғы жылдары бұл көрсеткіште біршама кему байқалды, ал соңғы санақ жүргізілген жылы халық санының өсімі 226,4 мың адамды құрады.

Табиғи өсімнің көлемі, сонымен қатар Қазақстан халқының жалпы саны мен жастық құрылымының динамикасын айқындайтын негізгі фактор туудың көрсеткіші болып табылады. Республикадағы өлім жітім коэффициенті 1999 жылға дейін 20%-ға төмендеді. Алайда туудың төмендеуі жалпы республика бойынша, сондай-ақ жекелеген облыстарда да байқалды. Туудың жалпы коэффициенті Қазақстанның әр аймағында айтарлықтай өзгеріп отырады, мысалы, Шығыс Қазақстан облысында 18,8%-дан Оңтүстік Қазақстан облысында 29,7%-ға дейінгі үлкен айырмашылықтар тіркелді [7].

Ұлттық құрам, қоғамның әлеуметтік-саяси басымдықтары мен экономикалық көрсеткіштер секілді факторлар тілдік ахуалдың қалыптасуына әсер етеді. Бұл тілдер мен ұлт тілдерінің иерархиялық жүйесін қалыптастырады, онда көпұлтты қоғамдағы тілдер мен бірұлтты қауымдастықтағы тілдердің өмір сүру формалары өзара байланысады.

Осы факторлардың өзара тәуелділігі мен өзара байланысы тілдік орта мен тілдік сәйкестікті қалыптастыруда маңызды рөл атқаратындықтан, тілдік сәйкестікті зерттеу қажеттілігі туындайды.

Сәйкестілік жеке тұлғаның басқа адаммен, топпен, үлгімен немесе мұратымен эмоциялық және басқа да деңгейде өзін теңдестіру процесі немесе нәтижесі ретінде қарастырылатын психологиялық категория болып табылады. Соңғы жылдары тілдік сәйкестілік, сондай-ақ этникалық сәйкестілікпен байланыстыра отырып, түрлі талдау деңгейлерінде зерттелуде [8].

Зерттеуге қатысқан респонденттердің 73,0%-ы ана тілі ретінде өз ұлтының тілін таңдаған, ал 18,5%-ы қазіргі таңда еркін сөйлеп, жазатын тілді көрсеткен. Кейбір деректерге сәйкес, ассимиляция процесіне ең көп ұшыраған топтар арасында

кәрістердің 60,0% және немістердің 55,8% екенін көрсетеді. Сонымен қатар, украиндықтардың жартысынан көбі ана тілі ретінде өз ұлтының тілін қолданса, 44,2%-ы еркін сөйлеп, жазатын тілдерді таңдаған. Бұл фактілер тілдің ұлттық жіктеу функциясының кейбір топтар үшін едәуір әлсірегенін көрсетеді.

Қорытындылай келе, Қазақстан халқының басым көпшілігі үшін тіл ұлттық сәйкестілік факторы, яғни белгілі бір ұлтқа тиесілігін анықтайтын маңызды белгі болып табылады. Бұл процесс әсіресе қазақтар мен ұйғырлар, өзбектер мен орыстар арасында айқын байқалады [9].

Ұлтаралық қатынастардың жақсаруына оң әсерін тигізетін факторлар ретінде респонденттердің басым көпшілігі адамдардың қоғамда бейбітшілікке ұмтылуын (46,3%), Қазақстанда өмір сүретін халықтар арасындағы тарихи қалыптасқан ұлтаралық қатынастарды (41,7%) және Қазақстан халқының көпұлтты құрамын (33,9%) атап өтті.

Ұлтаралық қатынастардың нашарлауына Қазақстан азаматтарының басым көпшілігінің материалдық жағдайының төмендеуі (11,6%), республика аумағынан көшу (9,8%), ауыл тұрғындарының қалаға қоныс аударуы (6,9%) және тіл мәселелері сияқты факторлар әсер еткендігі анықталған.

Тіл мәселесіне қатысты пікір білдірген респонденттердің басым көпшілігі Астана (11,8%), Павлодар (11,8%), Қостанай (10,0%) және Алматы (9,5%) облыстарынан келгендер болып табылады.

Бұл мәселені ұлттар тұрғысынан қарастырғанда, сауалнамаға қатысқан ұйғырлардың тоғыздан бір бөлігі мен орыстардың оннан бірі Қазақстандағы қалыптасқан тілдік ахуал ұлтаралық қатынастардың нашарлауына себеп болды деп есептейді.

Әрбір этностың тілі оның мәдениеті мен салт-дәстүрлерін сақтаудың негізі болып табылады. Тіл мен мәдениеттің жағдайы және даму болашағы әрбір ұлт үшін маңызды және

бұл фактор ұлттар арасындағы қарым-қатынасқа айтарлықтай әсер етеді.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Экономическая и социальная география. Под.ред. М.М.Голубчика. М., Влада, 2003. С.-380с.
2. Қазақстан Республикасының әлеуметтік-экономикалық дамуы. 12/6 Алматы ҚР Статистика агенттігі, 2007. 36-37 б.
3. Қазақстанның 1999 жылғы халық санағының таңдамалы есебі. Алматы. ҚР статистика агенттігі. 2005. 16-29 б.
4. Әжіғалиева А. Ауыл әлеуметінің әлеуеті. // Ақиқат №2. 2009. 95-98 б.
5. Қожамжарова Д. Қазақстанның жаңару саясатындағы ауылдың ролі. // Ақиқат №1-2003. 17-18 б.
6. Қаныбекова Қ. Ауыл жастары және мәдениеті. // Ақиқат №5-2004. 59-62 б.
7. Қазақстан Республикасының халқы ұлттары және тілді білуі бойынша. Статистикалық анықтамалық // Қазақстан Республикасы Статистика агенттігі, -т.1., Алматы, 2000.
8. Демографический ежегодник Казахстана. Алматы, 2000.-320 с.
9. Қазақстан Республикасы халқының ұлттық құрамы. Статистикалық анықтамалық // Қазақстан Республикасы Статистика агенттігі, 4-т., Алматы, 2000.

Кендырканова А. А.

ЦИФРЛЫҚ ТАРИХ: МУЛЬТИМЕДИЯЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР АРҚЫЛЫ ЭТНОДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ ЖАҢА БАҒЫТТАРЫ

Аңдатпа

Мақалада цифрлық тарих пен мультимедиялық технологиялардың этнодемографиялық зерттеулердегі ролі қарастырылады. Этникалық және демографиялық үдерістерді талдауда цифрлық архивтер, геоақпараттық жүйелер, аудиовизуалды материалдар және Big Data технологияларын қолдану мәселелері Қазақстан мен Орталық Азия мысалында көрсетіледі. Сонымен қатар, мультимедиялық құралдардың білім беру, мәдени мұраны сақтау және ұлттық бірегейлікті нығайтудағы маңызы мен жасанды интеллект пен виртуалды шындық технологияларына байланысты болашақ даму бағыттары айқындалады.

Abstract

The article examines the role of digital history and multimedia technologies in ethnodemographic research. It highlights the use of digital archives, geographic information systems, audiovisual materials, and Big Data technologies in analyzing ethnic and demographic processes, using examples from Kazakhstan and Central Asia. In addition, the importance of multimedia tools in education, cultural heritage preservation, and strengthening national identity is discussed, along with future development prospects related to artificial intelligence and virtual reality technologies.

XXI ғасыр – ақпараттық және цифрлық технологиялардың ғасыры. Қазіргі уақытта ғылымның барлық салалары цифрландыру үрдісіне белсене кірісіп отыр. Бұл құбылыс тарих ғылымына да өз әсерін тигізді. Соңғы жылдары «цифрлық тарих» (digital history) деп аталатын жаңа ғылыми бағыт қалып-

тасып келеді. Бұл бағыт тарихи деректерді цифрлық форматқа көшіру, электрондық архивтер мен дерекқорлар құру, визуалды және мультимедиялық технологиялар арқылы тарихи үрдістерді жаңа қырынан талдау секілді заманауи әдістерді қамтиды [1]. Цифрлық технологиялар тарихшыларға үлкен көлемдегі ақпаратты өңдеуге, оны визуализациялауға және көпшілікке қолжетімді етуге мүмкіндік береді.

Цифрлық тарихтың ең маңызды салаларының бірі – этнодемографиялық зерттеулер. Этнодемография халықтың этникалық және демографиялық құрамын, көші-қон қозғалысын, ұлттар мен ұлыстардың тарихи дамуын, олардың мәдени және әлеуметтік өзара байланыстарын зерттейтін ғылым [2]. Бұл бағытта цифрлық және мультимедиялық технологияларды қолдану зерттеу сапасын арттырып қана қоймай, нәтижелерді кең аудиторияға тиімді ұсынуға жол ашады.

Мультимедиялық технологиялар – мәтін, сурет, дыбыс, бейне, графика және интерактивті элементтерді біріктіретін ақпаратты ұсыну тәсілдері. Этнодемографиялық зерттеулерде мультимедияның маңызы зор, себебі ол этностардың тарихы мен мәдениетін тек статистикалық мәліметтер арқылы ғана емес, визуалды бейнелер мен деректі материалдар арқылы да көрсетуге мүмкіндік береді [4]. Мысалы, этнографиялық экспедициялар кезінде түсірілген фотосуреттер мен бейнежазбаларды деректер базасына енгізіп, белгілі бір аймақтың этникалық құрамының өзгерісін карта түрінде көрсетуге болады. Мұндай визуализация халық қозғалысын, мәдени ықпалдастықтарды немесе урбанизация үдерістерін көрнекі түрде талдауға мүмкіндік береді.

Қазақстан мен Орталық Азия кеңістігінде цифрлық тарих пен этнодемографияның тоғысуы соңғы онжылдықта белсенді дами бастады. Мысалы, ҚР Ұлттық архиві мен бірқатар жоғары оқу орындары ескі қолжазбалар мен халық санағы материалдарын цифрландыру жобаларын қолға алды [3]. Бұл бастамалар этникалық және демографиялық деректерді сақтап қана

қоймай, жаңа зерттеулерге жол ашты. Сондай-ақ, мультимедиялық платформалар арқылы қазақ халқының көші-қон тарихы, этникалық топтардың орналасуы мен саны туралы деректерді визуалды форматта ұсыну тәжірибесі де кеңеюде [10].

Этнодемографиялық зерттеулерде мультимедияны қолданудың бірнеше негізгі бағыты бар. Біріншіден, цифрлық архивтер мен деректер базасын құру. Мысалы, тарихи халық санағы құжаттарын, шежірелер мен этнографиялық деректерді электрондық түрде сақтап, зерттеушілер мен қоғамға ашық ету [1]. Екіншіден, геоақпараттық жүйелер (ГАЗ) көмегімен этностардың орналасуын, көші-қон бағыттарын және демографиялық өзгерістерді карта түрінде көрсету. Үшіншіден, аудиовизуалды материалдарды (бейне, фото, дыбыс) ғылыми зерттеу нысаны ретінде пайдалану – бұл халық жадындағы тарихи оқиғаларды деректі түрде жеткізудің тиімді тәсілі [4].

Сонымен қатар, цифрлық тарих әдістері тек деректерді жинау және сақтау үшін ғана емес, оларды талдау мен түсіндіруде де үлкен мүмкіндік береді. Мысалы, үлкен деректер (Big Data) технологиясы көмегімен халық санының өзгерісін, көші-қон динамикасын немесе этникалық араласу үрдісін ұзақ тарихи кезеңдер бойы модельдеуге болады [8]. Мұндай талдау дәстүрлі статистикалық әдістерге қарағанда әлдеқайда нақты әрі көрнекі нәтиже береді.

Мультимедиялық технологиялардың тағы бір маңызды аспектісі – зерттеу нәтижелерін көпшілікке қолжетімді ету. Этнодемографиялық зерттеулердің нәтижелерін тек ғылыми ортаға ғана емес, жалпы жұртшылыққа жеткізу үшін деректі фильмдер, онлайн карталар, виртуалды көрмелер және интерактивті веб-сайттар түрінде ұсынуға болады [10]. Мысалы, Қазақстан тарихы порталы мен e-history.kz платформасы қазақ халқының этникалық тарихын мультимедиялық форматта ұсыну арқылы білім беру және ғылыми коммуникация саласында жаңа тәсілдер қалыптастырды [9].

Алайда, бұл салада шешілуі тиіс мәселелер де бар. Бірінші-

ден, архивтік деректердің сапасын сақтау және оларды дұрыс цифрландыру – үлкен міндет [3]. Көптеген тарихи құжаттар ескі шрифттерде немесе қолжазба түрінде сақталғандықтан, оларды сканерлеу мен мәтіндік тану жүйесіне енгізу қиындық тудырады. Екіншіден, зерттеушілердің цифрлық сауаттылығы мен техникалық даярлығы жеткілікті деңгейде болуы керек [7]. Үшіншіден, этнодемографиялық деректермен жұмыс істеуде этикалық нормаларды сақтау маңызды – бұл жеке немесе этникалық топтарға қатысты ақпараттың құпиялығын қорғауға қатысты [5].

Этнодемографиялық зерттеулер тек ғылыми айналымда ғана емес, білім беру және мәдениет саласында да маңызды орын алады. Соңғы жылдары Қазақстанның жоғары оқу орындарында тарих, этнология және демография пәндерінде мультимедиялық әдістер кеңінен енгізілуде [4]. Цифрлық карталар мен виртуалды турлар студенттерге этникалық топтардың қоныстану аймақтарын визуалды көруге, тарихи үрдістерді салыстыра талдауға мүмкіндік береді. Бұл тәсіл оқу материалын терең түсінуге және зерттеу дағдыларын дамытуға ықпал етеді.

Білім беру саласында мультимедиа элементтерімен толықтырылған цифрлық этнодемографиялық карталар мен интерактивті оқулықтар жаңа буын үшін тиімді құрал болып отыр [1]. Мұндай құралдар тарихты тек ақпарат ретінде емес, тәжірибе түрінде сезінуге жағдай жасайды. Мысалы, студент белгілі бір этностың көші-қон жолын картадан көріп қана қоймай, сол кезеңге қатысты деректі бейне мен аудио материалдарды қатар тыңдай алады.

Мәдениет саласында да мультимедиялық этнодемография ұлттық мұраны сақтау және жаңғыртудың пәрменді құралына айналып келеді. Мысалы, этнографиялық мұражайларда QR-кодтар мен мобильді қосымшалар арқылы келушілер белгілі бір экспонат туралы толық ақпарат алады, ал 3D модельдер арқылы ескі ауылдар мен тарихи қоныстарды виртуалды форматта көруге мүмкіндік бар [10]. Бұл – мәдени мұраны

көпшілікке қолжетімді етудің жаңа жолы.

Сонымен бірге, мультимедиялық этнодемография қоғамдық келісім мен ұлттық бірегейлікті нығайтуда да маңызды рөл атқарады. Қазақстан сияқты көпұлтты мемлекет үшін этностардың тарихын, мәдениетін және демографиялық дамуын ашық әрі заманауи форматта көрсету – толеранттылық пен өзара түсіністікті арттыратын факторлардың бірі [6]. Цифрлық технологиялар әр ұлттың мәдени құндылығын сақтап қана қоймай, олардың арасындағы байланыстарды да айқындайды.

Цифрлық тарихтың болашағы этнодемографиялық зерттеулерде зор. Болашақта жасанды интеллект, нейрожелілер және виртуалды шындық (VR) технологиялары тарихи-демографиялық процестерді жаңа деңгейде модельдеуге мүмкіндік береді [8]. Бұл технологиялар халықтың тарихи қозғалысын, урбанизация мен этникалық араласуды интерактивті түрде көрсетуге жол ашады. Сонымен қатар, цифрлық деректерді талдау мен визуализациялау этносаралық қатынастарды түсінуге, әлеуметтік интеграция мен мәдени көптүрлілікті дамытуға ықпал етеді [6].

Қорытындылай келе, цифрлық тарих пен мультимедиялық технологиялардың этнодемографиялық зерттеулерге енгізілуі – қазіргі ғылыми әдістемелердің сапалық тұрғыдан жаңа кезеңге өткенін білдіреді. Мұндай тәсіл зерттеу нәтижелерін визуалды әрі қолжетімді етеді, ғылыми деректердің дәлдігін арттырады және мәдени мұраны сақтауға ықпал етеді [9]. Цифрлық этнодемография – тек зерттеу әдісі ғана емес, сонымен қатар ұлттық бірегейлікті жаңаша түсіндіру мен ұрпаққа жеткізудің тиімді құралы.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Әбдуәлиұлы, Б. Цифрлық гуманитаристика және тарихи деректерді визуализациялау мәселелері. – Алматы: Қазақ универ-

- ситеті, 2021. – 214 б.
2. Қоңыратбаев, Т. Этнодемография негіздері. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2018. – 280 б.
 3. Абдулин, Р. Т. Информационные технологии в гуманитарных науках. – Астана: ЕҰУ баспасы, 2020. – 195 с.
 4. Назарбаева, Г. К. Мультимедиялық технологиялар және тарихи білім беру // *Отан тарихы* журналы. – 2022. – № 3. – 45–54 бб.
 5. Ибраев, Ш. М. Этнодемографиялық үрдістердің ақпараттық талдауы // *Қазақ тарихы*. – 2021. – № 2. – 33–40 бб.
 6. Кәрібаев, Б. Е. Қазақстан этнодемографиясының тарихи дамуы. – Алматы: Өнер, 2019. – 352 б.
 7. Дьячков, В. А. Цифровая история: теория и практика исторических исследований. – Москва: Наука, 2020. – 240 с.
 8. Сүлейменова, Ә. Р. Big Data технологиялары және әлеуметтік-демографиялық талдау // *Қоғам және дәуір*. – 2023. – № 1. – 27–35 бб.
 9. Мұхамедиев, А. Қазіргі этнология және цифрлық деректер жүйесі. – Нұр-Сұлтан: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, 2021. – 216 б.
 10. Төлегенова, А. Қ. Тарих ғылымындағы жаңа әдістер: мультимедия және виртуалды музейлер // *Вестник КазНУ. Серия историческая*. – 2022. – № 4. – 78–85 бб.

Мадышева М. О.

ВЛИЯНИЕ ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР

Аннотация

Освоение целинных земель в 1950-е годы оказало глубокое и противоречивое влияние на демографию СССР. Кампания спровоцировала массовые миграции из центральных регионов

в Казахстан и Сибирь, что привело к депопуляции и старению села в Нечерноземье. На новых землях сформировались молодые по возрастной структуре сообщества, что первоначально вызвало рост рождаемости. Однако долгосрочный демографический эффект был ограничен из-за тяжелых социально-бытовых условий, высокой текучести кадров и отсутствия развитой инфраструктуры. В результате проект не создал стабильного населения на целинных территориях и усугубил региональные диспропорции.

Ключевые слова: целина, демография СССР, миграция, депопуляция, текучесть кадров, социально-бытовые условия.

Abstract

The development of virgin lands in the 1950s had a profound and controversial impact on the USSR's demographics. The campaign led to mass migrations from central regions to Kazakhstan and Siberia, resulting in depopulation and aging of rural areas in the Non-Chernozem region. The new lands were populated by young communities, initially leading to an increase in birth rates. However, the long-term demographic effects were limited due to harsh living conditions, high staff turnover, and a lack of developed infrastructure. As a result, the project did not create a stable population in the virgin territories and exacerbated regional imbalances.

Keywords: virgin lands, USSR demographics, migration, depopulation, staff turnover, and social and living conditions.

Освоение целинных и залежных земель представляет собой один из наиболее масштабных и дискуссионных социально-экономических проектов в истории советского периода. Несмотря на декларируемую аграрно-экономическую целесообразность, направленную на преодоление продовольственной проблемы, реализация данной программы оказала комплексное и долгосрочное воздействие на демографические процессы

в СССР. В отличие от исследований, фокусирующихся преимущественно на экономических или агротехнических аспектах целины, настоящее исследование нацелено на проведение комплексного анализа именно демографических последствий кампании, рассматривая ее в качестве ключевого фактора, обусловившего масштабные миграционные движения, трансформацию возрастно-половой структуры населения, динамику естественного воспроизводства и формирование новых социально-демографических общностей. Научная новизна работы заключается в междисциплинарном подходе, объединяющем исторический, экономико-географический и социально-демографический анализ, а также в акценте на системных причинах неудачи инициативы в создании устойчивых сообществ, что позволяет пересмотреть ее итоги с позиций долгосрочного регионального развития.

Кампания по освоению целинных и залежных земель 1954 г. была инициирована на фоне системного кризиса в сельском хозяйстве СССР, который характеризовался стагнацией зернового производства. Изначально сентябрьский пленум ЦК КПСС 1953 г. видел главное решение в интенсификации и повышении урожайности, однако Н.С. Хрущев предложил иной, экстенсивный путь, заключавшийся в масштабной распашке земель на востоке страны. Эта инициатива встретила сопротивление. Против выступили В.М. Молотов и другие члены так называемой «антипартийной группы», а также руководство Казахской ССР во главе с Ж.Ш. Шаяхметовым, опасавшееся за судьбу традиционного кочевого животноводства. Критиковали проект и некоторые руководители поволжских областей. В то же время идея получила поддержку первых секретарей Алтайского края (Н.И. Беляева), Омской (И.К. Лебедев) и Новосибирской (И.Д. Яковлев) областей, которые в ноябре 1953 г. направили Хрущеву аналитические записки о потенциале своих регионов. Эти документы, наряду с материалами нового министра сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктова и ми-

нистра сельского хозяйства РСФСР П.П. Лобанова, легли в основу целинного проекта [1, с. 95-97]. Как показывает С.Н. Андреев, первоначальные предложения были гораздо более сбалансированными и осторожными. Например, планы Н.И. Беляева ограничивались распашкой 1,2 млн га на Алтае за два года, а И.А. Бенедиктов предлагал освоить 30 млн га по всему СССР в течение 1954–1960 гг., уделяя внимание агротехнике и севооборотам [1, с. 98-100].

Однако в окончательном варианте, изложенном Хрущевым в записке «Пути решения зерновой проблемы» от 22 января 1954 г., масштабы и сроки были кардинально пересмотрены в сторону резкого увеличения. Окончательная директива ставила задачу распахать 13 млн га целинных земель всего за два года (1954-1955 гг.) с расчетом получить оттуда 18-19 млн тонн зерна, что существенно превышало расчетные возможности, заложенные в первоначальных осторожных проектах.

Как подчеркивает Е.Б. Сошнева, для обеспечения целины техникой в 1954 г. было отправлено около половины всех произведенных в СССР тракторов (137 тыс. из 276,6 тыс.) и практически все зерноуборочные комбайны (37 тыс. из 38,6 тыс.), что серьезно ослабило техническую базу сельского хозяйства других регионов, особенно Нечерноземья [2, с. 122]. Основной рабочей силой стали мобилизованные по комсомольским путевкам и оргнабору. Всего, по данным С.Н. Андреева, на целину прибыло свыше 500 тыс. человек по комсомольским путевкам, а к весне 1955 г. было создано 425 целинных совхозов. План по распашке был многократно перевыполнен: вместо 13 млн. га в 1954-1955 гг. было поднято 36 млн. га, а к 1960 г. общая площадь распаханых земель достигла 41836 тыс. га, из которых 25484 тыс. га приходилось на Казахскую ССР и 16352 тыс. га – на РСФСР. Это привело к резкому росту валовых сборов зерна, особенно в Казахстане и Сибири в середине 1950-х гг. [3]. Однако, как констатируют оба автора, этот успех был кратковременным и достигнут ценой колоссальных

издержек. Игнорирование агротехнических норм, почвозащитных технологий и принципов севооборота привело к быстрому истощению почв, распространению эрозии и сорняков. Уже на рубеже 1950-1960-х гг. урожайность стала падать, а в Западной Сибири произошел серьезный спад производства. Данная программа не имела твердого экономического обоснования и носила затратный характер, а ее главной целью была политическая консолидация власти и общества вокруг масштабной «национальной идеи». Таким образом, несмотря на грандиозный размах, методы разработки и реализации целинного проекта заложили основы его последующих экономических и экологических проблем.

С точки зрения демографических последствий, целинная кампания привела к масштабным миграционным процессам. Согласно исследованию С.Н. Андреевкова, в СССР на целинные земли по комсомольским путевкам прибыло свыше полу-миллиона человек, в том числе на сибирскую целину – 130 тыс., из которых 50 тыс. были местными жителями. К весне 1955 г. в стране функционировали 425 целинных совхозов, в том числе на востоке РСФСР – 88. Организация работ требовала притока не только механизаторов, но и специалистов сельского хозяйства и инфраструктуры, что привело к перераспределению трудовых ресурсов из центральных регионов в восточные. Массовая миграция на целину, по оценкам Е.Б. Сошневой, составила около миллиона человек уже в первые годы кампании. Это привело к значительному изменению структуры сельского населения центральных регионов: например, в Нечерноземье количество колхозников сократилось на 20%, а в отдельных областях (Рязанской, Московской, Калужской) – на 26-32%. Таким образом, целинная кампания не только привлекла людей на восток, но и усугубила депопуляцию центральных сельских районов, что стало одним из ключевых демографических дисбалансов советского периода.

Еще одним значимым демографическим последствием ста-

ло изменение половозрастной структуры населения целинных регионов. Как подчеркивает Е.Б. Сошнева, из города привлекалось преимущественно мужское население, что создавало дисбаланс. Для выравнивания половой структуры потребовалось дополнительное пополнение девушками-комсомолками [2, с. 124]. Это привело к формированию специфических демографических общностей с преобладанием молодежи, что на первоначальном этапе способствовало росту рождаемости в новых поселениях, но также порождало проблемы социальной адаптации и закрепления кадров.

Неудовлетворительные условия жизни стали одной из главных причин высокой текучести кадров на целине. Если в советской историографии 1950–1980-х гг. этот аспект часто оставался на втором плане, то современные исследования таких авторов как Кузнецова, Арутюнян, Ткаченко прямо связывают отсутствие элементарных бытовых условий с массовым оттоком новоселов. Это свидетельствует о том, что демографическая устойчивость целинных поселений была подорвана не только экономическими, но и социальными факторами.

В постсоветский историографический период (с конца 1980-х гг.) произошел пересмотр устоявшихся подходов и углубленное изучение повседневной жизни. Работа О.М. Вербицкой «Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву», базируясь на репрезентативной архивной базе, приходит к выводу о сохранении в аграрном секторе СССР к середине 1960-х гг. признаков глубокой социально-экономической депрессии [5]. На региональном уровне, в частности по Оренбургской области, исследования также демонстрируют, что отсутствие надлежащих жилищных условий и социальной инфраструктуры было основной причиной оттока новоселов. Этот вывод подтверждается в работах Л.И. Футорянского, А.В. Федоровой и других авторов, которые отмечают, что именно бытовая неустроенность препятствовала закреплению населения на новых землях [4, с. 72]. Таким образом, несмотря на первоначальный

демографический импульс, долгосрочное закрепление населения на целинных землях оказалось проблематичным из-за материально-бытовых условий, что способствовало высокой текучести кадров.

Важным аспектом демографического развития является анализ семейной структуры и досуга. Как следует из исследования О.В. Кузнецовой, в советской историографии 1950–1970-х гг. изучались бюджеты свободного времени, но преимущественно рабочих промышленных предприятий и колхозников, в то время как рабочие совхозов, включая целинные, оставались вне поля зрения исследователей [4, с. 71]. Это приводит к отсутствию репрезентативных данных в понимании повседневных практик и качества жизни именно целинных сообществ. Исследования повседневной жизни целинных совхозов в советский период были фрагментарными, что затрудняет полноценный анализ семейных структур и досуговых практик. Хотя в литературе выделяется модель «малой детоцентрической семьи» периода «оттепели», ее применимость к условиям целины требует дополнительной верификации

В контексте естественного воспроизводства следует отметить, что целинная кампания способствовала определенному росту рождаемости в новых совхозах за счет молодого возрастного состава переселенцев. Однако, как свидетельствует Е.Б. Сошнева, устойчивые поселения формировались медленно, а низкий уровень жизни и бытовая неустроенность негативно сказывались на естественное воспроизводство. Кроме того, отток населения из центральных регионов, особенно молодежи, усугублял демографическое старение и депопуляционные тенденции в Нечерноземье, что в долгосрочной перспективе оказало негативное влияние на демографический потенциал этих территорий [2, с. 124-125].

Таким образом, демографические последствия освоения целинных и залежных земель носят комплексный и противоречивый характер. С одной стороны, кампания стимулировала

рост внутренней миграции, способствовала освоению новых территорий и временному омоложению возрастной структуры населения восточных регионов. С другой стороны, она усугубила демографический кризис в центральных областях СССР, привела к нарушению половозрастного баланса в целинных районах и не решила проблему закрепления населения на новых землях из-за плохих условий жизни, что в конечном итоге ограничило перспективный демографический эффект данного проекта. Демографическая устойчивость проекта была ограничена не только экономическими и экологическими просчетами, но и системными недостатками в социальной политике, не позволившими создать условия для прочного закрепления населения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреенков, С. Н. «Целинный проект» 1954 г. в аграрной истории Сибири и Казахстана / С. Н. Андреенков // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – Т. 24, № 2. – С. 103-108.
2. Сошнева, Е. Б. Освоение целинных и залежных земель и его роль в экономической истории СССР / Е. Б. Сошнева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2007. – №4. – С. 119-127.
3. Сведения ЦСУ СССР о вспашке целинных и залежных земель в основных районах освоения целины за 1954—1960 гг. 1974 г. Электронная библиотека исторических документов URL:<https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/439920-svedeniya-tssu-sssr-o-vspashke-tselinnyh-i-zaleznyh-zemel-v-osnovnyh-rayonah-osvoeniya-tseliny-za-1954-locale-nil-1960-gg-1974-g> (дата обращения: 2.10.2025).
4. Кузнецова, О. В. Историографический анализ проблем повседневной истории целины / О. В. Кузнецова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 356. – С. 69-74.

5. Вербицкая, О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х начало 60-х годов / О. М. Вербицкая. – Москва: Наука, 1992. – 224 с.

Бескемпірова Ә.М., Мейрханқызы М.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭТНОДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ӨЗГЕРІСТЕРДІҢ ЦИФРЛЫҚ МОНИТОРИНГІ МҮМКІНДІКТЕР МЕН ШЕКТЕУЛЕР

Аңдатпа

Мақалада Қазақстандағы этнодемографиялық үдерістерді зерттеуде цифрлық технологиялардың ролі мен тиімділігі қарастырылады. Соңғы жылдары демографиялық деректерді жинау мен талдау саласында Big Data, геоақпараттық жүйелер (GIS) және онлайн-сауалнамалар сияқты құралдардың қолданылуы артып келеді. Автор этникалық құрам динамикасын, көші-қон ағымдарын және аймақтық демографиялық теңсіздіктерді сандық әдістер арқылы бақылаудың артықшылықтарын сипаттайды. Сонымен қатар, цифрлық мониторингтің әдіснамалық қиындықтары мен деректердің сенімділігіне қатысты мәселелер талданады. Зерттеу нәтижесінде этнодемографиялық саясатты жетілдіру үшін цифрлық құралдарды тиімді қолданудың негізгі бағыттары айқындалады.

Кілт сөздер: этнодемография, цифрлық мониторинг, Big Data, көші-қон, этносаралық қатынастар, Қазақстан, демографиялық зерттеу, GIS технологиясы.

Abstract

The article discusses the role and effectiveness of digital technologies in the study of ethnodemographic processes in Kazakhstan. In recent years, the use of tools such as Big Data, Geographic Information Systems (GIS) and online surveys has

been increasing in the field of demographic data collection and analysis. The author describes the advantages of monitoring the dynamics of ethnic composition, migration flows and regional demographic inequalities through quantitative methods. In addition, the methodological difficulties of digital monitoring and issues related to the reliability of data are analyzed. As a result of the study, the main directions of effective use of digital tools to improve ethnodemographic policy are identified.

Keywords: ethnodemography, digital monitoring, Big Data, Migration, interethnic relations, Kazakhstan, demographic research, GIS technology.

Қазіргі таңда әлемдік деңгейде цифрландыру үрдісі әлемдік және демографиялық зерттеулердің жаңа бағытына айналды. Этнодемографиялық мониторинг халық санының, этникалық құрамның, көші-қон ағымдарының және аймақтық демографиялық өзгерістердің динамикасын нақты бағалауға мүмкіндік береді. Қазақстан үшін бұл тақырып ерекше маңызды, себебі ел халқы көпұлтты және этникалық әртүрлілігі жоғары мемлекеттердің бірі болып табылады.

Қазақстанда жүргізіліп келе жатқан мемлекеттік саясат этносаралық келісім мен қоғамдық тұрақтылықты сақтауға бағытталған. Сол себепті этнодемографиялық үдерістерді ғылыми тұрғыда талдау және оларды нақты деректер негізінде бақылау стратегиялық маңызы бар міндетке айналып отыр.

Соңғы онжылдықта цифрлық технологиялар халық санағын жүргізу, көші-қонды есепке алу және этностық құрамды зерттеу саласында кеңінен енгізіле бастады. Мысалы, 2021 жылғы Қазақстандағы халық санағы алғаш рет онлайн форматта өткізіліп, цифрлық мониторингтің тиімділігін көрсетті. Бұл тәсіл уақыт пен ресурсты үнемдеп қана қоймай, деректердің сапасын арттыруға және өңдеуді жеделдетуге мүмкіндік берді. Сонымен бірге, цифрландыру этнодемографиялық деректерді визуализациялау мен талдаудың жаңа мүмкіндіктерін ашты.

Геоақпараттық жүйелер (GIS), Big Data технологиялары және жасанды интеллект құралдары арқылы этникалық құрамның кеңістіктік өзгерістерін, көші-қон бағыттарын және халықтың урбанизациялық қозғалысын нақты модельдеуге болады. Осыған байланысты, зерттеудің негізгі мақсаты – Қазақстандағы этнодемографиялық өзгерістерді цифрлық мониторинг арқылы зерделеудің мүмкіндіктері мен шектеулерін анықтау, сондай-ақ цифрлық деректер негізіндегі этнодемографиялық талдаудың ғылыми және практикалық маңызын көрсету болып табылады.

Этнодемографиялық процестерді зерттеудегі цифрлық құралдардың теориялық негіздері. Цифрлық демография ұғымы – заманауи ақпараттық технологияларды қолдана отырып халық саны мен құрылымын зерттеу әдістерін білдіреді. Бұл бағытта Big Data, жасанды интеллект және GIS жүйелері маңызды рөл атқарады. Big Data технологиясы әлеуметтік желілер, мобильді байланыс және интернет іздеу жүйелері арқылы демографиялық деректерді жинауға мүмкіндік береді. Ал геоақпараттық жүйелер халықтың аймақтық тығыздығын, этникалық құрамның кеңістіктік таралуын карта түрінде бейнелеуге жағдай жасайды. Көптеген елдерде, соның ішінде Еуропа мен Азия мемлекеттерінде, цифрлық халық санағы тәжірибеге еніп, дәстүрлі әдістердің орнын басуда.

Қазіргі кезеңде халық санағы мен көші-қонды бақылау дәстүрлі статистикалық тәсілдерден гөрі әлдеқайда кешенді және технологиялық сипатқа ие болып отыр. Ақпараттық технологиялар, цифрлық платформалар және деректерді автоматты өңдеу жүйелері демографиялық зерттеулердің ажырамас бөлігіне айналды.

Бүгінгі таңда көптеген мемлекеттер халық санағын онлайн форматта өткізуді тәжірибеге енгізуде. Бұл тәсіл азаматтарға өз деректерін электронды үкімет (e-Gov) порталы немесе арнайы веб-платформа арқылы өздігінен енгізуге мүмкіндік береді. Мұндай әдіс деректерді жинау үдерісін жылдамдатып,

шығындарды азайтады және қателік ықтималдығын төмендетеді. Мысалы, Қазақстанда 2021 жылғы халық санағы алғаш рет онлайн және офлайн форматтардың үйлесімімен өтті, бұл цифрлық халық санағының тиімділігін айқын көрсетті.

Сонымен қатар, көші-қон қозғалысын бақылауда Big Data және мобильді деректер ерекше рөл атқарады. Ұялы байланыс операторларының геолокациялық ақпараттары арқылы халықтың уақытша және тұрақты орын ауыстыру бағыттарын анықтауға болады. Мұндай тәсіл әсіресе шекаралық аймақтардағы еңбек көші-қоны мен маусымдық миграцияны зерттеуде маңызды.

Геоақпараттық жүйелер (GIS) көші-қонның кеңістіктік құрылымын карта түрінде бейнелеуге мүмкіндік береді. Бұл әдіс аймақтар арасындағы демографиялық теңсіздікті, халық тығыздығын және этникалық топтардың орналасуын визуалды түрде көрсетуге жағдай жасайды.

Сонымен қатар, әлеуметтік желілер мен интернет-сауалнамалар көші-қонның себептері мен салдарын зерттеудің қосымша дереккөздеріне айналды. Facebook, Instagram немесе Telegram сияқты платформалардағы талдау құралдары арқылы қоғамның көші-қонға қатысты көзқарасын, ниеттерін және әлеуметтік көңіл күйін анықтауға болады.

Осы заманауи әдістердің барлығы этнодемографиялық зерттеулердің дәлдігін арттырып, халық қозғалысын уақтылы бақылауға мүмкіндік береді. Дегенмен, оларды қолдануда деректердің құпиялылығы мен сапасын қамтамасыз ету мәселесі ерекше назарда болуы қажет.

Қазақстан жағдайында этнодемографиялық мониторингтің ерекшеліктері. Қазақстан Республикасында соңғы онжылдықта демографиялық статистиканы цифрландыру бағытында маңызды қадамдар жасалды. Ұлттық статистика бюросы электрондық халық санағын өткізу, көші-қон қозғалысын деректер базасы арқылы тіркеу сияқты жаңашылдықтар енгізді. Бұл этникалық құрамның динамикасын жедел талдауға және

аймақтық ерекшеліктерді анықтауға мүмкіндік береді. Мысалы, оңтүстік өңірлерде қазақ және өзбек этностарының үлесі басым болса, солтүстік және шығыс аймақтарда орыстар мен басқа славян халықтарының үлесі жоғары. Сонымен бірге урбанизация мен ішкі көші-қон процестері этнодемографиялық тепе-теңдікті өзгертуде. Алматы, Астана, Шымкент қалаларында этномәдени әртүрлілік айқын байқалады, бұл қалаларды әлеуметтік-демографиялық трансформацияның негізгі орталықтарына айналдырып отыр.

Цифрлық технологиялардың басты артықшылығы – деректердің жеделдігі мен кең ауқымда қамтылуы. Big Data негізіндегі талдау жүйелері халық қозғалысының нақты уақыттағы өзгерісін бақылауға мүмкіндік береді. Әлеуметтік желілер мен интернет-платформалар арқылы қоғамдық пікірді, көші-қон себептерін және этносаралық қатынастарды зерттеу жеңілдейді. Алайда, бұл тәсілдерде бірқатар шектеулер бар: деректердің сапасы мен дұрыстығы әрдайым жоғары бола бермейді, кейде жеке деректердің құпиялылығы бұзылады. Сонымен қатар, сандық әдістер әлеуметтік контекст пен мәдени факторларды толық ашып көрсете алмайды. Сондықтан дәстүрлі демографиялық әдістерді цифрлық құралдармен ұштастыру ең тиімді бағыт болып табылады.

Цифрлық этнодемографиялық зерттеулерде басты назар аударатын маңызды бағыттардың бірі – деректердің құпиялылығын сақтау және сапасын қамтамасыз ету мәселесі. Заманауи цифрлық технологиялар арқылы жиналатын ақпарат көлемінің артуы жеке тұлғалар туралы мәліметтердің жария болып кету қаупін де күшейтеді.

Халық санағы мен көші-қонды бақылауда қолданылатын Big Data, геоақпараттық жүйелер және онлайн сауалнамалар азаматтардың аты-жөні, мекенжайы, этникалық тиістілігі, тіпті әлеуметтік желідегі белсенділігі сияқты жеке сипаттағы деректерді қамтуы мүмкін. Мұндай мәліметтермен жұмыс істегенде дербес деректерді қорғау туралы заңнаманың талаптарын

сақтау – ғылыми және мемлекеттік құрылымдар үшін міндетті шарт.

Деректердің құпиялылығын сақтау тек этикалық мәселе ғана емес, ол зерттеудің сенімділігі мен қоғамның мемлекеттік институттарға деген сенім деңгейіне тікелей әсер етеді. Егер халық өз ақпараттарының қауіпсіздігіне сенбесе, онда алынған деректер толық әрі шынайы болмайды. Деректер сапасы да маңызды фактор болып табылады. Цифрлық платформалар арқылы алынған ақпаратта қате немесе толық емес мәліметтер кездесуі мүмкін. Мысалы, онлайн сауалнама кезінде респонденттердің кейбірі жалған немесе шартты деректер енгізуі ықтимал. Сол себепті деректерді валидациялау (тексеру және сүзгілеу) кезеңі ерекше маңызға ие.

Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, Қазақстандағы этнодемографиялық өзгерістерді цифрлық мониторинг арқылы зерделеу – заманауи ғылымның маңызды және өзекті бағыты болып табылады. Біз анықтағандай, цифрлық технологияларды қолдану этникалық құрамның динамикасын, көші-қон үдерістерін және аймақтық демографиялық теңсіздіктерді уақтылы бақылауға мүмкіндік береді.

Біз жүргізген талдау көрсеткендей, Big Data, геоақпараттық жүйелер (GIS), онлайн сауалнамалар және мобильді деректер сияқты цифрлық құралдар этнодемографиялық зерттеулердің дәлдігін арттыруға және деректерді өңдеу сапасын жақсартуға жағдай жасайды. Сонымен қатар, халық санағы мен көші-қонды электронды форматта бақылау мемлекеттік статистикалық жүйенің тиімділігін арттырып, уақыт пен қаржылық ресурстарды үнемдейді. Дегенмен, біз цифрлық зерттеу барысында бірқатар шектеулер мен қиындықтарды да байқадық. Атап айтқанда, деректердің құпиялылығы мен сапасын қамтамасыз ету, этикалық нормаларды сақтау және ақпараттың дұрыстығын тексеру мәселелері өзекті болып қала береді. Бұл бағытта мемлекет, ғылыми институттар мен цифрлық инфрақұрылым мамандарының бірлескен іс-қимылы қажет. Қорыта келе, біз

цифрлық этнодемографиялық мониторингі Қазақстандағы этносаралық қатынастарды зерттеудің, халық құрылымын болжаудың және демографиялық саясатты жетілдірудің тиімді тетігі деп санаймыз. Алдағы уақытта бұл бағыттағы зерттеулерді кеңейту, әдіснамалық база мен ақпараттық қауіпсіздік деңгейін жетілдіру еліміздің демографиялық тұрақтылығын нығайтуға ықпал етеді.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Қазақстан Республикасының Ұлттық статистика бюросы. Қазақстан халқының ұлттық санағы – 2021: Негізгі қорытындылар. – Астана, 2022.
2. Назарова Г. Б. Демографиялық процестер және халықтың көші-қоны. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – 214 б.
3. Бекенова Л. Т., Әбілдаева Ж. Т. Этнодемографиялық процестерді зерттеу әдістері. – Тараз: ТарМУ баспасы, 2021. – 156 б.
4. Ахметова С. Е. Қазіргі көші-қон және этносаралық қатынастарды зерттеудегі цифрлық технологиялар. // Қоғам және Дәуір журналы. – 2023. – №2. – 45–53 б.
5. Қазақстан Республикасының «Дербес деректер және оларды қорғау туралы» Заңы. – Астана, 2013 (өзгертулермен 2022 ж.).

Бескемпірова Ә.М., Мухтар А.

ЭТНОСАЯСИ ҮДЕРІСТЕРДІ ЗЕРДЕЛЕУДІҢ ЗАМАНАУИ ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ПРАКТИКАЛЫҚ ӘДІСНАМАСЫ

Аңдатпа

Бұл мақалада этносаяси үдерістерді зерделеудің заманауи әдіснамалық негіздері мен олардың теориялық және практикалық қырлары талданады. Зерттеуде этносаяси процестерді

түсіндірудің қазіргі ғылыми бағыттары — ұлт теориялары, сәйкестік (идентификация) теориясы, этникалық саясат пен көпмәдениеттілік тұжырымдамалары қамтылған. Автор этносаяси зерттеулерде қолданылатын әдістердің (сапалық, сандық, дискурстық, тарихи және аралас тәсілдердің) ерекшеліктерін айқындап, олардың тиімділігін бағалайды. Сонымен қатар, этносаяси процестердің жаңа зерттеу бағыттары – цифрлық талдау, әлеуметтік желілер мен медиа кеңістіктегі этникалық дискурстар, ГАЗ технологиялары және үлкен деректер негізінде талдаулар қарастырылған.

Кілт сөзде: рэтносаяси үдерістер, әдіснама, сәйкестік теориясы, этникалық саясат, көпмәдениеттілік, этникалық конфликт, дискурс талдауы, этникалық сәйкестік, мәдени әртүрлілікті басқару, цифрлық зерттеу, әлеуметтік желілер, ГАЗ технологиясы.

Abstract

This article analyzes the modern methodological foundations of the study of ethno-political processes and their theoretical and practical aspects. The study contains modern scientific directions for the interpretation of ethno-political processes - the theory of the nation, the theory of identity, ethnic politics and the concept of multiculturalism. The author determines the features of the methods used in ethno-political research (qualitative, quantitative, discourse, historical and combined methods), and evaluates their effectiveness. In addition, new research areas of ethno-political processes are envisaged - digital analysis, ethnic discourses in social networks and the media space, analysis based on GIS technologies and big data.

Keywords: ethno-political processes, methodology, compliance theory, ethnic politics, multiculturalism, ethnic conflict, discourse analysis, ethnic identity, cultural diversity management, digital research, social media, GIS technology.

Этносаяси үдерістерді зерттеу соңғы онжылдықтарда теориялық және практикалық тұрғыдан едәуір тереңдеді; этникалық қарым-қатынастар, ұлттық сәйкестік, этносаралық шиеленістер, көпмәдениеттілік, этникалық саясат институттарының орны мен функциясы, және этникалық топтардың саясилануы секілді салаларда жаңа әдіснамалық тәсілдер қалыптасты. Заманауи әдіснаманың ерекшелігі – бұл тек этникалық және саяси категорияларды «сызықтық», «мемлекет-топ» негізінде қарастырмай, әлеуметтік, мәдени, коммуникациялық, дискурстық, цифрлық, медиа-мәнмәтіндегі компоненттерді қосып, қайшылықтар мен өзгерістердің динамикасын жан-жақты, көпөлшемді, интердисциплинарлы тәсілмен талдауға ұмтылуы. Бұл мәтінде этносаяси үдерістерді зерттеудегі заманауи теориялық негіздер, әдістемелік құралдар, қолданылатын әдістер мен тәжірибелік мысалдар, олардың шектеулері мен болашағы талданады.

Алдымен теориялық негіздерге тоқталсақ, этносаяси процесс теориясы ұлт теориялары, этнизация теориялары, этникалық саясат теориялары, көпмәдениет теориясы, сәйкестік теориялары және әлеуметтік құрылым теориялары қатарында дамыды. Ұлт теориялары ұлттың шығу тегін, этногенез процестерін, этникалық топтардың қалыптасуын қарастырса, сәйкестік теориялары этникалық/ұлттық идентификацияның субъективті жақтарын, аймақтық, мәдени, тілдік факторларды және олардың әлеуметтік-психологиялық негіздерін зерттейді. Эти теориялар этникалық топтар мен ұлттар арасында «өзгеу», шекара, ықпалдастық, мәртебе, тәуелділік секілді концепциялар арқылы қарастырылады. Сонымен қатар, этникалық саясат теориясы этникалық топтардың құқықтары, автономия, интеграция, сепаратизм мәселелері, мемлекеттік саясат пен институттар арқылы этникалық қатынастарды реттеу механизмдерін зерттейді [1].

Сонымен қатар, қазіргі кезеңде дискурс теориясының орны артып келеді. Бұл теория әлеуметтік шындықтың тілдік және

символдық тәсілдер арқылы құрастырылатынын алға тартады. Этносаяси конфликтілер, ұлттық идентификация, этникалық стереотиптер, топаралық қарым-қатынастар дискурстарда көрініс табады, яғни қалай айтылады, кім айтады, қандай символдар қолданылады – осыдан әлеуметтік-политикалық мәнмәтін анықталады. Мысалы, аймақтық этносаяси үдерістерді конфликтологиялық талдауда дискурс теориясының қолданылуы зерттелген.

Екінші бір теориялық перспектива – мәдени әртүрлілікті басқару. Бұл бағыт этносаралық қатынастарды нормативтік және басқарушылық механизмдер арқылы реттеуге, әрі көпмәдениетті модельдердің, интеркультурализмнің, секілді модельдердің салыстырмалы анализіне ерекше ден қояды. Теориялық тұрғыдан, мәдени әртүрлілікті басқару мемлекеттік саясат пен заңнаманың, әлеуметтік институттардың, азаматтардың мәдени құқықтары мен либерал-демократиялық нормалардың өзара әрекеттесуін қарастырады.

Сәйкестік теориясының ұлтаралық сәйкестік, тілдік, діндік, тарихи-мәдени идентификация мәселелерімен тығыз байланысы бар. Бұл теориялар жеке тұлға мен этникалық топ аралығындағы қарым-қатынасты, ішкі және сыртқы сәйкестік шарттарын, идентификацияның тұрақтылығы мен өзгергіштігін зерттейді. Әсіресе, этникалық сәйкестік пен мемлекет арасындағы легитимдік, ұлттық мемлекеттің конститутивті элементі ретіндегі идентификация мәселелері маңызды [2].

Этносаясаттың теориялық негіздерімен қатар, әдіснамалық тұрғыда бірнеше бағыттар қалыптасқан. Біріншіден, сапалық әдістер – этнографиялық зерттеу, терең сұхбат, фокус-топтар, қатысушы бақылау, ауызекі тарих, мәдениет антропологиясы және т.б. Бұл әдістер этникалық топтардың тәжірибесін, олардың мәдени және әлеуметтік амалдарын, ұғым жүйелерін, символизмдерін, тілдік практикаларын, мазмұндық көзқарастарын ашуға мүмкіндік береді. Этнографиялық зерттеулер, мәселен, ұлттық идентификацияның күнделікті өмірде қалай көрініс та-

батынын, тілдің, дәстүрдің, салт-дәстүрлердің қалай сақталатынын немесе өзгеретіні туралы нақты мысалдар береді.

Екіншіден, сандық әдістер – статистикалық анализ, сауалнама, демографиялық деректерге, халық санағына, этнодемографиялық көрсеткіштерге, әлеуметтік желілердегі ақпараттық белсенділікке қатысты деректерге негізделген талдау. Бұл әдістер этникалық топтардың саны, олардың бөлінуі, таралуы, әлеуметтік көрсеткіштер бойынша айырмашылықтары, әлеуметтік теңсіздік, қоғамдағы этникалық топтар арасындағы байланыс деңгейі секілді өлшемдерді анықтауға көмектеседі [3].

Үшінші, аралас әдістер нақты және кең контекстілерде сапалық әрі сандық әдістерді интеграциялау арқылы этносаяси үдерістің көпқырлылығын түсінуге мүмкіндік береді. Мысалы, сауалнама деректері этнографиялық бақылау мен терең сұхбат нәтижелерімен толықтырылып, әрі медиа дискурстарды зерттеу арқылы жалпы жоба тұжырымдарына жету тиімді.

Төртінші, дискурстық талдау мен мәтіндік талдау әдістері маңызды рөл атқарады. Олар этносаяси дискурстың қалай құрылатынын, қандай акторлар (мемлекет, этникалық көшбасшылар, медиа, элита, жергілікті қауымдастықтар) дискурстарға ықпал ететінін; дискурстарда қолданылатын тілдік құралдар не білдіретінін; қандай нарративтер мен символдар қалыптасқанын; және осы дискурстық құрылымдардың әлеуметтік шындықты және саясатты қалай қалыптастыратынын анықтайды. Мысалы, дискурс теориясы аймақтық этносаяси үдерістердегі конфликтологиялық талдауда қолданылған.

Бесінші, декадалау, тарихи-компаратив тәсілдер – этносаяси үдерістерді тарихи контекстен оқып-түсіну. Ұлттың, этникалық топтардың қалыптасу кезеңдерін, этникалық саяси динамиканың өткендегі стадиондарын қарау қазіргі өзгерістерді түсінуді жеңілдетеді. Салыстырмалы саясат тұрғысынан әртүрлі елдердегі этносаяси саяси режимдер, көпмәдениеттілік саясаты, этникалық топтардың құқықтық мәртебесі салыстырылады.

Сонымен қатар, желілік талдау, әлеуметтік медиалардағы дискуссияларды зерттеу, мета-мәліметтерді және үлкен көлемдегі мәтінді өңдеу, географиялық ақпарат жүйелері (ГАЗ) қолданылады. Бұл жаңа құралдар этносаяси үдерістердің кеңістіктік және виртуалды өлшемдерін ашуға мүмкіндік береді, этникалық топтар арасындағы байланыстар мен ақпарат ағыны қалай жүзеге асатынын картаға түсіреді, виртуалды ортадағы топтық идентификацияның құрылымын көрсетеді.

Практикалық тұрғыда, бұл әдіснамалар мемлекеттік саясатты жасау, этникалық топтардың құқықтарын қорғау, көпмәдениеттілік бағдарламаларын енгізу, этносаяси шиеленістерді басқару, этномедиаторларды дайындау, этникалық білім беру және тіл саясатын қалыптастыру саласында қолданылады. Мысалы, Қазақстанда этносаралық қатынастарды зерттеу саласында әлеуметтік алыстық зерттеулері жүргізілген, этникалық топтардың мәдени бейімделуі, тілдік саяси тәжірибелер, ұлт пен этность арасындағы идентификацияның өзгерістері қаралған [4].

Заманауи этносаяси тәжірибеде кейбір елдерде мәдени әртүрлілікті басқару бағдарламалары, этникалық топтардың саяси өкілдігін қамтамасыз ететін институттар, этникалық заңнамалық стандарттар, автономия немесе федералды құрылымдар, тілдер мен мәдениетке құқық беру шаралары қолданылады. Сонымен қатар, азаматтық қоғам институттары, этномедиация, этникалық білім беру, көптілді білім беру жобалары іс жүзінде іске асырылып жатыр.

Әйткенмен, заманауи әдіснаманың практикада қолданылуы кейбір қиындықтармен, тежеулермен кездеседі. Біріншіден, деректер жинау мен өңдеу мәселелері – этникалық сәйкестік, тілдік таңдау, мәдени тәжірибелер сияқты ұғымдардың өлшемдері күрделі, субъективті сипатта болуы мүмкін; статистикалық деректер этникалық топтардың ішіндегі әртүрлілікті көрсете бермеуі мүмкін, демографиялық деректерде «этникалық топ» категориясының өзі саяси немесе әлеуметтік тұрғыдан

өзгеше анықталуы ықтимал. Екіншіден, әдіснамалық теориялық тәсілдер мен практикалық саясат арасында қайшылықтар болады; миссиялар, символдық саясат, медиа дискурс, этникалық топтардың нақты талаптары арасында сәйкестік болмауы мүмкін. Үшіншіден, виртуалды және цифрлық ортадағы зерттеулердің көлемі артқанымен, олар әлі де медиамен манипуляция, жалған ақпарат, радикализация сияқты қауіптерді ескеру қажет [5].

Төртіншіден, зерттеушінің рөлі мен этика мәселелері маңызды – зерттелушілердің мәдени құндылықтарын, тілдерін, салт-дәстүрлерін сыйлау, зерттеу нәтижелерін этикалық тұрғыда жариялау, зерттеушінің предвзятостығының әсерін шектеу. Зерттеу барысында қатысушы бақылау, символдармен жұмыс істеу кезінде мәдени сезімталдық, тілдік сезімталдық міндетті.

Болашаққа қарай этнография үдерістерді зерттеу әдіснамасы әрі қарай цифрлық трансформациялар, жасанды интеллект, үлкен деректер, әлеуметтік медианың дискурс құралы ретіндегі рөлі, медиа-аналитика бағыттары, желілік мәліметтерді қолдану арқылы жетіледі деп күтілуде. Сонымен қатар, интердисциплинарлы зерттеулердің үлесі артып, саясаттану, әлеуметтану, антропология, медиа зерттеулер, мәдениеттану, психология салаларының интеграциясы күшейеді. Әдеби аудандар, жергілікті қауымдастықтар, аймақтық және әлемдік контексттердегі салыстырмалы зерттеулер көбейеді, мәдени сәйкестік пен ұлттаралық қатынастардың динамикасы бұрынғысына қарағанда жылдам өзгеруде, сондықтан уақытша-салыстырмалы зерттеулер маңыздырақ болады.

Қорытындылай келе, этнография үдерістерді зерттеудің заманауи әдіснамасы теория мен практиканы біріктіруге бағытталған, ұлттар мен этникалық топтардың динамикасын, сәйкестік процесстерін, саясат институттарын, әлеуметтік коммуникацияны, мәдени және виртуалды кеңістіктерді кешенді талдауға мүмкіндік беретін тәсілдерге сүйенеді. Бұл әдіснаманы ары қарай дамыту үшін әдіс-тәртіптік толықтық, этикалық

стандарттарды сақтау, зерттеу субъектілерінің құқықтарын қорғау, деректердің сапасын арттыру және заманауи технологияларды саналы және сезімтал түрде пайдалану маңызды [6].

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Юрченко И.В. Аймақтық этнография үдерістерді конфликтологиялық талдаудағы дискурс теориясының әдіснамалық рөлі // Саяси-қоғамдық ғылымдар журналы, 2023. - № 1.
2. Шевцов В.М., Пивоваров Ю.Ф., Васецкий Н.А. Этнографиялық қатынастар: оларды шешудің саяси механизмдері // Саяси-қоғамдық ғылымдар журналы, 2024.- № 5.
3. Романова А., Морозова Е. Қазіргі Қазақстандағы жаңа сәйкестіктердің қалыптасуы: үрдістер мен бағыттар // Әлемдік экономика және халықаралық қатынастар институтының басылымдары (ИМЭМО), 2023.
4. «Этникалық топтардың әлеуметтік алыстығы: жақындықтан алшақтыққа дейін (Қазақстан мысалында)» // Орталық Азия зерттеулері журналы, 2024.
5. Пайн Э. Мәдени әртүрлілікті басқару: тарихи модельдер мен этнография реттеудегі заманауи тәжірибе // Мемлекеттік басқару мәселелері, Жоғары экономика мектебі, 2023.
6. Вержбицки А. Этнография антропологиялық және саяси зерттеу нысаны ретінде (Орталық Азия мысалында) // Ethnologia Polona. 2023.

Садыков А. М.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОГРАММА РЕПАТРИАЦИИ КАНДАСОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭТНИЧЕСКИЙ БАЛАНС

Аннотация

В статье анализируется эволюция этнодемографического ландшафта Восточно-Казахстанской области с начала 1990-х годов по настоящее время, с акцентом на влияние государственной программы репатриации кандасов на этнический баланс региона. Рассматривается исторический контекст формирования этнической структуры области в советский и постсоветский периоды, когда миграционные процессы были обусловлены социально-экономическими, политическими и культурными факторами. Автор отмечает, что в советское время Восточный Казахстан характеризовался доминированием русскоязычного населения, что было связано с индустриальным развитием и активной миграцией трудовых ресурсов из других регионов СССР. После распада Советского Союза наблюдался значительный отток русских, немецких и украинских этносов, сопровождавшийся ростом доли казахского населения, в том числе за счет возвращения соотечественников из-за рубежа. В работе выделяются этапы реализации программы репатриации: стихийный (1990-е), систематизационный (2000-е), этап комплексной поддержки («Нұрлы көш») и современный этап, характеризующийся цифровизацией и повышением адресности миграционной политики. Автор анализирует статистические данные переписей населения 1989, 1999, 2009 и 2021 годов, показывая устойчивую тенденцию роста доли титульного этноса и снижения численности русских и других этнических групп. Особое внимание уделено вопросам адаптации и интеграции кандасов, сохранению ими культурной идентичности и

роли государства в содействии их социально-экономическому устройству. В заключение подчеркивается, что репатриация остается важным инструментом государственной демографической политики, способствующим укреплению национального единства, социальной стабильности и этнокультурного баланса в Восточном Казахстане.

Ключевые слова: Восточно-Казахстанская область, репатриация, кандасы, миграция, этнос, «Нұрлы көш».

Abstract

The article analyzes the evolution of the ethno-demographic landscape of the East Kazakhstan region from the early 1990s to the present, with an emphasis on the impact of the state program for the repatriation of kandas on the ethnic balance of the region. It examines the historical context of the formation of the region's ethnic structure in the Soviet and post-Soviet periods, when migration processes were driven by socio-economic, political, and cultural factors. The author notes that during the Soviet era, Eastern Kazakhstan was characterized by a predominantly Russian-speaking population, which was associated with industrial development and active migration of labor resources from other regions of the USSR. After the collapse of the Soviet Union, there was a significant outflow of Russian, German, and Ukrainian ethnic groups, accompanied by an increase in the proportion of the Kazakh population, including due to the return of compatriots from abroad. The paper highlights the stages of implementation of the repatriation program: spontaneous (1990s), systematization (2000s), comprehensive support ("Nurly Kosh") and the current stage, characterized by digitalization and increased targeting of migration policy. The author analyzes statistical data from the 1989, 1999, 2009, and 2021 censuses, showing a steady trend of growth in the share of the titular ethnic group and a decline in the number of Russians and other ethnic groups. Particular attention is paid to the issues of adaptation and integration of the Kandas, the preservation

of their cultural identity, and the role of the state in promoting their socio-economic development. In conclusion, it is emphasized that repatriation remains an important instrument of state demographic policy, contributing to the strengthening of national unity, social stability, and ethnocultural balance in Eastern Kazakhstan.

Keywords: East Kazakhstan Region, repatriation, kandas, migration, ethnicity, Nurly Kosh.

Восточный Казахстан в контексте этнодемографических процессов представляет собой особенно интересный регион, поскольку с начала 1990-х годов здесь произошли значительные изменения в составе населения. На эти трансформации повлиял ряд факторов, однако в данной статье основное внимание уделяется изменению этнического состава в результате переселения репатриантов на историческую родину. В начале 1990-х годов в Восточном Казахстане преобладал русский этнос, однако к настоящему времени большинство населения составляют казахи. Государственная программа репатриации «Нұрлы көш» значительно поспособствовала тому, что в конце XX – начале XXI в. казахи стали абсолютным большинством населения в Казахстане [1, с. 2.]

Цель данной статьи заключается в рассмотрении и анализе изменений этнического состава населения Восточного Казахстана, а также в выявлении влияния государственной программы репатриации на этнический баланс региона в период с 1990-х годов по настоящее время.

Советская политика активно поощряла трудовую мобильность, переселения и распределение кадров. Это означало приток русскоязычных работников в горнорудные, лесные, металлургические зоны ВКО, что создавало сильную этническую компоненту в городах. В этот период по данным переписи 1989 г. в ВКО стало преобладать русское население – 65,9 % (27,2 % казахов).

Таблица 1 – Этнический состав населения ВКО, по данным переписи 1989 года [4].

Год	Восточно-Казахстанская область				
	казахи	Русские	татары	украинцы	немцы
1989	27,2 %	65,9 %	1,0 %	1,7 %	2,4 %

Если брать районы Восточного Казахстана отдельно, можно прийти к такому выводу, что русское население было преимущественно в Глубоковском и Шемонаихинском районах, в Зайанском, Катон-Карагайском, Курчумском, Маркакольском и Тарабагатайском районах преобладало казахское население, в Самарском, Таврическом и Уланском районах этнический состав был сбалансирован. [2, с. 2].

С распадом СССР, многие люди, начали массово переезжать. Это особенно сильно чувствовалось в промышленных городах Казахстана, в том числе и в ВКО, где русских было довольно много. Вместе с этим люди стали мигрировать и внутри страны: из далеких сел и районов народ старался попасть в города, где легче найти работу. Всему населению приходилось приспособливаться к новым условиям и менять свою жизнь как в области, так и во всей стране. Тогда же начались первые волны переселения кандасов. Миграционный дисбаланс в 1990-е годы был критическим. По данным исследований, с начала 1990-х по 2003 год население ВКО сократилось на 16,4%, что в абсолютных цифрах составило сотни тысяч человек. Миграционный отток в 1999 году достигал 27,6 тыс. чел., причем этот отток был в основном международным и приходился на представителей нетитульных этносов (русские, немцы, украинцы), направлявшихся в Россию, Германию и другие страны. На фоне этого оттока начала расти иммиграция этнических казахов, что частично компенсировало демографические потери и начало стратегическое изменение этнической структуры. Параллельно с миграционными процессами в Казахстане меняются зако-

ны, в 1989 г. был принят закон «О языках в Казахской ССР», в нем казахский язык признавался государственным, принята первая Конституция Республики 1993 г. при этом отмечалось, что равные права будут обеспечены всем гражданам. Вторая Конституция 1995 г. источником власти провозглашала народ Казахстана. Статус казахского языка как государственного подтверждался, а русский становился официальным языком. Соответственно все эти документы прямо или косвенно способствовали возникновению или усилению эмиграционных настроений в среде нетитульных этносов республики. [3, с. 2]. Для этнических казахов, в том числе и для тех, кто вернулся на родину со статусом репатриантов, языковая политика стала способом восстановить свою культуру и улучшить положение в обществе.

Таблица 2 – Этнический состав населения ВКО, по данным переписи 1999 года [5].

Год	Восточно-Казахстанская область		
	казахи	русские	другие этносы
1999	48,5 %	45,3 %	6,2 %

В период с 1991, до переписи 1999 года, по Восточному Казахстану было заселено около 500-а репатриантов. Но сильного влияния на статистику их переселение не оказало.

Репатрианты в Казахстане, не сразу стали получать поддержку от государства. Закон «О миграции населения» был принят в 1997 году. В нем утверждались принципы регулирования миграции населения, среди которых следует отметить общепризнанные в международных договорах, подписанных Казахстаном: права человека на свободный выбор места проживания, свобода выезда, свобода передвижения. [3, с. 2]. С принятием этого закона, изменяется и положение репатриантов в Казахстане.

Программу репатриации можно разделить на несколько этапов:

Начальный этап (1991 – начало 2000-х): характеризовался стихийным потоком, вызванным крахом СССР и экономическими проблемами в странах исхода (особенно в Монголии, Китае). Государственная поддержка была минимальной. Репатрианты жили в селах и получали содействие со стороны соседей. Из прибывших в Казахстан за период 1991–2002 гг. в малые города и поселки городского типа заселились только 488 оралманов (кандасов), или 8,9 %. Основные пункты заселения — города Зайсан, Шар, Аягоз, Шемонаиха и поселки городского типа — Молодежное, Белоусовка. В Уланском районе разместилось около 23 % семей репатриантов, в Урджарском — 16, в Жарминском районе — 14, Семипалатинске — 10, в Кокпектинском и Зайсанском районах — разместилось по 7 % семей. В Усть-Каменогорске проживало только 5 % семей оралманов (кандасов). [2, с. 4-5]

Этап систематизации (2000-е): Введение квот на региональном уровне, усиление финансовой поддержки. С начала 2000-х, рост репатриантов среди населения начинает расти. Также согласно постановления Восточно-Казахстанского областного акимата от 10 апреля 2008 года на территорию ВКО планировалось заселить 1100 семей [6]

Программа «Нұрлы көш» (2009–2011): комплексная программа, направленная на рациональное расселение и адаптацию кандасов. Программа «Нұрлы көш» (Светлый переезд, кочевка) утверждается правительством на 2009–2011 гг. Она была ориентирована на привлечение этнических казахов в страну для решения экономических задач. По Программе увеличивалась ежегодная квота вселения до 20 тыс. семей и определялись регионы вселения. Основными регионами вселения определялись территории северных и восточных областей республики, которые в большей степени пострадали от миграционных потерь 90-х годов. Вследствие финансовых проблем и

нежелания оралманов переселяться в установленные государством регионы, Программа была свернута. [4, с. 2] По итогу программы был построен поселок «Шыгыс», в окраине города Усть-Каменогорск. Несмотря на проблемы, с которыми столкнулось правительство продвигая эту программу, удалось занять больше половины из построенных домов.

Современный этап (после 2011): после завершения программы «Нұрлы көш» в Восточно-Казахстанской области все еще актуальным остается период адаптации, полный социально-экономических и жилищных трудностей. В обществе отношение к репатриантам сейчас становится более лояльным. 13 мая 2020 года Президент Касым-Жомарт Токаев подписал закон по вопросам регулирования миграционных процессов. Согласно закону в Казахстане, отказываются от слова «оралман» в отношении вернувшихся на историческую родину казахов в пользу термина «кандас», что в переводе означает «соплеменник» [7].

Возвращение на родину повлияло на их культуру. Кандасы из зарубежья часто сохраняют старые традиции, которые отличаются от традиций казахов в Казахстане. Из-за этого местные казахи, которые привыкли к русской культуре или советским обычаям, считают кандасов слишком другими. Появляется разделение на своих и чужих из-за различий в языке, мышлении и образовании.

Таблица 3 – Этнический состав населения ВКО согласно переписи 2009 года [5].

Год	Восточно-Казахстанская область		
	казахи	русские	другие этносы
2009	55,41 %	38,94 %	5,65 %

Согласно переписи, этнический состав населения Восточно-Казахстанской области значительно изменился, казахский

этнос стал преобладать еще большим преимуществом, тогда как русское население в процентном соотношении уменьшилось. Здесь также роль сыграли и переселенные семьи кандасов.

Современные тенденции в рамках переселения кандасов и этнодемографической ситуации в Восточно-Казахстанской области. В 2020-х годах миграционная политика Казахстана стала более точной и приспособляемой, но по-прежнему направлена на привлечение тех, кто может работать. Около 59% кандасов – люди трудоспособного возраста, поэтому упор делается на экономически активных граждан. Больше всего кандасов приезжает из Узбекистана и Китая. На 2025 год запланировано принять 9 653 кандасов по всей стране. Восточно-Казахстанская область, а также область Абай по-прежнему остается приоритетной для переселения. Современное законодательство также направлено на повышение эффективности адаптации. Внедрены такие меры, как сертификат экономической состоятельности и поддержка работодателей, участвующих в переселении. Фокус смещен с простого приема людей на их качественную интеграцию и обеспечение рабочими местами. Использование цифровых платформ также упрощает получение мер поддержки.

Таблица 4 – Этнический состав населения ВКО согласно переписи 2021 года [5].

Год	Восточно-Казахстанская область		
	казахи	русские	другие этносы
2021	62,80%	32,13%	5,07%
2022 (после разделения)	50,02%	44,9%	4,9%

Заключение

Проведенный анализ показывает, что этнодемографическая

динамика Восточно-Казахстанской области отражает более широкие тенденции трансформации населения Казахстана в постсоветский период. Регион, долгое время отличавшийся значительной долей русскоязычного населения, постепенно претерпел кардинальные изменения в этническом составе. Основным фактором этих изменений стала государственная программа репатриации кандасов, которая не только способствовала росту численности казахов, но и позволила компенсировать естественные и миграционные потери, вызванные массовым исходом нетитульных этносов в 1990-х годах. В результате доля казахского населения устойчиво увеличивалась, что нашло отражение в переписях населения 1999, 2009 и 2021 годов. При этом репатриация имела не только демографический, но и культурно-идентификационный эффект. Кандасы, прибывшие из разных стран, вносили разнообразие в культурную среду, сохраняя традиции, язык и обычаи, во многом утраченные в советский период. Вместе с тем процесс их адаптации сопровождался определенными трудностями – социальными, экономическими и культурными, что требовало комплексной государственной поддержки. Программы «Нұрлы көш» и последующие законодательные инициативы, включая замену термина «оралман» на «қандас», отражают стремление Казахстана к гуманизации миграционной политики и созданию равных условий для всех граждан.

Таким образом, репатриация кандасов в Восточный Казахстан выступает не только инструментом регулирования демографического баланса, но и механизмом укрепления национальной идентичности, сохранения культурного наследия и обеспечения устойчивого развития региона. Этот процесс демонстрирует успешное сочетание демографических, экономических и гуманитарных аспектов государственной политики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хизат А., Репатрианты и городское пространство Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан //Вестник Томского государственного университета. – №5. –2015. – С. 61-64.
2. Гужвенко Ю.Н., Этносоциальное развитие Восточного Казахстана в 1990-е гг. //Журнал проблемы истории, филологии, культуры. –№4. –2010. – С. 260-271.
3. Игнатьева. Л. Н., Миграционная политика Казахстана (90-е гг. XX в. – начало XXI в.) //Общество: философия, история, культура. –№6. –2022. – С. 146–151.
4. Молдагазинова. Ж.М., Формирование полиэтнического состава населения Восточного Казахстана и его влияние на языковую динамику в регионе в 1920–1990-е гг. //Журнал востоковедные исследования на Алтае. –№10. –2016. – С. 41-45
5. Шаймарданов Ж.Н., Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – 2022. [Электронный ресурс] <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/>
6. Карибжанов Ж.С., Об организации приема, обустройства оралманов, включенных в квоту иммиграции по Восточно-Казахстанской области на 2008 год //Постановление Восточно-Казахстанского областного акимата. –№531. –2008.
7. Термин «оралман» заменили на «қандас» в Казахстане. – 2020. [Электронный ресурс] <https://tengrinews.kz>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адилбаева Айгуль Сериккановна – доктор исторических наук, профессор Alikhan Bokeikhan University, Семей, Республика Казахстан.

Адарина Айтана Адучиновна – студент Горно-Алтайского государственного университета, Горно-Алтайск, Российская Федерация

Абдумажитқызы Диляра – студент Таразского университета имени М.Х.Дулати, Тараз, Республика Казахстан.

Альжанова Аида Курмангалиевна – председатель ОФ ADAM DAMU, международный гендерный эксперт, Алматы, Республика Казахстан

Алексеев Александр Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Аубакирова Жанна Сакеновна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, руководитель Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Бармин Валерий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, Российская Федерация.

Батешов Ержан Асанович – кандидат педагогических наук, старший преподаватель Казахского агротехнического исследовательского университета имени С.Сейфуллина, Астана, Республика Казахстан.

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация.

Бескемпірова Әйгерім Мұратқызы – старший преподаватель, магистр естественных наук М.Х.Дулати атындағы Тараз университетінің студенті, Тараз, Республика Казахстан.

Бургарт Людмила Александровна – магистр истории, референт-переводчик Римско-католического прихода Пресвятой Девы Марии Святого Розария, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Габдулина Айнура Жумагазыевна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Казахского Агротехнического исследовательского университета имени Сакена Сейфуллина, Астана, Республика Казахстан.

Глинская Татьяна Николаевна – кандидат медицинских наук, доцент, Государственное учреждение «РНПЦ пульмонологии и фтизиатрии», Минск, Республика Беларусь.

Голикова Виктория Валентиновна – кандидат медицинских наук, доцент, Белорусский государственный медицинский университет (БГМУ), Минск, Республика Беларусь.

Гонина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация.

Гончаров Юрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета, Барнаул, Российская Федерация.

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, профессор, руководитель Байкальского центра развития кадрового потенциала в области демографии Иркутского государственного университета, ФИЦ ИрИХ им. Е. А. Фаворского, Иркутск, Российская Федерация.

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, директор научно-исследовательского центра отечественной истории Байкальского государственного университета, Иркутск, Российская Федерация.

Жайлаубаева Аида Нурлановна – магистрант Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Жангалиев Улан Құрметқалиұлы – «Alikhan Bokeikhan University» ББМ. Семей, Республика Казахстан. Аға оқытушы, магистр.

Игнатъева Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация.

Илеуова Гульмира Токшалыковна – кандидат социологических наук, президент Общественного Фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», Алматы, Республика Казахстан.

Кендырканова Айым Аскарловна – магистрант Alikhan Bokeikhan University, Семей, Республика Казахстан.

Коспанов Расул Амангалиевич – магистр философии, координатор проектов, Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», Алматы, Республика Казахстан.

Краснобаева Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Каулбекова Ракия Абдырасуловна – кандидат исторических наук, доцент Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика.

Куанганов Фархат Шаймуратович – магистр государственного управления, заместитель Председателя Совета директоров Международного научного комплекса «Астана», Астана, Республика Казахстан.

Мадышева Марина Олеговна – студентка ФГБОУВО «Горно-Алтайский государственный университет», Горно-Алтайск,

Российская Федерация.

Мейрханқызы Мәлдір – М.Х.Дулати атындағы Тараз университетінің студенті, Тараз, Республика Казахстан.

Михнова Полина Владимировна – кандидат архитектуры, преподаватель СПб ГБПОУ «Академия управления городской средой, градостроительства и печати», Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Мищих Сузанна Викторовна – студентка Казахстанско-Американского Свободного Университета, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Мқртчан Никита Владимирович – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), Москва, Российская Федерация.

Мухтар Айжан Ержанқызы – М.Х.Дулати атындағы Тараз университетінің студенті, Тараз, Республика Казахстан.

Омурова Жамыйкат Орозбековна – доктор исторических наук, профессор Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика.

Саипова Камола Давляталиевна – доктор исторических наук, и.о. профессора Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан.

Сабергалиев Александр Амангельдыевич – магистрант Западно-Казахстанского университета им. Утемисова, Уральск, Республика Казахстан.

Садыков Адильжан Манарбекович – студент Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Сарсембаева Гульжан Алибековна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Восточно-Казахстанского университета им. С.Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Симакова Ольга Александровна – магистр социологии, координатор проектов Общественного Фонда «Центр социаль-

ных и политических исследований «Стратегия», Алматы, Республика Казахстан.

Столярова Элеонора Олеговна – кандидат социологических наук, главный научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра «Digital Social Research» Восточно-Казахстанского технического университета имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Тогамбаев Нұрсұлтан Қайырғазыұлы – магистрант Евразийского Национального Университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

Тиникова Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Российская Федерация.

Щавелева Марина Викторовна – кандидат медицинских наук, доцент, Белорусский государственный медицинский университет (БГМУ), Минск, Республика Беларусь.

Шмидт Вальдемар, магистр истории, Регенсбург, Федеративная Республика Германия.

Шустова Татьяна Владимировна – архивист, руководитель отдела публикации и использования документов КГУ «Государственный архив» управления цифровизации и архивов Восточно-Казахстанской области, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Уалиева Сауле Кабдымуликовна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Медицинского университета им. С. Асфендиярова, Алматы, Республика Казахстан.

Shah Peerzada Furqan Ahmad – студент Медицинского университета им. С. Асфендиярова, Алматы, Республика Казахстан.

Чуркин Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», Омск, Рос-

сийская Федерация.

Эбель Елизавета Михайловна – доктор исторических наук, профессор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Горно-Алтайский государственный университет», Горно-Алтайск, Российская Федерация.

СОДЕРЖАНИЕ:

Адилбаева А.С. ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА И ЕГО ОБЛАСТЕЙ (1989-НАЧАЛО 2025 ГОДА)	3
Альжанова А.К. ВЛАСТЬ И ГЕНДЕР: ПОЧЕМУ ДЕМОГРАФИЯ ПАРЛАМЕНТА ЯВЛЯЕТСЯ ЗНАЧИМЫМ ЭЛЕМЕНТОМ АНАЛИЗА УСТОЙЧИВОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ...	19
Аубакирова Ж.С., Краснобаева Н.Л., Алексеенко А.Н., Столярова Э.О. НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ ХХІ века (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)	38
Бармин В. А. О ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ ОШИБОК СОВЕТСКОГО И ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА ТУРКЕСТАНА ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ С ЗАРОЖДЕНИЕМ БАСМАЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1917–1920 гг.).....	67
Батешов Е.А. ОТ ЮГА К СЕВЕРУ: НОВАЯ МОДЕЛЬ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ ЧЕРЕЗ АЛЬТЕРНАТИВНУЮ ГРАЖДАНСКУЮ СЛУЖБУ.....	76
Винокурова А. В., Тиникова Е.Е. ПОСЕЛКИ ГОРОДСКОГО ТИПА: МЕЖДУ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЭРОЗИЕЙ И РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬЮ (КЕЙС ЯКУТИИ)	83
Габдулина А. Ж. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ХХ ВЕКА	96

Гонина Н.В. СПЕЦИФИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1959 – 1979 ГГ	110
Гончаров Ю.М. ЖЕНЩИНЫ ФРОНТИРА: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГОРОЖАНОК ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ХІХ – НАЧАЛЕ ХХ В.....	121
Григоричев К.В. ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ИРКУТСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ	152
Дамешек Л. М. ДИНАМИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ХУІІІ – НАЧАЛА ХХ ВВ	168
Zhailaubayeva A.N., Sarsembayeva G.A. SOCIO-DEMOGRAPHIC AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF UST-KAMENOGORSK IN THE CONTEXT OF INDUSTRIALIZATION DURING THE 1950s–1960s	191
Игнатъева Л. Н. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ДИАСПОР НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ	203
Илеуова Г. Т., Симакова О. А. РУССКИЕ В КАЗАХСТАНЕ: МЕЖДУ ДИАСПОРАЛЬНОСТЬЮ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬЮ	210
Коспанов Р.А. ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНСКИХ ГОРОДОВ	257
Куанганов Ф.Ш. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ВЫСОКОЙ РОЖДАЕМОСТИ В КАЗАХСТАНЕ В 2000-2020-х гг	273

Михнова П.В. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА АРХИТЕКТУРНУЮ ТИПОЛОГИЮ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ	301
Мицих С.В., Бургарт Л. А. КАЗАХСТАН КАК ТУРИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЛЯ ГЕРМАНИИ:ИДЕЯ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА К РАЗВИТИЮ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА.....	317
Мкртчян Н.В. ИММИГРАЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ВКЛАД В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ	344
Омурова Ж.О., Каулбекова Р.А. ТЮРКСКОЙ И КУЛЬТУРНОЕ СБЛИЖЕНИЕ ТЮРКСКИХ СТРАН	370
Саипова К.Д. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ	381
Сабергалиев А.А. ЭТНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА ПОСЛЕ РАСПАДА СССР: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.....	386
Столярова Э. О., Аубакирова Ж. С., Краснобаева Н. Л. СЕМЬЯ КАК СОЦИООБРАЗУЮЩИЙ ИНСТИТУТ В ЗЕРКАЛЕ КАЗАХСТАНСКИХ СМИ.....	393

Тогамбаев Н. К. ИНСТИТУТ СЕМЬИ И БРАКА РЕПАТРИАНТОВ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (на примере ВКО, Израиля и Республики Корея).....	403
Ualiyeva S.K., Shah Peerzada Furqan Ahmad THE SOCIO-HISTORICAL ASPECTS OF ENSURING A HEALTHY LIFESTYLE FOR FOREIGN STUDENTS IN KAZAKHSTAN.....	421
Чуркин М. К. ИМПЕРСКИЕ СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СООБЩЕСТВА КОЛОНИАЛЬНЫХ ПОСРЕДНИКОВ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.....	440
Щавелева М.В., Глинская Т.Н., Голикова В.В. ИНВАЛИДНОСТЬ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	457
Шмидт В. ПРОБЛЕМАТИКА ГОЛОДА 1921 – 1922 гг. В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ ГЕРМАНИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ И ПОЛОЖЕНИИ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ НА ВОЛГЕ (ХРОНИКА СОБЫТИЙ).....	465
Шустова Т.В. АКТОВЫЕ ЗАПИСИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ..	476
Эбель Е. М. РОЛЬ КООПЕРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	485

СТАТЬИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- Бескемпірова Ә.М., Абдумажитқызы Д.*
ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЕЛДЕРІНІҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ТҮРАҚ-
ТЫ-ЛЫҒЫ ЖӘНЕ КӨШІ-ҚОН ҚАУІПТЕРІ..... 491
- Адарина А. А.*
МИГРАЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАЗАХОВ НА ТЕРРИТО-
РИЮ АЛТАЙСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ПО-
ЛОВИНЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА..... 498
- Жанғалиев У. Қ.*
ҚАЗАҚСТАН ХАЛҚЫНЫҢ ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ЭТ-
НОСАЯСИ ӨЗГЕРІСТЕРІ: САҢДЫҚ КӨРСЕТКІШТЕР МЕН
ӘЛЕУМЕТТІК ФАКТОРЛАР..... 506
- Кендырканова А. А.*
ЦИФРЛЫҚ ТАРИХ: МУЛЬТИМЕДИЯЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯ-
ЛАР АРҚЫЛЫ ЭТНОДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ
ЖАҢА БАҒЫТТАРЫ..... 515
- Мадышева М. О.*
ВЛИЯНИЕ ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ДЕМО-
ГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР..... 520
- Бескемпірова Ә.М., Мейрханқызы М.*
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЭТНОДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ӨЗГЕРІ-
СТЕРДІҢ ЦИФРЛЫҚ МОНИТОРИНГІ МҮМКІНДІКТЕР
МЕН ШЕКТЕУЛЕР..... 528
- Бескемпірова Ә.М., Мухтар А.*
ЭТНОСАЯСИ ҮДЕРІСТЕРДІ ЗЕРДЕЛЕУДІҢ ЗАМАНАУИ
ТЕОРИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ПРАКТИКАЛЫҚ ӘДІСНАМАСЫ..... 534

- Садыков А. М.*
ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОГРАММА
РЕПАТРИАЦИИ КАНДАСОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭТНИЧЕ-
СКИЙ БАЛАНС..... 542
- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 552

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ТРАНСФОРМАЦИИ
И ВЫЗОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

XXIV Международная научно-практическая конференция,

посвященная 30-летию Ассамблеи народа Казахстана

20–21 октября 2025 г.

Сборник научных трудов

Ответственный за выпуск: В.П. Алексеева

Редактор: В.П. Алексеева

Дизайн обложки: А.А. Набокина

Верстка: А.А. Набокина

Подписано в печать 00.00.2026 г. Формат 60*84/16 Усл.-печ. 70,5

Усл.-изд. л. 71,2 Тираж 000 Заказ 023 Цена договорная

Издательство “Медиа-Альянс”

070005, г. Усть-Каменогорск, пр. Абая, 181/3

Отпечатано в типографии ТОО “Медиа-Альянс”